

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

Том 28. № 2

2023

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 28. No. 2

2023

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **Google Scholar** (USA), **JournalSeek** (USA), **MIAR** (Spain), **OCLC WorldCat®** (USA), **ProQuest** (USA), **Research Bible** (Japan), **ROAD** (France), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **SSOAR** (Germany), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (USA), **Western Theological Seminary** (Holland), **ZDB** (Germany), **CyberLeninka** (Russia), etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova, N.M. Vishnyakova, A.A. Lagutina, Yu.I. Nedelkina, I.V. Smetanina*
Editor of English texts *D.A. Novak*
Making up: *O.N. Yadykina, E.S. Reshetnikova*
Technical editing: *E.S. Reshetnikova*

Passed for printing Mar. 6, 2023.

Date of publication: May 18, 2023. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 23.4. Published pages 25.2.

Number of copies 500 (1st printing 1–32 copies). Order 45. «С» 4.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования

«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **Google Scholar** (США), **JournalSeek** (США), **MIAR** (Испания), **OCLC WorldCat®** (США), **ProQuest** (США), **Research Bible** (Япония), **ROAD** (Франция), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **SSOAR** (Германия), **ULRICHS-WEB™** **Global Serials Directory** (США), **Western Theological Seminary** (Голландия), **ZDB** (Германия), **КиберЛенинка** (Россия) и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова, Н.М. Вишнякова, А.А. Лагутина, Ю.И. Неделькина, И.В. Сметанина*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка *О.Н. Ядыкиной, Е.С. Решетниковой*
Техническое редактирование *Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 06.03.2023 г.

Дата выхода в свет: 18.05.2023 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 23,4. Уч.-изд. л. 25,2.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–32 экз.). Заказ 45. «С» 4.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.

Tel.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>

Англоз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023

Том 28. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

2023

Volume 28. No. 2

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2023. Vol. 28. No. 2

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Director of the Publishing House
V.A. Gorelkin – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief
Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Associate Editor
(Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Senior Lecturer *P.I. Lysikov* – Assistant Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.D. Barabanov* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.L. Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Cand. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Agoston Magdolna* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Bokhun Tomash* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
A.P. Buzhilova (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);
Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc., Senior Researcher *E. Yu. Giryva* (Saint
Petersburg);
Dr. Sc., Leading Researcher *S.V. Golunov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);

Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College
Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos*
(Athens, Greece);
Dr. Sc., Chief Researcher *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kuznetsov* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *I.I. Kurilla* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences
I.P. Medvedev (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Cand. Sc., Senior Researcher *B.A. Raev* (Rostov-
on-Don);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Prof. *O.Yu. Redkina* (Volgograd);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Saul Norman E.* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Szvák Gyula* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk,
Belarus);
PhD (History) *Truong Anh Thuan* (Danang, Vietnam)
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023. Т. 28. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И.О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук, директор издательства *В.А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.В. Рыбалко* – отв. секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е.В. Архипова* (г. Волгоград);
ст. преп. *П.И. Лысков* – технический секретарь (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т.А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М.А. Балабанова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н.Д. Барабанов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т.В. Евдокимова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *А.Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М.В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С.И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И.Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С.И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С.А. Панкратов* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е.В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О.В. Ратушняк* (г. Краснодар);
канд. ист. наук, доц. *О.В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С.Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А.В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Агоштон Магдолна* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А.И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В.А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А.И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Бохун Томаш* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А.П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н.Э. Вашкау* (г. Липецк);
д-р полит. наук, проф. *А.А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю.Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Е.Ю. Гиря* (г. Санкт-Петербург);

д-р полит. наук, ведущий науч. сотр. *С.В. Голунов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С.А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, гл. науч. сотр. *Е.Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. *И.И. Кузнецов* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *И.И. Курилла* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, акад. РАН *И.П. Медведев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н.А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А.В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Б.А. Раев* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *В.Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, проф. *О.Ю. Редькина* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М.А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Саул Норман Е.* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Свак Дьюла* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н.Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А.Д. Таиров* (г. Челябинск);
канд. ист. наук, доц. *С.А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD по истории *Труонг Анх Тхуан* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

СОДЕРЖАНИЕ

НА СТРАЖЕ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ [РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА]

- Ляпин Д.А.* Система обороны Юга России накануне строительства Белгородской черты 6
- Базарова Т.А.* «А время-де ныне не иное, но еще настоящее...»: проблема ратификации Адрианопольского мирного договора (1713) 15
- Кияшко Я.А.* Археологическое исследование памятников петровской эпохи на территории Волгоградской области 27
- Лапишин А.С.* Крепости Грачёвская и Мечётная Царицынской сторожевой линии на планах XVIII в. и аэрофотоснимках 1942–1943 годов 40
- Рыблова М.А.* Образы «своих» и «чужих» в топонимии и топонимических преданиях донских казаков 57

ПРОФЕССИОНАЛЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

- Гущинский И.Г.* Институт адвокатуры в белорусско-литовских губерниях Российской империи (1772–1840 гг.) 69
- Волвенко А.А.* Между рекрутством и всесловной воинской повинностью: казачья военная служба и ее трансформация в позднимперский период (1835–1917 гг.) [*На англ. яз.*] 79
- Рязанов С.М.* Социальные характеристики полицейских урядников в последней четверти XIX в. (по материалам Пермской губернии 1889 г.) 91
- Киценко О.С., Киценко Р.Н.* Первые женщины-врачи на службе Саратовского земства (конец XIX – начало XX в.) 102
- Редькина О.Ю., Назарова Т.П.* Христианские сектанты на государственной службе в 1909–1914 гг.: к вопросу о приеме на почтово-телеграфную службу меннонитов и молокан 114

СТРАНИЦЫ РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТОРИИ

- Беляков А.В.* Вклады в Покровский монастырь в г. Суздале (по следам перстня Марии Темрюковны) 125
- Анх Тхуан Труонг.* Методы миссионерской деятельности иезуитов во Вьетнаме в XVII и XVIII веках [*На англ. яз.*] 136
- Якунин В.Н.* Религиозные организации в Тольятти (1989–1998 гг.) 147

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

- Озтюрк М., Кокорина Ю.Г., Вагабов М.М.* Параметрический анализ работы В.О. Ключевского «Терминология русской истории» 159
- Тюменцев И.О.* Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского истпарта 172

- Смирнова В.А.* Риски испытаний, научное соперничество и политизация: тернистый путь живой вакцины против полиомиелита в СССР в 1950–1960-х годах [*На англ. яз.*] 191

ИНСТРУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

- Решетникова Л.М., Самохина И.М.* Цифровая дипломатия и социальные сети: современные практики инноваций во внешней политике [*На англ. яз.*] 205
- Миргород Д.А., Парубочая Е.Ф.* Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке 214
- Омурова Ж.О., Лысенко Ю.А., Кылычев А.М.* Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане 226
- Наронская А.Г.* Парадипломатия Свердловской области на современном этапе: особенности и формы реализации [*На англ. яз.*] 240

CONTENTS

GUARDING THE SOUTHERN FRONTIERS [OF THE RUSSIAN STATE]

- Lyapin D.A.* The Defense System of the South of Russia on the Eve of the Construction of the Belgorod Line 6
- Bazarova T.A.* “And the Time Now is Not Different, but Still the Present ...”: The Problem of the Ratification of the Adrianople Peace Treaty (1713) 15
- Kiyashko Ya.A.* Archaeological Research of Sites of the Peter the Great Era in Volgograd Region 27
- Lapshin A.S.* Grachevskaya and Mechetnaya Fortresses of Tsaritsyn Guard Line at the 18th Century Plans and Aerial Photographs from 1942–1943 40
- Ryblova M.A.* Images of “Their” and “Strangers” in Toponymy and Toponymic Legends of the Don Cossacks 57

PROFESSIONALS IN THE SERVICE OF THE FATHERLAND

- Hushchynski I.G.* The Institution of Advocacy in the Belarusian-Lithuanian Provinces of the Russian Empire (1772–1840) 69
- Volvenko A.A.* Between Recruitment and All-Estates Conscription: Cossack Military Service and its Transformation in the Late Imperial Period (1835–1917) 79
- Ryazanov S.M.* Social Characteristics of Police Constables in the Last Quarter of 19th Century (Based on Materials from the Perm Province of 1889) 91
- Kitsenko O.S., Kitsenko R.N.* First Female Doctors in the Zemstvo Service of the Saratov Province (Late 19th – Early 20th Centuries) 102
- Redkina O.Yu., Nazarova T.P.* Christian Sectarians in the Civil Service in 1909–1914: On the Issue of the Admission of Mennonites and Molokans to the Postal and Telegraph Service 114

PAGES OF RELIGIOUS HISTORY

- Belyakov A.V.* Gifts to the Pokrovsky Monastery in Suzdal (In the Footsteps of a Ring of Maria Temryukovna) 125
- Anh Thuan Truong.* Methods of Missionary Activity of the Jesuits in Vietnam in the 17th and 18th Centuries 136
- Yakunin V.N.* Religious Organizations in Togliatti (1989–1998) 147

FROM THE HISTORY OF SCIENCE AND EDUCATION

- Ozturk M., Kokorina Yu.G., Vagabov M.M.* Parametric Analysis of V.O. Klyuchevsky’s Work “Terminology of Russian History” 159

- Tyumentsev I.O.* Heroes of the Revolution and Defense of Tsaritsyn in 1917–1918 According to the Stalingrad Ispart 172

- Smirnova V.A.* Trial Risks, Scientific Competition and Politicization: The Thorny Way of Live Vaccine Against Poliomyelitis in the USSR in 1950–1960s 191

INSTRUMENTS OF MODERN DIPLOMACY AND FOREIGN POLICY

- Reshetnikova L.M., Samokhina I.M.* Digital Diplomacy and Social Media Networks: Contemporary Practices of Innovation in Foreign Policy 205
- Mirgorod D.A., Parubochaya E.F.* Nuclear Energy as a Russian Foreign Policy Instrument in the Middle East 214
- Omurova J.O., Lysenko Yu.A., Kylychev A.M.* Confucius Institutes as a Tool of “Soft Power” in China’s Cultural Diplomacy in Kyrgyzstan 226
- Naronskaya A.G.* Paradiplomacy of the Sverdlovsk Region: Development and Modalities of Implementing at the Present Stage 240

www.volsu.ru

НА СТРАЖЕ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ [РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА]

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

UDC 94(470)“16/18”

LBC 63.5(2)

Submitted: 25.04.2021

Accepted: 23.06.2021

THE DEFENSE SYSTEM OF THE SOUTH OF RUSSIA ON THE EVE OF THE CONSTRUCTION OF THE BELGOROD LINE ¹

Denis A. Lyapin

Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation

Abstract. Introduction. In 1635, construction began on the Belgorod line, a large-scale military-defensive complex on the southern borders of Russia. This construction was completed in 1658. The Belgorod line played an important role in history, made possible to start the process of full-fledged economic development of a vast fertile region, and had a beneficial effect on population growth and the development of the local market. Erecting the line was a difficult task; it took much effort in this process. It is important for us to understand the events before construction. **Methods.** The author of the article focuses on the history of the organization of the defense of the South of Russia according to the data of the “Brown List of Servicemen” (1625). This interesting archival source is almost unknown in the scientific world. The list reflects not only the organization of border defense, but also the social composition of the population. As a result, it is concluded that maintaining the combat capability of the southern borders was possible only under conditions of permanent deployment of large regiments in the area of the Oka River. **Results.** The organization of this service required much money and effort, but at the same time the fertile southern region could not fully develop. Farming was impossible. Tatars often attacked. As soon as the weakening of the local garrisons began in 1630, the Crimean authorities sent huge troops to the Russian borderlands. The outbreak of the “Big War” forced Moscow to reconsider the organization of the defense and move to a systematic military-defensive construction. This was the background of the Belgorod line.

Key words: Belgorod line, South of Russia, voivode, Big regiment, service class people.

Citation. Lyapin D.A. The Defense System of the South of Russia on the Eve of the Construction of the Belgorod Line. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 6-14. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

УДК 94(470)“16/18”

ББК 63.5(2)

Дата поступления статьи: 25.04.2021

Дата принятия статьи: 23.06.2021

СИСТЕМА ОБОРОНЫ ЮГА РОССИИ НАКАНУНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ ¹

Денис Александрович Ляпин

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Российская Федерация

Аннотация. В 1635 г. началось возведение Белгородской черты – масштабного военно-оборонительного комплекса на южных рубежах России. Это грандиозное строительство было закончено в 1658 году. Белгород-

ская черта сыграла важную роль в истории России: она позволила начать процесс полноценного хозяйственного освоения обширного плодородного региона, благоприятно сказалась на росте населения и развитии местного рынка. Возведение черты было трудной задачей, потребовавшей много усилий. Для того чтобы лучше понять этот процесс, важно изучить события, предшествовавшие строительству. В центре внимания автора статьи – история организации обороны Юга России по данным «Перечневой росписи служилых людей» 1625 года. Этот ценный архивный источник до сих пор не привлекал внимания исследователей. Между тем он отражает не только организацию обороны южнорусского пограничья, но и социальный состав местного населения. В работе делаются выводы о том, что поддержание боеспособности южных рубежей было возможным только в условиях постоянной дислокации крупных полков в районе Оки. На организацию такой службы требовалось много средств и сил, и при этом плодородный южный регион не мог полноценно развиваться в хозяйственном отношении, поскольку татары подвергали его постоянным мелким набегам. Как только в 1630 г. началось ослабление местных гарнизонов, крымские власти направили на русское пограничье огромные войска. Начавшаяся здесь «Большая война» заставила Москву пересмотреть организацию обороны и перейти к планомерному военно-оборонительному строительству.

Ключевые слова: Белгородская черта, Юг России, воевода, Большой полк, служилые люди.

Цитирование. Ляпин Д. А. Система обороны Юга России накануне строительства Белгородской черты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 6–14. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.1>

Введение. Белгородская черта – большой комплекс укреплений, протянувшийся единой линией по южным уездам западной части России. Принято считать, что начало ее создания относится к 1635 г., после принятия в Москве решения о возведении укреплений южнее только что построенной крепости Козлов. Строительство черты было полностью закончено в 1658 году. В этом же году произошло формирование Белгородского полка, определившего географические контуры всей линии укреплений [4; 14].

Данная статья посвящена вопросу об организации обороны на Юге России до строительства Белгородской черты, тем самым мы хотим понять предысторию ее строительства, увидеть исторические обстоятельства, заставившие правительство пойти на этот шаг.

Первой работой, наиболее близко связанной с нашей темой, стал труд И.Д. Беляева о сторожевой службе Московского государства [2, с. 42]. Эта небольшая книга, вышедшая в середине XVII в., не потеряла ценности до нашего времени, поскольку содержит ценные сведения о численности русского войска и его расположении в разные периоды времени. В 1887 г. вышли «Очерки...» Д.И. Багалея о «колонизации степной Украины», в которых отдельная глава была посвящена истории региона до 1645 года. Однако центральное внимание автор уделит хозяйственным, а не военным вопросам [1, с. 36–135]. Крупной работой, затрагивающей нашу тему, стал труд

А. Яковлева. Это была первая работа, специально посвященная военно-оборонительному строительству на южных рубежах [15]. Узость темы не позволила ученому остановиться на военно-политических, хозяйственных и социальных аспектах затронутой им проблемы, несмотря на то что работа в целом стала большим шагом вперед.

Особый интерес для нас представляет труд А.А. Новосельского о противоборстве России и Крымского ханства в первой половине XVII века. Автор сумел показать сложную взаимосвязь дипломатических отношений двух государств, характер регулярных военных действий между ними, усилия Москвы в обороне региона и огромный ущерб от татарских нападений в ходе набегов 1630-х годов [11].

Организация обороны южных рубежей в 1620–1640-е гг. была в центре внимания В.Н. Глазьева, посвятившего этой теме отдельную статью [3]. Ученый отметил специфику организации нападений татарских отрядов на окраинные уезды, описал меры, направленные на их предотвращение. Несколько наблюдений о взаимоотношениях служилых людей Юга России и донских казаков, в контексте противоборства с татарами, оставил О.Ю. Куц в монографии о казачестве [7]. В специальной работе о повседневной жизни населения Юга России нами были показаны особенности организации социальной и хозяйственной жизни местного общества в услови-

ях постоянной войны с татарами [10]. В 2020 г. увидела свет обстоятельная книга по истории строительства и заселения Белгородской черты, созданная коллективом авторов: А.И. Папков, Н.Н. Петрухинцев и Д.А. Хитров [12]. Некоторое внимание здесь уделено военной ситуации в регионе в 1620–1630-е гг., то есть непосредственно нашей теме. В частности, отмечается количество и направления набегов на южные рубежи, осложнение обстановки в регионе в годы Смоленской войны.

Методы и материалы. Методология работы связана с применением типологического и сравнительного методов. Эти методы позволили выявить общее и особенное в изучении социальных групп Юга России. Для построения теоретических выводов, связанных с обработкой архивных материалов, применялась традиционная совокупность частных аналитических методик, включая анализ и синтез результатов, абстрагирование, а также – метод допущения. В результате удалось систематизировать полученную информацию и более эффективно использовать ее для теоретических построений.

Основным источником статьи послужила «Перечневая роспись служилых людей» 1625 г. (далее – Роспись). Этот документ сохранился в документах Разрядного приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА) [13]. К сожалению, сохранность листов росписи нельзя назвать полностью хорошей, прочтению с трудом поддается начало документа и несколько листов в середине. В некоторых случаях трудно разобрать подсчеты численности служилого населения по отдельным городам. При всем этом Роспись содержит массу фактических сведений по военной и социальной истории, а ее данные объективно отражают существовавшую в 1620-е гг. систему обороны южных рубежей России.

Анализ. До строительства Белгородской черты южная окраина России была слабо заселенной. К примеру, по данным В.П. Загорского, плотность населения Воронежского уезда составляла всего 0,5 человека на квадратный километр [6, с. 29]. Доминирующей социальной группой в это время были мелкие служилые люди, а крестьянское население было представлено слабо и находилось в ос-

новном на землях крупных вотчинников, которых здесь было немного [8].

Основным занятием населения было сельское хозяйство [5]. Для эффективности земледельческих работ служилые люди использовали различные формы социальной организации [10, с. 62–78]. Были также развиты промыслы и скотоводство, а в южной части окраины страны находились огромные пустые пространства, тянувшиеся до земель донских казаков, которые раздавались всем желающим в виде «ухожьев» или «юртов» для ловли рыбы, добычи меда диких пчел и пушнины. Однако о полноценном развитии региона не могло быть речи, поскольку эта территория регулярно подвергалась набегам крымских и ногайских татар [12, с. 24].

Организация обороны южнорусской окраины нашла свое отражение в анализируемой нами Росписи 1625 года [13]. Как известно, охранявшая южное пограничье армия традиционно, еще с XVI в., делилась на три полка: Большой, Передовой и Сторожевой. Роспись отражает организацию этих трех полков. Документ начинается с вступления, в котором сообщается о необходимости усиленной обороны «от литовские стороны» и «крымские украины», причем сообщается, что впервые эта задача была поставлена в 1617 г., по указу царя Михаила Федоровича [13, л. 1].

Затем Роспись содержит указания на то, где находится воевода каждого полка, а далее следует более подробная информация, предваряемая фразой: «А по большим вестям буде, как большие воинские люди понападут на тульские места и на рязанские и иные места и приход нечаять, воеводам быть всходе по росписи» [13, л. 2]. Иными словами, если нападение будет внезапным, то надлежит следовать указаниям в тексте Росписи.

Расположение полков было организовано следующим образом. В Туле находился возглавлявший Большой полк стольник князь Юрий Петрович Буйносов-Ростовский с сыном Кудином. Под его началом непосредственно значились: глава Передового полка воевода князь Юрий Андреевич Звенигородский и второй воевода Дмитрий Боимович Воейков. Местом расположения этого полка был Дедилов. Сторожевой полк возглавляли Андрей Никитич Звенигородский и Ермолай

Иванович Малоедов, находившиеся в Крапивне. Они тоже подчинялись Ю.П. Буйносову-Ростовскому.

Важное место в организации обороны региона занимали города Переяславль-Рязанский, Пронск, Михайлов, а также находившийся западнее Мценск. Здесь также располагались военные гарнизоны, подчинявшиеся воеводе Большого полка. Местные воеводы именовались «сходными», их действия должны были носить вспомогательный характер. В частности, указывалось, что воеводы Михайлова Григорий Житов и Федор Греков в случае войны должны действовать совместно с Передовым полком, а Сторожевому полку под командование переходят воеводы Пронска – Борис Колтовский и Михаил Протасьев [13, л. 6–7].

Таким образом, мы видим, что старая задача – оборона по берегам Оки уже осталась в прошлом. Теперь полки действуют уже за Окой. Строительство в конце XVI в. крепостей в «Поле» (Ливны, Воронеж, Елец, Курск, Оскол, Царев-Борисов, Валуйки), на степных южных пространствах, заставило Москву выдвигать свои войска южнее, чем обычно. Однако крепости на самом юге все равно оставались без должной защиты. Они служили форпостами в степи и собирали сведения для расположенных севернее полков. Очевидно, такая ситуация была связана с неразвитостью отдаленного региона, где малочисленное служилое население не могло организовать полноценное ведение хозяйственной деятельности. Выдвижение сюда полков было невозможным из-за экономической слабости региона, а также почти полного отсутствия инфраструктуры и мест для размещения большого военного контингента.

В итоге только в случае крупной опасности воеводы Большого, Передового и Сторожевого полков начинали активно действовать, но небольшие регулярные набеги татар должны были отражать сами служилые люди окраинных крепостей страны. Эта ситуация ставила их в непростые условия.

Роспись содержит сведения о служилых людях трех полков. Из представленных данных мы узнаем, что службу несли не только местные помещики, стрельцы и казаки, но и «дворяне выборные замосковных городов пер-

вые половины» [13, л. 8]. К примеру, в Большом полку находились «галичане, владимирцы, костромичане, мещеряне». В этом же полку значились и «поместные иноземцы»: литовцы во главе с ротмистром Василием Головинным (118) и поляки под началом ротмистра Черного-Яковлева (56). По сведениям источника, «немцы с Тулы были отпущены» и заменены новоприезжими иноземцами во главе с ротмистром Прокофием Крещенским (40). По всей видимости, всех иноземцев, служивших в Большом полку, возглавлял Денис Фанцылин, именно он значится при итоговых подсчетах росписи [13, л. 12]. Здесь же упоминаются отдельной группой черкасы, немцы и днепровские казаки в количестве 148 человек [13, л. 13].

В Росписи указывались ответственные за передачу информации из Тулы в Москву («по большим вестям»). Все они – представители выборного дворянства замосковных городов, их число составило 81 человек [13, л. 13]. Общее число служилых людей Большого полка составило 4 231 человек [13, л. 16].

В Передовом полку служили «дворяне выборные украинских городов», в основном выходцы из Тулы и Тульского края, а также представители замосковных городов: Муром, Владимира, Юрьева-Польского. Кроме того, здесь значились дети боярские и казаки «украинных городов», стрельцы и черкасы. Они составляли большую часть служилых людей. В конце росписи полка «значились атаманы и казаки и белозерские помещики». Всего в передовом полку значилось 2 435 человек [13, л. 34].

В Сторожевом полку служили помещики из Владимира, Дмитрова, Кашина, Луха, Нижнего Новгорода, Углича, Бежецкого Верха, Вологды и Клина. Однако основную часть полка составляли дети боярские «украинных городов» [13, л. 24]. Всего здесь значилось 1 742 человека.

Большой вспомогательный военный контингент располагался в Мценске – 1 172 человека, и еще 400 служилых людей в «осадной службе» (то есть они привлекались только для обороны города). В Переяславле-Рязанском находились 1 148 человек («детей боярских и татар»), в Михайлове полковую службу несли 1 490 человек (также «детей боярских и

татар»), в осадной службе было 73 человека. В Пронске службу несли 769 человек, «в осаде» – 243 человека [13, л. 36–53].

Численное соотношение полков и стратегически важных городов можно представить следующей диаграммой (рис. 1).

Роспись содержит ценные сведения о служилом и посадском населении «Рязанской и Тульской украины», «Польских городов» (то есть крепостей на Поле), «Северских городов» и «Понизовых городов» (то есть городов Поволжья). В рамках нашей темы мы используем только данные, связанные с Югом России (в современном понимании этого термина). Главным образом это «северские» и «польские» города. Все они впоследствии сыграли важную роль в создании Белгородской черты, став своеобразной базой для ее строительства и заселения. Остановимся подробнее на социальном составе населения интересующего нас региона на основе данных Росписи 1625 года.

Главная часть служилого населения была представлена дворянами и детьми боярскими – служилыми землевладельцами, составлявшими поместную конницу. В некоторых городах в эту социальную группу были добавлены служилые татары, причем без указания

численного соотношения с детьми боярскими. Это характерно, например, для Михайлова. Интересно, что в Калуге указывалось количество конных и пеших детей боярских: 160 и 268 человек соответственно [13, л. 46, 54]. В большинстве городов отдельным показателем фигурировало число детей боярских «в осаде». Как правило, осадную службу несли старые и раненые дети боярские, но в Болхове было указано также число отставных детей боярских (28 из 240 человек) [13, л. 66].

Несмотря на то что Роспись носила военный характер, здесь упоминались и посадские люди. Вероятно, они также привлекались к обороне своих городов, хотя численность их была невелика в интересующем нас регионе. Другие категории служилых людей были представлены служилыми людьми «по прибору»: стрельцами, казаками, пушкарями, затинщиками (обслуживающими пищали «за тыном» крепости) и прочими мелкими группами. Но и здесь были свои нюансы. Например, в Мосальске были указаны «украинные стрельцы», а в Венёве – конные казаки и «стрельцы с пищали» [13, л. 64, 73].

Составители росписи в тексте документа особенно часто делили служилый контингент на пеших и конных. Вот, например, за-

Рис. 1. Распределение служилых людей в полках и городах южнорусского пограничья по данным росписи 1625 года

Fig. 1. Distribution of service class people in the regiments and cities of the South Russian borderland according to the list of 1625

пись по социальному составу Епифани: «стрельцов конных и детей их» – 65 человек, «казаков, служат пеши» – 24 человека [13, л. 72]. В Данкове «сторожевых казаков конных» было 19 человек, а стрельцов (пеших) – 120 человек. В описании елецкого гарнизона читаем: «По росписи Стрелецкого приказа стрельцов 188 человек, казаков полковых 458 человек конных, служат с земель» [13, л. 84]. В Валуйках служили 255 конных казаков и 151 конный стрелец, при этом пеших стрельцов было 72 человека, а казаков не было вовсе. В Комарицкой волости находились 90 «стрельцов пеших» и 125 казаков «конных с пищальми» [13, л. 103]. Деление мелких служилых групп на пеших и конных особенно четко прослеживается в южных крепостях, причем среди служилых людей по прибору конные воины явно преобладали (рис. 2).

Роспись также отразила перемещения служилых людей для несения службы в другие крепости. В частности, елецкие помещные казаки служили «на Волуйке», а новосильские дети боярские «во Мценску» [13, л. 68, 85]. В Валуйках служили 1 488 человек из разных крепостей «с весны во все лето и до снегов для береженья от приходу воинских людей». В Чернавском остроге (на Быстрой Сосне) несли службу ельчане и ливенцы: 100 конных и 50 пеших, «переменяясь по сменно» [13, л. 80–81]. В Черкасском остроге, располагавшемся на территории Ливенского уезда,

100 конных детей боярских и 50 пеших казаков служили «переменяясь месешно» [13, л. 87]. В Курском уезде «для береженья от литовских людей» на реке Псёл постоянно дежурили 30 человек.

Очень показательное описание крепости Оскол. Здесь служили 55 детей боярских и 20 несли службу в Валуйках, стрельцов было 79 человек, «казаков конных» – 96 человек. К тому же в крепости находились 60 «конных беломестных казаков» и 20 конных «слободских голубенских казаков», а также 30 пушкаррей, 19 затинщиков, 8 воротников, один кузнец и 20 ямщиков [13, л. 88–89]. Это был один из самых разнообразных воинских контингентов, сложный социальный состав которого был обусловлен стратегическим положением крепости.

Обобщая данные Росписи, отметим, что главную роль в деле обороны Юга играли действия Большого, Сторожевого и Передового полков. Армия была организована по традиционному принципу, характерному скорее для прошлого столетия, при этом очевидно, ставка делалась на конницу. Полки не были рассчитаны на то, чтобы защищать удаленные рубежи от мелких ударов, а крупные нападения татарской армии они могли отразить только находясь в полном составе и постоянной готовности.

Такая система обороны южных рубежей могла казаться Москве эффективной только потому, что в 1620-е гг. крупных набегов было

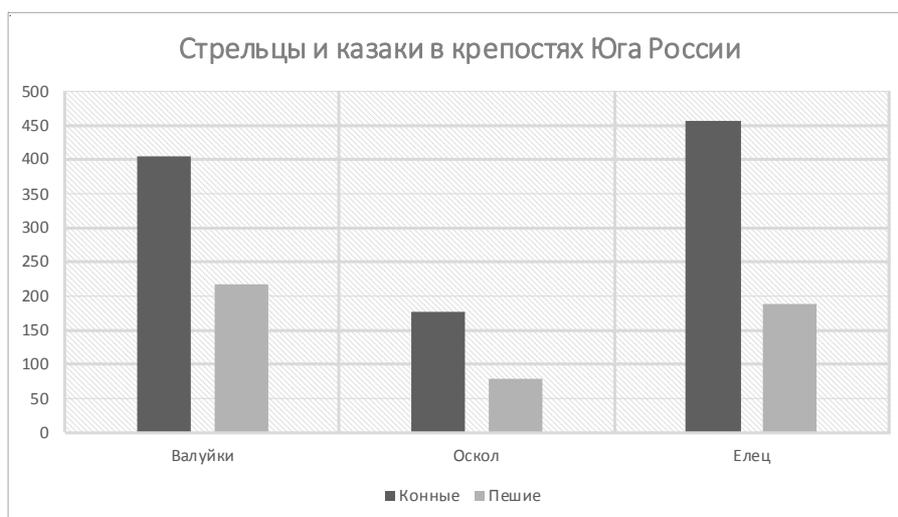

Рис. 2. Соотношение конных и пеших стрельцов и казаков по данным Росписи 1625 года
 Fig. 2. The ratio of mounted and unmounted streltsy and Cossacks according to the list of 1625

не так много. В этой связи военно-оборонительное строительство было сведено здесь к минимуму, никаких реальных трат на поддержание жизни местного населения не делалось. Ни о каком интенсивном хозяйственном развитии региона не могло быть и речи.

Более того, в 1632 г. Россия начала войну с Речью Посполитой, получившую позже название Смоленской. Чтобы собрать достаточно крупное войско, Москва отозвала служилое население с южных рубежей, разрушив систему организации Больших полков.

В итоге обороноспособность южных границ в 1630–1632 гг. была сильно ослаблена. Если в 1629 г. общая численность гарнизонов здесь составляла 12 тысяч человек, то в 1632 г. – всего 5 тысяч человек [2, с. 42]. В это же время начинаются крупные набеги крымских татар, поддержанных турецкой армией, общей численностью в 10–20 тысяч человек. В 1631 г. началась «Большая война», ставшая катастрофой для местного населения: несколько сотен человек попали в рабство, а некоторые поселения прекратили свое существование. «Большая» война была описана нами в отдельной статье, и мы не будем останавливаться на ней подробно [9]. Отметим только, что организация обороны южнорусского пограничья оказалась неэффективной, численность служилых людей была недостаточно велика и воевать в условиях открытого степного пространства с крупной татарской армией было невозможно. Воеводы предпочитали отсиживаться в крепостях, а координация их действий была слабой.

«Большая война» поставила перед Россией новую задачу: обеспечить эффективную защиту своих южных рубежей и создать условия для нормального хозяйственного развития этого плодородного региона. Строительство Белгородской черты и проведение военных реформ в 1650-е гг. стали решением этой задачи.

Результаты. Таким образом, исследование системы обороны южнорусского пограничья, по данным росписи 1625 г., накануне строительства Белгородской черты позволяет нам сделать следующие выводы. Поддержание в полноценной боеспособности пограничья требовало постоянной дислокации полков в районе Оки. Для этого приходилось тратить много сил и средств, при том что плодородный южный регион не мог полноценно раз-

виваться, поскольку татары подвергали его постоянным мелким набегам, на которые главное войско не реагировало. Ослабление местных гарнизонов в начале Смоленской войны привело к настоящей катастрофе: сотни людей были убиты или угнаны в плен, села и деревни уничтожены, поля вытоптаны и сожжены. «Большая война» с крымскими татарами заставила Москву перейти к планомерному военно-оборонительному строительству, способствовавшему хозяйственному развитию региона. Так начала свою историю Белгородская черта. Строительство этой укрепленной линии стало тем значимым инструментом, с помощью которого России удалось закрепиться на новых географических пространствах и добиться значительного расширения своих границ на юг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина».

The study was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 21-18-00024), held on the base of Bunin Yelets State University.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багaley Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Университетская типография, 1887. 634 с.
2. Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М.: Университетская типография, 1846. 151 с.
3. Глазьев В. Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // Исторические записки Воронежского государственного университета. 2006. Вып. 10. С. 5–16.
4. Глазьев В. Н. Формирование Белгородского разряда как административно-территориальной единицы в середине XVII в. // Население и территория Центрального Черноземья и Запада России в прошлом и настоящем. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000. С. 116–119.
5. Жиров Н. А. Сельский «мир» и хозяйственное освоение территории Верхнего Подонья в начале XVII в. // Вопросы истории. 2019. № 8. С. 147–156.
6. Загоровский В. П. Изюмская черта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. 238 с.

7. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб.: Дм. Буланин, 2009. 456 с.

8. Ляпин Д. А. Частные владения крупных вотчинников в городах Юга России в середине XVII в. // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 5–7.

9. Ляпин Д. А. «Большая война» 1631–1634 гг. на Верхнем Дону // Вестник ЛГПУ. Серия: Гуманитарные науки. 2013. Вып. 1 (8). С. 36–42.

10. Ляпин Д. А. На окраине царства: повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. СПб.: Дм. Буланин, 2020. 416 с.

11. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: АН СССР, 1948. 452 с.

12. Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров - Д. А. Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск: Медиапрост, 2020. 246 с.

13. Перечневая роспись служилых людей 1625 г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 210. Оп. 20. Д. 6. 156 л.

14. Фурсов В. Н., Дудина О. В. Создание и функционирование Белгородского разряда как военно-административной и территориальной единицы России второй половины XVII в. // Научные ведомости БелГУ. Серия: История. Политология. 2015. № 7 (204), вып. 34. С. 131–136.

15. Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII веке. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Собко, 1916. 312 с.

REFERENCES

1. Bagaley D.I. *Ocherki iz istorii kolonizatsii stepnoy okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Essays on the History of Colonization of the Steppe Outskirts of the Moscow State]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1887. 634 p.

2. Belyaev I.D. *O storozhevoy, stanichnoy i polevoy sluzhbe na polskoy Ukraine Moskovskogo gosudarstva do tsarya Alekseya Mikhaylovicha* [On the Guard, Stanitsa and Field Service in the Poliskay Ukraine of the Muscovite State Before Tsar Alexei Mikhailovich]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1846. 151 p.

3. Glazyev V.N. *Protivoborstvo v stepnom pograniichye v 20–40-e gody XVII veka: russkie i tatory* [Confrontation in the Steppe Borderlands in the 20-40s of the 17th Century: Russians and Tatars]. *Istoricheskiye zapiski Voronezhskogo gosudarstvennogo universitetata* [Historical Notes of the Voronezh State University], 2006, iss. 10, pp. 5-16.

4. Glazyev V.N. *Formirovaniye Belgorodskogo razryada kak administrativno-territorialnoy edinitsy v seredine XVII v.* [Formation of the Belgorod Category as an Administrative-Territorial Unit in the Middle of the 17th Century]. *Naseleniye i territoriya Tsentralnogo Chernozemya i Zapada Rossii v proshlom i nastoyashchem* [Population and Territory of the Central Black Earth Region and the West of Russia in the Past and Present]. Voronezh, Izd-vo VGU, 2000, pp. 116-119.

5. Zhiron N.A. *Selskiy «mir» i khozyaystvennoe osvoeniye territorii Verkhnego Podonya v nachale XVII v.* [Rural “World” and Economic Development of the Territory of the Upper Don Region at the Beginning of the 17th Century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2019, no. 8, pp. 147-156.

6. Zagorovskiy V.P. *Izyumskaya cherta* [Izyumskaya Line]. Voronezh, Izd-vo VGU, 1980. 238 p.

7. Kuts O. Yu. *Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina* [Don Cossacks During the Period from the Capture of Azov to the Speech of Razin]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2009. 456 p.

8. Lyapin D.A. *Chastnye vladeniya krupnykh votchinnikov v gorodakh Yuga Rossi v seredine XVII v.* [Private Estates of Large Estates in the Towns of the South of Russia in the Middle of the 17th Century]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izv. Sarat. Univ. History. International Relations], 2015, vol. 4, iss. 15, pp. 5-7.

9. Lyapin D.A. «Bolshaya voyna» 1631–1634 gg. na Verkhnem Donu [“The Great War” 1631–1634 on the Upper Don]. *Vestnik LGPU. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of LGPU. Series: Humanities], 2013, iss. 1 (8), pp. 36-42.

10. Lyapin D.A. *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn naseleniya na Yuge Rossii v XVII v.* [On the Outskirts of the Tsarstvo: Everyday Life of the Population in the South of Russia in the 17th Century]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2020. 416 p.

11. Novoselskiy A.A. *Borba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII veka* [Struggle of the Moscow State with the Tatars in the First Half of the 17th Century]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1948. 452 p.

12. Papkov A.I., Petrukhintsev N.N., Khitrov D.A. *Belgorodskaya cherta: istoriya, fortifikatsiya, lyudi* [Belgorod Line: History, Fortification, People]. Rybinsk, Mediarost, 2020. 246 p.

13. *Perechnevaya rospis sluzhilykh lyudey 1625 g.* [List of Servicemen in 1625]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 210, inv. 20, d. 6. 156 l.

14. Fursov V.N., Dudina O.V. Sozdanie i funkcionirovanie Belgorodskogo razryada kak voenno-administrativnoy i territorialnoy edinitsy Rossii vtoroy poloviny XVII v. [Creation and Functioning of the Belgorod Category as a Military-Administrative and Territorial Unit of Russia in the Second Half of the 17th Century]. *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya:*

Istoriya. Politologiya [Belgorod State University. Scientific Bulletin. Series: History. Political Science], 2015, no. 7 (204), iss. 34, pp. 131-136.

15. Yakovlev A. *Zasechnaya cherta Moskovskogo gosudarstva v XVII veke* [Zasechnaya Line of the Moscow State in the 17th Century]. Moscow, Tip. G. Lissnera i D. Sobko, 1916. 312 p.

Information About the Author

Denis A. Lyapin, Doctor of Sciences (History), Head of the Department of History and Historical and Cultural Heritage, Bunin Yelets State University, Kommunarov St, 28, 399770 Yelets, Russian Federation, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

Информация об авторе

Денис Александрович Ляпин, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и историко-культурного наследия, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 28, 399770 г. Елец, Российская Федерация, Lyapin-denis@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2078-2404>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

UDC 94(48).052“1713”+929Петр(470)*1
ЛБС 63.3(2)511

Submitted: 13.09.2021
Accepted: 22.11.2021

**“AND THE TIME NOW IS NOT DIFFERENT, BUT STILL THE PRESENT...”:
THE PROBLEM OF THE RATIFICATION
OF THE ADRIANOPLE PEACE TREATY (1713)**

Tatyana A. Bazarova

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Annotation. *Introduction.* The Peace of Adrianople (June 13, 1713) ended the Russian-Turkish war of 1710–1713. The Prut (1711) and Constantinople (1712) treaties signed by the Russian ambassadors were not ratified by the Turkish side. In Adrianople, there were also problems related to the confirmation of the treaty. *Methods and materials.* The source base was formed by documents stored in the Russian State Archive of Ancient Acts (F. 89 “Relations between Russia and Turkey”), as well as in the Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS (F. 83 “Field Chancellery of Alexander D. Menshikov”). A comprehensive study of archival and published materials, a comparison of the information contained in them made it possible to formulate and analyze the main problems associated with the signing and ratification of the peace treaty. *Analysis.* The basis of the Adrianople peace, which the ambassadors extraordinary and plenipotentiary P. Shafirov and M. Sheremetev concluded with the Sublime Porte, was the provisions of the Peace Treaty of Constantinople (April 5, 1712). The additions made by the Ottoman ministers related to the Polish and Crimean problems did not meet the interests of Peter I. The wording “on the Crimean payment” was the result of a long diplomatic struggle and left the problem open. On June 22, 1713, Russian ambassadors and Ottoman ministers exchanged by the texts of the treaty. The countdown of the delivery time (90 days) of the confirmation of the peace agreement by Peter I began on June 13. The demand to send an ambassador with the ratification is also connected with the intention of the Sublime Porte to continue negotiations on Crimean payments. *Results.* The Russian ambassadors managed to prevent the revision of the agreement confirmed by the tsar. The Sublime Porte was no less interested than Russia in ending the war. The provisions of the Adrianople peace reflected the interests of the Ottoman government, which refused to support by force the demands of the Crimean Khan.

Key words: Treaty of Adrianople (1713), Peter I, Shafirov, Russian-Turkish war of 1710–1713, Crimean payments, Russian-Turkish peace negotiations.

Citation. Bazarova T.A. “And the Time Now is Not Different, but Still the Present...”: The Problem of the Ratification of the Adrianople Peace Treaty (1713). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 15-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

УДК 94(48).052“1713”+929Петр(470)*1
ББК 63.3(2)511

Дата поступления статьи: 13.09.2021
Дата принятия статьи: 22.11.2021

**«А ВРЕМЯ-ДЕ НЫНЕ НЕ ИНОЕ, НО ЕЩЕ НАСТОЯЩЕЕ...»:
ПРОБЛЕМА РАТИФИКАЦИИ
АДРИАНОПОЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА (1713)**

Татьяна Анатольевна Базарова

Санкт-Петербургский институт истории РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Адрианопольский мир (13 июня 1713 г.) ознаменовал окончание Русско-турецкой войны 1710–1713 годов. Подписанные русскими послами Прутский (1711) и Константи-

нопольский (1712) договоры не были ратифицированы турецкой стороной. В Адрианополе также возникли проблемы, связанные с подтверждением договора. *Методы и материалы.* Основу источниковой базы составили документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 89 «Сношения России с Турцией»), а также в Архиве СПбИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова»). Комплексное исследование архивных и опубликованных материалов, сопоставление содержащихся в них сведений дало возможность сформулировать и проанализировать основные проблемы, связанные с подписанием и ратификацией мирного договора. *Анализ.* Основой Адрианопольского мира, который чрезвычайные и полномочные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев заключили с Высокой Портой, стали положения Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.). Внесенные османскими министрами дополнения, касающиеся польского и крымского вопросов, не отвечали интересам Петра I. Формулировка «о запросе крымском» стала результатом длительной дипломатической борьбы и оставляла проблему открытой. 22 июня 1713 г. русские послы и османские министры обменялись текстами договора. Отсчет срока доставки (90 дней) подтверждения Петром I мирного соглашения начинался 13 июня. Требование отправить с ратификацией посла связано также и с намерением Высокой Порты продолжить переговоры по вопросу о крымских выплатах. *Результаты.* Русским послам удалось предотвратить пересмотр подтвержденного царем договора. Высокая Порта не меньше, чем Россия была заинтересована в прекращении войны. Положения Адрианопольского мира отражали интересы османского правительства, отказавшегося поддерживать силой требования крымского хана.

Ключевые слова: Адрианопольский договор (1713), Петр I, Шафиров, Русско-турецкая война 1710–1713 гг., крымские выплаты, русско-турецкие мирные переговоры.

Цитирование. Базарова Т. А. «А время-де ныне не иное, но еще настоящее...»: проблема ратификации Адрианопольского мирного договора (1713) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 15–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.2>

Введение. Адрианопольский мир (13 июня 1713 г.) ознаменовал окончание Русско-турецкой войны 1710–1713 годов. Основой соглашения, которое чрезвычайные и полномочные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев заключили с Высокой Портой, стал текст Константинопольского мирного договора (5 апреля 1712 г.). Он был подписан сроком на 25 лет, но в октябре 1712 г. Порта разорвала мирные отношения с Россией и начала подготовку военного похода. П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев были заключены в крепость Едикуле. Оттуда в конце марта 1713 г. их доставили в Адрианополь (Эдирне), где находился султан Ахмед III и османское правительство.

В Адрианополе встречи послов с турецкими министрами начались 2 апреля и продолжались с перерывами до 12 июня 1713 года. Под давлением османской стороны петровские дипломаты были вынуждены согласиться на уступки¹. В первую статью договора добавили двухмесячный срок вывода русских войск из Речи Посполитой, которым позволя-

лось при возвращении из Померании один раз пройти через польские земли. Данное условие распространили и на царя («ежели восхощет подавать сикурс в Померанию, не имеет оной проходить чрез Польшу») [11, с. 182]. Согласно седьмой статье, разграничению подлежала территория между реками Самарой и Арелью; новые крепости там строить запрещалось. Под давлением османских министров и активно участвовавшего в переговорах хана Каплана I Гирея в тексте соглашения появилось упоминание о крымской выплате (статья 10). Именно вокруг нее происходила самая напряженная дипломатическая борьба, сопровождавшаяся неоднократными угрозами жизни послам и началом военных действий. «Сей пункт нам бедственнее всех прочих был», – жаловался П.П. Шафиров [11, с. 446]. Вошедшая в текст договора формулировка («О запросе крымском, предложенном от Блистательной Порты, понеже не имеем мы полной мочи и ныне не ведаем о том деле намерения царского величества, нашего всемилоостивейшего государя, и тако имеется о том в

иное время говорить и соглашаться с изволения обеих стран») [11, с. 185; 21, с. 42] оставляла проблему открытой, что не отвечало интересам ни крымского хана, ни русского правительства.

Ранее подписанные русскими послами Прутский (12 июля 1711 г.) и Константинопольский (5 апреля 1712 г.) мирные договоры не были ратифицированы турецкой стороной. Причиной называли невыполнение Петром I указанных в соглашениях обязательств². В конце тяжелых и напряженных переговоров в Адрианополе также возникли проблемы, связанные с ратификацией договора и грозившие свести на нет все усилия петровских дипломатов.

Методы и материалы. Предыстория и ход переговоров в Адрианополе нашли свое отражение в трудах ученых, затрагивавших различные аспекты взаимоотношений России и Османской империи первой четверти XVIII в. [2; 3; 8; 10]. Как правило, исследователи выделяли два основных фактора, воздействовавших на позицию Высокой Порты, – польский и крымский. В.А. Артамонов сделал акцент на росте числа татарских набегов на пограничные земли в 1712–1713 гг., что, по его мнению, укрепляло позицию османских министров [1, с. 79–82; 2, с. 139; 3, с. 362]. Т.К. Крылова отметила, что на ход переговоров оказали влияние полученные в Адрианополе известия о европейских событиях: капитуляции шведской армии М. Стенбока и заключении Утрехтского мира [8, с. 426]. Согласно выводу С.Ф. Орешковой, условия мира стали базой, на которой складывались русско-турецкие отношения на последнем этапе Северной войны [10, с. 187]. Историки высоко оценивали мастерство вице-канцлера П.П. Шафирова как дипломата, проявленное на переговорах в Адрианополе. Тем не менее дипломатическая борьба, развернувшаяся вокруг ратификации и попыток Высокой Порты использовать прибытие нового царского посла для пересмотра ряда положений договора, остается слабо изученной.

Основной источниковой базой для изучения проблемы являются документы, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (Ф. 89 «Сношения России с Турцией»): отправленные П.П. Шафировым

и другими русскими послами из Адрианополя в Посольский приказ письма и записки, а также их переписка с русскими дипломатами при европейских дворах. Окончательный и черновые варианты Адрианопольского договора, грамоты Петра I, а также инструкции, записки послов и часть дипломатической переписки были опубликованы на страницах двух выпусков 13-го тома «Писем и бумаг императора Петра Великого». Дополнительную информацию содержит отложившийся в Архиве СПБ ИИ РАН (Ф. 83 «Походная канцелярия А.Д. Меншикова») черновик статейного списка П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева за 1713 г., который еще не введен в широкий научный оборот [24; 25]. Упоминания о событиях в Адрианополе, а также копию русско-турецкого соглашения на итальянском языке можно обнаружить и в донесениях английского посла при Высокой Порте Р. Саттона [28, р. 183–188].

Комплексное исследование архивных и опубликованных материалов, сопоставление содержащихся в них сведений – все это дает возможность выявить и проанализировать основные проблемы, связанные с подписанием и ратификацией мирного договора, а также рассмотреть их в контексте русско-турецких отношений первой четверти XVIII века.

Анализ. В научной литературе встречается утверждение, что подписание Адрианопольского мирного договора состоялось 13 июня 1713 г. [9, с. 205; 10, с. 184]. Текст соглашения на русском языке заканчивается фразой: «Еже учинено в Адрианополе лета 1713, июня в 13 день» [11, с. 186]. В трактате на турецком (османском) языке указана другая дата – 3 джумада II 1125 по хиджре, то есть 16 (27) июня 1713 г. [26, р. 159], этим же днем датирована и копия (без предисловия и заключения) на французском языке, отправленная Р. Саттоном британскому правительству 10 августа [28, р. 180–181].

Датой заключения соглашения, как правило, объявлялся день, когда участвовавшие в переговорах сторон дипломаты обменивались согласованными текстами договора. Именно эта дата вносилась в последний вариант документа. В Адрианополе обмен договорами состоялся не 13 июня, а девятью днями позже. Основные события 13 июня от-

ражены в донесениях П.П. Шафирова в Посольский приказ и статейном списке.

Накануне, 12 июня, состоялась последняя конференция русских послов с османскими министрами, на которой так и не удалось достигнуть согласия по последним спорным вопросам (запрет въезжать царю в Польшу, выплаты крымскому хану и др.). Вечером вокруг посольского двора увеличили янычарскую охрану. Русских дипломатов обвинили в том, что они намеренно затягивают переговоры, чтобы минуло подходящее для военного похода время. 13 июня им передали слова рейс-эфенди: если не примут выдвинутые условия, «то ожидали себе конца, и будут им головы, где у них ноги». В этот же день послы, посовещавшись, направили переводчика к рейс-эфенди с согласием подписать мирный договор в предложенной Портой редакции [11, с. 453–454]. 16 июня 1713 г. вице-канцлер сообщил царю: «Сего июня в 13 день с теми комиссарами согласились и артикулы договора на мере поставили» [12, с. 352]. Однако обмена даже черновыми текстами в тот день не произошло. Лишь 14 июня послы получили проект соглашения, сопровождавшийся угрозой великого везира Дамата Али-паши: если «содержано не будет... то претерпите великое зло за то, что своими трактатами удержали Порту от всеконечной и намеренной войны и походу нынешнего году» [12, с. 352]. Полученный документ содержал изложение основных статей, но не имел предисловия и заключения.

15 июня 1713 г. состоявшийся в султанском дворце Диван (с участием и крымского хана Каплана I Гирея) утвердил мирный договор. Османская сторона начала подготовку белого экземпляра. Драгоман И. Маврокордато передал П.П. Шафирову указание, чтобы русские переводчики тоже писали «набело». Однако текст заключения послам так и не передали («только еще не прислано к ним окончания, как к тому трактату написано, которое надлежит им высмотреть») [11, с. 456].

Великий везир велел послам снарядить гонца («человека лехкого») с известием к царю и Б.П. Шереметеву, «дабы о том ведая никаких противных действий со обеих сторон войска не чинили», а также сообщить командующим армии в Польше о двухмесячном сроке

вывода войск [11, с. 456; 12, с. 353]. 16 июня П.П. Шафиров направил к Петру I в Санкт-Петербург курьера – драгуна Михаила Арсеньева³ с еще не согласованным текстом («с тех пунктов к вашему величеству список без предисловия и заключения, ибо оные еще на мере не стали»). Безусловно, П.П. Шафиров имел основания рассчитывать, что в качестве даты подписания соглашения будет указан день, когда послы обменяются текстами договора с османскими министрами. В письме государю 16 июня вице-канцлер попросил составить ратификацию договора «в генеральных терминах», оставив пустое место, куда можно было бы позднее вписать дату его подписания [12, с. 353–354].

Уже после отъезда курьера послам передали заключительную часть договора. П.П. Шафиров обратил внимание на добавленное обязательство отправить царскую ратификацию с «особливым послом», которому надлежало прибыть в Адрианополь в 90-дневный срок. Отсчет этого срока начинался 13 июня – «от числа определения того трактату» [11, с. 457]. П.П. Шафиров попытался убедить османских министров, что нет необходимости направлять к Порте еще одного посла. Ратификацию мог бы доставить гонец, а затем они сами ее вручат. Однако по словам драгомана Порты И. Маврокордато, данное условие велел вписать султан и потому изменить текст невозможно. В отличие от русской копии трактата именно этот день – 16 июня 1713 г. – обозначен в договоре на турецком языке как день его подписания.

П.П. Шафиров дважды участвовал в переговорах с османскими министрами, завершившихся подписанием мирных соглашений. Общеизвестные даты заключения Прутского (12 июля 1711 г.) и Константинопольского (5 апреля 1712 г.) мира – это дни обмена текстами договоров. 12 июля 1711 г. в турецком военном лагере «послы... по некоторым любительных от везира разговорах теми трактаты розменялись, которые писаны от страны царского величества на российском языке с приложенною копию италианскою, а с турецкой стороны на турецком языке» [4, с. 165]. 5 апреля 1712 г. состоялась окончательная сверка текстов договора, а затем в присутствии посредников английского посла Р. Саттона и голланд-

кого посла Я. Кольера произошел обмен грамотами. События этого дня отражены и в статейном списке П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева: «И, приехав к везирию в полату, посажены рядом с послами по обычаю. И везирь благодарил послов за труды. <...> И говорил, чтоб мы отдали свой трактат (которой подписан и запечатан наперед при послах) посреднику послу аглинскому, которой оной от них, послов, приняв, вручил везирию. Которой, приняв, також отдал ему свой трактат, подписанной и запечатанной по обычаю. А посол уже отдал царского величества министром» [4, с. 378–379].

В Адрианополе попытки П.П. Шафирова заручиться поддержкой рейс-эфенди и муфтия не увенчались успехом. Османские министры отказались принять во внимание, что курьеру понадобится не менее месяца, чтобы добраться до Санкт-Петербурга (а если государь будет в походе в Финляндию или на флоте, то и больше). За оставшееся время снарядить посольство не представлялось возможным. Рейс-эфенди посоветовал вице-канцлеру отправить с ратификацией незнатного человека, «толк б доброй шляхтич и имел характер в грамоте царского величества посольской, и приехал особах в пятнатцати на почте к сроку к Порте». Он сможет «то дело обще с ними, послами, здесь удобно управить» [11, с. 458]. Все попытки П.П. Шафирова увеличить срок доставки ратификации до четырех-пяти месяцев или исправить в мирном договоре число с 13 июня на тот день, когда состоится размена, окончились неудачей.

20 июня 1713 г. Адрианополь покинул еще один курьер – Константин Васильев. Он вез письма Петру I и канцлеру Г.И. Головкину о необходимости доставить ратификацию не позднее 13 сентября, и не с курьером, а с послом. Вице-канцлер просил не задерживать отправку посла и заранее уведомить о том, кто будет прислан в Адрианополь. Он напоминал, что А.Ф. Лопухин⁴ из-за неспешного сбора мягкой рухляди задержался в Москве «з 20 дней и, навязав на него целые возы того, имянно написали к нему, чтоб он возы доvez с собою». Основываясь на предыдущем опыте, он попросил «послать с тем назначенным послом из своих кого адъютантов или доброго куриера, чтоб его скорее выпроводить и к

нам доvez к сроку» [18, л. 608 об. – 609]. В отправленном с тем же курьером письме Г.И. Головкину он повторил рекомендации рейс-эфенди: чтобы царь указал «какую-нибудь, хотя и невысокую особу, определя, толк б с характером посла, с тою подтвержденною грамотою прислать персонах в пятнатцати изволил» [12, с. 355]. П.П. Шафиров имел основания опасаться, что великий везир воспользуется прибытием посла, чтобы внести в договор новые изменения. Поэтому он попросил царя прислать грамоту с запретом своим послам вступать в любые «негоциации».

22 июня в Адрианополе наконец состоялся обмен грамотами. В этот день «послы подали везирию с своей страны трактат, а везирь с своей, и принял те оба трактаты и рознее послам от Порты, а везирию от послов рейс-эфендий. И потом потчивали кофеем, шербе-тем и подавали воду на руки, також и кажены по обыкновению, и отпущены на двор свой, но кафтанов, как у них обычай, ни на послов, ни на дворян их не надевали» [11, с. 459]. На одной из сохранившихся до наших дней копий договора в качестве даты подписания указано 22 июня 1713 г. [11, с. 186]. В переписке послов с Посольским приказом также встречаются упоминания о заключении трактата 22 июня [14, л. 47 об.]. Утвержденный османской стороной трактат послы поручили доставить к царскому двору ротмистру А.П. Волынскому.

П.П. Шафиров имел много поводов для тревоги относительно судьбы подписанного им договора. В течение восьми месяцев вице-канцлер не получал ни указов царя, ни посланий из Посольского приказа. Отправленную 30 мая 1713 г. из Санкт-Петербурга инструкцию послы получили уже после завершения переговоров [22, с. 289; 25, л. 599–599 об.]. Основным источником сведений о ходе военных действий и изменении европейской политической ситуации были письма коллег: западноевропейских дипломатов в Стамбуле и русских послов в европейских столицах. Особенно П.П. Шафирова беспокоило вынужденное включение в договор статьи о возможном возобновлении выплат Крыму. Не было известно русским послам и о ситуации в Польше: предыдущее мирное соглашение османы не ратифицировали из-за пребывания русских

войск в Речи Посполитой. Тревожным знаком вице-канцлеру казалось то, что Высокая Порты откладывала начало переговоров о ратификации Карловицкого мира (1699) с послами Августа II, а османские войска стягивались к Хотину, якобы для ремонта крепости [3, с. 373–374; 24, л. 165–165 об.; 26, р. 160].

Русские дипломаты с нетерпением ожидали прибытия посла в Адрианополь. Напряженность политической обстановки не ослабевала. В начале июля был отправлен в отставку муфтий, а в городе появились слухи, что царская армия подошла к Бендерам. Не имевшие известий от русского правительства послы получили разрешение у Порты послать курьера к Б.П. Шереметеву. Они писали генерал-фельдмаршалу: если слухи верны, возвратит войска из похода и не начинать «воинских действий». Петровские дипломаты также просили Б.П. Шереметева и Ф.М. Апраксина всемерно содействовать прибытию посла с ратификацией в оговоренный в трактате 90-дневный срок, то есть не позднее 13 сентября [20, л. 43–44].

Высокая Порты по-прежнему сомневалась в отсутствии русских войск в Польше. Великий везир потребовал, чтобы послы отправили к русскому командованию «какую знатную особу» с письмами о немедленном выводе войск с польских земель, и настоял на кандидатуре А.Ф. Лопухина [19, л. 365]. В июне комнатный стольник выехал в Польшу, и «то дело по инструкции ему данной исправил». Во Львове А.Ф. Лопухин встретился с коронным гетманом А.Н. Синявским и польскими сенаторами, а также отправил курьера в Варшаву к русскому резиденту при дворе Августа II А.И. Дашкову. Полученные «у гетманов и сенаторей польских обоих народов атестаты за их руками и печатями» об отсутствии царских войск в Польше А.Ф. Лопухин переслал П.П. Шафирову в Адрианополь. 23 августа вице-канцлер предъявил свидетельства Высокой Порты, «чем она зело явилась быть доволна» [25, л. 481 об.].

Наконец, 15 августа 1713 г. в Адрианополь вернулся курьер – прапорщик М. Арсеньев с письмами и указами из Санкт-Петербурга. Русские послы узнали, что царь мирный договор «изволил принять за благо» и поручил доставить ратификацию Д.А. Бестужеву-Рюмину [7, л. 25].

Как и полагал вице-канцлер, недовольство государя вызвал запрет въезда на польские земли, а также статья о крымских выплатах: «...ибо оным оставлена дыра сим псам в огород христиан влесть. Но однако, когда уже зделано, быть так» [12, с. 61]. В 1713 г. русские войска под руководством А.Д. Меншикова вместе с союзниками успешно действовали в Померании, а Ф.М. Апраксин во главе флота – в Финляндии [9, с. 325–328]. В июле царь намеревался и сам направиться к финским берегам, поэтому остро нуждался в скорейшем подписании договора, который обеспечивал спокойствие на южных рубежах государства⁵. Петр I утвердил мирное соглашение и указал принять все меры, чтобы не дать повода Высокой Порте отказаться от ратификации.

По просьбе П.П. Шафирова генерал-фельдмаршалу Б.П. Шереметеву, армия которого находилась на Украине, были доставлены указы не отправлять полки на помощь Августу II и не вступать в приграничные стычки с татарскими и кубанскими отрядами. Это привело к росту набегов татар и запорожцев. Г.И. Головкин сообщал, что кубанские татары «непрестанно ходят в Украину и в низовые города и чинят людем многое разорение, и такожде берут в полон». Канцлер просил послов, чтобы они передали информацию о нарушении условий договора османскому правительству [25, л. 529 об.].

Назначенный послом к Высокой Порте ближний стольник Д.А. Бестужев-Рюмин несколько лет обучался морскому делу в Голландии и Англии и вернулся в Россию только в 1713 году. В Санкт-Петербурге спешно подготовили необходимые для его поездки документы. Ратификация, верительная грамота и инструкция Д.А. Бестужеву-Рюмину датированы 20 июля. В тот же день «с великим поспешением», чтобы успеть к определенному в договоре сроку, он отправился в путь (выехав еще до приезда в Санкт-Петербург А.П. Волынского с окончательным текстом трактата) [13, л. 28].

28 июля Д.А. Бестужев-Рюмин прибыл в Москву (где ему было велено «мешкать» не более трех часов). Там к послу и сопровождавшему его курьеру Семену Кишкину присоединились подьячий Малороссийского

приказа Матвей Ключарев и толмач Кутламамбет Нагаев [5, л. 19]. Еще в Санкт-Петербурге Д.А. Бестужев-Рюмин «для той посылки на подъем» получил 500 рублей, а также «на роздачу от дел его великого государя» два сорока соболей ценой в 540 рублей [5, л. 18–19 об.]. В первопрестольной посолу передали 10 000 червонных и мягкую рухлядь для подарков султану и османским министрам – все, что удалось собрать за короткий срок. Из Сибирского приказа доставили лисьи меха «греческого дела» и «русского дела», меха горностаевые и беличьи на 1 387 рублей. 3 августа посол приехал в Киев, где Б.П. Шереметев дал ему в сопровождение и для охраны казаков [15, л. 23].

В османском посольском обычае церемонии въезда иностранного посла в резиденцию султана придавалось большое значение. Поэтому, как встречали представителя зарубежной державы, можно было судить о характере отношений между двумя государствами. Горожане толпами выходили на улицы и смотрели на церемонию из окон домов. Европейские дипломаты тоже пристально наблюдали за въездом своего коллеги, отмечая малейшие детали и величину оказываемых ему почестей.

Русские послы добивались, чтобы Д.А. Бестужеву-Рюмину «ни в чем никакого умаления не было» «против великих послов царского величества, которые прежде сего бывали, таже и против других государей коронованных послов». Узнав о его скором прибытии к турецкой границе, П.П. Шафиров обратился к великому везиру с просьбой указать пограничному бендерскому паше выслать Д.А. Бестужеву-Рюмину «для безопасного его препровождения канвой навстречу и трактовали его в пути з достойным характеру его довольством и почтением». П.П. Шафиров также просил назначить «для почтения ему, послу, какого знатного человека в приставы дорожные, с которым бы и им, послам, от себя послать позволили офицера» [11, с. 459]. 19 августа два пристава отправились навстречу Д.А. Бестужеву-Рюмину с указанием «...его, посла, вести со всякою подобающею честью и з доволством». Через десять дней Д.А. Бестужев-Рюмин прибыл на «подхожей» стан в четырех часах езды от Адрианополя и извещил об этом вице-канцлера.

Перед въездом в резиденцию посол и его свита меняли дорожную одежду на дорогие, богато украшенные одеяния. Глава дипломатической миссии пересаживался на присланную османским правительством лошадь в нарядном уборе. П.П. Шафиров посоветовал Д.А. Бестужеву-Рюмину добиваться у великого везира, «чтоб лошадь с убором от салтанского лица была выслана при чиновных на встречу определенных турках». Посол поначалу получил отказ с объяснением, что «того у них в старых записках нет нигде, чтоб то чинено», и даже П.А. Толстому великий везир Кёпрюлю Хуссейн-паша предоставлял своих лошадей.

В 1700 г. великий посол Д.М. Голицын (он вез ратификацию Константинопольского мира) также потребовал для въезда в Адрианополе лошадь из султанской конюшни: «А если будет прислана с везирской, то поеду в корете», – тогда пригрозил князь. Спустя тринадцать лет П.П. Шафиров указал Д.А. Бестужеву-Рюмину последовать примеру предшественника и объявить приставам, что если такую лошадь не пришлют, «то он поедет яко подорожной, а не яко посол, на почте, ибо он с собою лошадей за скоростию отпуску иметь не мог» [11, с. 459]. Угроза подействовала. 31 августа 1713 г. прибывшего с царской грамотой Д.А. Бестужева-Рюмина встретили в Адрианополе «с ызрядным убранством и с великою помпою, каковой, сказывают, и царским послам не бывало». За въездом доставившего ратификацию представителя русского царя наблюдало «множество народа турецкого и иные многие иноземцы обретающиеся, и резидент царской и секретари польские смотрели» [7, л. 27; 11, с. 460].

П.П. Шафиров опасался, что Высокая Порта воспользуется прибытием посла, чтобы начать с ним переговоры о внесении изменений в мирный договор или о новом соглашении относительно крымских выплат. Поэтому вице-канцлер попросил царя наделить Д.А. Бестужева-Рюмина равными с уже пребывавшими при Высокой Порте послами полномочиями. Данная предосторожность оказалась излишней. Поначалу Высокая Порта намеревалась допустить на аудиенции к великому везиру и султану для вручения ратификации одного Д.А. Бестужева-Рюмина.

Вскоре после приезда ближнего стольника в Адрианополь великий везир поинтересовался: «кто из них послом первой товарищ, паки ли государственной подканцлер или новоприехавшей посол господин Безстужев-Рюмин». П.П. Шафиров намеренно исказил положение дел, ответив, что тот прислан к ним в товарищи «и первенство имеют по указу царского величества они» [25, л. 459].

2 сентября все три посла – П.П. Шафиров, М.Б. Шереметев и Д.А. Бестужев-Рюмин – были на аудиенции у великого везира (где их принимали с «честью не менши ничем пред цесарскими») [25, л. 474]. 8 сентября послов призвали во дворец к султану, где они были также «приняты с великою честью». Процессия снова привлекла внимание местных жителей и европейских дипломатов, обративших внимание на многочисленную свиту послов и огромное число ювелирных украшений [28, р. 189]. Во дворце царские грамоты великому везиру передал П.П. Шафиров. Он же первым произнес речь о намерении государя поддерживать дружественные отношения с Османской империей, затем выступили Д.А. Бестужев-Рюмин и М.Б. Шереметев. «И приняты во всем против прежних великих послов, и обедали с везирем» [25, л. 492–494, 504 об.].

Таким образом, ратификация Адрианопольского договора была доставлена и вручена раньше установленного срока. Русские послы надеялись, что в скором времени получат от османского султана ответные грамоты, после чего смогут вернуться на родину. Однако Высокая Порты не спешила утверждать договор и отпускать послов.

В сентябре – октябре 1713 г. состоялось несколько встреч с османскими министрами (с перерывом на время поста, «в каторой по обыкновению древнему турки на аудиенцию к султану послов редко допускают») [17, л. 132 об.]. На этих конференциях обсуждались вопросы предстоящего разграничения земель, обмена пленными и т. д. Помимо этого османские министры настойчиво выясняли у русских послов, получили ли они полномочия на решение вопроса о крымских выплатах, «чтоб оной пункт ныне изъяснить имянно, и время-де уже иное, как в том пункте написано, ныне к тому пришло» [25, л. 502]. П.П. Ша-

фиров утверждал, что время «ныне не иное, но еще настоящее, понеже от салтанова величества мир взаимно не подтвержен». Вице-канцлер напомнил, что между Россией и Османской империей было заключено три договора и ни один из них не ратифицирован султаном [25, л. 502 об.].

20 сентября послам сообщили, что султанскую ратификацию переписывают набело и в ней будут некоторые «отмены». Однако черновой экземпляр или копию текста ратификации им предоставлять отказались. П.П. Шафирову не удалось ее заполучить и через «приятелей». Снова «великим с шумом» османскими министрами потребовали обсудить судьбу крымских выплат [25, л. 520–520 об.]. Русские послы стояли твердо на том, что нельзя нарушать царский указ, запрещающий им вносить изменения в текст договора: «Не в едином из тех пунктов ничего не прибавить, ни убавить ни в едином слове не можем» [25, л. 509 об.]. 22 сентября 1713 г. они подали мемориал султану, к которому приложили копию письма Петра I с указанием «им более ни в какие дела не вступать» [25, л. 520 об.].

Великий везир Али-паша и в октябре продолжал настаивать на переговорах. Он неоднократно угрожал «начатием войны против его царского величества и им, послам, преежестоким заключением, ежели они не вступят ныне в трактат о определении десятого пункта» [25, л. 538–548 об.]. Али-паша также обвинял вице-канцлера, что только он один препятствует началу переговоров. По мнению великого везира, возобновление выплат в Крым прекратит приграничные конфликты и укрепит мирные отношения. Он попытался выяснить у послов, когда их государь направит «особого» посла для переговоров по спорному вопросу.

Осенью на встречах с великим везирем также решался вопрос о доставке грамот султана царю и возвращении послов на родину. В начале переговоров Высокая Порты намеревалась разрешить отъезд всех петровских дипломатов, уже находившихся в Адрианопле. Предполагалось, что вместо них до окончания разграничения земель будет пребывать русский представитель в ранге резидента или секретаря. П.П. Шафиров попросил Г.И. Головкина прислать такого человека, «чтоб оно-

му здесь быть для охранения его царского величества интересов по отъезде нашем (аще Бог соизволит то учинить). И чтоб оной ехал сюда на почте, дабы мог нас здесь застать, чтоб мы его Порте представить и во всем информовать могли и протчая» [25, л. 541]⁶.

Тем не менее на состоявшейся 19 октября конференции великий везир предложил отправить к царскому двору с ратификацией только одного Д.А. Бестужева-Рюмина. П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву следовало остаться до окончания работы комиссии по определению русско-турецкой границы. Послы возражали: «Им по договору надлежит всем вместе по вручении капитуляции отпущенным быть». Однако были вынуждены согласиться задержаться при османском дворе. Великий везир позволил всем послам остаться при Порте, «а капитуляцию и подтвержденную пошлют и с ыными с кем, ибо у них у всех трех комиссия одна, того ради разлучиться не могут» [25, л. 551 об.]. В ноябре Д.А. Бестужев-Рюмин объяснил Г.И. Головкину суть принятого решения не покидать своих коллег: «А одному мне без товарищей своих ехать невозможно. А ежели бы, государь, я послан был с тою ратификациею один, то бы, государь, признали их, послов барона Шафирова и графа Шереметева, по-прежнему за аманатов, а не за послов». [16, л. 34 об. – 35]. Высокая Порты в очередной раз отклонила просьбу разрешить уехать на родину бывшему послу П.А. Толстому, который официально не участвовал в переговорах в Адрианополе.

22 октября 1713 г. Диван постановил, что война с Россией из-за крымских запросов будет противна закону [11, с. 467]. Через три дня рейс-эфенди сообщил послам, что аудиенция у султана «для принятия капитуляции и ратификации» им назначена на 27 октября. Попытки послов «явно и тайно» добыть тексты документов, чтобы проверить «во всем ли оные против договору и в титулах царского величества по достоинству ль написано», не увенчались успехом. Рейс-эфенди пообещал предоставить списки только после аудиенции. Послам пришлось удовольствоваться уверениями беглукчи-эфенди и османского писаря, «которой оные грамоты писал», что «все написа-

но по обычаю и ничего противного трактату не внесено».

Наконец, 27 октября Адрианопольский договор был ратифицирован. В ноябре 1713 г. крымскому хану отправили указ султана «сохранять и почитать» мирный договор с Россией [11, с. 469]. 12 ноября султан со своим двором отправился в Стамбул. 21 ноября покинули Адрианополь и русские послы; через восемь дней они прибыли на берега Босфора. По словам П.П. Шафирова, «поставлены по нашему желанию на прежних наших дворах и содержат нас в добром порядке» [25, л. 614 об.].

Результаты. В 1713 г. на переговорах в Адрианополе Высокая Порты занимала крайне жесткую позицию. Русское правительство было вынуждено принять внесенные османскими министрами «неудобные» изменения в текст договора. Были установлены сжатые сроки ратификации соглашения. Отсчет срока доставки подтверждения начинался 13 июня. Несмотря на то что обмен согласованными текстами соглашения состоялся девятью днями позже, именно 13 июня 1713 г. было указано в тексте договора на русском языке в качестве даты его подписания. Требование отправить с царской ратификацией посла (а не курьера) связано также и с намерением Высокой Порты продолжить переговоры по вопросу о крымских выплатах. Благодаря опыту и дипломатическому искусству П.П. Шафирова османской стороне не удалось принизить статус «старых послов», отстранить их от церемоний обмена ратификациями и начать переговоры с Д.А. Бестужевым-Рюминым о внесении изменений в подтвержденный царем договор. К тому же Высокая Порты, как и Россия, была заинтересована в подписании договора. Османской империи был нужен мир на своих границах, чтобы собрать силы для войны с Венецией (в 1714 г. закончились и польско-турецкие переговоры). Положения Адрианопольского мира отражали интересы османского правительства, отказавшегося от поддержки требований крымского хана. В 1720 г. на основе этого трактата чрезвычайный посланник А.И. Дашков подписал с Высокой Портой договор о вечном мире.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 13 апреля 1713 г. великий везир Хоча (Ходжа) Ибрагим-паша провозгласил начало военного похода, после чего был смещен с должности. Следующим великим везиром стал зять султана – Дамат Али-паша. Новый везир принадлежал к числу османских политиков, которые считали войну с Венецией и возвращение Мореи первоочередными задачами и были против дальнейших конфликтов с Россией [27, р. 57]. Однако в мае и июне послы продолжали получать предупреждения о неизбежности войны из-за их неуступчивой позиции (подробнее см.: [3; 8; 23, с. 394–396]).

² Мнение османской стороны отражено в преамбуле Адрианопольского мира [11, с. 180–182; 21, с. 37–38].

³ Драгун доставил письмо в Санкт-Петербург 13 июля и был произведен в прапорщики [25, л. 496 об.].

⁴ 13 августа 1712 г. стольник А.Ф. Лопухин доставил султану Ахмеду III ратификацию Константинопольского мирного договора. После объявления войны России стольник вместе с П.П. Шафировым, М.Б. Шереметевым и П.А. Толстым был заключен в Едикуле; в апреле 1713 г. его освободили и доставили в Адрианополь [4, с. 22, 57].

⁵ 14 июля, по получении известия о заключении мира, Петр I указал Б.П. Шереметеву (корпус которого располагался на Украине) отправить дивизию А.А. Вейде и три конных полка в Санкт-Петербург, чтобы они смогли участвовать в военных действиях на территории Финляндии [6, с. 399; 12, с. 59–60].

⁶ Г.И. Головкин решил отправить к Высокой Порте в качестве посольского секретаря дьяка Л.Т. Протопопова. Он приехал в Стамбул январе 1714 г., не был принят Высокой Портой и покинул османскую столицу вместе с послами в сентябре того же года [4, с. 136–138].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов В. А. О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России : сб. ст. М. : Ин-т истории СССР, 1985. С. 71–88.
2. Артамонов В. А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М. : Наука, 1990. 208 с.
3. Артамонов, В. А. Турецко-русская война 1710–1713 гг. М. : Кучково поле, 2019. 448 с.
4. Базарова, Т. А. Русские дипломаты при османском дворе : Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. (исследование и тексты). СПб. : Историческая иллюстрация, 2016. 864 с.

5. «Выписка о дачах» послу Д. А. Бестужеву-Рюмину, июль 1713 // Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 18–20.

6. Гистория Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М. : Кругъ, 2004. 632 с.

7. «Записка» П. П. Шафирова, август–октябрь 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 24–34.

8. Крылова Т. К. Русская дипломатия на Босфоре в 1711–1714 гг. // Международные связи России в XVII–XVIII вв. : (Экономика, политика и культура) : сб. ст. М. : Наука, 1966. С. 410–446.

9. Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М. : Междунар. отношения, 1990. 448 с.

10. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М. : Наука, 1971. 205 с.

11. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 1. М. : Наука, 1992. 480 с.

12. Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 13, вып. 2. М. : Древлехранилище, 2003. 678 с.

13. Письмо Г. И. Головкина П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву, 31 июля 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 27–31 об.

14. Письмо Г. И. Головкина П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву, 3 октября 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 5. Л. 43–53.

15. Письмо Д. А. Бестужева-Рюмина Г. И. Головкину, 8 августа 1713 // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 23–23 об.

16. Письмо Д. А. Бестужева-Рюмина Г. И. Головкину, 3 ноября 1713 // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 15. Л. 34–35 об.

17. Письмо П. А. Толстого Ф. М. Апраксину, 8 октября 1713 г. // Российский государственный архив Военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 233. Оп. 1. Д. 63. Л. 132–133 об.

18. Письмо П. П. Шафирова Петру I, 20 июня 1713 г. // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 18. Л. 608–609 об.

19. Письмо П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева Г. И. Головкину, 23 июня 1713 г. // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1713 г. Д. 7. Л. 365–365 об.

20. Письмо П. П. Шафирова Ф. М. Апраксину, 10 июля 1713 г. // РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 63. Л. 43–44 об.

21. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 5 : 1713–1719. СПб. : Тип. II Отд. собств. Е.И.В. канц., 1830. 782 с.

22. Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова : в 3 ч. / изд. подг. Т. А. Базарова и Ю. Б. Фомина; сост., вступ. ст., коммент. Т. А. Базаровой. СПб. : Миръ, 2011. Ч. 1. 464 с.

23. Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. VIII : История России с древнейших времен. Т. 15–16. М. : Мысль, 1993. 671 с.

24. Статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева (черновик), март – июнь 1713 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 1. Л. 1–168 об.

25. Статейный список П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева (черновик), июль – декабрь 1713 г. // Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 3. Кн. 8. Л. 443–626 об.

26. Kolodziejczyk D. Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th–18th century): An Annotated Edition of ‘Ahdnames and Other Documents. Leiden [etc.] : Brill, 2000. 721 p.

27. Sumner B. H. Peter the Great and the Ottoman Empire. Oxford : B. Blackwell, 1949. 80 p.

28. The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714) / ed. by A. N. Kurat. London : The Royal Historical Society, 1953. 220 p.

REFERENCES

1. Artamonov V.A. O russko-krymskikh otnosheniyakh kontsa XVII – nachala XVIII vv. [On the Russian-Crimean Relations of the Late 17th – Early 18th Centuries]. *Obshchestvenno-politicheskoe razvitie feodalnoj Rossii: sb. st.* [Social and Political Development of Feudal Russia. Collection of Articles]. Moscow, In-t istorii SSSR, 1985, pp. 71-88.

2. Artamonov V.A. *Rossiya i Rech Pospolitaya posle Poltavskoj pobedy (1709–1714 gg.)* [Russia and Rzeczpospolita After the Victory at Poltava (1709–1714)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 208 p.

3. Artamonov V.A. *Turecko-russkaya vojna 1710–1713 gg.* [Turkish-Russian War of 1710–1713]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2019. 448 p.

4. Bazarova T.A. *Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski P.P. Shafirova i M.B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg. (issledovanie i teksty)* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Article Lists of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Documents)]. Saint Petersburg, Istoricheskaya illustratsiya Publ., 2016. 864 p.

5. «Vyписка o dachakh» poslu D. A. Bestuzhevu-Ryuminu, iyul 1713 [“Statement on the Payments” to Ambassador D.A. Bestuzhev-Ryumin]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (hereinafter – RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 18-20.

6. Maykova T.S., ed. *Gistoriya Svejskoj vojny (Podennaya zapiska Petra Velikogo)* [The History of the Swedish War (Daily Notes of Peter the Great)], iss. 1. Moscow, Krug, 2004. 631 p.

7. «Zapiska» P. P. Shafirova, avgust – oktyabr 1713 g. [“Note” by P.P. Shafirov, August – October, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 24-34.

8. Krylova T.K. *Russkaya diplomatiya na Bosfore v 1711–1714 gg.* [The Russian Diplomacy on Bosphorus in 1711–1714]. *Mezhdunarodnye svyazi Rossii v XVII–XVIII vv.: (Ekonomika, politika i kultura): sb. st.* [International Relations of Russia in the 17th – 18th Centuries: (Economy, Policy and Culture). Collection of Articles]. Moscow, Nauka Publ., 1966, pp. 410-446.

9. Molchanov N.N. *Diplomatiya Petra Velikogo. 3-e izd.* [Peter the Great’s Diplomacy. Ed. 3]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1990. 448 p.

10. Oreshkova S.F. *Russko-turetskie otnosheniya v nachale XVIII v.* [Russian-Turkish Relations in the Early 18th Century]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 205 p.

11. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 13, vyp. 1* [Letters and Papers of the Emperor Peter the Great. Vol. 13, Iss. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1992. 480 p.

12. *Pisma i bumagi imperatora Petra Velikogo. T. 13, vyp. 2* [Letters and Papers of the Emperor Peter the Great. Vol. 13, Iss. 2]. Moscow, Drevlehranilishche Publ., 2003. 678 p.

13. *Pismo G. I. Golovkina P. P. Shafirovu i M. B. Sheremetevu, 31 iyulya 1713 g.* [Letter from G.I. Golovkin to P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev, July 31, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 5, l. 27-31 r.

14. *Pismo G. I. Golovkina P. P. Shafirovu i M. B. Sheremetevu, 3 oktyabrya 1713 g.* [Letter from G.I. Golovkin to P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev, October 31, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 5, l. 43-53.

15. *Pismo D. A. Bestuzheva-Ryumina G. I. Golovkinu, 8 avgusta 1713 g.* [Letter from D.A. Bestuzhev-Ryumin to G.I. Golovkin, August 8, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 23-23 r.

16. *Pismo D. A. Bestuzheva-Ryumina G. I. Golovkinu, 3 noyabrya 1713 g.* [Letter from D.A. Bestuzhev-Ryumin to G.I. Golovkin, November 3, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 15, l. 34-35 r.

17. *Pismo P. A. Tolstogo F. M. Apraksinu, 8 oktyabrya 1713 g.* [Letter from P.A. Tolstoy to F.M. Apraksin, October 8, 1713]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voенno-morskogo flota (hereinafter – RGAVMF)* [Russian State Naval Archive], f. 233, inv. 1, d. 63, l. 132-133 r.

18. *Pismo P. P. Shafirova Petru I, 20 iyunya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov to Peter I, June 20, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 9, section 2, book 18, l. 608-609 r.

19. *Pismo P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva G. I. Golovkinu, 23 iyunya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev to G.I. Golovkin, June 23, 1713]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 89, inv. 1, 1713 g., d. 7, l. 365-365 r.

20. *Pismo P. P. Shafirova F. M. Apraksinu, 10 iyulya 1713 g.* [Letter from P.P. Shafirov to F.M. Apraksin, July 10, 1713]. *RGAVMF* [Russian State Naval Archive], f. 233, inv. 1, d. 63, l. 43-44 r.

21. *Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie pervoe: S 1649 po 12 dekabrya 1825 goda. T. 5: 1713–1719* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. The First Collection. From 1649 to December 12, 1825. Vol. 5. 1713–1719]. Saint Petersburg, Tip. II Otd. sobstv. E.I.V. kants., 1830. 782 p.

22. Bazarova T.A., Fomina Yu.B., eds. *Pohodnaya kancelyariya vice-kanclera Petra Pavlovicha Shafirova: v 3 ch.* [Field Chancery of the Vice-Chancellor Peter Pavlovich Shafirov. In 3 Pts.]. Saint Petersburg, Mir Publ, 2011, pt. 1. 464 p.

23. Soloviev S.M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. VIII: Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. T. 15–16* [Works. In 18 Books. Book 8. History Of Russia Since Ancient Times. Vol. 15–16]. Moscow, Mysl Publ., 1993. 671 p.

24. Statejnyj spisok P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva (chernovik), mart – iyun 1713 g. [Article List of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev (Draft), March – June, 1713]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS], f. 83, inv. 3, book 1, l. 1-168 r.

25. Statejnyj spisok P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva (chernovik), iyul – dekabr 1713 g. [Article List of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev (Draft), July – December, 1713]. *Arkhiv SPbII RAN* [Scientific and Historical Archive of the Saint Petersburg Institute of History of RAS], f. 83, inv. 3, book 8, l. 443-626 r.

26. Kolodziejczyk D. *Ottoman-Polish Diplomatic Relations (15th – 18th Century): An Annotated Edition of ‘Ahdnames and Other Documents.* Leiden etc., Brill, 2000. 721 p.

27. Sumner B.H. *Peter the Great and the Ottoman Empire.* Oxford, B. Blackwell, 1949. 80 p.

28. Kurat A.N., ed. *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople: (1710–1714).* London, The Royal Historical Society, 1953. 220 p.

Information About the Author

Tatyana A. Bazarova, Candidate of Sciences (History), Head of the Scientific and Historical Archive and Source Studies Group, Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya St, 7, 197110 Saint Petersburg, Russian Federation, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

Информация об авторе

Татьяна Анатольевна Базарова, кандидат исторических наук, заведующая Научно-историческим архивом и группой источниковедения, Санкт-Петербургский институт истории РАН, ул. Петрозаводская, 7, 197110 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, tbazarova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9380-5921>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.3>

UDC 902.21
LBC 63.4(2)

Submitted: 30.01.2023
Accepted: 26.03.2023

ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF SITES OF THE PETER THE GREAT ERA IN VOLGOGRAD REGION¹

Yakov A. Kiyashko

Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation; Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This paper presents preliminary results of the first archaeological survey of the objects of the archaeological heritage “Petrov Val” and “Selimov Val of 1550.” The main purpose of the event has become the clarification of existing information regarding to the features of creation and operation of difficult hydraulic engineering structures such as “Selimov Val of 1550” or Johann Brekkel’s canal and “Petrov Val” or rather, the canal, which was built under the leadership of John Perry at the turn of the 17th – 18th centuries. *Methods and materials.* During the research, the attempt to discover the cultural layer of the 18th century was made using the help of archeological methods. *Analysis.* In the process of visual inspection of these objects, their significant damage was observed, which was inflicted during human economic activity. During the archeological exploration, open test pits were made to identify the cultural layer in the most promising places. While studying the site “Petrov Val”, the test pit was made on the territory located near the Ilovlya riverbed. During the survey of the object “Selimov Val of 1550”, one pit was made near the Cossack artillery battery, which can be dated to the beginning of the 18th century, the second was made in the place where, a small old working settlement of the builders of the Brekkel’s canal was located, according to the map from the atlas of Kruise (1704). Unfortunately, archaeological material was not found during the excavations. *Results.* During the visual inspection of the site “Selimov Val of 1550”, its beginning from the Ilovlya River and its continuation up to the settlement of Petrov Val, which had not been considered for forming the boundaries of this object before, were localized. According to the results of archaeological work, it has become clear that the name “Selimov Val of 1550” is wrong, because the surviving remains of this hydraulic engineering structure fully correspond to the description of the canal, which was laid by workers under the leadership of Johann Brekkel in the late 17th century.

Key words: Selim II, Peter the Great, Petrov Val, Johann Brekkel, John Perry, Kamyshinka, Ilovlya, archaeological explorations.

Citation. Kiyashko Ya.A. Archaeological Research of Sites of the Peter the Great Era in Volgograd Region. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 27-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.3>

УДК 902.21
ББК 63.4(2)

Дата поступления статьи: 30.01.2023
Дата принятия статьи: 26.03.2023

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ¹

Яков Алексеевич Кияшко

Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация; Волгоградский государственный университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной работе представлены предварительные результаты первого археологического обследования объектов археологического наследия «Петров вал» и «Селимов вал, 1550 г.». Основной целью мероприятия стало уточнение существующей информации касательно особенностей создания и

функционирования таких сложных гидротехнических сооружений, как «Селимов вал, 1550 г.», или вал Иоганна Бреккеля, и «Петров вал», а точнее канал, который строился под руководством Джона Перри на рубеже XVII–XVIII веков. *Методы и материалы.* В ходе исследования была предпринята попытка с помощью археологических методов изучения обнаружить культурный слой XVIII века. *Анализ.* В процессе визуального осмотра данных объектов было отмечено их существенное повреждение, которое было нанесено в ходе хозяйственной деятельности человека. В процессе археологической разведки были заложены разведывательные шурфы для выявления культурного слоя в наиболее перспективных местах. При изучении памятника «Петров вал» шурф был заложен на территории, которая находится в непосредственной близости к руслу реки Иловля. В ходе обследования объекта «Селимов вал, 1550 г.» один шурф был заложен недалеко от казачьей артиллерийской батареи, которая может быть датирована началом XVIII в., второй – в месте, где по данным карты из атласа Крюйсе (1704 г.) располагался небольшой старый рабочий поселок строителей канала И. Бреккеля. К сожалению, при проведении земельных работ археологический материал обнаружен не был. *Результаты.* В ходе визуального обследования памятника «Селимов вал, 1550 г.» было локализовано его начало от реки Иловля и продолжение вплоть до населенного пункта Петров Вал, которое ранее не учитывалось при формировании границ данного объекта. По результатам археологических работ стало ясно, что название «Селимов вал, 1550 г.» ошибочно, так как сохранившиеся остатки данного гидротехнического сооружения полностью соответствуют описанию канала, который прокладывали рабочие под руководством Иоганна Бреккеля в конце XVII века.

Ключевые слова: Селим II, Петр I, Петров Вал, Иоганн Бреккель, Джон Перри, Камышинка, Иловля, археологические разведки.

Цитирование. Кияшко Я. А. Археологическое исследование памятников петровской эпохи на территории Волгоградской области // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 27–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.3>

Введение. Территория современной Волгоградской области, особенно в месте сближения двух крупных водных артерий – Волги и Дона, представляет значительный интерес для исследователей в связи с крупными историческими событиями, которые происходили на протяжении длительного времени, начиная с эпохи Раннего железного века вплоть до середины XX столетия [2]. Хорошо известно, что между двумя вышеуказанными реками существовали торговые пути, которые соединяли две мощные локации – Северное Причерноморье с последующим выходом в Средиземное море и Каспийский регион, где функционировал Великий Шелковый путь [13]. Кроме соединения условного запада и востока, так же существовали торговые пути между севером и югом, которые связывали Балтийские страны с Ближним Востоком [9; 14, с. 225–256]. Следовательно, контроль над переволоками, который позволял осуществлять передвижение по рекам Волги и Дона, становился важной целью для политических деятелей разных исторических эпох. В качестве примера можно привести политику хазарских правителей, которые собирали плату за возможность пройти варягам в Кас-

пийское море, походы князя Святослава на Волгу с целью ликвидации Хазарского каганата и соответственно подчинение торговых путей под власть молодого Киевского государства [1, с. 403–410; 10].

Данная территория представляла ключевое значение для торговли и для Золотой Орды, начиная от образования данного государства, вплоть до походов Тимура (Тамерлана). Значительное количество золотоордынских памятников (Мечетное городище, Водянского городище (Бельджамен), Царевское городище (Гюлистан), Азак и т. д.), располагались вдоль вышеуказанных водных артерий, где археологи находят большое количество вещественных источников, в том числе и импортных артефактов, которые указывают на интенсивные международные торговые связи [2, с. 165–202].

После распада Золотой Орды резко меняется роль волго-донских путей. Если раньше ключевым фактором развития региона являлась торговая составляющая, то после завоевания русскими войсками в середине XVI в. Казани и Астрахани акцент все больше стал смещаться на военно-политическое значение данной территории. Это было выз-

вано противостоянием между молодым Московским царством и Османской империей, а также ее вассалом Крымским ханством за политический контроль над южнорусскими степями. Так же хорошо известен сюжет, связанный с походом объединенного турецко-крымского войска на Астрахань в 1569 г., который закончился для турок неудачно. В контексте данного события появилась история, которая связана со строительством канала между Волгой и Доном по заданию султана Селима II до вышеуказанного похода [12]. Действительно, в отечественной и особенно турецкой историографии есть данные о строительстве канала между реками Иловля и Камышинка, которые являются соответственно притоками рек Дона и Волги. В результате строительства канал соединил бы две крупные водные артерии (Дон и Волга), что в дальнейшем упростило бы задачу захвата Астрахани, а также наладило в будущем логистику передвижения турецких войск в каспийский регион. Строительство канала закончилось неудачно по причине нехватки у турецко-татарских войск продовольствия и воды, а также благодаря успешным действиям русских войск в борьбе против усиления турецкой экспансии на территорию Нижнего Поволжья [5, с. 264].

Следующей попыткой использовать географические особенности двух рек Дона и Волги является строительство канала между их притоками Иловлей и Камышинкой, которые предпринял на рубеже XVII–XVIII вв. молодой царь Петр Алексеевич [11, с. 50–62]. Это был один из его первых крупных инфраструктурных проектов, вызванных необходимостью освоения данных земель для развития дальнейшего противостояния с Османской империей. Всего было предпринято две попытки. Первые строительные работы были начаты в 1697 г. под руководством немецкого инженера Иоганна Бреккеля. Несмотря на масштаб работ, которые были организованы немцем, строительство потерпело неудачу [16, с. 229]. В 1698 г. задание по прорытию канала и соединению двух рек получил английский инженер Джон Перри, который на протяжении нескольких лет вел крупные работы по реализации данной задачи. Несмотря на это, с началом Северной войны проект был заморо-

жен [16, с. 229]. После этого планы по соединению двух крупных рек были реализованы только в 1950-х гг., когда был построен Волго-Донской судоходный канал, только уже в другом месте.

На данный момент на территории Камышинского района Волгоградской области в районе населенного пункта Петров Вал сохранились остатки двух объектов археологического наследия, которые имеют прямое отношение к попыткам соединения рек Волги и Дона. Первый объект внесен в единый государственный реестр объектов культурного наследия Российской Федерации как «Селимов вал, 1550 г.». При этом отмечается, что данный объект также, по всей видимости, является и каналом И. Бреккеля, 1697–1698 годы. Второй объект фигурирует как «Петров вал» и имеет прямое отношение к работам Д. Перри.

Среди отечественных исследователей оба объекта хорошо известны [15]. Однако существует ряд вопросов, что вызывает определенный скепсис. Так, например, существует мнение, что попытки соединения двух рек имели авантюристский характер и являлись еще одной малопродуманной затеей Петра I [7, с. 110]. Кроме этого, существуют довольно обоснованные сомнения по поводу существования вала султана Селима, тем более его отождествление с валом И. Бреккеля [2, с. 204]. Также существует проблема источниковедческого характера. Дело в том, что территория Нижнего Поволжья на момент строительства канала находилась под контролем Казанского дворца, архив которого был уничтожен во время пожара в 1701 году [8, с. 163]. Следовательно, возникает необходимость привлечения новых исторических источников, которые бы позволили пролить свет на некоторые аспекты строительства столь сложных гидротехнических сооружений. Таким образом, было принято решение провести археологическое изучение вышеуказанных объектов с целью проверки информации, полученной при анализе картографического материала, а также уточнить сведения о современном состоянии данных памятников. В перспективе – наметить наиболее интересные места для проведения дальнейших археологических исследований.

Методы и материалы. В процессе изучения использовались методы археологической науки. Так как основной целью являлось выявление особенностей сооружения гидротехнических объектов эпохи Петра I, а также изучение материальной культуры XVII–XVIII вв., то для этого проводились археологические разведки, которые включали в себя: проведение визуального осмотра объектов археологического наследия, уточнение их современного состояния, проведение локальных раскопчных работ (шурфовок) в наиболее перспективных местах, поиск подъемного материала. Для определения мест проведения археологических работ, а также для уточнения территории исследования использовался картографический материал, например: карта конца 1760-х гг., составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым (НИОР БАН. Карта реки Камышинки. Карт. осн. 193. XVIII) и карта Атласа реки Дон Крюйса или Прилежащее описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря [3; 4].

Анализ. В ноябре 2022 г. сотрудниками ГБУ «Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры» была организована археологическая разведка, целью которой являлось проведение визуального осмотра объектов археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал», а также реализация небольших земляных работ для выявления культурного слоя XVII–XVIII вв., а также определение наиболее перспективных мест для будущего археологического исследования (см. рис. 1).

Первым объектом археологического изучения стал «Петров вал». Трасса канала пролегла юго-западнее от канала, который строил И. Бреккель. Как известно, в конце 1701 г. канал был вырыт наполовину и были установлены некоторые шлюзы, после чего было принято решение прекратить работу. Общая длина этого канала – 3,73 км, ширина – 47 м. По бокам его окаймляли валы. Следы этого канала до сих пор видны на самых низких отметках водораздела рек Иловля и Камышинка в Камышинском районе Волгоградской области. Искусственное русло пролегает между балками верховья реки Грязнуха и стари-

цей реки Иловля. Склоны оплыли и местами нивелированы сельскохозяйственной распашкой. Общая протяженность исследования составила 5 км. На данный момент, несмотря на свою историческую ценность, русло канала, особенно в месте наибольшего сближения с рекой Иловлей, активно задействовано в хозяйственной деятельности человека. Значительная часть канала занята частными хозяйствами, которые используют благоприятное расположение для ведения подсобного хозяйства.

Место, где предположительно находился вход в канал со стороны реки Иловли, претерпело довольно серьезное антропогенное изменение по причине сооружения различных коммуникаций, прокладки труб и т. д. Следовательно, возможность провести земляные работы была ограничена. Был заложен всего один археологический шурф на территории заброшенного придомового участка, который находился в непосредственной близости к месту, где протекала река Иловля. К сожалению, в процессе данных работ археологический материал обнаружен не был.

Вторым объектом археологических исследований стал «Селимов вал, 1550 г.», а точнее, вал И. Бреккеля. Как было уже отмечено, данный объект представляет собой остатки гидротехнического сооружения – канала, который строился по инициативе Петра I для того, чтобы соединить Волгу и Дон через их притоки Камышинку и Иловлю. За один год работ (с 1697 по 1698 г.) удалось прорыть несколько километров и возвести один шлюз. Однако данное сооружение было повреждено в ходе испытаний, поэтому было решено прекратить его строительство. Канал был шириной 27 м. До наших дней сохранилось трапециевидное в разрезе русло с валами, расположенное в черте поселка Петров Вал между балками верховья реки Камышинки и частной застройкой. Общая протяженность 4,2 км. Как и в предыдущем случае, выбор мест для проведения земляных работ был крайне ограничен, так как данный канал практически полностью располагается в жилой застройке современного населенного пункта Петров Вал. Частные дома непосредственно примыкают к нему. Следовательно, было принято решение использовать картографический матери-

ал для выявления наиболее перспективных мест для археологической шурфовки. Наиболее информативной картой для локализации канала И. Бреккеля является карта конца 1760-х гг., составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым (см. рис. 2) [6].

При анализе данного документа особо выделяется узкая часть трассы канала, которая соединяет реку Иловлю с остальными объектами. На данном участке хорошо видны два озера, а также артиллерийская батарея казаков (см. рис. 3). Вышеуказанные объекты сохранились до сегодняшнего дня и хорошо видны на спутниковых снимках (см. рис. 1). Стоит отметить, что данный участок канала не попал в существующие границы объекта «Селимов вал, 1550 г.». Поэтому было принято решение обследовать данную территорию с целью локализации вышеупомянутых объектов.

В ходе визуального изучения прилегающей территории довольно быстро удалось локализовать месторасположение озер и артиллерийской батареи. К сожалению, на данный момент площадь батареи практически полностью занята действующим мусульманским кладбищем. Однако, несмотря на это, артиллерийская батарея хорошо выделяется на фоне остального ландшафта. Также довольно легко читаются две земляные окружности, которые разделяет небольшой кольцевой ровик. Данную особенность можно увидеть и на карте, составленной Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым (см. рис. 3). Около озер был заложен археологический шурф, в котором археологический материал обнаружить не удалось.

Стоит отметить, что между озерами и восточной границей объекта археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.» пролегает поле, которое полностью выровняло поверхность объекта, что, по всей видимости, и привело к установлению существующих границ. Используя вышеуказанные объекты в качестве привязки на местности, была предпринята попытка проследить оставшуюся часть канала и выйти на место соединения с рекой Иловлей. Несмотря на то что территория была сильно задернована высоким кустарником, что осложняло визуальное обследование, удалось установить сохранившуюся часть канала и

выйти на предположительное вхождение реки Иловли в канал. Непосредственно на берегу реки был найден кованый предмет, который, возможно, имеет отношение к строительству данного канала (см. рис. 6). Железный предмет представляет собой двухвитковую спираль, согнутую из уплощенного железного прута, подпрямоугольной формы в сечении. Окончания прута ровно срезаны. На одном из окончаний сохранилась частичка древесины. Диаметр 5,0 × 4,9 см, размеры сечения 1,1 × 0,95 см.

Еще одно место, которое является перспективным для обнаружения культурного слоя XVII–XVIII вв., было установлено при изучении карты Атласа реки Дон Крюйса или Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря, которая датируется 1704 годом (см. рис. 4).

На ней можно проследить приблизительное месторасположение двух рабочих поселков строителей канала И. Бреккеля (см. рис. 5). Разумеется, масштабы карты не позволяют с точностью локализовать места расположения данных лагерей. Однако «старый лагерь работников» располагался недалеко от речки Грязнуха, поблизости с которой сейчас существует одноименный населенный пункт. Выбор данного места был продиктован еще тем фактом, что у местных жителей удалось заполучить медную монету, которая имеет номинал в одну деньгу и датируется эпохой правления императрицы Анны Иоанновны – 1739 годом (см. рис. 7).

Археологический шурф был заложен на поле, примерно в пятистах метрах к юго-востоку от населенного пункта Грязнуха и в двухстах метрах к югу от трассы Камышин – Петров Вал (см. рис. 1). К сожалению, культурный слой в шурфе обнаружить не удалось.

Отсутствие археологических артефактов, а также культурного слоя при проведении шурфовочных работ, во многом обусловлено сильной антропогенной деформацией, которую претерпели изучаемые объекты археологического наследия. Также стоит отметить факт того, что археологические исследования носили локальный характер и больше были связаны с визуальным изучением объектов петровской эпохи.

Результаты. Таким образом, в ходе проведенных археологических исследований удалось визуально оценить степень сохранности двух объектов археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал». Данные памятники серьезно пострадали в ходе хозяйственной и строительной деятельности. Канал, который строил Д. Перри, на сегодняшний день от реки Иловля до железной дороги практически полностью занят частными домовладениями. Однако существует возможность изучения другой части канала, которая проложена к верховьям балки р. Грязнуха. «Селимов вал, 1550 г.» также практически весь находится под современной застройкой населенного пункта Петров Вал. Однако, благодаря открытию сохраненной узкой части канала между рекой Иловлей и озерами, которые располагались по трассе канала, существует возможность изучения ранее неизвестного участка данного объекта. В целом стоит отметить, что конфигурация объектов (канал, артиллерийская батарея, озера) на карте 1760-х гг. довольно точно отражает реальные объекты на местности. Дальнейшее их изучение позволит вновь обратиться к проблеме локализации двух объектов: канала И. Беккеля и Селима II.

Несмотря на тот факт, что культурный слой при проведении земляных работ не был

выявлен, стоит сказать, что работы носили локальный характер и общее количество заложённых шурфов явно недостаточно для изучения таких масштабных объектов. С учетом того, что на будущий год по плану заложены более крупные по масштабу раскопки, существует вероятность обнаружения новых объектов петровской эпохи. В данном контексте точная локализация канала И. Беккеля позволяет конкретизировать месторасположение рабочих поселков, что в перспективе создаст условия для их обнаружения и археологического изучения культурных слоев XVII века.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках реализации гранта РФФИ «Канал Камышинка – Иловля (Волга – Дон) как памятник науки и техники и объект культурного наследия Петровской эпохи» (проект № 22-28-20016).

The work was carried out within the framework of the grant of the Russian Scientific Foundation “Kamyshinka-Ilovlya Canal (Volga-Don) as a monument of science and technology and an object of cultural heritage of the Peter the Great era” (project No. 22-28-20016) with the financial support of the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Region.

ПРИЛОЖЕНИЕ

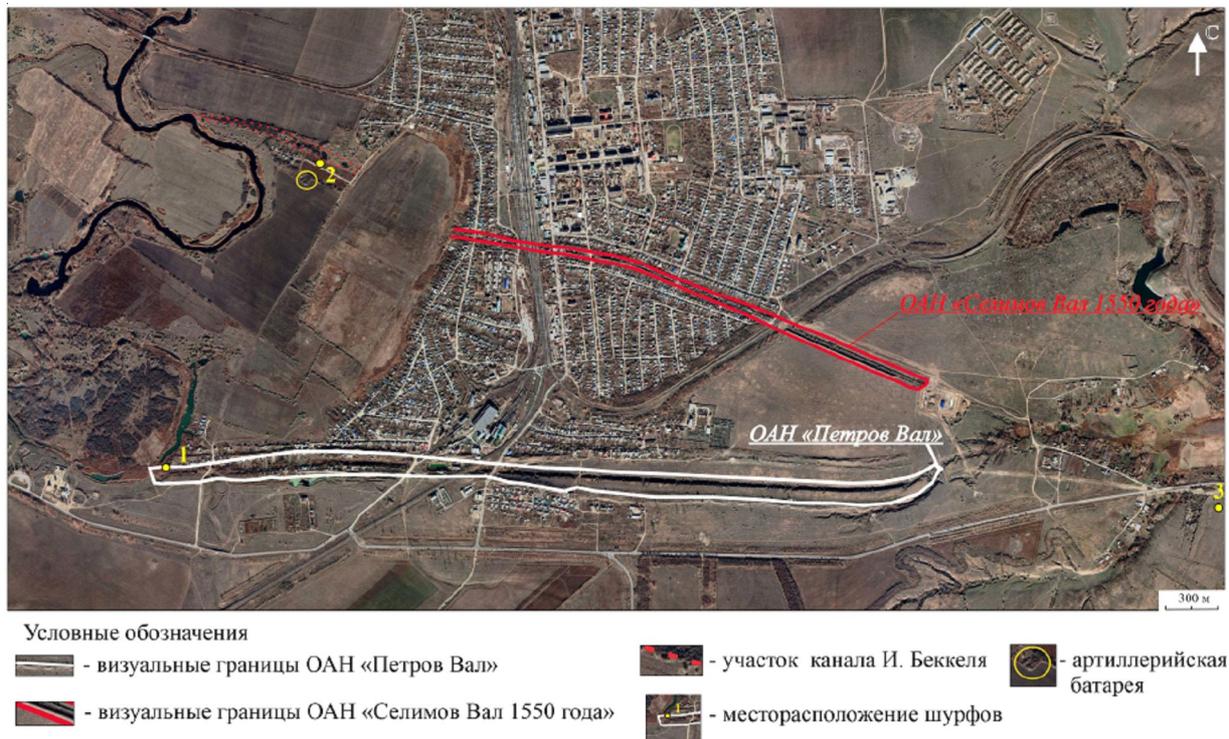

Рис. 1. Спутниковый снимок объектов археологического наследия «Селимов Вал 1550 год» и «Петров Вал».

Рис. 1. Спутниковый снимок объектов археологического наследия «Селимов вал, 1550 г.» и «Петров вал»
Fig. 1. The satellite image of the archaeological heritage sites “Selimov Val, 1550” and “Petrov Val”

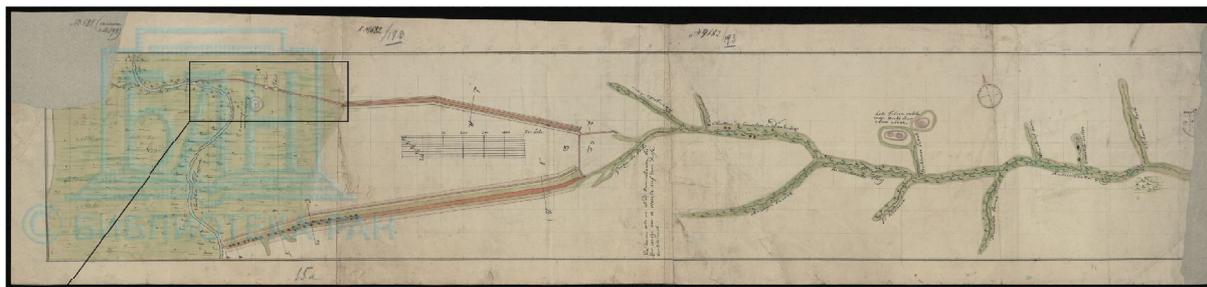

Рис. 2. Карта, составленная Г. М.Ловицем и П.Б. Иноходцевым в конце 1760-х гг.

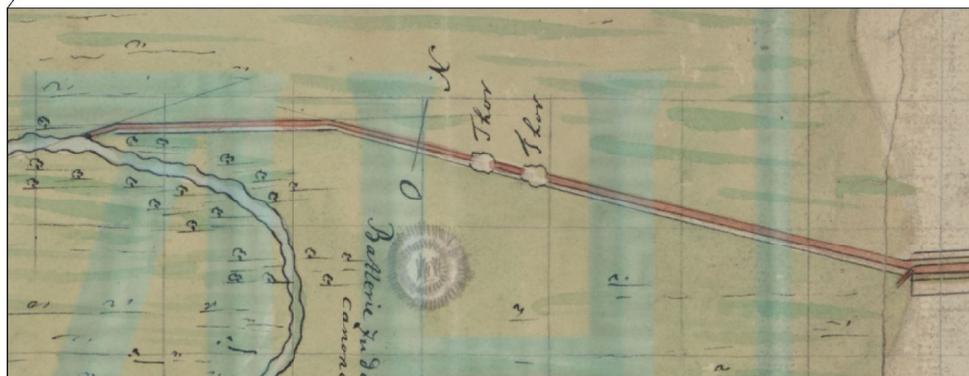

Рис. 3. Участок канала, где расположены объекты изучения (озера и артиллерийская батарея).

Рис. 2. Карта, составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым в конце 1760-х годов

Fig. 2. The map which was made by G.M. Lovitz and P.B. Inokhodtsev in the late 1760s

Рис. 3. Участок канала, где расположены объекты изучения (озера и артиллерийская батарея)

Fig. 3. The section of the canal where the study objects (lakes and an artillery battery) are located

Рис. 4. Карта из атласа реки Дон Крюйса, 1704 г.

Рис. 5. Месторасположение рабочих лагерей строителей канала.

Рис. 4. Карта из атласа реки Дон Крюйса, 1704 год

Fig. 4. The map from the atlas of the Don River by Cruys, 1704

Рис. 5. Месторасположение рабочих лагерей строителей канала

Fig. 5. The location of the work camps of the canal builders

Рис. 6. Фрагмент кованого железного предмета (масштаб 1:1).

Рис. 7. Медная монета 1739 года (масштаб 1:1).

Рис. 6. Фрагмент кованого железного предмета (масштаб 1 : 1)

Fig. 6. A fragment of a forged iron object (scale 1 : 1)

Рис. 7. Медная монета 1739 г. (масштаб 1 : 1)

Fig. 7. The copper coin of 1739 (scale 1 : 1)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. 560 с.
2. Археологическое наследия Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея / под ред. А. С. Скрипкина. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.
3. Атлас реки Дон Крюйса К.И. или Прилежное описание реки Дону или Танаиса, Азовского моря или Езера Меотского, Понта Эуксинского или Черного моря // Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 1331 сч. Оп. 4. Ед. хр. 746.
4. Карта, составленная Г.М. Ловицем и П.Б. Иноходцевым // Научно-исследовательский отдел рукописей Библиотеки Академии наук (НИОР БАН). Собрание рукописных карт. Основное собрание. Ед. хр. 193.
5. Камалов И. Х. Астраханский поход султана Селима: причины и перспективы // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2010. Вып. 2. С. 262–266.
6. Клейтман А. Л. Материалы научной экспедиции Г.М. Ловица и П.Б. Иноходцева 1769–1774 годов как источники по истории Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11, вып. 1. С. 3–8.
7. Клейтман А. Л., Тюменцев И. О., Иванова Т. Б. Вопрос о строительстве Волго-Донского канала в научной мысли России XVIII – середины XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 6. С. 107–115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.7>
8. Клейтман А. Л. История строительства Петровского канала Волга – Дон (Камышинка – Иловля): источники, историография, перспективы исследования // Материалы междунар. конф. Российского национального комитета по истории и философии науки и техники РАН, посвящ. 90-летию института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН. М.: Ин-т истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2022. С. 162–165.
9. Кодзаев К. М. Торговля и обмен в процессе политогенеза на Северном Кавказе в раннесредневековый период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. 2009. Т. 15, № 1. С. 156–162.
10. Коновалова И. Г. Поход Святослава на Восток в контексте борьбы за «Хазарское наследство» // *Stratum plus*. 2000. № 5. С. 226–235.
11. Рябов С. И., Самойлов Г. П., Супрун В. И. Петр I в Царицыне и на Среднем Дону. Волгоград: Перемена, 1994. 174 с.

12. Садиков П. А. Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. // Исторические записки. 1947. Т. 22. С. 132–166.

13. Скрипкин А. С. О некоторых особенностях начала функционирования северного ответвления Великого шелкового пути // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22, № 2. С. 6–14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.1>

14. Хейвуд Д. Люди Севера. История викингов 793–1241. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 452 с.

15. Юркин И. Н. Канал Волго-Дон: Историография соединения рек и инженерная мысль XIX–XX веков // История и современное мировоззрение. 2022. Т. 4, № 3. С. 98–102. DOI: [10.33693/2658-4654-2022-4-3-98-102](https://doi.org/10.33693/2658-4654-2022-4-3-98-102)

16. Юркин И. Н. «...Учинить коммуникацию надежную от моря Каспийского...» (первые попытки соединения водных бассейнов Волги и Дона и оставленные ими памятники) // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации. Волгоград: Сфера, 2020. С. 227–236.

REFERENCES

1. Artamonov M.I. *Istoriia khazar* [The History of the Khazars]. Saint Petersburg, Filol. fak. SPbGU, 2002. 560 p.
2. Skripkin A.S., ed. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoi oblasti. K 100-letiiu Volgogradskogo kraevedcheskogo muzeia* [The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Museum of Local Lore]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013. 288 p.
3. Atlas reki Don Kryuysa K.I. ili Prilezhnoe opisaniie reki Donu ili Tanaisa, Azovskogo morya ili Ezera Meotskogo, Ponta Euksinskogo ili Chernogo morya [Atlas of the Don River by Kruis K.I. or A Diligent Description of the Don River or Tanais, the Sea of Azov or the Meotian Yezer, the Euxine or the Black Sea]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv Voенno-morskogo flota (RGAVMF)* [Russian State Archive of the Navy], f. 1331, inv. 4, dep. item 746.
4. Karta, sostavlenная G.M. Lovitsem i P.B. Inokhodtsevym [The Map Compiled by G.M. Lovits and P.B. Inokhodtsev]. *Nauchno-issledovatel'skiy otdel rukopisey Biblioteki Akademii nauk (NIOR BAN). Sobranie rukopisnykh kart. Osnovnoe sobranie* [Research Department of Manuscripts of the Library of the Academy of Sciences. Collection of Handwritten Cards. Main Collection], dep. item 193.
5. Kamalov I.Kh. *Astrahanskij pohod sultana Selima: prichiny i perspektivy* [Astrakhan Campaign of

Sultan Selim: Reasons and Prospects]. *Srednevekovye tjurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turko-Tatar States]. Kazan, 2010, iss. 2, pp. 262-266.

6. Kleytman A.L. Materialy nauchnoj ekspedicii G.M. Lovica i P.B. Inohodceva 1769–1774 godov kak istochniki po istorii Nizhnego Povolzhya [The Materials of the G.M. Lowitz and P.B. Inokhodtsev's Scientific Expedition (1769-1774) as the Sources on the History of the Low Volga Region]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnyye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2011, vol. 11, iss. 1, pp. 3-8.

7. Kleytman A.L., Tyumentsev I.O., Ivanova T.B. Vopros o stroitel'stve Volgo-Donskogo kanala v nauchnoj mysli Rossii XVIII – serediny XX veka [On the Problem of the Volga-Don Channel Construction in the Scientific Thought of Russia of the 18th – the Middle of the 20th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2018, vol. 23, no. 6, pp. 107-115. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.6.7>

8. Kleytman A.L. Istorija stroitelstva Petrovskogo kanala Volga – Don (Kamyshinka – Ilovlya): istochniki, istoriografija, perspektivy issledovanija [The History of Construction of Peter's Volga-Don Canal (Kamyshinka-Ilovlya): Sources, Historiography, Study Prospects]. *Materialy mezhdunar. konf. Rossijskogo nacionalnogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tehniki RAN, posvjashh. 90-letiju instituta istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN* [Proceedings of the International Conference of Russian National Committee for the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, Devoted to the 90th Anniversary of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, In-t istorii estestvoznaniya i tehniki im. S.I. Vavilova RAN, 2022, pp. 162-165.

9. Kodzaev K.M. Torgovlya i obmen v protsesse politogeneza na Severnom Kavkaze v rannesrednevekovyy period [Trade and Exchange of Political Geneses Process in the Northern Caucasus in the Early Medieval Period]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo*

universiteta. Seriya 4, Istorija [Science Journal of Volgograd State University. History], 2009, vol. 15, no. 1, pp. 156-162.

10. Konovalova I.G. Pokhod Sviatoslava na Vostok v kontekste borby za «Khazarское nasledstvo» [The Oriental Policy of Svjatoslav in the Context of International Struggle for “Khazarian Heritage”]. *Stratum plus*, 2000, no. 5, pp. 226-235.

11. Rjabov S.I., Samojlov G.P., Suprun V.I. *Petr I v Caricyne i na Srednem Donu* [Peter I in Tsaritsyn and on the Middle Don]. Volgograd, Peremena Publ., 1994. 174 p.

12. Sadikov P.A. Pokhod tatar i turok na Astrakhan v 1569 g. [The Campaign of the Tatars and Turks to Astrakhan in 1569]. *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes], 1947, vol. 22, pp. 132-166.

13. Skripkin A.S. O nekotorykh osobennostyakh nachala funkcionirovaniya severnogo otvetvleniya Velikogo shelkovogo puti [Some Features of the Functioning of the Northern Branch of the Great Silk Road]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2017, vol. 22, no. 2, pp. 6-14. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.1>

14. Haywood J. *Liudi Severa. Istorija vikingov 793–1241* [Northmen. The Viking Saga 793-1241 AD]. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2017. 452 p.

15. Yurkin I.N. Kanal Volgo-Don: Istorigrafija soedinenija rek i inzhenernaja mysl XIX–XX vekov [The Volga-Don Canal: Historiography of River Connections and Engineering Thought of the 19th – 20th Centuries]. *Istorija i sovremennoe mirovozzrenie* [History and Modern Perspectives], 2022, vol. 4, no. 3, pp. 98-102. DOI: [10.33693/2658-4654-2022-4-3-98-102](https://doi.org/10.33693/2658-4654-2022-4-3-98-102)

16. Yurkin I.N. «...Uchinit kommunikatsiiu nadezhnuu ot moria Kaspiiskogo...» (pervye popytki soedineniia vodnykh basseinov Volgi i Dona i ostavlennye imi pamiatniki) [“...To Construct Reliable Communication from the Caspian Sea...” (The First Attempts to Connect the Water Basins of the Volga and the Don and the Monuments Left by Them)]. *Obyekty kulturnogo naslediya Petrovskoy epokhi na yuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeefikatsii* [Objects of Cultural Heritage of the Petrine Era in the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museumification]. Volgograd, Sphera Publ., 2020, pp. 227-236.

Information About the Author

Yakov A. Kiyashko, Head of the General Department, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation; Senior Lecturer, Department of Service and Tourism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, kiyashko.yakov@gmail.com, kiyashko.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-8375>

Информация об авторе

Яков Алексеевич Кияшко, начальник общего отдела, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; старший преподаватель кафедры сервиса и туризма, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, kiyashko.yakov@gmail.com, kiyashko.azi@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5529-8375>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.4>

UDC 94(47).05
LBC 63.3(2)51

Submitted: 15.10.2021
Accepted: 06.12.2021

GRACHEVSKAYA AND MECHE TNAYA FORTRESSES OF TSARITSYN GUARD LINE AT THE 18th CENTURY PLANS AND AERIAL PHOTOGRAPHS FROM 1942–1943¹

Andrei S. Lapshin

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The aim of the work is to establish the degree of consistency and graphical reliability of the information in existing manuscript plans of fortresses of Grachevskaya and Mechetnaya of the Tsaritsyn guard line drawn in the 18th century in comparison with their ruined remains which were recorded in the middle of the 20th century. One of the main tasks is to present new sources for the study of Tsaritsyn guard line: photo materials of 1942–1943 and a topographical plan. They reliably allow us to recognize not only about the exact location and configuration of the Mechetnaya and Grachevskaya fortresses, but also about their basic dimensions. The relevance of the research topic is due to the fact that at present these sites no longer exist, and information about them has survived only in photographic or topographic form, which is introduced into scientific data for the first time. **Methods and materials.** The study is based on published material, archival manuscript plans from the 18th century, as well as aerial photographs from 1942–1943 and a topographical plan from the 1970s. Special technical methods of combining plans and maps with modern satellite imagery of terrain geo-information resources have allowed to compare these contemporaneous documents. **Analysis.** A comparative analysis of the size, shape and location of the fortresses of Grachevskaya and Mechetnaya, as well as some other sections of Tsaritsyn guard line, has been made. The article provides a comparative analysis of manuscript plans of 18th century fortresses, aerial photographs and other cartographic materials of the middle of the 20th century. **Results.** The use of photographs and satellite images, measurements of linear dimensions and calculations made it possible to establish the most accurate dimensional characteristics of the fortresses. The main conclusion of the research is the established fact that the plan of 1769–1770 of the fortresses of Grachevskaya and Mechetnaya, drawn by P.B. Inokhodtsev, is distinguished by quite a high degree of graphic correspondence with the ruined remains of these fortifications, fixed on the aerial photography of 1942–1943 and other materials from the 1960s and 1970s.

Key words: Tsaritsyn guard line, the 18th century, plan, aerial photographs of 1942–1943, Grachevskaya fortress, Mechetnaya fortress, rampart, bastion.

Citation. Lapshin A.S. Grachevskaya and Mechetnaya Fortresses of Tsaritsyn Guard Line at the 18th Century Plans and Aerial Photographs from 1942–1943. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 40-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.4>

УДК 94(47).05
ББК 63.3(2)51

Дата поступления статьи: 15.10.2021
Дата принятия статьи: 06.12.2021

КРЕПОСТИ ГРАЧЁВСКАЯ И МЕЧЁТНАЯ ЦАРИЦЫНСКОЙ СТОРОЖЕВОЙ ЛИНИИ НА ПЛАНАХ XVIII в. И АЭРОФОТОСНИМКАХ 1942–1943 ГОДОВ¹

Андрей Сергеевич Лапшин

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Цель работы – установить степень соответствия и графической достоверности информации имеющихся рукописных планов крепостей Грачёвская и Мечётная Царицынской линии, составленных в XVIII в., в сравнении с их руинированными остатками, которые были зафиксированы в середине XX века. Одной из задач является представление новых источников для изучения Царицынской линии – фотоматериалов 1942–1943 гг. и топографического плана, достоверно позволяющих судить не только о точной локализации и конфигурации крепостей Мечётной и Грачёвской, но и об их основных размерных габаритах. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время эти объекты более не существуют и информация о них сохранилась лишь в фотографическом или топографическом виде, которая впервые вводится в научный оборот в данной статье. *Методы и материалы.* В основе исследования лежат опубликованные материалы, архивные рукописные планы XVIII в., а также аэрофотоснимки 1942–1943 гг. и топографический план 1970-х годов. Специальные технические методы совмещения планов и карт с современными данными космосъёмки рельефа местности геоинформационных ресурсов позволили провести сопоставление этих разновременных документов. *Анализ.* Выполнен сравнительный анализ размеров, форм и местоположения крепостей Грачёвской и Мечётной, а также некоторых других участков Царицынской линии. Дана сравнительная характеристика рукописных планов крепостей XVIII в., аэрофотоснимков и других картографических материалов середины XX века. *Результаты.* Использование фото- и космоснимков, проведенных по ним измерений линейных величин и вычислительных операций позволило установить максимально точные размерные характеристики крепостей. Основным выводом исследования является установленный факт, что план 1769–1770-х гг. крепостей Грачёвской и Мечётной, составленный П.Б. Иноходцевым, отличается высокой степенью графического соответствия руинированным остаткам этих укреплений, зафиксированным на аэрофотосъёмке 1942–1943 гг. и других материалах 60–70 гг. XX века.

Ключевые слова: Царицынская сторожевая линия, XVIII век, план, аэрофотоснимки 1942–1943 гг., Грачёвская крепость, Мечётная крепость, вал, бастион.

Цитирование. Лапшин А. С. Крепости Грачёвская и Мечётная Царицынской сторожевой линии на планах XVIII в. и аэрофотоснимках 1942–1943 годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 40–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.4>

Строительство укрепленных линий приобрело в XVII – первой трети XVIII в. широкий размах и проводилось во многих приграничных областях территории Российского государства. Одной из таких укрепленных линий была Царицынская, расположенная между Царицыном на Волге и городком Паншин на Дону (район современной ст-цы Качалинской Волгоградской области). Этот военно-инженерный комплекс, созданный в Волго-Донском междуречье в 1718–1720 гг., представлял собой линейное фортификационное сооружение из земляного вала и примыкавшего к нему сухого рва. На линии, кроме Царицынской крепости, были построены 4 укрепленных объекта, которые в источниках и литературе также имеют наименования крепостей – Мечётная, Грачёвская, Осокорская, Донская, и серия реданов – укреплений из двух фасов насыпи вала и рва, в виде исходящего угла, выступающего в сторону фронта.

В литературе, посвященной изучению данного фортификационного объекта XVIII в., и исторических документах имеются следующие наиболее употребляемые его наименования:

Царицынская линия, Царицынская укрепленная линия, Царицынская сторожевая линия, Вал Анны Иоанновны и другие взаимные сочетания этих терминов и эпитетов. На эту вариантность определений памятника обращали внимание исследователи, в частности в монографии Т.И. Лавриновой есть аргументированный комментарий по этому вопросу [9, с. 3–4]. Разнообразие наименований наблюдается также в государственных документах, в том числе и современных. В именном приказе Петра I от 31 января 1718 г. этот военно-инженерный комплекс назван как Царицынская линия. В Постановлении Волгоградской областной думы от 05.06.1997 г. № 62/706 «О постановке на государственную охрану памятников истории и культуры Волгоградской области» объект (№ по списку 510.26) имеет наименование: Вал Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны). В паспорте на памятник истории регионального значения от 14.12.2006 г. – Царицынская линия. В Едином государственном реестре объектов культурного наследия на территории Городищенского района Волгоградской области он имеет название: Вал Царицын-

ской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны), а на территории южной части Иловлинского района – Вал Царицынской сторожевой линии. Подробное исследование этого вопроса не входит в задачи работы, и в данном случае многообразие названий, ставшее отчасти историографической традицией, не влияет на понимание того, о каком памятнике идет речь. В статье будут использоваться наименования: Царицынская сторожевая линия и Царицынская линия.

В 2020 г. под руководством автора данной работы на всей протяженности сохранившихся участков Царицынской линии проведены археологические разведки [10; 11]. В результате было установлено, что участки 2 из 4 земляных крепостей (Грачёвская и Мечётная) заняты современной застройкой. Наземные фортификационные элементы всех крепостей полностью уничтожены и более не существуют. В настоящее время об их геометрических формах, габаритных размерах, площади и устройстве можно судить практически только по данным исторических планов XVIII в., которых, однако, известно немного. Если не учитывать схематические изображения крепостей на общих планах Царицынской линии, то их относительно детализированные планы имеются в труде военного инженера, профессора Императорской военной академии Ф.Ф. Ласковского и в архиве Отдела рукописей Библиотеки Академии наук (далее – ОР БАН) – планы крепостей Царицынской линии, составленные адъютантом Санкт-Петербургской академии наук П.Б. Иноходцевым [7; 12, л. 27; 15]. Последний документ был составлен в 1769–1770-х гг. и является, как указано в подписи к нему, копией с подлинника, которая, скорее всего, хранилась в Царицыне [6, с. 107]. План из ОР БАН представляет собой лист, разделенный на четыре части, где изображены чертежи крепостей – Мечётной, Осокорской, Грачёвской и Донской [15].

Строительство Царицынской линии было осуществлено в сжатые сроки, сопровождалось многочисленными трудностями, а позже линия неоднократно ремонтировалась [8, с. 15–17; 9, с. 33–38]. В этой связи цель работы – установить, какова была степень соответствия и графической достоверности планов крепостей Царицынской линии, составленных в XVIII в.,

в сравнении с их руинированными остатками, зафиксированными в XX веке.

Сразу следует оговориться, что в отношении крепостей Царицынской, Донской и Осокорской этот вопрос пока останется открытым. Они полностью уничтожены застройкой XIX–XX вв. или разрушены в результате естественных причин. Сохранились только планы XVIII в., и сравнивать их пока не с чем. Несколько иначе в решении нашей задачи обстоит дело с крепостями Мечётной и Грачёвской. Несмотря на то что они также подверглись полному уничтожению в начале XXI в., в нашем распоряжении имеются источники, позволяющие судить не только об их точном географическом положении на местности, но и расположении крепостей относительно самой Царицынской линии, конфигурации и геометрических формах, а также их основных размерных габаритах. Что представляют собой эти источники? Речь идет прежде всего об аэрофотоснимках местности Сталинградской области, сделанных военно-воздушными силами гитлеровской Германии в период Сталинградской битвы в 1942–1943 гг., которые хранятся в Национальном управлении архивов и документации США (National Archives and Records Administration, NARA). В работе используется информация с трех снимков, выполненных вертикальной, высотной аэрофотосъемкой [2; 3; 4]. На них зафиксированы участки, где были расположены крепости Мечётная и Грачёвская. По фотоснимкам, имеющим высокую степень оптического разрешения и качества изображения, хорошо видно, что крепости в это время полностью сохраняли отчетливые очертания своих основных элементов: земляных рвов, валов, полубастионов. Для Грачёвской крепости есть один снимок, для Мечётной крепости их два – сделанные в осеннее и зимнее время (рис. 2, 1; 4, 2; 5). На одном из электронных ресурсов размещен еще один фотоснимок местности, где можно видеть отчетливые очертания Мечётной крепости (рис. 6). Его наименование на странице сайта «Спутниковый снимок Волгограда», он сделан спутником КН-7 Gambit (США) и датирован 01.10.1965 г. [17]. Все основные элементы рельефа местности – русла балок и рек, зафиксированные на указанных снимках, были сопоставлены и совме-

щены с современными данными космосъемки этой же местности геоинформационных ресурсов SASPlanet и Google Earth Pro, что позволило достаточно точно определить месторасположение этих крепостей, а также установить линейные размеры сохранившихся к тому времени их очертаний. Полученные таким методом географические координаты контрольных поворотных точек элементов ландшафта и участков Царицынской линии были проверены на местности в ходе археологической разведки в 2020 г., с использованием навигационного прибора глобального позиционирования Garmin GPSMAP 76Сх. Погрешность измерений оказалась незначительной для наших целей и на местности находилась в пределах 5–10 м, в зависимости от степени визуально различимых на фотоснимках элементов ландшафта или объектов. Промеры линейных частей объектов на планах и фотоснимках выполнялись как простейшими средствами и приборами измерения (линейка, кронциркуль, транспортир), так и электронными инструментами, предусмотренными для этого в геоинформационных системах и программах. Еще одним источником, где графически зафиксированы остатки Грачёвской крепости, является ее план, составленный топографом В.Н. Конкиным в конце 1970-х годов. Используя крупномасштабную (М 1 : 2 000) топографическую подоснову, В.Н. Конкиным был визуально обследован участок расположения крепости и составлен ее план. На нем зафиксирован сохранившийся участок вала и рва Царицынской линии и контуры самой крепости, включая ее сохранившиеся фортификационные элементы (рис. 2, 2). Этот план является, по сути, пока единственным топографическим документом, зафиксировавшим достоверно реальные очертания крепости в конце 1970-х гг. и позволяющим установить ее основные планиграфические особенности и размеры.

Переходя к сопоставлению рукописных планов XVIII в. с аэрофотоснимками крепостей Грачёвской и Мечётной, нужно отметить, что в литературе описание их размеров имеет самый общий характер [9, с. 45–48; 14, с. 207]. В труде Ф.Ф. Ласковского размерные характеристики указаны только для Царицынской крепости, описания остальных крепост-

ных пунктов Царицынской линии содержат только информацию об их месторасположении, геометрической форме, численности личного состава гарнизона и и количестве вооружения [13, с. 487]. В работе Т.И. Лавриновой при описании крепостей приводятся их размерные характеристики в виде общей длины и формы, периметра укреплений, указывается высота валов и ширина рва. Касаемо интересующих нас крепостей: у Грачёвской – периметр укреплений составлял 297 м, у Мечётной, которая, как отмечает исследователь, копировала крепость Донскую, длина периметра составляла 136,5 м [9, с. 47–48]. Однако из этого описания не совсем понятно, как вычислялись данные размеры и какие поворотные точки использовались при расчете периметра укреплений. Также обращает на себя внимание то, что размеры Осокорской крепости (редута) указаны как фактически одинаковые с Донской и Мечётной – 136, 1 м [9, с. 46]. Это не согласуется с общим планом 4 крепостей и Царицынской линии XVIII в., где Осокорская крепость изображена почти вдвое меньшей по размерам, чем Донская и Мечётная [15]. Археологические разведки в 2020 г. на месте расположения Осокорской крепости позволяют говорить о том, что внутренний периметр площадки крепостного двора не превышал 80 м, что вполне соответствует ее чертежу 1769–1770-х гг. [11, с. 43]. Из последних работ, посвященных описанию крепостей, следует отметить статью С.А. Иванюка, где приводится характеристика их инженерных особенностей и схем [5].

Теперь обратимся к имеющимся историческим планам крепости Грачёвская. Она была главным опорным пунктом войск, принимавших участие в сторожевой службе на Царицынской линии. Для ее обороны назначался гарнизон в 500 человек [5, с. 47; 9, с. 47; 13, с. 487]. Планов этой крепости в нашем распоряжении два. Один из них приводится в сводном труде по инженерной фортификации Ф.Ф. Ласковского [12, л. 27]. На нем изображена крепость в форме правильного пятиугольника, окруженная по своему периметру рвом и земляным валом. К углам примыкали бастионы – пятисторонние укрепления. Три из них были обращены в ЮЗ направлении. С этой стороны изображено дополнительное форти-

фикационное сооружение в виде единой линии рва и в форме симметрично расположенных треугольных выступов, примыкающих ко рву Царицынской линии (рис. 1, 1). Этот ров, который терминологически можно определить как аванфос, располагался на удалении от крепостного рва и повторял контуры передней части крепости [5, с. 47; 16, с. 13]. Второй план Грачёвской крепости составлен П.Б. Иноходцевым в 1769–1770-х гг. [15]. В целом общая форма крепости на нем отличается сходством с планом, описанным выше. Но следует отметить гораздо бóльшую его детализацию и информативность в отображении элементов крепости (рис. 1, 2). Здесь, кроме рвов и валов, отмечены строения внутри крепостного двора, а также мосты для перехода в крепость и за вал Царицынской линии. Обращает на себя внимание то, что сам пятиугольник крепости на этом плане расположен несколько иначе относительно внешнего рва – аванфоса. На плане П.Б. Иноходцева внешний ров отстоит от самой крепости гораздо дальше, чем на плане, приведенном в работе Ф.Ф. Ласковского. Кроме этого, на нем, между СЗ и СВ бастионами, изображен ров в форме дуги. Его назначение неясно, но на плане он конструктивно соединяет ров крепости и окружавший ее аванфос. Оба плана снабжены линейным масштабом, где величины делений даны в сажнях. Если сравнивать по ним линейные размеры крепости, то выяснится, что они существенно различаются. Так, например, на плане, который приводит Ф.Ф. Ласковский, длина стороны окружающего крепость внешнего рва (аванфоса) составляет в сажнях 60 (около 128 м), а на плане, составленном П.Б. Иноходцевым, – 43 (около 92 м). Далее соответственно – расстояние между крайними точками аванфоса, примыкающего к основному рву линии, составляет в сажнях около 170 (362 м) и 87 (185 м), длина между вершинами (шпиц) ближайших бастионов крепости, от внешнего края их рва, равна в сажнях 95 (около 203 м) и 33 (около 70 м), длина стороны внутреннего двора крепости без учета площади бастионов составляет в сажнях 50 (около 106 м) и 12 (около 25 м). Таким образом, крепость на плане, приведенном в работе Ф.Ф. Ласковского, не менее чем в 2 раза, а по некоторым замерам и в 3 раза, больше по

площади, чем на плане П.Б. Иноходцева 1769–1770-х годов. Пересчет значений в десятичную метрическую систему здесь и далее в тексте проводился из расчета 1 сажень = 2,1336 м [19, с. 99–100, 256].

Теперь для сравнения и выяснения реальных размеров и геометрии Грачёвской крепости обратимся к ее аэрофотоснимку 1942 г. и крайне ценному в плане сопоставления размеров топографическому плану 1970-х гг. (рис. 2). На фотоснимке, сделанном 9 сентября 1942 г., хорошо видно, что участки вала, рва Царицынской линии, а также полностью сама крепость в это время сохраняли отчетливые очертания всех своих основных элементов (рис. 2, 1). Совмещение в одном масштабе плана крепости, составленного В.Н. Конкиным в конце 1970-х гг., с фотоснимком 1942 г. выявило практически тождественное совпадение ее изображений. Углы поворотов валов, рвов, их взаимное расположение, форма крепости, ее размеры, то есть основные сохранившиеся геометрические элементы объекта имеют фактически полное сходство.

Если сравнить аэрофотоснимок 1942 г., план 1970-х гг. и планы Грачёвской крепости XVIII в., описанные выше, то по ряду параметров наибольшее сходство фотоснимок находит с планом П.Б. Иноходцева (рис. 1, 2). Во-первых, совпадает расположение на плане самой крепости относительно аванфоса. Хотя выступы этого внешнего рва на плане 1769–1770-х гг. имеют более тупой угол, но расстояние, на котором он расположен от видимых контуров рва крепости, и длина его сторон, примыкающих к основному рву Царицынской линии, очень близки значениям промеров, полученным по аэрофотоснимку и топоплану 1970-х годов. Разница составляет лишь 8–12 м. По промерам, выполненным на аэрофотоснимке и плане 1970-х гг., верхний угол аванфоса был расположен на расстоянии 125 м от края рва вершины ЮЗ бастиона. Сохранившаяся ширина рва около 10–12 м. Во-вторых, практически точно совпадают промеры расстояний внешних границ пятиугольника крепости между краями рвов ЗСЗ и ВЮВ вершин бастионов, а также рва вершины бастиона с ЮЮЗ и края рва в месте входа в крепость. Они соответственно равны расстоянию в сажнях 55 (117 м) и 50 (106 м) на плане

1769–1770-х гг. и 120 м и 110 м на аэрофотоснимке 1942 г. и топоплане 1970-х годов. Длина между вершинами внешнего края рва ближайших крепостных бастионов равна около 75 м. Периметр внутреннего двора крепости, без учета площади бастионов, представлял собой правильный пятиугольник с длиной сторон около 25–28 м. Практически эта же длина показана на плане П.Б. Иноходцева, что полностью подтверждается данными аэрофотоснимка. В-третьих, на этом плане имеется изображение дуговидного рва между СЗ и СВ бастионами, который соединял рвы крепости и аванпоса (рис. 1, 2). Достаточно четкие контуры этого рва в форме дуги хорошо просматриваются и на аэрофотоснимке (рис. 2, 1). Он имеет то же местоположение и габариты, что и на указанном плане XVIII века. Эта архитектурная деталь также говорит в пользу соответствия изображений крепости на этих документах.

Таким образом, можно констатировать, что план Грачёвской крепости, составленный П.Б. Иноходцевым, по целому ряду признаков имеет наибольшее сходство с материалами аэрофотосъемки 1942 г. и топосъемки 1970-х годов. Он достаточно точно передает расположение, геометрию и габаритные размеры Грачёвской крепости, зафиксированные в XX веке. План, приведенный в работе Ф.Ф. Ласковского, отличается большей схематичностью изображения и, судя по масштабу, не менее чем в 2 раза завышенные размеры крепости, хотя нельзя исключать и ошибку в использовании масштабной линейки на иллюстрации. Географическое местоположение этой крепости не вызывает сомнений. Она занимала участок на правом берегу балки Солдатская, выходящей к р. Грачи (окраина х. Грачи Городищенского района Волгоградской области). Ее руинированные остатки до 2014–2015 гг. еще визуально фиксировались на местности (рис. 3, 1). Здесь в разное время местными жителями были найдены монеты и бытовые предметы XVIII в. [1, с. 56, 59]. В ходе осмотра места расположения крепости осенью 2020 г. установлено, что никаких наземных крепостных сооружений не сохранилось. Место, где находилась крепость, полностью занято современными капитальными строениями сельскохозяйственных складов и иного

назначения, а также асфальтированной площадкой для стоянки техники [10, с. 207–208]. Прилегающая территория покрыта отвалами грунта, строительным и бытовым мусором (рис. 3, 2). Следует отметить, что строительство на всей площади территории Грачёвской крепости совершено недавно, в период с 2016 по 2019 г., что не может не вызывать огромного сожаления. Активная застройка в последние годы ее центральной части невольно наводит на мысль о намеренном умысле уничтожения этого объекта с целью избежать возможных ограничений, связанных с охраной и изучением этого памятника. Данный подход в отношении объектов археологического наследия, впрочем, в таких ситуациях давно не удивляет и является в современной действительности в порядке вещей. В настоящее время здесь ведутся локальные строительные и земляные работы, доступ на территорию расположения крепости для археологических изысканий в 2020 г. был полностью ограничен охраной сельскохозяйственных строений.

Еще одна крепость, исторический план которой возможно сопоставить с аэрофотосъемкой середины XX в., – Мечётная. В нашем распоряжении имеется ее план, составленный П.Б. Иноходцевым в 1769–1770-х гг. [15]. Он достаточно информативен, имеет обозначения своих конструктивных элементов, объектов внутри крепостного двора, чертеж профиля вала и рва (рис. 4, 1). Мечётная крепость была построена на линии вала и рва Царицынской линии, имела правильную четырехугольную в плане форму, окруженную по периметру рвом и земляным валом. По этому чертежу, к углам крепости примыкали полубастионы – четырехсторонние укрепления с площадками для ведения артиллерийского и ружейного огня. В разное время в литературе отмечалось, что крепость была рассчитана на гарнизон в 300 человек [5, с. 46; 9, с. 48; 13, с. 487]. План имеет линейный масштаб, где величины делений даны в саженях и по которому возможно определить основные размеры крепости (рис. 4, 1). Ее внутренний двор имел квадратную в плане форму (без учета площадок полубастионов), каждая его сторона равна 12 саженям (25–26 м). Расстояние между ближайшими вершинами валов полубастионов тоже одинаковое – около 28 саже-

ней (59–60 м). Длина выступающих площадок полубастионов до края внешнего рва – 8 саженей (17 м). Наибольшая длина каждой стороны крепости, от краев внешнего рва углов бастионов, составляет около 33 саженей (70–71 м). Таким образом, максимальный размер периметра крепости Мечётной по этому плану составлял около 285 м, при размерах внутреннего двора примерно 25 × 25 м, или 625 кв. м.

Для проверки точности плана XVIII в. сопоставим его размерные данные с двумя аэрофотоснимками крепости периода Сталинградской битвы [3; 4]. Один из них датируется 08.10.1942 г., второй – 28.01.1943 г. (рис. 4, 2; 5). На этих снимках прекрасно видно, что участки вала, рва Царицынской линии, реданы, а также полностью сама крепость в это время сохраняли отчетливые очертания всех своих основных элементов. По информативности они практически одинаковы и позволяют с большой точностью определить местоположение крепости, основные линейные величины ее видимых и сохранившихся конструктивных частей. Форма крепости, которая отображена на плане П.Б. Иноходцева, подтверждается полностью (рис. 4, 1). На снимках хорошо видно, что центральная часть крепости имела квадратную форму, уверенно определяются контуры всех четырех, примыкающих к углам полубастионов (рис. 4, 2; 5). Также фиксируется контур входа в крепость в виде заплывшего рва шириной около 2–3 м с ВЮВ стороны ее вала. По внешнему краю крепости видны очертания оборонительного рва, примыкающего к ее валу по всему периметру. Аналогичные наблюдения можно сделать и на основе снимка 1965 г., который тоже свидетельствует о полном совпадении формы крепости с планом 1769–1770-х гг. (рис. 6). Промеры видимых и сохранившихся конструктивных частей крепости, которые были сделаны по аэрофотоснимкам, дали те же самые или достаточно близкие линейные значения, что указаны на плане, составленном П.Б. Иноходцевым. Каждая из сторон квадратного в плане внутреннего двора крепости равнялась приблизительно 23 м (без учета площадок полубастионов). Расстояние между ближайшими вершинами валов полубастионов 45–47 м, а длина выступающих площадок полубастионов до края внешнего рва 17–18 м. Наиболь-

шая длина каждой стороны крепости от краев внешнего рва углов бастионов составила 71–72 м, соответственно максимальный размер периметра крепости по поворотным точкам квадрата внешнего рва составлял около 285–290 м.

Таким образом, в отношении результатов сопоставления плана Мечётной крепости П.Б. Иноходцева, копию которого он составил в 1769–1770-х гг., с военной аэрофотосъемкой можно говорить не просто о большом визуальном сходстве изображений, но о фактически полном их соответствии по размерам.

На аэрофотоснимках отлично видно, что крепость Мечётная располагалась на вершине восточной части водораздельной возвышенности между балкой Казенной и р. Мокрой Мечёткой (современная территория р. п. Городище Волгоградской области) (рис. 4, 2; 5). Для определения места и географических координат крепости ее размеры и контуры, по данным фотоснимков 1942–1943 и 1965 гг., в соответствующем масштабе были совмещены и спроецированы на современную топографическую основу и космоснимок рельефа местности. Археологической разведкой 2020 г. на месте расположения крепости Мечётной установлено, что никаких визуально фиксируемых остатков крепости не сохранилось. Как и в случае с Грачёвской крепостью, как будто нарочно, точно на ее месте недавно построен двухэтажный жилой дом. По его периметру проходят грунтовые дороги, частично со щебневым покрытием. Почвенные напластования, содержавшие культурный слой, полностью срезаны землеройной техникой при сооружении фундамента дома и выравнивании поверхности, строительные работы здесь продолжают [10, с. 231].

Крепости на Царицынской линии имели схожие инженерные характеристики и схемы, были небольшие и по своему размеру и площади более соответствуют редутам или острогам аналогичных укрепленных линий. Можно предположить, что отчасти причиной этому могли стать рекордные сроки строительства Царицынской линии, постоянные сложности в организации работ, дефицит людских, строительных ресурсов и непростые природные условия [9, с. 33–38]. В своей работе Т.И. Лавринова упоминает о том,

что руководившие строительством генерал-майор Г.С. Кропотов и инженер де Кофенант разработали запасной вариант, по которому в целях экономии предполагалось уменьшить первоначальные размеры крепостей [9, с. 38]. Как показали наши сопоставления топографического, рукописных планов и аэрофотоснимков двух крепостей, учитывая некоторую возможную погрешность проведенных измерений, самая крупная из них – Грачёвская, имела общий периметр внутреннего двора (с длиной стороны в 25–28 м), всего 135–140 м, площадью 1200–1300 кв. м., а Мечётная (с длиной стороны в 25 м) – около 100 м и площадью около 600 кв. м. В этой связи закономерно возникает некоторое сомнение относительно возможности одновременного размещения на такой, в общем незначительной, площади крепостей гарнизонов численностью в 500 и 300 человек соответственно, на которые они по проекту были рассчитаны [13, с. 487]. Для сравнения крепости Украинской укрепленной линии начала 30-х гг. XVIII в., Петровская, Тамбовская, Слободская и другие имели размеры в 4–5 раз больше [18].

Таким образом, использование для изучения Царицынской сторожевой линии новых источников, таких как аэрофотоснимки 1942–1943 гг. и более поздние данные спутниковой космосъемки местности, дало, в общем, уникальную, возможность визуально сравнить, проанализировать и проверить на точность составления исторические планы крепостей Грачёвской и Мечётной. Суммируя вышеизложенное, можно с уверенностью сказать, что план крепостей Грачёвской и Мечётной, составленный П.Б. Иноходцевым в 1769–1770-х гг., отличается достаточно высокой степенью графического соответствия рунированным остаткам этих укреплений, зафиксированным на аэрофотоснимках 1942–1943 годов. В отношении результатов их сопоставления с планом Мечётной крепости можно говорить о фактически полном совпадении по форме и основным размерным характеристикам. В результате изучения материалов аэрофотосъемки и соотнесения ее с современными данными спутниковых снимков рельефа местности удалось определить точные места локализа-

ции этих крепостей, а также их реальные основные габаритные размеры и конфигурацию. Установленная достоверность геометрических и размерных сведений о крепостях Грачёвской и Мечётной на плане П.Б. Иноходцева дает основание полагать, что чертежи Донской и Осокорской крепостей, изображенные на этом же документе, также могут отличаться аналогичным соответствием с одноименными объектами на Царицынской линии. Это по ряду признаков подтверждают и проведенные здесь в 2020 г. археологические разведки, но для полного утверждения еще требуются дополнительные исследования и источники [10, с. 38, 55–56, 134–135; 11, с. 30].

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает свою благодарность А.С. Орешкину – руководителю Волгоградского отделения «Поисковое движение России», а также В.А. Журавлеву за помощь в получении архивных фотоматериалов и консультацию в работе с ними и В.Н. Конкину за предоставленный из личного архива план крепости Грачёвской

ACKNOWLEDGMENTS

The author expresses his gratitude to A.S. Oreshkin – the head of Volgograd branch “Search movement of Russia”, and also V.A. Zhuravlev, for the help in reception of archival photos and consultation in work with them and to V.N. Konkin for the given from a personal archive the plan of the Grachevskaya fortress.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42009 («Памятник фортификации Петровской эпохи «Царицынская сторожевая линия»: история строительства и эксплуатации, современное состояние, перспективы музеефикации и туристического использования»).

The reported study was funded by RFBR according to research project number 20-09-42009 (“The monument of the fortification of the Petrine era “Tsaritsyn guard line”: the history of construction and operation, current status, prospects for museumification and tourist use”).

ПРИЛОЖЕНИЕ

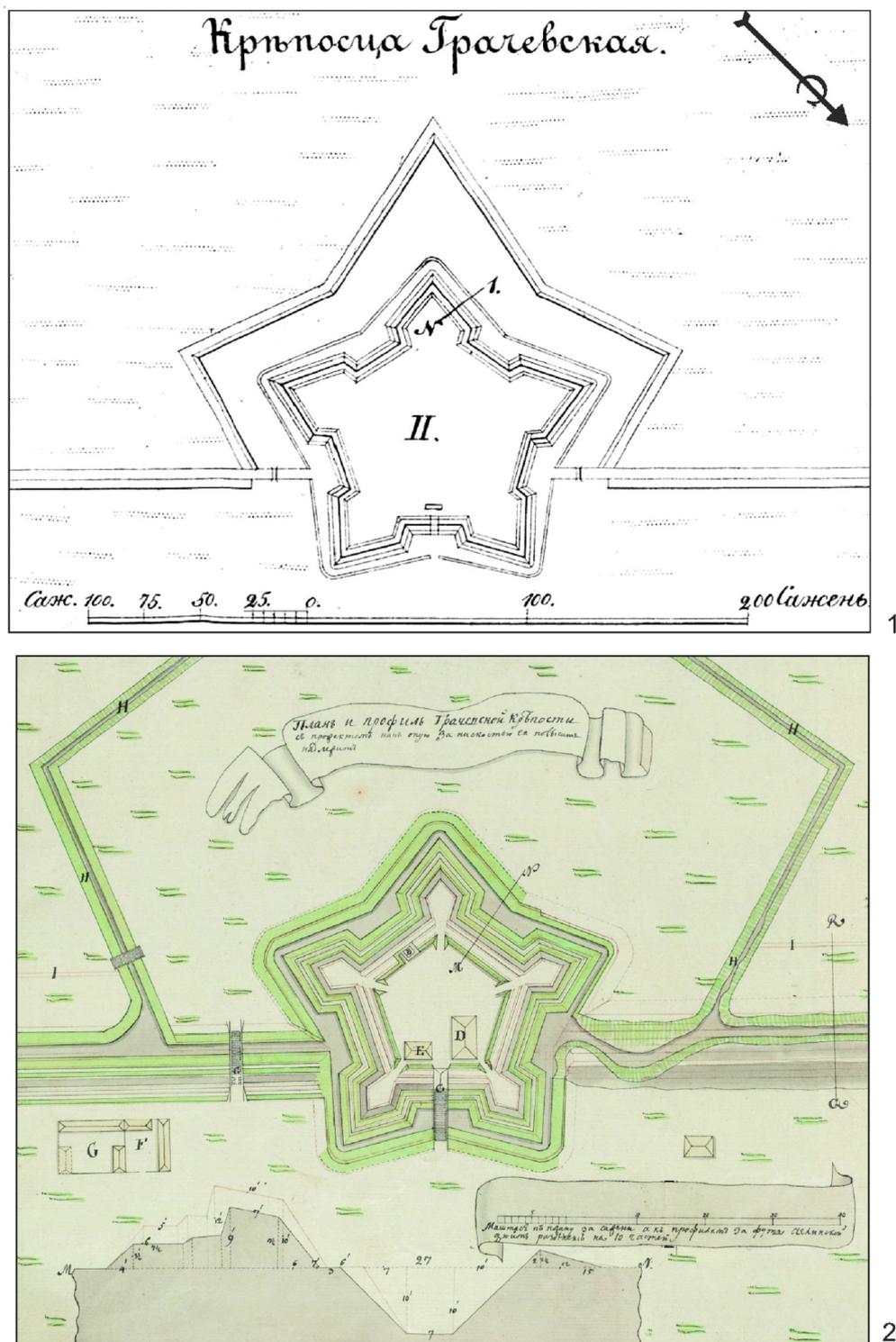

Рис. 1. Планы крепости Грачевской XVIII в.:

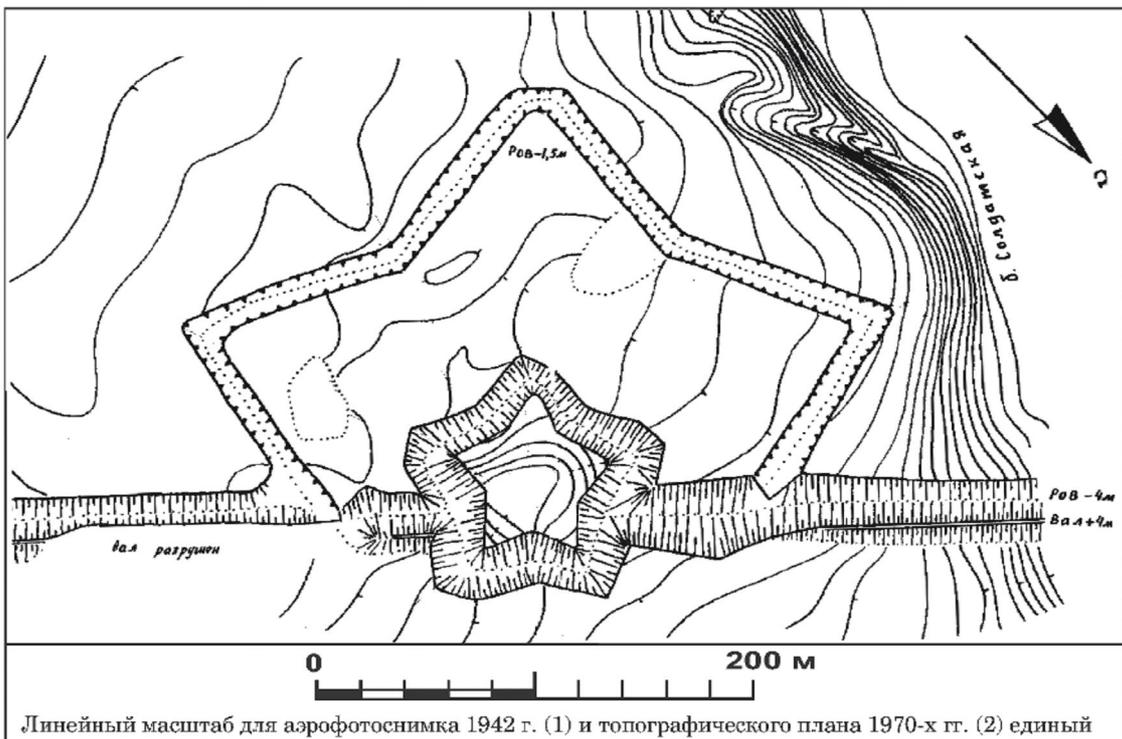
1 – план крепости Грачевской (по: [13, л. 27, изобр. 85]); 2 – план крепости Грачевской, 1769–1770-е гг. (выкопировка из: [15]).

Fig. 1. The plans of the Grachevskaya fortress of the 18th century:

1 – the plan of the Grachevskaya fortress after: [13, l. 27, picture 85]; 2 – the plan of the Grachevskaya fortress, 1769–1770s (extract from: [15]).

1

2

Рис. 2. Аэрофотоснимок и план крепости Грачёвской:

1 – выкопировка из: [2] (дата снимка 09.09.1942 г.); 2 – топографический план Грачёвской крепости, выполненный в конце 1970-х гг. топографом В.Н. Конкиным с использованием топографической подосновы М 1 : 2000 (из личного архива В.Н. Конкина)

Fig. 2. Aerial photo and plan of the Grachevskaya fortress:

1 – the extract from: [2] (date of photo 09.09.1942); 2 – the topographical plan of the Grachevskaya fortress. Created in the late 1970s by topographer V.N. Konkin using a topographic base M 1:2000. The personal archive of V.N. Konkin

Рис. 3. Спутниковые снимки участка расположения крепости Грачёвской:

1 – участок расположения Грачёвской крепости в 2014 г.; 2 – участок расположения Грачёвской крепости в 2020 г.

Fig. 3. Satellite images of the location area of the Grachevskaya fortress:

1 – the location area of the Grachevskaya fortress in 2014; 2 – the location area of the Grachevskaya fortress in 2020

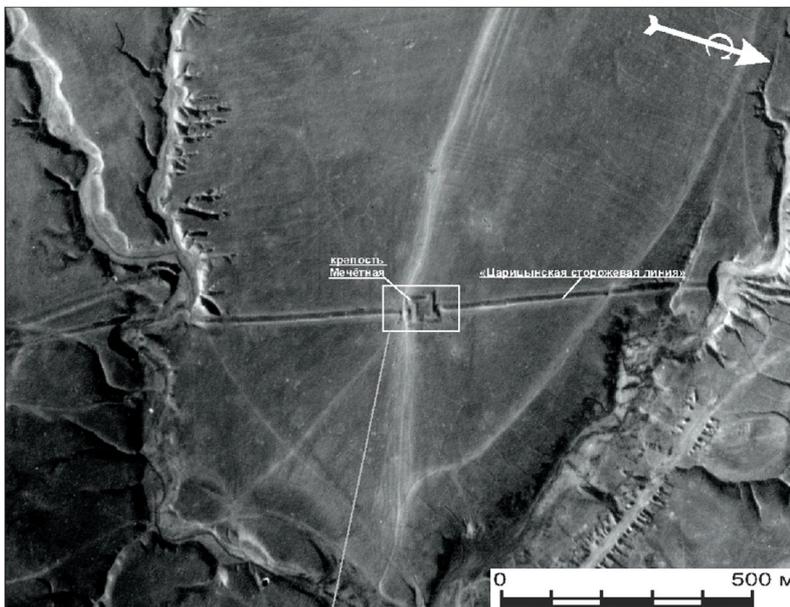
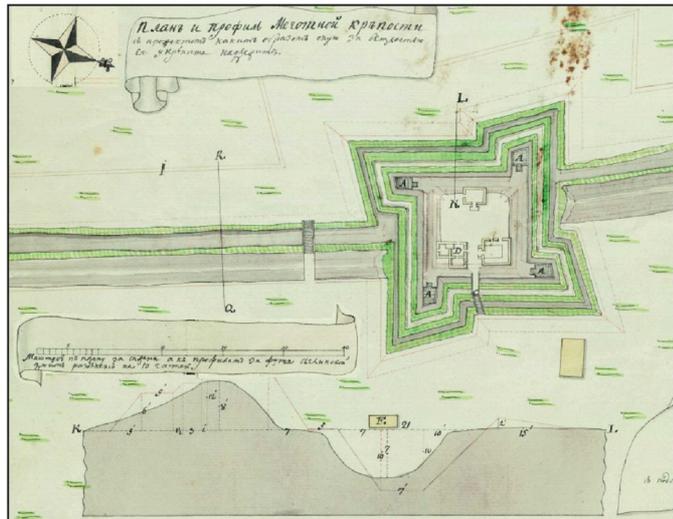

Рис. 4. План и аэрофотоснимок крепости Мечётной:

1 – план крепости Мечётной, 1769–1770-е гг. (выкопировка из: [15]);

2 – аэрофотоснимок крепости Мечётной (выкопировка из: [4])

Fig. 4. The plan and the aerial photo of the Mechetnaya fortress:

1 – the plan of the Mechetnaya fortress, 1769–1770s (extract from: [15]);

2 – the aerial photo of the Mechetnaya fortress (extract from: [4])

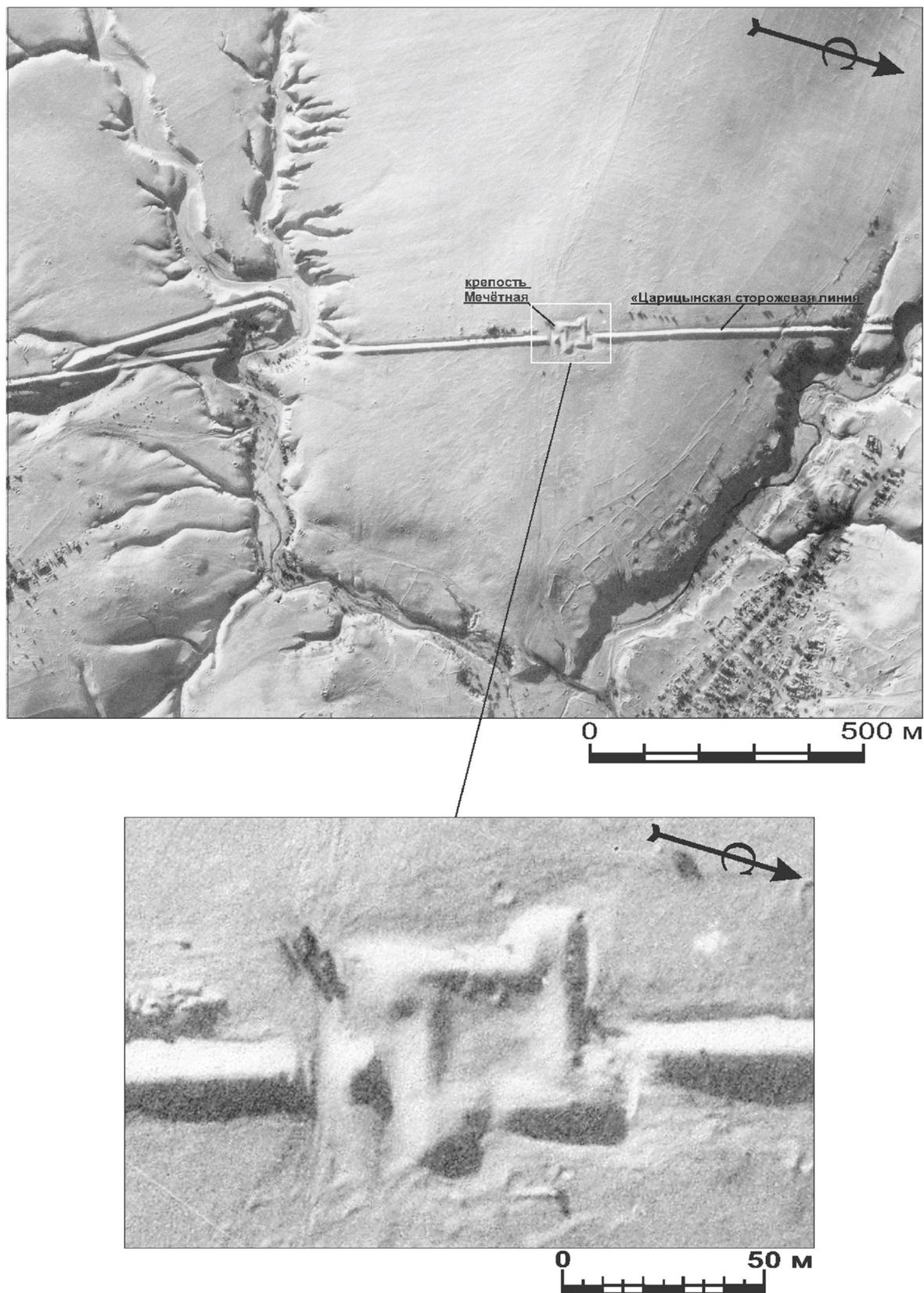

Рис. 5. Аэрофотоснимок крепости Мечётной (дата снимка 28.01.1943 г.) (выкопировка из: [3])

Fig. 5. The aerial photo of the Mechetnaya fortress (date of photo 28.01.1943) (extract from: [3])

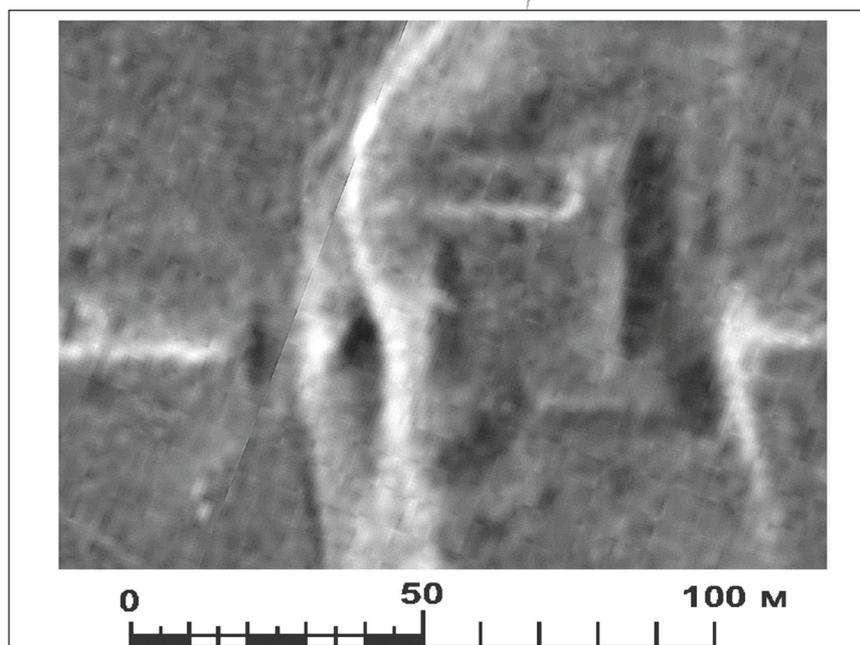
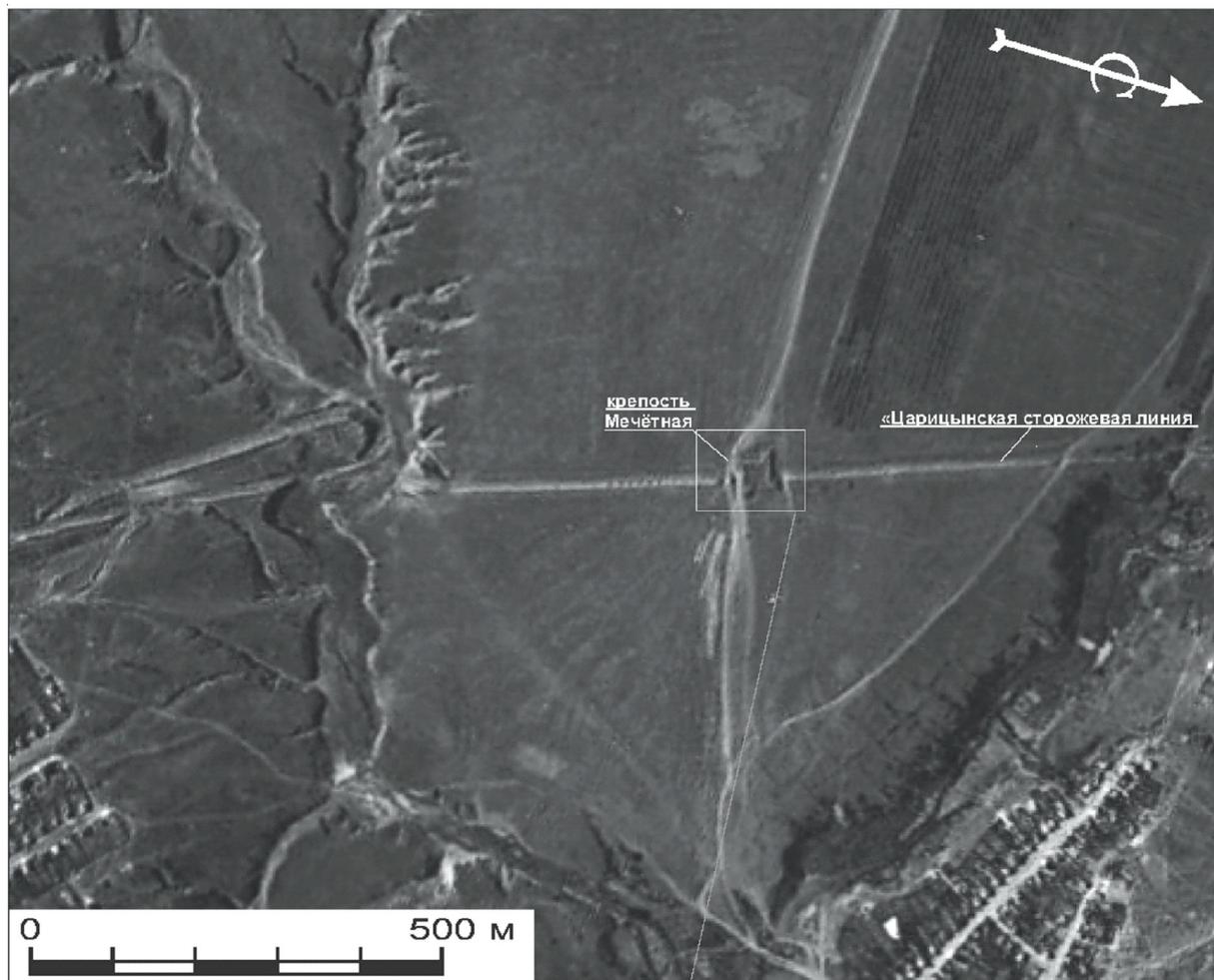

Рис. 6. Спутниковый снимок крепости Мечётной (выкопировка из: [17])

Fig. 6. The satellite image of the Mechetnaya fortress (extract from: [17])

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафьев Е. В. Грачёвская крепость Царицынской сторожевой линии // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации : сб. материалов. Волгоград : Сфера, 2020. С. 49–67.
2. Аэрофотоснимок 016 // Архив Национального управления архивов и документации США (далее – НАРА). Идентификатор архива 44225172. Идентификатор контейнера 4052-T153933111. Группа документов 373 Оверлей аэрофотосъемки для квадрата 48N044E Янв. 1942 – Окт. 1943. Номер оверлея N48E44/42/M 25176X. Пленка 108. Кадр SG 016.
3. Аэрофотоснимок 032 // НАРА. Идентификатор архива 44225172. Идентификатор контейнера 4052-T153933111. Группа документов 373 Оверлей аэрофотосъемки для квадрата 48N044E Янв. 1942 – Окт. 1943. Номер оверлея N48E44/43/R 19119X. Пленка 758. Кадр SG 032.
4. Аэрофотоснимок 075 // НАРА. Идентификатор архива 44225172. Идентификатор контейнера 4052-T153933111. Группа документов 373 Оверлей аэрофотосъемки для квадрата 48N044E Янв. 1942 – Окт. 1943. Номер оверлея N48E44/42R 18858X. Пленка 586. Кадр SK 075.
5. Иванюк С. А. Фортификационные особенности оборонительных сооружений Царицынской сторожевой линии в 20-х гг. XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 1. С. 41–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.5>
6. Иванюк С. А., Клейтман А. Л., Тюменцев И. О. Рукописные планы местности XVIII века как источник по истории Царицынской сторожевой линии // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М. : ИИЕТ РАН, 2020. С. 105–108.
7. Карта-план оборонительной линии между Волгой и Доном (от города Царицына до Донского пролива четыре крепостцы), профилями крепостей // Отдел рукописей Библиотеки Академии наук (далее – ОР БАН). Ф. 266. Т. 3. Л. 44.
8. Комолов Н. А. Царицынская линия во второй – третьей четверти XVIII века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История, политология, социология. 2009. № 1, янв. – июнь. С. 11–19.
9. Лавринова Т. И. Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 и первые годы существования. Волгоград : Издатель, 2012. 96 с.
10. Лапшин А. С. Отчет об археологических разведках, проведенных на территории «Вала Царицынской сторожевой линии (Вал Анны Иоанновны)» в Иловлинском и Городищенском районах Волго-

градской области в 2020 году // Архив Волго-Донского археологического общества. 2021. № 1. 232 с.

11. Лапшин А. С., Лапшина И. Ю. Археологические разведки на территории памятника фортификации XVIII в. «Вал Царицынской сторожевой линии» в 2020 году // Объекты культурного наследия Петровской эпохи на юге России: проблемы изучения, сохранения и музеефикации : сб. материалов. Волгоград : Сфера, 2020. С. 22–48.
12. Ласковский Ф. Ф. Карты, планы и чертежи ко II части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1861. 36 л. карт., схем.
13. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб. : Тип. Императ. акад. наук, 1861. Ч. II. 642 с.
14. Луночкин А. В. Царицынская укрепленная линия // Археологическое наследие Волгоградской области. Волгоград : Издатель, 2013. С. 205–208.
15. Планы крепостей Царицынской линии // ОР БАН. Ф. Собрание рукописных карт (основная опись карт). № 837.
16. Плужников В. И. Термины российского архитектурного наследия. М. : Искусство, 1995. 160 с.
17. Спутниковый снимок Волгограда. Дата съемки: 1 октября 1965 г. // Retromap : [сайт]. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=8848>
18. Украинская линия. Крепости // UKRAINIANLINE.INFO : [сайт]. URL: <https://www.ukrainianline.info/fortresses>
19. Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии XI–XIX вв. М. : Изд-во стандартов, 1975. 272 с.

REFERENCES

1. Astafev E.V. Grachevskaja krepost Tsaritsynskoi storozhevoi linii [Grachevskaya Fortress of the Tsaritsyn Guard Line]. *Obieekty kulturnogo naslediiia Petrovskoi epokhi na iuge Rossii: problemy izucheniiia, sokhraneniia i muzeefikatsii: sb. materialov* [The Objects of Cultural Heritage of Petriline Era at the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museification. Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 49–67.
2. Aerofotosnimok 016 [Aerial Photograph 016]. *Arkhirv Natsionalnogo upravleniia arkhivov i dokumentatsii SShA (hereinafter – NARA)* [National Archives and Records Administration USA], archives identifier 44225172, container identifier 4052-T153933111, record group 373, Aerial Flight Overlays for Degree/Square 48N044E, Jan, 1942 – Oct, 1943, overlay file no. N48E44/42/M25176X, roll 108, frame SG016.
3. Aerofotosnimok 032 [Aerial Photograph 032]. *NARA* [National Archives and Records Administration USA], archives identifier 44225172, container

identifier 4052-T153933111, record group 373, Aerial Flight Overlays for Degree/Square 48N044E, Jan, 1942 – Oct, 1943, overlay file no. N48E44/43/R 19119X, roll 758, frame SG 032.

4. Aerofotosnimok 075 [Aerial Photograph 075]. NARA [National Archives and Records Administration USA], archives Identifier 44225172, container identifier 4052-T153933111, record group 373 Aerial Flight Overlays for Degree/Square 48N044E, Jan, 1942 – Oct, 1943, overlay file no. N48E44/42R 18858X, roll 586, frame SK 075.

5. Ivanyuk S.A. Fortifikatsionnye osobennosti oboronitelnykh sooruzheniy Tsaritsynskoy storozhevoy linii v 20-kh gg. XVIII veka [Features of Fortifications of the Tsaritsyn Defence Line in the 20s of the 18th Century]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2021, vol. 26, no. 1, pp. 41-52. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.1.5>

6. Ivanyuk S.A., Kleitman A.L., Tyumentsev I.O. Rukopisnye plany mestnosti XVIII veka kak istochnik po istorii Tsaritsynskoi storozhevoy linii [The 18th Century Manuscript Site Plans as a Source for the History of the Tsaritsyn Fortification Line]. *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaya nauchnaya konferentsiya, 2020* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Annual Scientific Conference]. Moscow, IET RAN, 2020, pp. 105-108.

7. Karta-plan oboronitelnoy linii mezhdu Volgoy i Donom (ot goroda Tsaritsyna do Donskogo proliva chetyre krepostsy), profilyami krepostey [Map-Plan of the Defensive Line Between the Volga and the Don (Four Fortresses from the City of Tsaritsyn to the Don Strait), Fortress Profiles]. *Otdel rukopisei Biblioteki Akademii nauk (hereinafter – OR BAN)* [Manuscript Division of the Library of the Academy of Sciences], f. 266, vol. 3, l. 44.

8. Komolov N.A. Tsaritsynskaya liniya vo vtoroy – tretyey chetverti XVIII veka [Tsaritsyn Line in the Second – Third Quarter of the 18th Century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, politologiya, sotsiologiya* [Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Series: History, Political Science, Sociology], 2009, no. 1, Jan. – June, pp. 11-19.

9. Lavrinova T.I. *Tsaritsynskaya liniya: istoriya stroitelstva v 1718–1720 i pervyye gody sushchestvovaniya* [Tsaritsyn Defence Line: The History of Construction in 1718–1720 and the First Years of Its Existence]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 96 p.

10. Lapshin A.S. Otchet ob arkhologicheskikh razvedkakh, provedennykh na territorii «Vala Tsaritsynskoi storozhevoy linii (Val Anny Ioannovny)»

v Povolinskoy i Gorodishchenskom raionakh Volgogradskoy oblasti v 2020 godu [The Report on Archaeological Explorations Carried Out in the Area of “The Rampart of the Tsaritsyn Guard Line (Rampart of Anna Ioannovna)” in the Povolinsky and Gorodishchensky Districts of Volgograd Region in 2020]. *Arkhib Volgo-Donskogo arkhologicheskogo obshchestva* [Archive of the Volga-Don Archaeological Society], 2021, no. 1. 232 p.

11. Lapshin A.S., Lapshina I.Yu. Arkheologicheskie razvedki na territorii pamiatnika fortifikatsii XVIII v. «Val Tsaritsynskoi storozhevoy linii» v 2020 godu [Archaeological Explorations at the 18th Century Fortification Site “The Rampart of the Tsaritsyn Guard Line (Rampart of Anna Ioannovna)”]. *Obiekt kulturnogo naslediya Petrovskoy epokhi na iuge Rossii: problemy izucheniya, sokhraneniya i muzeifikatsii: sb. materialov* [The Objects of Cultural Heritage of Petrine Era at the South of Russia: Problems of Study, Preservation and Museification. Collection of Materials]. Volgograd, Sfera Publ., 2020, pp. 22-48.

12. Laskovskiy F.F. *Karty, plany i chertezhi k II chasti materialov dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Maps, Plans and Drawings for Part 2 of the Materials for the History of Engineering Art in Russia]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. akad. nauk, 1861. 361.

13. Laskovskiy F.F. *Materialy dlia istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii* [Materials for the History of Engineering Art in Russia]. Saint Petersburg, Tip. Imperat. Akad. nauk, 1861, pt. 2. 642 p.

14. Lunochkin A.V. Tsaritsynskaia ukreplennaya liniya [Tsaritsyn Fortified Line]. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti* [The Archaeological Heritage of the Volgograd Region]. Volgograd, Izdatel Publ., 2013, pp. 205-208.

15. Plany krepostei Tsaritsynskoi linii [Plans of the Fortresses of the Tsaritsyn Guard Line]. *OR BAN* [Manuscript Division of the Library of the Academy of Sciences], f. Sobraniye rukopisnykh kart (osnovnaia opis kart) [Collection of Handwritten Maps (Main Part)], no. 837.

16. Pluzhnikov V.I. *Terminy rossiiskogo arkhitekturnogo naslediya* [Russian Architectural Heritage Terms]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1995. 160 p.

17. Sputnikovyi snimok Volgograda. Data syemki: 1 oktiabria 1965 g. [Satellite Image of Volgograd (Date of Photo: 01.10.1965)]. *Retromap: sait*. URL: <http://retromap.ru/forum/viewtopic.php?t=8848>

18. Ukrainskaia liniya. Kreposti [Ukrainian Line. Fortresses]. *UKRAINIANSKAYA.INFO*. URL: <https://www.ukrainianline.info/fortresses>

19. Shostyin N.A. *Ocherki istorii russkoi metrologii XI–XIX vv.* [Essays on the History of Russian Metrology, 11th – 19th Centuries]. Moscow, Izd-vo standartov, 1975. 272 p.

Information About the Author

Andrei S. Lapshin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of National History and Local History Education, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. im. V.I. Lenina, 27, 400005 Volgograd, Russian Federation, alapsh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-7404>

Информация об авторе

Андрей Сергеевич Лапшин, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории и историко-краеведческого образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. им. В.И. Ленина, 27, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация, alapsh@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1326-7404>

IMAGES OF “THEIR” AND “STRANGERS” IN TOPONYMY AND TOPONYMIC LEGENDS OF THE DON COSSACKS¹

Marina A. Ryblova

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The studies carried out to date on the settlements of the Don Cossacks and the toponymic system associated with them can and should be continued, since they open up prospects for further identifying the images of those with whom the Cossacks waged incessant wars, conquering and protecting the Russian and Don lands. They make it possible to trace the evolution of the development of the images of “us” and “others”, as well as to identify the socio-cultural image of the Cossacks themselves, reflected in the characteristics of the “others.” *Methods and Materials.* To solve these problems, field materials were used, collected by the ethnographic expedition of the Volgograd State University, the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in 1983–2011, as well as the author’s personal trips to places of compact residence of the Don Cossacks on the territory of the Volgograd region, and newspapers materials of the second half of the 19th century. *Analysis.* The analysis showed that the system of toponyms and toponymic folk legends reflected the historical realities associated with the constant military confrontation between the Cossacks and nomadic peoples living in the neighborhood, as well as the respectful attitude of the Cossacks to their enemies. A significant number of toponyms associated with the Tatar and Circassian population, not erased over time in the memory of the Cossacks, but preserved and overgrown with new legends, testifies to how different cultural traditions coexisted peacefully in Diko Pole, despite the extreme nature of life in the zone of constant war. Along with the historical background of the life of the Cossacks, reflected in the toponyms, the mythology of the antithesis “ours and others” is studied, reflecting the Cossack version of social history and eschatology. *Results.* Analysis of the legends about the ancient inhabitants of the Don land showed that they appear as mythological creatures associated with the other world, secrets, treasures and dungeons, and in the context of folk eschatology they appear as ancestors – those who “left, but promised to return.” Over time, the images of alien ancestors are replaced in the Don legends by the images of Cossack chieftains, who are also guardians of treasures and must return “in the end times” to restore social justice in the world. Along with the change in the socio-cultural model of the Cossacks, the image of “aliens” was also transformed from the perception of neighbors-enemies as such to “nonresident” living in Cossack settlements, but not associated with the Cossack military service. At all stages of the history of the Cossacks, the antithesis “we–they” reflected in toponyms and legends, was associated with the military status of the Cossacks and contributed to the search and the strengthening of the group’s own identity.

Key words: toponymy, toponymic legends of the Don Cossacks, Don Cossacks, images of “their” and “strangers”.

Citation. Ryblova M.A. Images of “Their” and “Strangers” in Toponymy and Toponymic Legends of the Don Cossacks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 57-68. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.5>

**ОБРАЗЫ «СВОИХ» И «ЧУЖИХ» В ТОПОНИМИИ
И ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЯХ ДОНСКИХ КАЗАКОВ¹****Марина Александровна Рыблова**Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье выявляются характеристики образов «своих» и «чужих» в традиции донских казаков, отраженные в топонимии и топонимических преданиях. Проведенный анализ показал, что, с одной стороны, целый пласт топонимов свидетельствует о том, что жизнь казаков в ранний период истории была сопряжена с постоянным военным противостоянием с соседями-неприятелями, а с другой стороны, значительное количество топонимов, связанных с татарским и черкесским наследием, свидетельствует о том, что в Диком поле уживались и взаимодействовали разные культурные традиции, несмотря на экстремальность здесь – в зоне постоянной войны. Наряду с историческим фоном жизни казаков в Диком Поле, отраженном в топонимах, исследовалась также и мифология антитезы «свои – чужие», воспроизводящая народную версию социальной истории, а также поиск первооснователей «своей земли». Анализ преданий о древних обитателях Дона показал, что «чужие» предстают как существа мифологические, связанные с «иномирьем», кладами и подземельями, и выступают в образе предков – ушедших, но обещавших вернуться на эти земли. Со временем образы предков-чужих (связанных с другими народами) заменяются в донских топонимических преданиях образами первопредков в лице казачьих атаманов. В сословный период истории донских казаков (XVIII–XIX вв.) образ «чужих» вновь трансформировался – ими были уже не соседи-неприятели, а «иногородние», проживавшие в казачьих поселениях, но не входившие в казачье сословие – и это обстоятельство также нашло отражение в топонимических преданиях, антитеза «мы – они» работала на поиск и закрепление группой собственной идентичности, связанной с воинским статусом казаков. Показателен в связи с этим отраженный в топонимических преданиях комплиментарный характер взаимоотношений казаков с воинственными неприятелями и непримиримо-враждебный – с соседями-крестьянами (иногородними), не связанными с воинской службой.

Ключевые слова: топонимика, топонимические предания донского казачества, донские казаки, образы «своих» и «чужих».

Цитирование. Рыблова М. А. Образы «своих» и «чужих» в топонимии и топонимических преданиях донских казаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 57–68. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.5>

Введение. Образы «своих» и «чужих» широко используются в современной этнологии, культурологии и социологии для решения многих проблем, например, для определения характера взаимодействия и форм коммуникаций между представителями разных культур и этносов, для выявления специфических культурных черт каждой из сторон оппозиции; исследуются также возможности этих образов для формирования культурной и этнической идентичности отдельных социальных и этнических групп.

Для ранней истории донских казаков характерна крайне ограниченная база источников, которая могла бы помочь составить представления об их культурной и этнической спе-

цифике и групповой идентичности. В связи с этим могут представлять особый интерес топонимия и топонимические предания, которые, сформировавшись в отдаленные времена, нередко сохранялись в народной памяти вплоть до конца XX века. Именно для казаков извечная антитеза «мы – они» была очень ярко проявлена на всех этапах их истории в силу обитания на границах государств, народов и культур. Не случаен и набор терминов, используемый ими для обозначения «чужих» и «не своих»: «враги», «недрузи», «неприятели», «соседственные неприятели», «иногородние» и пр.

К анализу этой проблемы уже обращались ученые, работающие в разных сферах гуманитарного знания. Так, М.А. Карпун иссле-

довала представления казаков о «других» путем анализа донских диалектных фитонимов [9], Б.Н. Проценко – фольклорных текстов [22]. С.В. Черницын на широком круге источников представил понятие «свои чужаки» в традиции донских казаков, имея в виду под первыми горцев, которые инкорпорировались в казачьи сообщества вплоть до середины XIX века [33].

Однако осуществленные к настоящему времени исследования могут быть продолжены, так как открывают перспективы для дальнейшего определения характера взаимоотношений казаков со своими соседями, выявления эволюции развития образов «чужих», а также определения некоторых черт культуры самих казаков, безусловно, отражающихся, как в зеркале, в характеристиках «своих» и «чужих» и работающих на формирование их социальной и этнической идентичности.

Методы и материалы. Для решения этих задач были использованы полевые материалы, собранные этнографическими экспедициями Волгоградского государственного университета, Южного научного центра РАН в 1983–2011 гг. и лично автором статьи в местах компактного проживания донских казаков на территории Волгоградской области, а также материалы газетной периодики второй половины XIX века. В качестве источников в работе использовались выявленные автором топонимы, а также топонимические, исторические и социально-утопические предания, с помощью которых осуществлялась историко-культурная реконструкция созданных в казачьей традиции образов «своих» и «чужих», а затем выявлялась их историческая эволюция. На следующем этапе исследования определялась взаимосвязь этой системы с групповой самоидентификацией донских казаков в разные периоды их истории.

Анализ. «Свои» и «чужие» в топонимии и исторических реалиях. Дикое Поле, на территории которого в эпоху позднего Средневековья происходило формирование донского казачества, долгое время было местом непрекращающейся войны, а потому контакты с воинственными соседями отличались как интенсивностью, так и экстремальностью. Е. Кательников так характеризовал «соседственных неприятелей» донцов, от которых ис-

ходила постоянная военная угроза последним: «с низу Дона – турки, жившие в Азове и Таганроге; с правой стороны Дона – крымские татары; с левой стороны Дона – ногайские татары и черкесы, против которых почти в каждое лето по *опасной* (предварительной) грамоте были поголовные походы на Тузлов, под Азов и Таганрог до покорения их...» [10, с. 46]. В исторических источниках часто упоминаются набеги на городки донских казаков в XVII в. азовских и кубанских татар, черкесов [11, с. 57, 95, 152].

Исторические реалии нашли отражение также и в донской топонимии, и в топонимических преданиях. Так, обширный пласт топонимов отражает память именно об этих тревожных событиях времен противостояния казаков и кочевников: Осадное озеро, урочища Осада, Маяк, Дуванная поляна, озеро Караульное, Становой курган (от казачьего «стан»), Требушной буерак (по преданию, здесь «неприятель много наших повыврезал – навалили требух»), Рубежный буерак, урочище Ратное, Погромное, Запертовский ерик, Кардон, Завал, ст-ца Остроуховская («сиди в засаде и ухо остро держи»), хут. Хованский (по преданию, от слова – «ховаться» – прятаться, то есть сидеть в засаде), хутор Шакин (в первооснове – Шайкин, с преданием об обитании в этих местах разбойничьей шайки) и др.

Об урочище Маяк, расположенном в юрте ст-цы Тишанской и представлявшем собой крутую гору, старожилы рассказывали донскому краеведу И. Сулину, что она служила старому городку сторожевым пунктом для наблюдения за неприятелем [30, с. 561]. В юрте ст-цы Правоторовской И. Сулин также перечислял урочища, связанные с военным бытом казаков. Об озере Караульном он писал, что там некогда стоял дуб, с которого высматривали татар и караулили вход в Старый городок, Служивская гора была местом последнего расставания с родными казаков при проводе их на службу. Урочище Шанц получило свое название потому, что здесь, как говорит предание, имелись оборонительные сооружения на случай набега татар. Родительская гора была в старину местом, где казаки хоронили умерших [28, с. 620]. О ст-це Кременской народное предание рассказывало сле-

дующее: «...Более 200 лет тому назад... князь Хованский, плывя по Дону с шайкою татар или корсаков, хотел покорить жителей этой станицы, называемой Черно-Островскою. Напал на них, но все его приступы были отбиты. Тогда он оставил нападение и прозвал станицу Кремень, так как она крепка и трудно взять ее. С тех пор она и называется Кременскою» [27, с. 194]. В данном случае мы имеем дело с народной этимологией, но именно она значима для определения характера топонима самими носителями традиции.

Значительное количество донских топонимов связано с событиями казацко-крестьянских войн под предводительством С. Разина и К. Булавина. Они отражают ситуацию, когда чужими стали бывшие свои. О станице Бурацкой рассказывали, что здесь первоначально разбили стан солдаты, прибывшие для усмирения булавинцев. Они устроили карцер, или *бурák* – вырытую в земле камеру [16, с. 32]. Сохранилась легенда о том, что «домовитые» казаки во время восстания бежали из своих станиц, опасаясь народного гнева, и пристали к карательной армии, за что чиновники прозвали их «добрыми» казаками. После подавления восстания они не решились вернуться на прежние места и основали новую станицу, названную Добринской [13, с. 73–78]. По одной из народных версий, станица Катовская / Котовская получила свое название от того, что после подавления булавинского восстания В. Долгорукий поселил всех палачей (*кátов*) в одном месте на Хопре. Их станицу стали называть Катовской, а потом переименовали в Котовскую.

В топонимии и топонимических преданиях нашли отражение и взаимоотношения с «соседственными неприятелями», окружавшими казаков с самого начала их истории. Так, в источниках XIX в. и в наших полевых материалах 1980–1990-х гг. встречаются предания о существовавших по соседству с казачьими городками татарских поселений. И. Сулин записал предание об основании ст-цы Скуришенской совместно казаками и татарами: «Первыми ее основателями были граждане Зотовской станицы Феодор и Иван Шабровы и некоторые из жителей Кумылженской станицы; они присоединились к татарину Искурату, жившему с семейством на острове между р. Мед-

ведицей и протоком от оной Скурихою. Сделали здесь “зимовье”. Сын же Ивана Шаброва Никифор собрал охотников и основал постоянное селение, получившее потом свое название от р. Скурихи. А речка Скуриха получила наименование от первого при ней жителя татарина Искурата, и уже впоследствии название это было испорчено: вместо Искурата – Скуриха» [29, с. 340].

О ст-це Глазуновской И. Сулин писал, что в двух верстах от нее, в Мечетном буераке, находятся признаки бывшей татарской мечети, от которой буерак и получил свое название. Второе татарское городище находилось в 35 верстах от станицы [29, с. 338–340]. Во время этнографического обследования этой станицы экспедицией Волгоградского государственного университета в 1987 г. информанты рассказали, что считают ее название производным от имени татарского князя Алзуна, основавшего их поселение.

В юрту ст-цы Тишанской были буерак Мечетный и озеро Мечетное. Эти топонимы, в свою очередь, связаны с татарским городищем, которое называлось Кира (мечеть), а городок имел название Киров городок. И. Сулин записал предание, согласно которому «пришедшие сюда из Руси казаки – основатели Тишанской станицы – застали это татарское селение довольно многолюдным и некоторое время жили в соседстве с ним» [30, с. 562]. О ст-це Арчадинской сохранилось предание, согласно которому раньше здесь жили татары, которые нападали на жителей старого городка и уводили их в плен с пашни. Поэтому казаки уезжали с полевых работ до заката солнца [25, с. 378].

Нередко соседствовавшие с казачьими городками поселения нижеволжских татар мало чем от них отличались. В юрте ст-цы Луганской в конце XIX в. были обследованы остатки двух городищ, расположенных на расстоянии 30 верст друг от друга. Первое называлось Татарским городком, так как было основано татарами; второе (казачье поселение) – Старым городком. Интересно, что укрепления обоих поселений практически ничем, кроме размеров, не отличались [18].

Со временем, по мере все большего «обрусения» казаков, изменялись и версии происхождения татарских топонимов. Так, Б. Ла-

шили записал в 1960-х гг. такое предание о возникновении названий станиц Арчединской, Кепинской, Скуришенской и Глазуновской: «В далеком прошлом река Медведица служила границей, куда во время своих летних кочевий со стадами скота и табунами лошадей заходили татары... Пришли сюда татарские князья Арчак, Кепка, Скуриха и Глазун. Разбили тут свои станы и крепко осели. От них не стало никому из русских людей ни проезда, ни прохода... Их разбил Ермак Тимофеевич. Дорога стала свободной, Ермак заложил здесь четыре казачьих городка, назвав их именами татарских князей, каких побил он в честном бою с казаками» [13, с. 126–127]. Как видно, в этом предании акцент уже делается не на совместном проживании русских с татарами, а на их противостоянии; в качестве основателя станиц признаются не татарские князья, а легендарный казачий атаман Ермак. Важно в этих преданиях и то обстоятельство, что Ермак дал новым поселениям имена поверженных врагов. В других фольклорных текстах (легендах и преданиях) Ермак предстает, по сути, культурных героем и основателем донского казачества.

В донской топонимии нашли отражение и сложные взаимоотношения казаков и горских народов, которые также селились в непосредственной близости от первых и совершали набеги на их городки. Чаще всего в связи с горцами-черкесами встречается общее название Черкесский городок (в ст-це Баклановской – Черкесский бугор) [26, с. 762]. Записи преданий о живших когда-то на Дону черкесах также удалось обнаружить на страницах донской периодики. География этих преданий такова: ст-цы Перекопская, Тепикинская, Бурацкая, Вешенская, Баклановская, Раздорская, Добринская, Усть-Хоперская, Урюпинская. В народных преданиях речь идет об остатках древних черкесских городищ, находках «кавказской» посуды и оружия, оборонных сооружениях, оставшихся от черкесов [32], а также сооружений, устроенных казаками для охраны «от нападения черкес» [12, с. 40].

В этнографических экспедициях в 1980-х гг. мне также приходилось записывать рассказы жителей казачьих станиц и хуторов о черкесах, живших когда-то по соседству с казаками. Всего в экспедициях удалось запи-

сать 8 устных рассказов, свидетельствующих о том, что когда-то («в древние времена») черкесы обитали на прихоперских землях (хутора Заольховский, Борисы, Поповка Кумылженского р-на Волгоградской области, ст-цы Усть-Бузулукская Алексеевского р-на и Добринская Урюпинского района Волгоградской области). В 2008 г. в ст-це Усть-Бузулукской я записала рассказ о черкесах, которые жили в горе, расположенной напротив казачьего городка: «их жилище – пещеры, вырытые в горе». Хранительница школьного музея в ст-це Усть-Бузулукской Л.А. Васильева рассказывала: «В юрте станицы Усть-Бузулукской был хутор Черкесский. Потом его стали называть Шарашка, потом он стал заброшенным. А потом приехали чеченцы и стали селиться именно на этом месте – тут, говорят, еще раньше наши жили. В самой же ст-це Усть-Бузулукской есть кладбище православное, а за ним дальше располагалось кладбище черкесское» [21]. Здесь же буквально до наших дней сохранялся рассказ о том, что однажды черкесы напали на станицу и угнали в плен несколько женщин. Через какое-то время казаки совершили ответный набег и вернули женщин домой, однако одна из казачек отказалась возвращаться, мотивируя свой отказ тем, что ей пришлось по сердцу новый муж-черкес. Показательно, что именно эта казачка (а не кровожадные черкесы) фигурировала в этой легенде в качестве главного персонажа.

В целом общей особенностью фольклорно-топонимических источников, связанных с неказачьим населением Дона, является отсутствие в них негативных оценок казаками «чужих», на что обратила внимание на материалах донской лексики Е.В. Брысина [3, с. 49]. Для древней воинской традиции (в отличие от земледельческой крестьянской), действительно, характерно уважительное отношение к противнику (вне зависимости от степени его жестокости и коварства), восприятие его не только как врага, но и как «соседственного неприятеля», с которым и меряются силой, и учатся у него, перенимая его воинское умение и опыт. Такие взаимоотношения обуславливали и постоянно идущий на казачьих территориях процесс взаимопроникновения культурных традиций «своих» и «чужих»

(ср.: множество заимствований из опыта ведения войны казаками от кочевников, тюркские традиции в материальной культуре донских казаков). Освоение казаками территории Дикого поля и адаптация к новому окружению происходили в ситуации разомкнутости, открытости и готовности к культурным контактам складывающегося казачьего социума, представлявшего собой в ранний период истории мужское военизированное сообщество.

Мифология «чужих». Исследователи образов «чужих» и своих» отмечали исключительное значение «чужих» в межкультурных коммуникациях. При этом они указывали и на то, что до настоящего времени не сформулировано научное определение этого понятия. Во всех вариантах употребления оно понимается на обыденном уровне, то есть путем выделения и описания наиболее характерных признаков и свойств этого термина, таких как: чуждость, нездешность, иностранность; расположение за границами родной культуры; странность и необычность образа, контрастирующего с обычным и привычным окружением; незнакомость и недоступность для познания; сверхъестественность, всемогущество, перед которым человек бессилён [6].

Целый пласт донских народных преданий, связанных с «чужим» населением (предшествовавшем появлению казаков в Диком поле), подтверждает и отчасти расширяет эти характеристики, показывая, что «чужие» нередко предстают как существа мифологические, связанные с «иномирьем», тайнами, кладами и подземельями. Так, многие донские предания определяют татар в качестве первопоселенцев и хранителей кладов, упоминая, например, золотого коня Батья или Мамаю [31, с. 314], то есть связывают с нижним миром, тем светом. Казаки называли предшественников-татар *мамáями*, *черным нарóдом*, *махомáтами* [17, л. 2]. Жителями вырытых в горах пещер называют предания и черкесов. В более позднее время обитателями пещер и хранителями кладов в донских легендах будут выступать разбойники, а также казачьи атаманы, также представляющие, по сути, в роли «первопредков». Во время экспедиций во многих казачьих поселениях мне приходилось слышать и записывать рассказы о подземных

ходах, пещерах и золотых кладах, которые располагаются буквально под ногами, но не всякому даются. Обычно эти клады были связаны либо с татарами, либо с легендарными казачьими атаманами – Ермаком и Степаном Разиным. Так, согласно преданию, в лесу, расположенном в юрте ст-цы Раздорской (и получившем позднее название Ермаков лес), Ермак устраивал стан и закопал там свои золотые доспехи [4, с. 363]. Таким образом, казачьи атаманы, согласно народным легендам, стали преемниками более раннего населения (татар), унаследовавшими от них статус хранителей кладов, связанных, в свою очередь, с темой общей (групповой) доли-судьбы [23].

Отражение представлений о «чужих» (предшественниках, предках), как о жителях землянок и пещер и хранителях кладов (то есть связанных с иномирьем, преисподней), можно найти и в общерусском материале, например, в северных преданиях о «чуди» – древнем нерусском населении, жившем в землянках и ушедшем вместе с кладами под землю после прихода на эти земли русских. Эти представления широко отражены в записях современных фольклористов: «У нас тут чужь была, ее разгромили новгородцы, у ней укрепления были, и богатства там были, так они столбы подрубили – и богатства в землю ушли, и сами они»; «жили первобытные люди, и в это озеро они спустили золотую столешницу, а сами потом уехали неизвестно куда» [2, с. 4]. То же находим в легендах о мари́йцах: «За деревней там гора тако <...>. Вот эта гора нехорошая там, говорят, клад был запрятан, чели? Это все они, мари́йцы, сделали» [7, с. 35].

В контексте мифологии «чужих» особый интерес представляет легенда о Черкесском урочище, записанная краеведом В.А. Апраксиным. В легенде речь идет о встрече в Грузии казака из хут. Лутковского со столетним черкесом. Старец поведал казаку о Черкесском урочище, расположенном в юрте хутора. По его словам, там некогда жили черкесы: «С полуночной стороны на этом бугре рос огромный дуб в три обхвата. От этого дуба на растяжку человека с руками должна была сохраниться впадина – это забитый нами подземный ход. В нем мы спрятали золотые слитки, завернутые в лошадиную шкуру, и золотого

коня в натуральную величину – у нас он считается божеством и почитается. При Петре I нас потеснили с тех мест, вот почему нам пришлось все это прятать. Надеялись вернуться, но это нам не удалось. И все наши ценности остались» [1].

Интересно, что в записанных мною рассказах современных жителей ст-цы Усть-Бузулукской о располагавшемся когда-то неподалеку Черкесском городке также звучит мотив возвращения черкесов: «У нас сейчас тут понаехали с Кавказа, черкесы. И говорят нам: “Наши тут раньше жили, и мы все сюда вернемся”» [21].

Выскажу предположение, что в легенде, записанной В.А. Апраксиным и в своеобразно переложенной ее версии современными жителями станицы по отношению к мигрантам, лежат древние (по сути – мифологические) представления о враге, который был когда-то побежден, изгнан, обрел статус «предка» и обещал вернуться к своим богатствам. В подтверждение этой мысли приведу материалы из книги О.В. Матвеева, который писал о распространенности на Кубани народных рассказов о том, что до прихода казаков здесь обитали турки, а также приводил сюжет об обещании турка вернуться за своей шапкой, оставленной на кубанских землях. Ссылаясь на русские исторические предания и комментарии к ним В.К. Соколовой, исследователь пишет, что мотив утраченной предводителем шапки символизирует полную победу над ним и последующую потерю головы [14, с. 22]. Для нас, однако, особый интерес представляет обещание турка вернуться на оставленные когда-то земли.

Топонимические предания и легенды с мотивом возвращения древних насельников на прежние места обитания фольклористы записывали и в других регионах России. Они отмечали связь этого мотива с представлениями о наступлении перед концом света «справедливого времени», когда все народы вернуться на «свою землю», к забытым святилищам и богам: «Перед концом света мариинцы все поселятся, а русские удалятся» [7, с. 36].

В связи с этим выскажу мысль (нуждающуюся, конечно, в дальнейшем обосновании) о том, что есть основания рассматривать предания о «возвращающихся предках» в контек-

сте широко распространенных у русского и других народов представлений о том, что все умершие периодически возвращаются в мир живых людей для участия в символическом перераспределении общей доли. Такие «возвращения» и последующие «проводы» воплощаются, например, в массе обрядов календарного года (Проводы Масленицы, Фомы, Костромы и пр.). Впрочем, нужно учитывать, что обрядовые «проводы», производимые в значимые точки календарного года, были связаны со «своими» мертвыми, что касается «чужих», то их «возвращение» ожидается в «конце времен» и имеет прямое отношение к народной эсхатологии.

Образы новых «чужих»: «другие» и «иногородние». Далее рассмотрим пласт топонимов и связанных с ними преданий, которые сформировались в более позднее время и известны преимущественно по материалам, относящимся к XIX веку. К этому времени казаки уже давно были представителями военно-служилого сословия России, выполняя воинскую службу и «кормясь с земли». От прежних мужских сообществ и безбрачия они перешли к патриархальной семье и поземельной общине, а земля Войска Донского утратила статус военного пограничья, превратившись во вполне мирную земледельческую территорию. В этих условиях изменялся и характер топонимии. На смену топонимов, связанных с войной и неприятелем, приходят те, что отражали мирный и семейный характер жизни казаков: урочища Фроськины тополя, Родительское, Настасьин бугор и др. Вместе с тем и особенности жизни служилого сословия находили отражение в названиях местных урочищ. Так, места последнего прощания / встречи с уходящими на службу казаками в обряде проводов получали названия: Пьяный курган, Веселая балка, Бабий курган, Служивская гора и пр. Они были известны практически во всех крупных казачьих поселениях.

Запечатлелось в донской топонимии и уважительное отношение казаков к атаманской власти. В ст-це Зотовской мы записали рассказ об Атаманском пруде: «В Алексеевском районе в 2 км от хутора Третий Лог (Лужанка), в верховьях Малого Струбногo байрака есть Атаманский пруд. Называется он

так потому, что запружен был когда-то по приказу зотовского станичного атамана для конского отвода... Пруд делали люди со всех хуторов зотовского юрта. Каждый год после подновления пруда атаман тут же ставил людям водки. После распития ее происходили кулачные драки. Все это было отменено после революции» [15, т. 1, с. 7]. В юрте ст-цы Слащевской, недалеко от хутора Подтелковского, была известна Атаманская долина, названная так оттого, что «раньше, по приказу атамана, на этом месте происходили праздничные скачки» [16, т. 1, с. 9]. Предание, связанное с урочищем в юрте ст-цы Кременской, приводил И. Сулин: «Урочища: курган Орлов (Острый) – высотой в 30 аршин. О нем имеется предание: войсковой атаман Орлов во время проезда по станицам беседовал недалеко от этого кургана (тогда называвшегося Острым) с гражданами этой станицы. Его заинтересовала высота кургана, и он предложил гражданам вбежать на курган, но с условием: по фамилии того назвать курган, кто первый появится на его вершине. Началось состязание, и атаман Орлов опередил всех. С той поры курган и стал называться Орловым» [27]. В XIX же веке (когда казаки окончательно стали истинными «царскими слугами») появляются топонимы, связанные с именами царских особ: ст-цы Петровская, Алексеевская, Аннинская (в честь царя Петра I, царевича Алексея и царицы Анны Иоанновны).

К XIX в. в самосознании донских казаков отражались произошедшие изменения в статусе группы, когда на смену открытому воинскому сообществу, основанному на принципах полиэтничности и синтезе культур, пришла сословная закрытость и сплоченность. Закрепление новой самоидентификации происходило на основе разворачивания антитезы «свои – чужие» (или чаще «свои – не свои») уже в рамках своей группы и своей территории. В этих же рамках осуществлялся и поиск новых «не своих», необходимых для усиления и закрепления собственной локальной идентичности. В новых условиях граница между «своими» и «не своими», как правило, прочерчивалась между поселениями. После окончательного оседания казаков на землю и переходу к земледельческому труду стали обо-

значаться лингвистические и культурные различия между жителями разных казачьих поселений, которые закреплялись в станичных прозвищах и связанных с ними присловьях и частушках-дразнилках.

Традиция коллективных прозвищ была широко распространена и среди крестьянского населения России, на Дону же она получила широкое бытование во второй половине XIX века. Собираением станичных прозвищ и баек еще в XIX в. активно занимался издатель первой частной донской газеты А.А. Карасев [5, с. 176]. Обычно прозвища давались в связи с каким-нибудь событием, произошедшим с жителями той или иной станицы и получившим широкую огласку далеко за ее пределами. Почти всегда в основе прозвища лежал некий анекдот, комическое сочетание явлений. Так, станицу Вешенскую называли «Кобели», Еланскую – «Козлы», Потемкинскую – «Пугачи», Кумылженскую – «Моська», Слащевскую – «Большая Сноха Ивановна» и пр. С каждым прозвищем была связана байка, а сами прозвища со временем вытесняли истинные наименования поселений.

На популярность на Дону станичных кличек и «дразнилок» указывал в свое время А.М. Греков, писавший: «Говорят, казак, при встрече с другим спрашивающий: “Ты коей? (то есть какой станицы)?” – непременно встретит такой же вопрос: “А ты коей?” Это из боязни, что, дав ответ, он сейчас же получит в подарок и кличку, то есть, что вопрошающий не имеет другой цели вопроса, как только чтоб “задразнить”» [5, с. 177]. В приведенной цитате обозначена, между прочим, и еще одна функция станичных прозвищ (помимо закрепления локальной идентичности): они способствовали не только выявлению «не своих», но и определению «слабых» и «сильных». Не случайно прозвища и «частушки-дразнилки» использовались в так называемых «затравках» перед кулачным боем, когда противостоящие силы представляли разные хуторские или станичные сообщества.

Нередко станичные «дразнилки» были связаны с особенностями говоров их обитателей. Так, «щёкающий» говор жителей хуторов Тормосин, Морской и др. (ныне – Чернышковский р-н Волгоградской обл.) нашел отражение в таких дразнилках: «Девщата, девща-

та, купитя лушок пушок»; «Казашок, казашок, пошом лушок? – Пять копеешек пушок» [20].

В сословный период казачьей истории кардинально изменился и образ «чужих». Образ прежних «чужих» – «иноверцев» и «инородцев» (жителей сопредельных с Доном государств) потерял прежнюю актуальность вместе со смещением границ и превращением Донской области во внутреннюю территорию страны. Однако «чужие» были необходимы для консолидации казачьего сообщества, и они были найдены по соседству, а сама разделительная черта из внешней превратилась во внутреннюю. «Чужими» стали так называемые *иногородние* – выходцы из южнороссийских и украинских земель, поселившиеся на донских землях, но не вошедшие в казачье сословие (*мужикі, хамы, хохлы, русакі*). Они были ограничены в правах по многим позициям социально-экономических отношений, но казачество воспринимало приход на Дон иногородних как посягательство на свои сословные привилегии. Отношение к иногородним (не имевшим, в отличие от казаков, обязательств нести военную службу, а занимавшихся ремеслами) имеет аналогии в крестьянских общинах, в которых люди, не связанные с земледелием (кузнецы, мельники, пчеловоды и пр.), обладали особым статусом: с одной стороны, к ним относились настороженно, с другой – наделяли их некими сакральными качествами (особые знания, колдовство и пр.).

В поздней казачьей традиции отношение к иногородним было обусловлено преимущественно экономическими мотивами и отличалось крайне негативной коннотацией. Страницы донской периодики второй половины XIX в. были полны заметок, в которых ясно проступает образ нового врага: «Хохлы-арендаторы – это язва, разъедающая последнее достояние казака – землю!» [24]; «Не дай Бог опять пошлются нам эти эпидемии, эпизоотии и разные Селивантичи (иногородние. – М. Р.), от которых житья нет нам, казакам, даже на своей, добытой кровью отцов, родной земле» [8].

Ситуация возрастающей враждебности казаков по отношению к иногородним отразилась и в планировке казачьих поселений, и в местной топонимике. Для иногородних в станицах и хуторах выделялись особые места, расположенные на краю поселения, не слиш-

ком удобные для проживания. Они назывались *Мужічьими ўлицами* или *Мужічьими конца́ми*. Встречались названия мужичьих концов: *Сибірь, Хохлы*. На этих улицах и концах располагались, помимо жилищ, горшечные и бондарные мастерские, кирпичные заводики, принадлежащие иногородним и дающие им постоянный заработок при отсутствии земельных угодий в казачьих юртах. В экспедиции от старожилы ст-цы Тепикинской я записала рассказ о делении поселения на части, в котором также явно отражено и негативное отношение казаков к иногородним: «Тепикинская делится на две части. Вот у нас балка, мы ее зовем Яргунка, она на две части делит. Возле балки Яргунки жили мужики. Там кто жил? Портной, чеботарь, овчинник, там вообще всяких специальностей, постовал – много их там. Они мало работали. А тут – специальные люди – трудяги, казаки...» [19].

Результаты. Проведенный анализ показал, что значительное количество топонимов, связанных с предшествующим и чужим населением (татарами, калмыками, черкесами), не стертых со временем в памяти казаков, а сохранных и даже обросших новыми легендами и преданиями – свидетельство того, как взаимодействовали и уживались в Диком поле разные культурные традиции, несмотря на экстремальность существования здесь – в зоне постоянной войны. В казачьих топонимических преданиях нашло отражение характерное для воинской традиции уважительное отношение к противнику и восприятие его не только как врага, но и как «соседственного неприятеля», а также такой характер взаимоотношений, который способствовал обмену культурным опытом между казаками и «чужими».

Исследование мифологии антитезы «свои – чужие» показало, что со временем образы иноэтничных предков – первых насельников территории – в донских легендах были заменены образами казачьих атаманов, которые предстают также в качестве хранителей сокровищ (символизирующих «мирскую долю») и должны вернуться «в конце времен», чтобы восстановить нарушенную социальную справедливость в мире. Эти предания отражают, с одной стороны, ситуацию превращения Дикого поля в родную Донскую землю, а с другой – изменившуюся ситуацию на Дону,

когда образ вольного казачьего братства как идеальной социальной модели канул в прошлое. На этом фоне происходила героизация уже «своих» предводителей-атаманов, ассоциируемых в народном сознании с этим социальным идеалом.

В «сословный период» жизни казаков, когда, по мнению многих ученых-казачеведов, происходило превращение донского казачества в этносословную группу, казачество становилось более гомогенным, сплоченным, и в этих условиях уже было позволительно видеть различия внутри группы «своих», определяя их в качестве «других». Сформировавшаяся в это время система станичных прозвищ – яркий пример того, насколько интенсивно шел на Дону процесс внутрестаничной интеграции, включавший в себя два уровня – осознание своего единства и противопоставление себя соседям (извечная антитеза «мы – они»).

Трансформировался со временем и образ «чужих» – от восприятия в качестве таковых соседей – неприятелей до жителей казачьих поселений – иногородних. Низкий статус последних нашел отражение в том числе и в планировке казачьих поселений, где им отводились «непочетные» места.

На всех этапах казачьей истории отраженная в топонимике и топонимических преданиях антитеза «мы – они» работала на поиск и закрепление группой собственной идентичности, связанной в первую очередь с воинским статусом. Показателен в связи с этим отраженный в топонимических преданиях комплиментарный характер взаимоотношений казаков с воинственными неприятелями и непримиримо-враждебный – с соседями-крестьянами (иногородними), не связанными с воинской службой.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН «Население Нижнего Дона в межэтнических и межкультурных коммуникациях: история и современность» (№ проекта АААА-А20-120122990111-9).

The work was carried out within the framework of the implementation of the state task of the UNC RAS (Project No. ААААА20-120122990111-9) “The population of the Lower Don in interethnic and intercultural communications: history and modernity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апраксин В. Следы народов Средневековья // Победа. 1989. № 100. С. 2.
2. Березович Е. Л. «Чужаки» в зеркале фольклорной ремотивации топонимов // Живая старина. 2000. № 3. С. 2–5.
3. Брыксина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград: Перемена, 2003. 292 с.
4. Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох. Очерки традиционной культуры донских казаков. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 432 с.
5. Греков А. М. Приазовье и Дон. СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1912. 208 с.
6. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 352 с.
7. Давыдова Ю. А. Представления о «чужом народе» в Уржумском районе // Живая старина. 1998. № 4. С. 35–37.
8. Житель. Из хуторских нравов // Казачий вестник. 1885. № 95.
9. Карпун М. А. Представления о «других» в донских диалектных фитонимах // Лексикология. Лексикография (русско-славянский цикл). Русская диалектология. Памяти В.И. Трубинского. Материалы секций XI Междунар. филол. конф., 14–19 марта 2011 г., С.-Петербург. СПб., 2011. С. 84–90.
10. Кательников Е. Исторические сведения о Верхнекурмоярской станице. Изд. 2-е. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2008. 80 с.
11. Королев В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск : Дончак, 2007. 240 с.
12. Крылов А. Л. О старине Донской области // Труды VI археологического съезда в Одессе в 1884 г. Одесса, 1889. Т. 4. С. 40–41.
13. Лащилин Б. На родных просторах. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1968. 192 с.
14. Матвеев О. В. Враги, союзники, соседи: этническая картина мира в исторических представлениях кубанских казаков. Краснодар: Крайбибколлектор, 2002. 120 с.
15. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ, 1987 // Личный архив Рыбловой М. А.
16. Материалы этнографической экспедиции ВолГУ. 1989 // Личный архив Рыбловой М. А.
17. Миллер А. «Циво они говорят» // Архив Императорского Русского географического общества. Ф. 12. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–2.
18. П. Памятники старины // Казачий вестник. 1883. № 2.
19. Полевые записи автора 1997 г. в ст-це Зотовской Алексеевского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

20. Полевые записи автора 1999 г. в хут. Морском Чернышковского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

21. Полевые записи автора 2008 г. в ст-це Усть-Бузулукская Алексеевского р-на Волгоградской обл. // Личный архив Рыбловой М. А.

22. Проценко Б. Н. Оппозиция «свой» – «чужой» и менталитет донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа. Ростов н/Д: Изд-во РГК им. С. В. Рахманинова, 1999. С. 211–224.

23. Рыблова М. А. Хранители казачьих кладов: к вопросу о концепции судьбы в русской народной традиции // Судьба. Интерпретация культурных кодов. Саратов: Науч. кн., 2003. С. 111–175.

24. Сулин И. Станица Казанская // Донские областные ведомости. 1882. № 92.

25. Сулин И. Арчадинская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 10. С. 376–378.

26. Сулин И. Краткое описание станиц Области Войска Донского // Донские епархиальные ведомости. 1893. № 17. С. 760–762.

27. Сулин И. Кременская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 6. С. 194.

28. Сулин И. Правоторовская станица // Донские епархиальные ведомости. 1895. № 21. С. 619–620.

29. Сулин И. Скуришенская станица // Донские епархиальные ведомости. 1894. № 9. С. 338–342.

30. Сулин И. Станица Тишанская // Донские епархиальные ведомости. 1895. № 19. С. 559–564.

31. Фольклор хоперских казаков: материалы краеведа В. А. Апраксина. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2012. 432 с.

32. Часовников В. Донская археология и этнография // Дон. 1887. № 1. С. 24–32.

33. Черницын С. В. «Свои чужаки» в культуре донского казачества (по материалам инкорпорации горцев в 40–50-х гг. XIX в.) // Мир казачества. Вып. 2. Краснодар: Мир Кубани, 2007. С. 130–151.

REFERENCES

1. Apraksin V. Sledy narodov Srednevekovja [Traces of the Peoples of the Middle Ages]. *Pobeda* [Victory], 1989, no. 100, p. 2.

2. Berezovich Y.L. «Chuzhaki» v zerkale folklornoy remotivatsii toponimov [“Strangers” in the Mirror of Folklore Remotivation of Toponyms]. *Zhivaya starina*, 2000, no. 3, pp. 2-5.

3. Bryksina E.V. *Etnokulturnaya idiomatika donskogo kazachestva* [Ethnocultural Idiomatics of the Don Cossacks]. Volgograd, Peremena Publ., 2003. 292 p.

4. Vlaskina T.Y. *Domashniy mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoy kultury donskikh kazakov* [Home World at the End of Eras. Essays on the

Traditional Culture of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuNTs RAN, 2011. 432 p.

5. Grekov A.M. *Priazovye i Don* [Azov and Don]. Saint Petersburg, Tip. t-va «Obshchestvennaya polza», 1912. 208 p.

6. Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.P. *Osnovy mezhkulturnoy kommunikatsii* [Fundamentals of Intercultural Communication]. Moscow, YUNITI-DANA, 2002. 352 p.

7. Davydova Y.A. Predstavleniya o «chuzhom narode» v Urzhumskom rayone [Representations of the “Foreign People” in the Urzhum Region]. *Zhivaya starina*, 1998, no. 4, pp. 35-37.

8. Zhitel. Iz hutorskih npravov [Resident. From the Farm Manners]. *Kazachij vestnik*, 1885, no. 95.

9. Karpun M.A. Predstavleniya o «drugikh» v donskikh dialektnykh fitonimakh [Ideas About “Others” in Don Dialect Phytonyms]. *Leksikologija. Leksikografija (russko-slavjanskij cikel). Russkaja dialektologija. Pamjati V.I. Trubinskogo. Materialy sekcij XL Mezhdunar. filol. konf., 14–19 marta 2011 g., S.-Peterburg* [Lexicology. Lexicography: Russian and Slavonic Studies. Russian Dialectology. In Memory of V.I. Trubinsky. Proceedings of the Sections of the 40th International Philological Research Conference. March 14–19, 2011. Saint Petersburg]. Saint Petersburg, 2011, pp. 84-90.

10. Katelnikov E. *Istoricheskie svedenija o Verhnekurmjarskoj stanice* [Historical Information About the Verkhnekurmoyarsk Village]. Volgograd, Izd-vo VGAPK RO, 2008. 80 p.

11. Korolev V.N. *Donskiye kazachyi gorodki* [Don Cossack Towns]. Novocheerkassk, Donchak Publ., 2007. 240 p.

12. Krylov A.L. O starine Donskoj oblasti [About the Antiquity of the Don Region]. *Trudy VI arheologicheskogo syezda v Odesse v 1884 g.* [Proceedings of the 6th Archaeological Congress in Odessa in 1884]. Odessa, 1889, vol. 4, pp. 40-41.

13. Lashchilin B. *Na rodnykh prostorakh* [In the Native Spaces]. Volgograd, Nizh.-Volzh. kn. izd-vo, 1968. 192 p.

14. Matveyev O.V. *Vragi, soyuzniki, sosedi: etnicheskaya kartina mira v istoricheskikh predstavleniyakh kubanskikh kazakov* [Enemies, Allies, Neighbors: The Ethnic Picture of the World in the Historical Views of the Kuban Cossacks], Krasnodar, Kraybibkolektor Publ., 2002. 120 p.

15. Materialy etnograficheskoy ekspedicii VolGU, 1987 [Proceedings of the Ethnographic Expedition of the Volga. 1987]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].

16. Materialy etnograficheskoy ekspedicii VolGU, 1989 [Proceedings of the Ethnographic Expedition Volga. 1989]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].

17. Miller A. «Civo oni govornj» [“What Ae They Saying”]. *Arhiv Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva* [Archive of the Imperial Russian Geographical Society], f. 12, inv. 1, d. 15, l. 1-2.
18. P. Pamjatniki stariny [Monuments of Antiquity]. *Kazachij vestnik*, 1883, no. 2.
19. Polevye zapisi avtora 1997 g. v st-ce Zotovskoj Alekseevskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Notes of the Author in 1997 in the Village of Zotovskaya, Alekseevsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
20. Polevye zapisi avtora 1999 g. v hut. Morskom Chernyshkovskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Records of the Author in 1999 in the Morskoy Farm, Chernyshkovsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
21. Polevye zapisi avtora 2008 g. v st-ce Ust-Buzulukskaja Alekseevskogo r-na Volgogradskoj obl. [Field Entries of the Author in 2008 in Ust-Buzulukskaya Village, Alekseevsky District, Volgograd Region]. *Lichnyy arkhiv Ryblovoy M.A.* [Personal Archive of M.A. Ryblova].
22. Protsenko B.N. Opozitsiya «svoe» – «chuzhoj» i mentalitet donskikh kazakov [Opposition “Ours”–“Alien” and the Mentality of the Don Cossacks]. *Istoriya i kultura narodov stepnogo Predkavkazya i Severnogo Kavkaza* [History and Culture of the Peoples of the Steppe Caucasus and the North Caucasus]. Rostov-on-Don, Izd-vo RGK im. S.V. Rakhmaninova, 1999, pp. 211-224.
23. Ryblova M.A. Hraniteli kazachyih kladov: k voprosu o koncepcii sudby v russkoj narodnoj tradicii [Keepers of Cossack Treasures: On the Concept of Fate in the Russian Folk Tradition]. *Sudba. Interpretatsiya kulturnykh kodov* [Fate. Interpreting Cultural Codes]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2003, pp. 111-175.
24. Sulin I. Stanica Kazanskaja [Kazanskaya Village]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1882, no. 92.
25. Sulin I. Archadinskaja stanica [Archadinskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 10, pp. 376-378.
26. Sulin I. Kratkoe opisanie stanic Oblasti Vojska Donskogo [A Brief Description of the Villages of the Don Army Region]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1893, no. 17, pp. 760-762.
27. Sulin I. Kremenskaja stanica [Kremenskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 6, p. 194.
28. Sulin I. Pravotorovskaja stanica [Pravotorovskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1895, no. 21, pp. 619-620.
29. Sulin I. Skurishenskaja stanica [Skurishenskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1894, no. 9, pp. 338-342.
30. Sulin I. Stanica Tishanskaja [Tishanskaya Village]. *Donskie eparhialnye vedomosti*, 1895, no. 19, pp. 559-564.
31. *Folklor hoperskih kazakov: materialy kraevedy V.A. Apraksina* [Folklore of the Khopersk Cossacks. Proceedings of Local Historian]. Moscow, Gosudarstvennyj respublikanskiy centr russkogo folklor, 2012. 432 p.
32. Chasovnikov V. Donskaja arheologija i etnografija [Don Archeology and Ethnography]. *Don*, 1887, no. 1, pp. 24-32.
33. Chernitsyn S.V. «Svoi chuzhaki» v kulture donskogo kazachestva (po materialam inkorporatsii gortsev v 40–50-kh gg. XIX v.) [“Inside Strangers” in the Culture of the Don Cossacks (Based on the Proceedings of the Incorporation of the Highlanders in the 40-50s of the 19th Century)]. *Mir kazachestva. Iyp.* 2 [World of Cossacks. Iss. 2]. Krasnodar, Mir Kubani Publ., 2007, pp. 130-151.

Information About the Author

Marina A. Ryblova, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Chief Researcher, Laboratory of Cossacks, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Leading Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

Информация об авторе

Марина Александровна Рыблова, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ryblova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1451-2579>

ПРОФЕССИОНАЛЫ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

UDC 94(470+571)“1772/1840”:347.965

LBC 63.3(2)521-36

Submitted: 17.12.2021

Accepted: 17.02.2022

THE INSTITUTION OF ADVOCACY IN THE BELARUSIAN-LITHUANIAN PROVINCES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1772–1840)

Ihar G. Hushchynski

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The purpose of this study is to reveal the main aspects of the advocacy institution functioning in the Belarusian-Lithuanian provinces in 1772–1840. The investigation will make it possible to eliminate appropriate gaps in historiography and provide to take a broader view on the judicial and legal system of the Russian Empire at the time at all. **Methods and Materials.** The study is based on fundamental theoretical and methodological principles: historicism, objectivity, systemic and value approaches. **Analysis.** After the territory of the Grand Duchy of Lithuania had become part of the Russian Empire, local regulations in civil proceedings were preserved here. In this regard, lawyers took part in civil trials. This was a distinctive feature of the local judicial system in comparison with the general imperial one. The institution of advocacy was abolished in Belarusian-Lithuanian provinces together with implementation of the Russian model of the judiciary and proceedings here (in 1831 – in Vitebsk and Mogilev provinces, in 1840 – in the Minsk, Grodno and Wilno provinces). **Results.** The activity of lawyers was regulated by the norms of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588, the orders of the Seimas of the Polish-Lithuanian Commonwealth, also by several laws which were issued by the Russian government. The legal profession in the Belarusian-Lithuanian provinces was quite highly paid and prestigious in public perception. Though the Russian authorities’ opinion on the advocacy was generally negative.

Key words: advocacy, history of advocacy, judicial system, Russian Empire, Belarusian-Lithuanian provinces, Western provinces, Statute of the Grand Duchy of Lithuania of 1588.

Citation. Hushchynski I.G. The Institution of Advocacy in the Belarusian-Lithuanian Provinces of the Russian Empire (1772–1840). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 69-78. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

УДК 94(470+571)“1772/1840”:347.965
ББК 63.3(2)521-36

Дата поступления статьи: 17.12.2021
Дата принятия статьи: 17.02.2022

ИНСТИТУТ АДВОКАТУРЫ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1840 гг.)

Игорь Геннадьевич Гущинский

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Цель представленного в данной статье исследования – раскрыть основные аспекты функционирования института адвокатуры в белорусско-литовских губерниях в 1772–1840 годах. Это позволит устранить соответствующий пробел в историографии и будет способствовать формированию более широкого представления о характере судебно-правового строя Российской империи того времени в целом. *Методы и материалы.* Исследование базируется на основополагающих теоретико-методологических принципах: историзма, объективности, системного и ценностного подходов. *Анализ.* После присоединения территории Великого Княжества Литовского к Российской империи здесь были сохранены местные нормы права в области гражданского судопроизводства. В связи с этим в судебных процессах по гражданским делам могли принимать участие адвокаты. Это было отличительной чертой местной судебной системы по сравнению с общеимперской. Институт адвокатуры в белорусско-литовских губерниях был упразднен вместе с полным переводом данной территории на российскую модель судостройства и судопроизводства (в 1831 г. – в Витебской и Могилёвской, в 1840 г. – в Минской, Гродненской и Виленской). *Результаты.* Деятельность адвокатов белорусско-литовских губерний регламентировалась нормами Статута Великого Княжества Литовского 1588 г., постановлениями Сейма Речи Посполитой, а также рядом законов, изданных российским правительством. Адвокатская профессия здесь являлась достаточно высокооплачиваемой и престижной в общественном представлении. При этом отношение российских властей к адвокатуре было в целом отрицательным.

Ключевые слова: адвокатура, история адвокатуры, судебная система, Российская империя, белорусско-литовские губернии, западные губернии, Статут Великого Княжества Литовского 1588 года.

Цитирование. Гуцинский И. Г. Институт адвокатуры в белорусско-литовских губерниях Российской империи (1772–1840 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 69–78. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.6>

Введение. На территории, присоединенной к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.), ещё на протяжении нескольких десятилетий после этого сохранялось в действии местное право в области гражданского судопроизводства – Статут Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ) 1588 г., постановления (конституции) Сейма Речи Посполитой. В связи с этим гражданский судебный процесс здесь характеризовался состязательностью, публичностью, использованием судебного разбирательства, предусматривал институт адвокатуры. Тем самым он отличался от российского образца того времени, который основывался на инквизиционной (следственной, розыскной) модели, согласно которой суд рассматривал дела за закрытыми дверями без участия сторон, преимущественно на основе письменных документов. В таких условиях функция поверенного фактически сводилась лишь к написанию прошений, сбору разного рода бумаг и подаче их в суд [11, с. 536].

Цель представленного в данной статье исследования – раскрыть основные аспекты функционирования института адвокатуры в белорусско-литовских губерниях в 1772–1840 годах. Это будет способствовать установлению специфики осуществления правосу-

дия на данной территории, а также формированию более широкого представления о характере судебно-правового строя Российской империи того времени в целом.

Географические границы исследования охватывают часть так называемых западных губерний (то есть территории, присоединенной к Российской империи в результате разделов Речи Посполитой), которая на разных этапах рассматриваемого периода входила в состав губерний: Могилёвской и Псковской (1772–1776 гг.); Могилёвской и Полоцкой (1776–1793 гг.); Могилёвской, Полоцкой и Минской (1793–1796 гг.); Белорусской, Минской и Литовской (1796–1801 гг.); Витебской, Могилёвской, Минской, Гродненской и Виленской (с 1802 г.). В тексте статьи для обобщенного названия этого региона используется термин «белорусско-литовские губернии». То есть внимание автора сфокусировано на части западных губерний, за исключением украинских (Брацлавской, Киевской, Подольской и Волынской). Хронологические рамки исследования обусловлены периодом сохранения в действии на территории белорусско-литовских губерний судебно-правовых традиций ВКЛ – от первого раздела Речи Посполитой (1772 г.) до отмены Николаем I в 1840 г. действия местных особенностей в

области правосудия в Минской, Гродненской и Виленской губерниях.

Методы и материалы. Данное исследование базируется на основополагающих теоретико-методологических принципах: историзма, объективности, системного и ценностного подходов. Непосредственным инструментарием достижения исследовательской цели стали как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция), так и конкретно-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный) методы.

Проблема адвокатуры западных губерний в конце XVIII – первой трети XIX в. была частично освещена в одной из предыдущих работ автора данной статьи [3]. Также в ходе историографического анализа изучаемой темы было выявлено несколько относительно небольших по объему публикаций, специально посвященных ей, – российского юриста 2-й половины XIX в. В.П. Мордухай-Болтовского [12], польского историка права С. Годека [28], литовского историка Э. Александровичюса [24]. Проблеме адвокатуры западных губерний рассматриваемого периода уделено внимание в ряде работ, посвященных более широким или смежным темам – в целом политике российских властей по отношению к западным губерниям [9, с. 221–222], местному праву [30, с. 30–45], истории адвокатуры [2, с. 57–58; 1, с. 101–113], чиновничеству белорусских губерний [10, с. 43–44, 56–57]. Авторы большинства данных работ, обращаясь к проблеме адвокатуры западных губерний, использовали практически только законодательные акты. Соответственно, внимание уделялось в основном ее нормативно-правовому обеспечению.

В ходе исследования в качестве источников были привлечены правовые акты (Статут ВКЛ 1588 г., сеймовые конституции Речи Посполитой, законодательство Российской империи), неопубликованные делопроизводственные источники, публикации из периодической печати того времени, а также мемуарная и художественная литература авторов конца XVIII – первой половины XIX века.

Анализ. Прежде чем рассматривать непосредственно проблему адвокатуры в белорусско-литовских губерниях, следует крат-

ко охарактеризовать саму судебную систему на этой территории, так как она в данный период существенно отличалась от общеимперской. При Екатерине II в западных губерниях вводилась российская модель судостроительства согласно «Учреждениям для управления губерний Всероссийской империи» 1775 года. При этом в области гражданского судопроизводства сохранялись в действии прежние нормы права, в том числе институт адвокатуры, а также продолжал использоваться польский язык. После смерти императрицы ее преемник Павел I попытался восстановить здесь судебные органы периода ВКЛ. В результате этого в белорусско-литовских губерниях сформировалась следующая система судостроительства. Судами 1-й инстанции в уездах были, в зависимости от губернии, либо земские поветовые суды (в Белорусской и Минской губерниях), либо отдельные гродские и земские суды (в Литовской губернии). Земские поветовые суды рассматривали как уголовные, так и гражданские дела (фактически они являлись аналогом российских уездных судов). Отдельные гродские и земские суды, как и во времена ВКЛ, специализировались соответственно на уголовных и гражданских делах. При этом гродские суды также могли рассматривать и гражданские дела. Для решения дел по спорам о границах земельных владений были предусмотрены специальные подкоморские суды. В 1810–1812 гг. в Виленской, Гродненской и Минской губерниях для таких дел была создана целая система межевых судов. В городах судами 1-й инстанции были, как и во внутрироссийских губерниях, городские магистраты или ратуши. Также функцию суда 1-й инстанции могли выполнять судебные органы, создаваемые для рассмотрения конкретного дела – компромиссорские (аналог российских третейских судов) и эксдивизорские суды (предназначались для раздела имущества неплатежеспособного должника между кредиторами). Судом 2-й инстанции являлись главные суды, которые находились в губернских городах. Они считались преемниками Трибунала – высшего судебного органа ВКЛ. В судопроизводстве применялось как местное право, так и российское законодательство. Область использования местного права в основном ограничивалась

сферой гражданского судопроизводства. Таким образом, институт адвокатуры действовал только в гражданском процессе. К участию в рассмотрении уголовных дел они были допущены лишь непродолжительный период в 1812 г. – на территории, подведомственной созданной с разрешения Наполеона Комиссии временного правительства ВКЛ [34, с. 1]. Языком гражданского судопроизводства в рассматриваемый период был преимущественно польский [4].

Нормативно-правовую базу функционирования адвокатуры западных губерний в рассматриваемый период составляли Статут ВКЛ 1588 г., постановления Сейма Речи Посполитой, а также ряд российских законов, принятых после включения данной территории в состав империи. В Статуте ВКЛ 1588 г. закреплялось само право сторон вести дело в суде через доверенных лиц, предусматривались некоторые ограничения для претендентов на выполнение функции адвоката, устанавливалась ответственность для них в случае причинения ущерба доверителю (вплоть до смертной казни). Также в Статуте содержалась норма о назначении судом бесплатного адвоката для тех, кто по причине бедности не мог оплатить его услуги (например, сироты и вдовы) [22, с. 383–393]. Позже нормативно-правовая база института адвокатуры была дополнена рядом постановлений Сейма Речи Посполитой. Например, были установлены критерии, которым должны были соответствовать адвокаты. Ими могли быть только поместные дворяне, владеющие знаниями в области права и не замеченные ни в каких преступлениях. В данном контексте следует подчеркнуть, что прием в число адвокатов, а также дисциплинарный контроль за их деятельностью осуществляли сами суды. Конституция 1726 г. предусматривала дачу адвокатами присяги по установленной форме [12, с. 3]. Данный текст продолжал использоваться адвокатами западных губерний и в XIX в. [15, л. 9]. Конституция 1768 г. дала право быть адвокатами в судах и не дворянам, но только кроме Трибунала, земских и гродских судов [30, с. 31–32]. В ряде постановлений Сейма были уточнены и конкретизированы некоторые действия, которые считались недопустимыми для адвокатов. Например, отказ от уже

взятого дела без веских причин, передача бумаг и дача советов противоположной стороне, нарушение порядка в суде, умышленное затягивание судебного процесса посредством каких-либо приемов, в целом халатное отношение к выполнению обязанностей адвоката и др. Также были определены конкретные меры наказания за упомянутые действия [30, с. 37–39].

Как уже было отмечено выше, после присоединения территории ВКЛ к Российской империи здесь были сохранены нормы местного права в области гражданского судопроизводства. Исключение составляли только дела, связанные с интересами казны, о церковной собственности, а также выходе из крепостной зависимости. Они рассматривались по правилам российского законодательства – по инквизиционной форме судебного процесса [30, с. 54]. По остальным гражданским делам судопроизводство было гласным, состязательным и предполагало возможность участия адвокатов. На заседании суда могли присутствовать не только заинтересованные лица, но и публика. При этом существовала практика, когда адвокаты подавали суду свои объяснения по делу («голоса») в письменной форме, иногда в нескольких экземплярах – для каждого судьи. По наиболее значимым процессам, имевшим резонанс в обществе, такие голоса печатались и для публики [31, с. 9]. Данные документы зачитывались на судебном заседании сторонами, которые могли дополнять написанный текст словесными объяснениями [13, с. 182].

Сохранив действие местных правил гражданского судопроизводства в принципе, российские власти принимали и свои законодательные акты, регулирующие данную сферу. Иногда они просто дублировали местные нормы, но также могли их корректировать или, в отдельных аспектах, вовсе заменять. Во-первых, это было обусловлено естественной необходимостью модернизировать законодательство. Во-вторых, российским властям нужно было упорядочить и актуализировать для себя по сути незнакомое им местное право. В частности, это относилось к институту адвокатуры, непредусмотренному российским законодательством. В-третьих, местные правовые нормы подвергались корректировкам

также потому, что некоторые из них были существенно чужды мировоззрению представителей российской власти. Это относилось и к институту адвокатуры.

Отношение российских властей к адвокатуре было в основном отрицательным [13, с. 230]. Известны негативные высказывания об адвокатах Екатерины II и Николая I [11, с. 535–536; 13, с. 175–176; 21, с. 306–307]. Их мнение об адвокатуре было определено тем, что именно адвокатами были виднейшие деятели Французской революции – Робеспьер, Дантон, Мирабо, Демулен и некоторые другие. Негативное отношение к адвокатам западных губерний было присуще представителям местного высшего губернского начальства. В 1831 г., на фоне событий происшедшего здесь антиправительственного восстания, могилёвский губернатор М.Н. Муравьёв писал, что класс адвокатов служит основанием мятежа, поэтому является опасным и вредным. По его мнению, ликвидация адвокатуры должна была стать важнейшим фактором усмирения шляхты и достижения ее лояльности к проводимой российскими властями политике [13, с. 234]. Для этого он предлагал удалить адвокатов из западных губерний и привлечь их к различным должностям во внутренних губерниях империи [13, с. 237]. В подобном ключе в отношении адвокатов в начале 1840 г., когда решался вопрос о сохранении в западных губерниях действия местного права в виде отдельного от общеимперского свода гражданских законов, высказывался киевский генерал-губернатор Д.Г. Бибиков [13, с. 245].

Негативное восприятие адвокатуры властями определяло характер законодательных мер, которые принимались правительством по упорядочению ее функционирования. Их смысл почти всегда сводился к ограничению действия данного института. Например, в 1785 г. сенаторами Воронцовым и Нарышкиным проводилась ревизия Могилёвской губернии. По ее результатам судебные дела о церковной собственности стали разбираться без соблюдения «формальностей польских законов», в том числе без участия адвокатов, так как последние, по мнению сенаторов, «высасывают из верителей часто не меньше того, чего стоит иск» [8, с. 261]. В 1797 г. граждан-

ский губернатор Литовской губернии Я.И. Булгаков обратился в Сенат с докладом об ограничении числа адвокатов в его губернии, обретшим после его подписания 14 декабря 1797 г. Павлом I силу закона [16]. В нем говорилось о том, что местные адвокаты чаще не содействовали правосудию, а наоборот, множили распри и ссоры, брали с клиентов непомерную плату. В связи с этим губернатор предложил принять меры для регламентации деятельности адвокатов. В основном они повторяли соответствующие правила, предусмотренные Статутом ВКЛ 1588 г. и сеймовыми конституциями Речи Посполитой. Вместе с тем предлагались некоторые дополнения к существующей практике. Например, для получения права быть адвокатом в главном суде нужно было не менее 6 лет проработать в нижестоящих судах, иметь оттуда положительную характеристику с указанием количества оконченных мировой дел, а также сдать соответствующий экзамен. Важным пунктом доклада Я.И. Булгакова было определение точного количества адвокатов в Литовской губернии: в Главном литовском суде – 18, в гродских и земских судах каждого уезда – по 10, в магистратах и ратушах – в зависимости от количества жителей города от 5 до 10. Также в докладе подчеркивалось, что стороны могут сами, без адвоката, защищать свои интересы в суде, так как это делает правосудие более доступным для населения. Приведенные выше правила первоначально касались только территории Литовской губернии. На остальные западные губернии их действие было распространено указом Александра I от 17 сентября 1811 года [17]. Еще одной ограничительной мерой правительства по отношению к адвокатуре западных губерний стало введение в 1825 г. предварительной цензуры адвокатских речей («голосов»), которые тиражировались печатным способом [18].

Занятие адвокатурой считалось вполне почетным для шляхты, в отличие, например, от торговли или военной службы в Российской армии [35, с. 576–577]. Кроме того, адвокатские услуги были очень востребованы, чему способствовало сутяжничество как характерная черта шляхетского менталитета [14, с. 22]. Поэтому недостатка в желающих стать адвокатами не было [23, с. 153].

Мемуарист Я.Д. Охотский (1766?–1848) писал, что в XVIII в. при канцеляриях судов находилось по сто и более молодых людей, которые там набирались знаний и опыта в области права и судопроизводства [14, с. 6]. Литовский историк Э. Алексанравичюс приводит данные, что в 1818–1825 гг. в Россиенах (уездный город на тот момент Виленской губернии) было около 200 молодых людей, начинавших заниматься юридической деятельностью [24, с. 183]. Однако определить количество адвокатов, которые действовали в судах и имели официальный статус, на основе имеющихся документов едва ли возможно. В реальности их число при конкретном суде могло отличаться от цифр, установленных законодательством. Например, хотя для главного суда полагалось наличие 18 адвокатов [16], Минским главным судом в марте 1812 г. их было выбрано только 12 (из 16-ти кандидатур) [15, л. 1]. Круг лиц, занимавшихся адвокатской деятельностью, не ограничивался числом официальных адвокатов при судах. Количество адвокатских вакансий было лимитировано только в главных судах и основных судебных учреждениях 1-й инстанции (земских поветовых, земских, гродских судах, магистратах и ратушах). Но существовали также подкоморские, межевые, эксдивизорские и компромиссорские суды. В них для лиц, представляющих интересы сторон в качестве адвокатов, никаких специальных ограничений предусмотрено не было [35, с. 577].

Карьерный путь адвоката, как правило, начинался с канцелярии земского, гродского или даже главного суда. Такие канцелярии, помимо основного своего предназначения, выполняли функцию профессиональной подготовки юристов. Видимо, в связи с этим их называли палестрами [14, с. 6] (в Древней Греции так назывались гимнастические школы). Также термин «палестра» использовался для обобщенного названия сообщества адвокатов [32, с. 11–13]. В упомянутых канцеляриях молодые люди («апликанты») набирались знаний в области права и получали опыт работы в судебной сфере, занимаясь канцелярской работой. Также они могли выполнять роль стажеров («агентов») при опытных адвокатах («патронах», «меценасах») [23, с. 151–152]. Причем возраст апликантов мог быть

довольно юный. Например, Юзеф Карчевский, впоследствии адвокат Виленского главного суда, поступил на работу в канцелярию Ошмянского гродского суда в 16-летнем возрасте [29, с. 251].

Относительно качества работы адвокатов имеются противоречивые сведения. Как уже говорилось, российские власти в целом критически относились к их деятельности. Причем это основывалось не только на предубеждении, что адвокатура вредна как корпорация и юридический институт, но и имевших место конкретных нарушениях и злоупотреблениях адвокатов западных губерний. Их широкую распространенность отмечал губернатор Литовской губернии Я.И. Булгаков в 1797 г. в упомянутом выше докладе Сенату, обосновывая необходимость регламентации и контроля деятельности адвокатов [16]. В 1825 г. данную проблему поднял витебский, могилёвский и смоленский генерал-губернатор Н.Н. Хованский. К нему поступили сведения, что белорусские адвокаты брали с клиентов непомерную оплату и при этом халатно относились к своим обязанностям [5, л. 1–1 об.], или вовсе их не выполняли. В качестве примера генерал-губернатор приводил случаи, когда адвокаты брали гонорары за услуги, но затем, чтобы избежать работы, сговаривались между собой и без согласия клиентов заявляли суду, что стороны достигли мирового соглашения [5, л. 19–20 об.]. Н.Н. Хованский потребовал от гражданских департаментов Витебского и Могилёвского главных судов проверить всех адвокатов, состоящих при них, а также при земских поветовых судах этих губерний, на предмет их официально подтвержденного дворянского происхождения и наличия имений и аттестата об образовании. Адвокаты, не предоставившие соответствующие документы, должны были быть лишены права заниматься данной деятельностью [5, л. 1–1 об.]. Сделать смогли это далеко не все. Например, при гражданских департаментах Витебского и Могилевского главных судов осталось только по 2 адвоката [12, с. 3]. Критиковали адвокатов не только российские власти. Есть примеры негативных характеристик адвокатуры и со стороны представителей местного дворянства. Например, в воспоминаниях Я.Д. Охотского говорится о том,

что многочисленные адвокаты, которые набивались ко всем со своими услугами, способствовали росту числа различного рода тяжб в судах [14, с. 22]. Критические мысли относительно адвокатуры высказывал литератор Ян Гаштовт в своей повести «Пан Судьич» («Pan Sędzic»), опубликованной в 1839 году. Он писал, что адвокаты, сами являясь неотъемлемой частью крайне несовершенной и коррумпированной судебной системы, своей деятельностью не способствовали торжеству справедливости, а наоборот, убеждали в обратном [27, с. 26–27].

Следует отметить, что критика адвокатуры в основном сводилась к нецелесообразности ее наличия как таковой, а также недобросовестности адвокатов по отношению к клиентам. Вместе с тем в ходе исследования не встретилось упоминаний о невежестве адвокатов в юридической сфере – незнании законов, процедур, неумении составлять документы и т. п., хотя этому могло способствовать неконкретное определение в законодательстве образовательного ценза для адвокатов. Благоприятным условием для развития в западных губерниях института адвокатуры являлось то, что в местном обществе, главным образом в среде шляхты, были популярны и широко распространены знания правовых традиций края. Известно, что они преподавались в учебных заведениях. Причем не только в Виленском университете, но и других, более низкого уровня [23, с. 153]. Эти знания, в первую очередь текста Статута ВКЛ 1588 г., являлись важной составляющей национальной и социальной самоидентификации шляхты [24, S. 181]. Адвокатская деятельность (по крайней мере, в качестве официального адвоката при суде) представлялась в обществе как безусловно требующая основательных знаний в области права и продолжительной подготовки [26, S. 76]. Сохранились положительные или даже восторженные отзывы современников о конкретных адвокатах [31, с. 9; 33, с. 213]. В деле о служебной деятельности адвокатов Минского главного суда из фондов Национального исторического архива Беларуси имеются характеристики, которые выдавались адвокатам при их увольнении. Все они положительно характеризовали профессиональные качества адвокатов [15, л. 5, 8 об.].

В целом, несмотря на имевшие место недостатки, адвокатура в общественном правосознании западных губерний (прежде всего шляхты) являлась неотъемлемой составляющей правосудия, поэтому адвокаты были востребованы.

Размер гонорара адвоката обычно определялся личной договоренностью между ним и верителем, как и во времена Речи Посполитой. Определенных такс не существовало [25, с. 64]. Единственное, законодательство предусматривало очень расплывчатое требование к адвокатам не брать с клиентов сумм, несоизмерных важности дела [16]. Такой пункт содержала и адвокатская присяга [25, с. 64]. Иногда сумму гонорара адвоката мог определить суд. Например, в 1831 г. некая Екатерина Чертович обратилась в гражданский департамент Минского главного суда с просьбой назначить ей адвоката за счет доходов ее имения, которое в тот момент находилось под внешним управлением по причине долгов. Суд удовлетворил просьбу и предписал выделить из доходов имения просительницы сумму в размере 100 серебряных рублей на оплату услуг адвоката данного суда Андрея Гласко [6, л. 3]. Для сравнения – такая сумма в этот период примерно соответствовала месячному заработку (включая жалование и столовые) губернского прокурора [10, с. 102]. Очевидно, гонорары адвокатов различались в зависимости от сложности дела или характера услуги, длительности процесса, статуса и запроса конкретного адвоката и т. д. Большое количество желающих заниматься адвокатской деятельностью указывает на то, что она считалась достаточно прибыльной. В особенности это относилось к адвокатам, работавшим в главных судах. Об этом свидетельствует стремление адвокатов судов 1-й инстанции стать адвокатами главных судов [15, л. 7; 7; 13–17].

Восстание 1830–1831 гг. спровоцировало усиление политики имперского центра, направленной на унификацию западных губерний с внутрirosсийскими. Важной ее составляющей стало упразднение местных особенностей в судебной системе и введение российской модели судостроительства и судопроизводства. В Витебской и Могилевской губерниях это произошло в 1831 г. [19], в Минской,

Гродненской и Виленской – в 1840 году [20]. С этого момента действие адвокатуры как юридически оформленного института на данной территории прекращалось. Вновь он был здесь введен только в 1883 г. – вместе с открытием окружных судов, согласно судебной реформе 1864 года.

Результаты. Таким образом, состязательная форма судебного процесса по гражданским делам и участие в нем адвокатов являлись важной особенностью судебной системы белорусско-литовских губерний в 1772–1840 гг. по сравнению с внутривосточными. Правовую базу функционирования адвокатуры западных губерний составляли нормы Статута ВКЛ 1588 г., некоторых постановлений Сейма Речи Посполитой, а также ряд российских законодательных актов. Регламентация приема в адвокатуру, закреплённость статуса адвокатов в судопроизводстве дают основание рассматривать их как социально-правовой институт, предназначенный для защиты прав и интересов доверителей в суде. При этом адвокаты были подведомственны судебным учреждениям и не имели формальной корпоративной организации. Адвокатская профессия в белорусско-литовских губерниях являлась достаточно высокооплачиваемой и престижной в общественном представлении. Вместе с тем отношение российских властей к адвокатуры западных губерний было в целом отрицательным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилов С. Н. История адвокатуры в России: генезис и эволюция форм правозащитничества и судебного представительства (XV – начало XX веков): в 2 т. М.: ФПА РФ, 2009. Т. 2. 311 с.
2. Гур'ева А. А. Гісторыя інстытута адвокатуры Беларусі (XVI–XVIII стст.): дыс. ... канд. юр. навук. Мінск: Бел. дзярж. ун-т, 2016. 152 л.
3. Гушчынскі І. Г. Заканадаўчае забеспячэнне інстытута адвокатуры на тэрыторыі Беларусі ў канцы XVIII – першай трэці XIX ст. // Весці БДПУ. Сер. 2. 2017. № 2. С. 28–32.
4. Гушчынскі І. Г. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1797–1840 гг. // Журнал Беларускаго государственного университета. История. 2020. № 2. С. 19–30.
5. Дело о компетенции адвокатов // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 3309. Оп. 1. Д. 1712. 33 л.
6. Дело по прошению владелицы им. Большие Граничи Вилейского уезда К. Чертович о назначении адвоката в ее процессе с кредиторами // НИАБ. Ф. 588. Оп. 2. Д. 310. 8 л.
7. Дело по прошению палестранта Борисовского уезда Р.Д. Ивановского о допущении его к принятию присяги на должность адвоката главного суда // НИАБ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 83. 7 л.
8. Добрынин Г. И. Истинное повествование, или жизнь Гавриила Добрынина (пожившего 72 г. 2 м. 20 дней), им самим писанная в Могилеве и в Витебске. 1752–1823. СПб.: Печатня В.И. Головина, 1872. 380 с.
9. Жукович П. Н. Западная Россия в царствование императора Павла // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. 63. 1916. № 6. С. 183–226.
10. Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. Минск: Военная академия РБ, 2007. 171 с.
11. Колмаков Н. М. Старый суд // Русская старина. 1886. № 12. С. 511–544.
12. Мордухай-Болтовский В. Заметки об адвокатах, бывших в западных губерниях России во время действия в них Литовского статута // Виленский вестник. 1866. 2 авг. С. 3.
13. Нольде А. Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб.: Сенат. тип., 1906. Вып. 1. 314 с.
14. Охотский Я. Д. Рассказы о польской старине. Записки XVIII века: в 2 т. СПб.: Тип. П.П. Меркурьева, 1874. Т. 1. 336 с.
15. Протокол служебной деятельности адвокатов Минского главного суда // НИАБ. Ф. 146. Оп. 1. Д. 22. 33 л.
16. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 24. № 18266. С. 817–820.
17. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 31. № 24778. С. 845.
18. ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 40. № 30328. С. 208–209.
19. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 6. Отд. 1. № 4233. С. 1.
20. ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 15. Отд. 1. № 13591. С. 443–445.
21. Семенов Н. П. Наши реформы // Русский вестник. 1884. Т. 169, № 1–2. С. 282–332.
22. Статут Великого Княжества Литовского с подведением в надлежащих местах ссылки на конституции, приличные содержанию оногo: в 2 ч. СПб.: Правительствующ. Сенат, 1811. Ч. 1. XXVII, 543 с.
23. Яневич-Яневский К. Об адвокатах и адвокатуре в России // Отечественные записки. 1858. Т. 119. № 7–8. С. 145–162.
24. Aleksandravičius E. Świat źmudzkiej palestry na początku XIX wieku // Palestra. 2009. № 7–8. S. 179–186.

25. Car S. Zarys historii adwokatury w Polsce. Zeszyt 1. Warszawa: Księgarnia F. Hoesicka, 1925. 105 s.
26. Do wydawcy Wiadomości Brukowych // Wiadomości Brukowe. 1817. 21 kwietnia. S. 76–78.
27. Gasztowt J. Pan Sędzic. Poitiers: F.-A. Saurin, 1839. 101 s.
28. Godek S. «Rodzaj ludzi znaiomych tam pod imieniem Adwokatów, Patronów, Agentów, Jurystów», czyli o palestrze w guberni litewskiej za panowania Pawła I // Czasopismo Prawno-Historyczne. 2011. T. 63, № 2. S. 283–303.
29. Jankowski C. Powiat Osmiański: materjaj do dziejów ziemi i ludzi. Petersburg: Księgarnia K. Grendyszyńskiego, 1896. Cz. 1. 391 s.
30. Korowicki A. Proces cywilny litewski. Wilno: Józef Zawadzki, 1826. 316 s.
31. Kraszewski K. Urywki ze wspomnień nowogrodzkiego szlachcica. Kraków: Druk Wł. L. Anczyca i Spółki, 1893. 34 s.
32. Lewin I. Palestra w dawnej Polsce. Lwów: Pamiętnik Historyczno-Prawny, 1936. 124 s.
33. Morawski S. Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825). Warszawa: Biblioteka Polska, 1924. 541 s.
34. Sąd Główny Wileński I Departamentu w Wielkim Xstwie Lit:... // Kuryer Litewski. 1812. 18 sierpnia. S. 1.
35. Sękowski S. Dziennik podróży Józefa Sękowskiego z Wilna przez Odessę do Sztambułu // Dziennik Wileński. 1819. T. 2, № 6. S. 565–591.

REFERENCES

1. Gavrilov S.N. *Istoriia advokatury v Rossii: genesis i evoliutsiia form pravozastupnichestva i sudebnogo predstavitelstva (XV – nachalo XX vekov): v 2 t.* [The History of Advocacy in Russia: Genesis and Evolution of the Forms of Legal Representation (the 15th – the Beginning of the 20th Centuries). In 2 Vols.]. Moscow, FPA RF Publ., 2009. 311 p.
2. Guryeva A.A. *Gistoryia instytuta advakatury Belarusi (XVI–XVIII stst.): dys. kand. iuryd. nauk: 12.00.01* [The History of the Institution of Advocacy of Belarus (the 16th – 18th Centuries. Cand. jurid. sci. diss.]. Minsk, 2016. 152 p.
3. Gushchynski I.G. Zakanadawchae zabespichenne instytuta advakatury na terytoryi Belarusi w kantsy XVIII – pershai tretsi XIX st. [Legislative Support for the Bar on the Territory of Belarus at the End of the 18th – the First Third of the 19th Century]. *Vestsi BDPU. Ser. 2.* [BSPU Bulletin. Series 2], 2017, no. 2, pp. 28-32.
4. Gushchynski I.G. Sudovaia sistema na terytoryi Belarusi w 1797–1840 gg. [The Judicial System

on the Territory of Belarus in 1797–1840]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia* [Journal of the Belarusian State University. History], 2020, no. 2, pp. 19-30.

5. Delo o kompetentsii advokатов [Case on the Competence of Lawyers]. *Natsionalnyi istoricheskii arkhiv Belarusi (dalee – NIAB)* [National Historical Archives of Belarus], f. 3309, inv. 1, d. 1712. 33 l.

6. Delo po prosheniiu vladelitsy im. Bolshie Granichi Vileiskogo uезда K. Chertovich o naznachanii advokata v ee protsesse s kreditorami [Case on the Request of the Owner of the Estate Bolshie Granichi in the Vileika District K. Chertovich on the Appointment of a Lawyer in Her Trial with Creditors]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 588, inv. 2, d. 310. 8 l.

7. Delo po prosheniiu palestranta Borisovskogo uезда R.D. Ivanovskogo o dopushchenii ego k priniatiuu prisiagi na dolzhnost advokata glavnogo suda [The Case on the Request of the Advocate R.D. Ivanovsky from the Borisov District on Admitting Him to Take the Oath as a Lawyer of the Main Court]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 588, inv. 1, d. 83. 7 l.

8. Dobrynin G.I. *Istinnoe povestvovanie, ili zhizn Gavriila Dobrynina (pzhivshhego 72 g. 2 m. 20 dnei), im samim pisannaia v Mogileve i v Vitebske. 1752–1823* [True Story, or the Life of Gavriil Dobrynin (Who Lived 72 Years 2 Months 20 Days), Written by Him in Mogilev and Vitebsk. 1752–1823]. Saint Petersburg, Pechatnya V.I. Golovina, 1872. 380 p.

9. Zhukovich P.N. Zapadnaia Rossiia v tsarstvovanie imperatora Pavla [Western Russia in the Reign of Emperor Paul]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia. Novaia seriia* [Journal of the Ministry of Public Education. New Series. Pt. 63], 1916, no. 6, pp. 183-226.

10. Kiselev A.A. *Sistema upravleniia i chinovnichestvo belorusskikh gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v.* [The System of Governance and Bureaucracy of the Belarusian Provinces at the End of the 18th – the 1st Half of the 19th Century]. Minsk, Voennaia akademiia RB, 2007. 171 p.

11. Kolmakov N.M. Staryi sud [Old Judiciary]. *Russkaia starina* [Russian Antiquity], 1886, no. 12, pp. 511-544.

12. Mordukhai-Boltovskii V. Zametki ob advokatakh, byvshikh v zapadnykh guberniakh Rossii vo vremia deistviia v nikh Litovskogo statuta [Notes About Lawyers Who Were in the Western Provinces of Russia During the Period of the Lithuanian Statute]. *Vilenskii vestnik* [Wilno Bulletin], 1866, 2 Aug., p. 3.

13. Nolde A.E. *Ocherki po istorii kodifikatsii mestnykh grazhdanskikh zakonov pri grafe Speranskom* [Essays on the History of the Codification of Local Civil Laws under Count Speransky]. Saint Petersburg, Senat. tip., 1906, iss. 1. 314 p.

14. Okhotskii Ia.D. *Rasskazy o polskoi starine. Zapiski XVIII veka: v 2 t.* [Stories About Polish Antiquity. Notes from 18th Century. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Tip. P.P. Merkurieva, 1874, vol. 1. 336 p.
15. Protokol sluzhebnoi deiatelnosti advokатов Minskogo glavnogo suda [Protocol of the Service Activities of the Lawyers of the Minsk Main Court]. *NIAB* [National Historical Archives of Belarus], f. 146, inv. 1, d. 22. 33 l.
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (dalee – PSZRI)* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 24, no. 8266, pp. 817-820.
17. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 31, no. 24778, p. 845.
18. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 1, vol. 40, no. 30328, pp. 208-209.
19. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 2, vol. 6, part 1, no. 4233, p. 1.
20. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire], coll. 2, vol. 15, pt. 1, no. 13591, pp. 443-445.
21. Semenov N.P. Nashi reformy [Our Reforms]. *Russkii vestnik* [Russian Bulletin], 1884, vol. 169, no. 1-2, pp. 282-332.
22. *Statut Velikogo Kniazhestva Litovskogo s podvedeniem v nadlezhchikh mestakh ssylki na konstitutsii, prilichnye sodержaniiu onogo: v 2 ch.* [The Statute of the Grand Duchy of Lithuania with References to the Constitutions Concerning the Content Thereof. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, Pravitelstvuiushch. Senat, 1811, pt. 1. XXVII. 543 p.
23. Ianevich-Ianevskii K. Ob advokatakh i advokature v Rossii [About Lawyers and the Legal Profession in Russia]. *Otechestvennye zapiski*, 1858, vol. 119, no. 7-8, pp. 145-162.
24. Aleksandravičius E. Świat żmudzkiej palestry na początku XIX wieku. *Palestra*, 2009, no. 7-8, S. 179-186.
25. Car S. *Zarys historii advokatury w Polsce. Zeszyt 1.* Warszawa, Księgarnia F. Hoesicka, 1925. 105 s.
26. Do wydawcy Wiadomości Brukowych. *Wiadomości Brukowe*, 1817, 21 kwietnia, S. 76-78.
27. Gasztowt J. *Pan Sędzic.* Poitiers, F.-A. Saurin, 1839. 101 s.
28. Godek S. «Rodzaj ludzi znaiomych tam pod imieniem Adwokatów, Patronów, Agentów, Jurystów», czyli o palestrze w guberni litewskiej za panowania Pawła I. *Czasopismo Prawno-Historyczne*, 2011, vol. 63, no. 2, S. 283-303.
29. Jankowski C. *Powiat Oszmiański: materiały do dziejów ziemi i ludzi.* Petersburg, Księgarnia K. Grendyszyńskiego, 1896. Cz. 1. 391 s.
30. Korowicki A. *Proces cywilny litewski.* Wilno, Józef Zawadzki, 1826. 316 s.
31. Kraszewski K. *Urywki ze wspomnień nowogrodzkiego szlachcica.* Kraków, Druk Wł. L. Anczyca i Spółki, 1893. 34 s.
32. Lewin I. *Palestra w dawnej Polsce.* Lwów, Pamiętnik Historyczno-Prawny, 1936. 124 s.
33. Morawski S. *Kilka lat młodości mojej w Wilnie (1818–1825).* Warszawa, Biblioteka Polska, 1924. 541 s.
34. Sąd Główny Wileński I Departamentu w Wielkim Xstwie Lit:... *Kuryer Litewski*, 1812, 18 sierpnia, S. 1.
35. Sękowski S. Dziennik podróży Józefa Sękowskiego z Wilna przez Odessę do Sztambułu. *Dziennik Wileński*, 1819, vol. 2, no. 6, S. 565-591.

Information About the Author

Ihar G. Hushchynski, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of General and Preschool Education, Faculty of Preschool Education, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Sovetskaya St, 18, 220030 Minsk, Republic of Belarus, hushchynski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6866-7723>

Информация об авторе

Игорь Геннадьевич Гушинский, кандидат исторических наук, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики, факультет дошкольного образования, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, hushchynski@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6866-7723>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.7>

UDC 94(470+571)
LBC 63.3(2)522

Submitted: 19.08.2021
Accepted: 14.09.2021

**BETWEEN RECRUITMENT AND ALL-ESTATES CONSCRIPTION:
COSSACK MILITARY SERVICE AND ITS TRANSFORMATION
IN THE LATE IMPERIAL PERIOD (1835–1917)¹**

Alexey A. Volvenko

Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of the Rostov State University of Economics),
Taganrog, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* As the title implies, the article describes the evolution of Cossack military service in the late imperial period, which was completed with the formation of Cossack military service, which existed without significant changes until 1917. *Methods and Materials.* The article is based on various papers: archival materials from the Russian State Military Historical Archive (Moscow), publications of contemporaries on Cossack issues of the second half of the 19th – early 20th centuries, published in the pages of the magazine “Military Collection.” The analysis of historiography on the topic capacitated the author to reveal an overall perspective on the content and evolution of the Cossack service from 1835 to 1917, which was detailed in the narrative acquiring a multi-level structure. In this framework, the emphasis is on the explanation of the relationship between the individual elements of the service over several decades. *Analysis.* For a long time, the form and content of Cossack military service were influenced by the geographical features of the location of a specific Cossack army, the theater of military operations, where Cossack units were used, military traditions, etc. After the Crimean War and with the end of hostilities in the Caucasus, and especially with the beginning of the epoch of “liberation”, the evaluation of the Cossacks and their service moved on to the press. The main platforms for the discussion of the Cossacks military and colonization functions were the periodicals subordinate to the War Ministry. Under the influence of D.A. Milyutin’s military reforms Cossack service was transformed, first on the basis of a conscription order, and then, with reference to the adoption of the general imperial Charter on military service (1874) it again acquired a mandatory character. *Results.* The article concludes that emerging in the late 19th – early 20th centuries the service system implied more rigid centralization and unification, and the entire policy of the War Ministry until 1917 in relation to the Cossack service was aimed at its maximum adaptation to the army regulations and the requirements of modern warfare.

Key words: Cossack troops, War Ministry, Cossack service, recruitment, conscription, service systems, regularity, cavalry.

Citation. Volvenko A.A. Between Recruitment and All-Estates Conscription: Cossack Military Service and its Transformation in the Late Imperial Period (1835–1917). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 79-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.7>

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)522

Дата поступления статьи: 19.08.2021
Дата принятия статьи: 14.09.2021

**МЕЖДУ РЕКРУТСТВОМ И ВСЕСОСЛОВНОЙ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТЬЮ:
КАЗАЧЬЯ ВОЕННАЯ СЛУЖБА И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ
В ПОЗДНЕИМПЕРСКИЙ ПЕРИОД (1835–1917 гг.)¹**

Алексей Александрович Волвенко

Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ), г. Таганрог, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена эволюции казачьей военной службы в позднеимперский период, завершившейся оформлением казачьей системы отбывания воинской повинности, просуществовавшей без значительных изменений вплоть до 1917 года. *Методы и материалы.* Статья основана на архивных материалах из Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва); публикациях современников по казачьим вопросам 2-й половины XIX – начала XX в., размещенных на страницах журнала «Военный сборник». Анализ историографии по теме позволил получить общее представление о содержании и эволюции казачьей службы с 1835 по 1917 г., которое затем детализируется в нарративе, приобретая многоуровневую структуру. В этой структуре акцент сделан на объяснении взаимосвязи между отдельными элементами службы на протяжении нескольких десятилетий. *Анализ.* На форму и содержание казачьей военной службы долгое время влияли специфические особенности географического расположения того или иного казачьего войска, театра военных действий, на котором использовались казачьи части, боевые традиции и пр. После Крымской войны и с окончанием боевых действий на Кавказе, и особенно с началом эпохи «освобождения», оценка казачества и его службы переходит в «печатную» сферу, главными площадками для обсуждения военных и колонизационных функций казачества становятся подведомственные Военному министерству периодические издания. Под влиянием военных реформ Д.А. Милютина казачья служба трансформируется сначала на основе конскрипционного порядка, а затем, в связи с принятием общеимперского Устава о воинской повинности 1874 г., она вновь приобретает обязательный характер. *Результаты.* Складывающаяся в конце XIX – начале XX в. служебная система подразумевала более жесткую централизацию и унификацию, а вся политика Военного министерства до 1917 г. по отношению к казачьей службе была направлена на ее максимальное приспособление к общеармейским уставам и требованиям современной войны.

Ключевые слова: казачьи войска, Военное министерство, казачья служба, рекрутство, воинская повинность, служебные системы, регулярность, кавалерия.

Цитирование. Волвенко А. А. Между рекрутством и всесословной воинской повинностью: казачья военная служба и ее трансформация в позднеимперский период (1835–1917 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 79–90. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.7>

Introduction. In the recently updated “Strategy of the State Policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks”, the task of involving the Cossacks in “carrying out state or other service” is set as a priority. Service in the Strategy refers to the activities that are somehow related to military affairs. This bias in the document, which is also “an element of strategic planning in the field of national security” [55], demonstrates continuity with the ideas of the Cossack revival of the late 20th century. Then its leaders took the path of implementing the military-service concept of the development of the Cossacks, pushing cultural and ethnographic revival into the background. This choice was made due to both the political situation at the beginning of the 1990s and the dominating image of the Cossacks as, first of all, a military-service class. An important component of this concept, perfected in detail in historiography and widespread in public opinion at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries was a common order of military service for all Cossack troops, with which other elements of the Cossack image were not comparable. The evolution of the Cossack military service from 1835 to 1917 is the subject of our study.

Methods and materials. The article is based on a variety of sources. Among the documentary sources, there are archival materials related to the activities of the committees and commissions of the 1860–1870s, which prepared various projects of civil and military transformations in the Cossack troops, as well as the correspondence of high officials and representatives of military administrations. Their main array is concentrated in the Russian State Military Historical Archive (Moscow). A significant amount of the used sources were publications of the contemporaries on Cossack issues in the late 19th – the early 20th centuries published in the periodicals, primarily in the pages of the magazine “Military Collection”. The article uses methods of structural analysis and system approach. The analysis of historiography on the topic made it possible to obtain a general idea of the content and evolution of the Cossack service from 1835 to 1917, which is then detailed in the narrative, acquiring a multi-level structure. It is in this framework that the paper has an emphasis on the explanation of the relationship between the certain elements of the service over several decades.

Discussion. In numerous works on the history of the Cossacks, the military theme is undoubtedly dominant [62]. Perhaps the first who systematized information about the form and content of the Cossack service, that took shape after 1835, was V.M. Anichkov [2]. One can learn in more detail from the books by I.D. Popko, N.I. Krasnova, A. Ryabinin about the specifics of the Cossack service in the Don, Black Sea and Ural Cossack troops in the late 1850s – early 1860s [27; 39; 44]. In the 1860s, the number of Cossack-related publications in the departmental periodicals of the War Ministry increased: namely, in the magazine “Military Collection” and the newspaper “Russian Invalid”. Such dynamics is associated with the transformative activities of the Minister of War D.A. Milyutin. The articles of the aforementioned periodicals, often in a discussion form; various aspects of the Cossack service were covered, as well as the place and importance of Cossack tactical units in the Russian cavalry. The researchers N.I. Krasnov and M.P. Khoroshkhin [16–18; 26], who worked in the War Ministry in various capacities, including the work in the Main Directorate of Irregular (Cossack) Troops, had direct access to the information coming to St. Petersburg from all Cossack troops. Historical, statistical and literary heritage of N.I. Krasnov, who came from the Krasnov family, well-known on the Don (his father General I.I. Krasnov was also engaged in literary and journalistic activities), has not been studied yet, perhaps, due to a significant amount of material [28, p. 266]. The first systematic description of the evolution of the Cossack service after 1835 and before the reform of 1874 belongs, in our opinion, to M.P. Khoroshkhin.

In his article “The procedure for serving military service by the Cossacks” (1873), he consistently compares the Don version of the service, which provides for universal military service; Uralic, based on the so-called “hiring”; and a conscription one, involving the drawing of lots among recruits and the exemption from compulsory service of a part of the Cossacks, which was widespread since 1867 in many Cossack troops [17]. In the “Historical sketch of the activities of military administration in Russia in the first 20 years of the prosperous reign of the Emperor Alexander Nikolaevich”, M.P. Khoroshkhin examines in detail the Cossack service from pre-

conscription training of young Cossacks and officers to the staff and payroll units of Cossack troops, the types of internal and external Cossack service, etc. [20]. In 1881, he systematized this information in a separate book, one of the chapters which he devoted to the importance of the Cossack troops as an integral part of the armed forces of the state. In his opinion, the prospects of the Cossack service after 1874 consisted in the release, if possible, of the Cossacks from the performance of police functions and their transfer “to the conditions which were identical with the regular troops” [16, p. 54].

At the end of the XIX – beginning of the XX centuries the number of Cossack publications was growing due to the expansion of the range of periodicals. For some time, even a specialized “Bulletin of the Cossack Troops” was published in St. Petersburg. The authors who published their works in this bulletin were famous journalists and writers, whose work was associated with the history of the Cossack troops and with the coverage of contemporary problems of the Cossacks – N.A. Borodin, A.M. Grekov, P.P. Korolenko, N.G. Putintsev, F.A. Shcherbina, D.I. Evarnitsky and others. Nevertheless, in 1900 N.G. Putintsev in the article “Our Cossack Troops (the need to study their three-century historical experience)” quite categorically stated that “the information circulating in the society about the Cossacks is so insignificant, scarce and unscientific that it seems surprising how little we know of a class so close to us...” [43, p. 50]. Perhaps the pessimism of N.G. Putintsev was slightly exaggerated, and after the publication of three parts of the 11th volume of “The Century of the War Ministry” (1902–1911), devoted to the activities of the Main Directorate of Irregular (Cossack) Troops, his words are far-fetched. For the authors of the 11th volume, military service was “undoubtedly, the main feature of the Cossacks” [52, p. II], and the leading characteristic, “all the others are only its logically necessary consequences” [52, p. 4]. With this approach, it is not surprising that the main emphasis in “Century...” was placed on the description of the Cossack service in its various manifestations in a broad historical context.

Thus, the overwhelming majority of pre-revolutionary authors covering the history of the Cossacks and their service to the Russian state

were military specialists – active or retired officers, officials of the War Ministry, military administrations, etc. As a rule, they were of Cossack origin, followed the positivist tradition of historical writing, preferred historical and statistical research and used rich archival material.

Outlined in the beginning of the 20th century the tendency for “civilian” authors to enter Cossack historiography was fully realized in the Soviet and modern periods. It is worth agreeing with the opinion of A. Yu. Soklakov that one should not underestimate the Soviet historiography in the organization of the military service of the Cossacks [50, pp. 165-166]. For example, P.A. Zayonchkovsky, who studied the history of the Russian army, always paid attention to the development of the Cossacks [63, p. 261]. However, the rare descriptions of specific manifestations of the Cossack service (late 19th – early 20th centuries) carried out by Soviet historians did not add any fundamentally new information in comparison with the achievements of pre-revolutionary historiography. Insufficient attention to this topic on the part of Soviet researchers can be explained by the prevailing negative image of the pre-revolutionary Cossack service at that time, associated with the suppression of public revolts by the Cossacks.

Modern Russian historians, less susceptible to ideological trends, but responsive to the requests of the reviving Cossacks, have updated the study of the multi-faceted military service of the Cossacks. Among the works summarizing the history of the Cossack troops, in which the military sphere is presented in more detail, it is necessary to highlight such publications as “History of the Cossacks of Asian Russia”, “Essays on the history and culture of the Cossacks of the South of Russia”, the newest three-volume “History of the Don Cossacks” and others [21; 22; 35]. In the dissertation research by R.V. Dedov, A.E. Potapov, V.N. Zhelobov, D.N. Solovyov, S.V. Kolychev, A.M. Dubovikov, D.V. Bobylev, A.A. Shakhtorin and others various issues of the life of the Cossacks, including the features of pre-conscription training, military education, legal regulation of service, the possibility of Cossack mobilization, etc. are thoroughly examined [3; 5; 6; 25; 41; 46; 51; 65]. Speaking about the historians who specifically focus on the study of the content of Cossack conscription, taking into account the

regional factor, we address A.P. Abramovsky, V.N. Burdun, A.V. Venkov, E.E. Voloshin, A.V. Ganin, V.S. Kobzov, A.N. Malukalo, O.V. Matveev, A. Yu. Peretyatko, N.V. Ryzhkov, A.P. Skorik, A. Yu. Soklakov, R.G. Tikidjian, V.P. Trut, A.T. Urushadze, B.E. Frolov and others [1; 4; 11; 12; 30; 31; 36; 45; 48; 49; 50; 53; 54; 56; 57; 58]. It is not possible to analyze the scientific contribution of each of the listed authors within the framework of this article. But let us highlight A. Yu. Soklakov’s study, which, in our opinion, most deeply illuminated the transformation of the Cossack military service in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Back in 2005, in his Ph.D. thesis, A. Yu. Soklakov consistently examined the existing manning systems in the Cossack troops in the Russian Empire, as well as the policy of the War Ministry to develop a unified order of service for the Cossacks. He developed a periodization of such a policy, highlighting three stages in it: 1) 1854–1864; 2) 1865–1873 and 3) 1874 – early XX century. Having filled the stages with the content, in our opinion, A. Yu. Soklakov turned out to be unconvincing in the substantiation of the chronological framework. Unlike many modern historians, A. Yu. Soklakov mentioned the actions of the authorities on the transfer of a part of the Cossack troops to a new recruitment system (1860–1870s) based on the conscription, implying the formation of a category of military citizens or non-serving Cossacks [49, p. 130]. However, the fact that the conscription order was never extended to the Don and Ural Cossack troops and the authoritative “Centenary of the War Ministry...” A. Yu. Soklakov preferred not to focus on the conscription experience, which apparently prevented him from giving a comprehensive assessment of this manning system in the Cossack troops.

A brief review of historical literature would be incomplete without considering the so-called emigre and foreign historiography. The lack of access to archival materials and other primary sources narrowed the narrative possibilities of emigre historians, especially of Cossack origin, but it left room for interpretations that depended on ideological preferences and, often, did not differ in originality. In this sense, the works of A.A. Kersnovsky and N.N. Golovin, whom we recently gave a corresponding assessment, can

be considered an exception [61, p. 66-68]. As for foreign authors writing about the Cossacks and their military service, in the 19th century, they were, as a rule, either travel writers or publicists, directly or indirectly, working for the military departments of their countries [10; 33]. For the former the Cossacks were comparable to the representatives of the national outskirts of the Russian Empire and are interesting from an ethnographic point of view, for the latter, the Cossack units, which make up the majority in the Russian cavalry, were the object of critical analysis aimed at finding vulnerabilities in the military organization. After 1917, the Western image of the Cossacks drifts into the exotic area, but the first proper historical works about the Cossacks also appear [14; 29]. For foreign professional historians, the Cossack military service, which has lost its relevance, ceases to be a priority for study, their focus is aimed at studying the role of the Cossacks in wars and specific battles, the evolution of the socio-economic situation of the Cossack troops, the participation of the Cossacks in the socio-political movement, their relationship with other population of the Russian Empire, etc. [15; 24; 32; 47].

Analysis. The military service of the Cossacks to the Russian state was initially free in its nature. It has become mandatory since the end of the 17th century. In the 19th century Cossack service is already considered a state service, the evasion of which was regarded as a crime. The content of the Cossack service changed over time and depended on the specifics of one or another Cossack army, whereas you can still see its three most stable characteristics: universality or mandatory service; serving it in the specific order; the duty of the Cossacks to have their own equipment and horses [52, p. 32]. Thanks to these elements, the Cossack service system differed from the recruitment sets adopted in Russia, at least until the 1830s, when a drawing-of-lot mechanism, borrowed from the French conscription, was gradually introduced among the state peasants [34]. The principle of priority used also in conscripting recruits was completely different from the Cossack regular order. The latter assumed that the Cossacks would serve in turns with a mandatory change after some relatively short periods of time, moreover, until the onset of a new turn, the Cossacks remained

free from service and could do household chores. The Cossacks treasured their relative freedom very much. It is difficult to say exactly when the special order of service began to be considered by the Cossacks as a monarch's privilege, but the first highest letter to the Don army proclaimed "inviolability of the service" in the context of confirming "all rights and advantages" by of Alexander I in 1811 [40, p. 19]. After the abolition of recruitment and the introduction of all-class military service, a special "image of service" for most of the Cossacks remained in the form of a myth rather than a real "privilege".

Imperial power before the beginning of the 19th century practically did not interfere in the organization of the Cossack service, being satisfied with its result in the form of Cossack tactical formations entering the army or serving on the outskirts of the state. Moreover, in our opinion, it would be wrong to speak in general about the existence of a properly organized "Cossack" policy up to the 1820–1830s. Until that time, the actions of the authorities were exclusively situational in relation to Cossack army, Cossack region or prominent Cossack representatives. Recorded by historians during the 18th – early 19th centuries the process of integration of the Cossack troops and lands into the Russian Empire was more a consequence of the universal imperial logic of expansion than the result of a policy of the central government focused on the Cossacks.

The Regulations on the Don Cossack Host (1835) devoted much attention to military management. This document was taken as a basis for the development of similar regulations for other Cossack troops. Accordingly, certain norms for the organization and passage of service, adopted among the Don Cossacks, extended to other troops. However, there was also specificity in the organization of military service inherent in specific troops. There were also different ways of putting Cossack units in service and appointing Cossacks from the service category to combat units. Taken together, they formed special service systems, adopted in the army. By the middle of the 19th century, there were 4 such systems (not taking into consideration a special set of Cossacks in the guards units) with the conventional names – "Don", "Black Sea", "Caucasian" and "Ural".

In historiography, in addition to the Regulations of 1835, the unsuccessful review of

local regiments by Nicholas I in October 1837 in Novocherkassk is considered a certain milestone in the development of the Cossack service. The emperor was not satisfied with their system, movement and external condition, and he saw the reason for this in the remoteness of the Don army from the borders and imminent danger. As a result, by personal order of Nicholas I, a decree “On the composition and formation of Cossack regiments” (1838) was developed, which actually copied the rules that were already used in the Cossack guards units serving at the royal court [42, p. 668]. It had nothing to do with the Cossacks’ military service in the army or other wartime situations. In fact, Nicholas I did not want to significantly change anything in the Cossack service. Any radical transformations of the Cossack service until the end of the 1850s were not introduced.

By the beginning of the 1860s 11 Cossack troops were under the jurisdiction of the Office of the Irregular Troops of the War Ministry. The geography of the service and its content fully justified the appointment that the officials of the Ministry of War at the end of the 1850s registered in the Cossack troops. This purpose was “on the one hand, for the direct protection of the borders of the empire from hostile tribes and the safekeeping of order and tranquility between the aliens wandering in the southeastern suburbs of the state, who had not yet fully accepted the conditions of civil life and, on the other hand, for assisting the military and civilian departments of customs and police guards in other areas of the state and to reinforce, in case of war, regular troops with light cavalry and horse artillery” [60, p. 165].

Before the glasnost era of Alexander II, critical remarks about the Cossack service were quite rare and, as a rule, were made in the records of the War Ministry and local Cossack administrations. Since the late 1850s they became available to the public by means of periodicals. The authors of most of the articles on Cossack topics in the 1860s were the Cossack officers themselves. A common theme of such publications was the theme of the decline in combat effectiveness and the loss of “belligerence” among the Cossacks, especially the Don Cossacks. The differences are recorded in the explanations of the reasons for this phenomenon. Some authors preferred to associate the decline of the Cossack

“fighting spirit”, first of all, with the so-called “assignment” which meant splitting into small units [7, p. 57; 9, p. 363]. Another explanation for the loss of the fighting spirit by the Cossacks is directly related to the opinion of Nicholas I based on his impression from what he saw on the Don in 1837 [66, p. 2; 8, p. 229; 19, p. 79]. Various recipes for reviving the Cossack fighting spirit were also discussed in the press. The overwhelming majority of authors saw a correction of the situation in the transfer of the Cossack troops to the order of the regular army, in the improvement of the pre-conscription training of young Cossacks, the training of Cossack officers, the rearmament of the Cossack troops, as well as in the introduction of a conscription service order in most of the troops.

The transfer of most of the Cossack troops to a conscription service order implied an indirect and long-term impact on the quality of the Cossack military personnel. The reasons and consequences of the conscription procedure implemented among the Cossacks, we recently examined in a separate article [59]. The conscription mechanism was supposed not only to strengthen the Cossack military composition, - with its help, the authorities hoped to correct the “most important shortcoming” of the Cossacks, which were actively discussed in government circles at the beginning of the 1860s. In the interpretation of the Kuban Committee (in the middle of the 1860s, this committee was preparing a new military position) this shortcoming was “in its special separate (Cossacks. – *A. V.*) organization and alienation from other estates of the state” [38, l. 137r.] The key figure in the “correction” procedure was the artificially created layer of the Cossacks – military citizens / non-serving Cossacks, who were to be integrated into the general imperial legal space. However, the Don and Ural troops retained their ways of serving military service and were not transferred to conscription. The War Ministry recognized the coexistence of different service orders; this was largely due to the resistance of the local Cossack elites and the leadership of the Cossack administrations, including the military chieftains.

The main brainchild of Milyutin’s military reforms – the all-imperial Charter on conscription – was approved on January 1, 1874.

And already in October of the same 1874, at first, a new “Regulation on the military service of the Don army” was published, prepared by the Don authorities, after which in April 1875 the State Council approved the “Charter on the military service of the Don Army.” Essentially, these documents were distinguished by the fact that the Regulations were related exclusively to the organization of direct service in the Don army, and the Charter was of a certain universal character so that later it could be applied to all Cossack troops.

The new order of the Cossack service turned out to be as close as possible to the general system of conscription, operating on the basis of the Charter of 1874. According to the authors of the “Centenary of the War Ministry...” this was achieved through the division of service Cossacks into categories and age, which in some places did not coincide with the previous division according to the Regulations of 1835 [52, p. 131].

This vector of development of the Cossack service was largely due to the results of the Franco-Prussian war of 1870–1871. The war demonstrated the superiority of the German army, especially in matters of conscription of recruits and the timing of mobilization, and also indicated the quantitative insufficiency of the Russian cavalry. Minister of War D.A. Milyutin noted at the end of 1871: “At present we have only 56 regiments of regular cavalry, while the army of the German Empire has 100 cavalry regiments, not to mention spare and landwehr units. Meanwhile, due to the vast extent of our border line and the nature of the terrain, we need to have cavalry much more proportionate than any of the European states... the government... must turn for this (increase in the number of cavalry. – *A. V.*) to the Cossack troops” [37, l. 53-53 ob.] Perhaps, initially, for the War Ministry the issue of service arrangements and ways of implementation of this strategic task was not significant. The position of the Don army – a potential supplier of the largest number of cavalry – to adapt its service system to the new requirements of all-class conscription led to a revision of the conscription experience. A certain compromise was made in the War Ministry regarding the organization of military service in the Ural Cossack army. In the new military position of 1874, the principle of recruiting, which is fundamental for the Ural Cossacks, was

retained, and the age characteristics of those who carried out military service also remained in force [25, pp. 70-72].

As a result of the new order of the Cossack service, the War Ministry hoped to solve the urgent task of introducing the foundations of regularity in the Cossack units. In the pages of “Military Collection” (1876) one of the active developers of military reform, a member of the committee of irregular / Cossack troops, Don officer A.M. Grekov, explaining the essence of the reforms, expressed the firm conviction that the new order of the Cossack service “...destroys the discord that was noticed among the regular regiments and the Cossack troops. From now on, the Cossacks cease to be an irregular army, suitable only for guard service and the pursuit of a defeated enemy; on the contrary, the Cossack combat units, placed in the same conditions as the regular ones, become a national Russian army, in which there is nothing foreign or borrowed” [13, p. 98]. Despite the optimism of A.M. Grekov, this “discord”, of course, did not disappear immediately. The reform laid the foundations for the gradual merging of the general and Cossack systems of conscription into one – universal for the entire empire, but until 1917 this merger did not occur.

Since the mid-1870s and before the First World War, the activities of the War Ministry to improve the Cossack service without its radical change were implemented in three main areas: maintaining and modernizing the combat and mobilization readiness of the Cossack troops; bringing Cossack regiments, batteries and units to the same level as regular army ones; optimization of financial and economic conditions for carrying out military service by Cossacks.

An important trend in the development of the Cossack troops from the 1870s is a predominant quantitative and qualitative increase in horse units and horse artillery in comparison with foot (Plastun) Cossack formations. The creation of favorable conditions in the last quarter of the 19th century and at the beginning of the 20th century for the formation of the Cossack cavalry contributed to the fact that the equestrian nature of the service became dominant “in the traditional views, ideas and even in the general worldview of the Cossack warrior” [54, p. 54]. Even now this feature is highlighted in the public

stereotype about the content of the Cossack service.

The intensification of the equestrian service forced the Cossack to invest more in the preparation of uniforms and weapons, and especially in the maintenance of the horse. The inclusion of Cossack units in the army divisions and their introduction to regular orders led to stricter requirements for the condition of Cossack ammunition, the quality of which was strictly controlled by the local military authorities. The rejection of homemade equipment, the forced purchase of it from speculators-commissioners and the purchase of a combat horse were a heavy financial burden for the Cossack families of all troops. This became one of the main reasons for the impoverishment of the Cossack farms in the late 19th – early 20th centuries.

In the beginning of the 20th century Cossack units accounted for about 25% in the guards cavalry, about 45% in the army, about 17% in the guards horse artillery and 33% in the field horse artillery, mainly located in the military formations of the European part of the empire [64, p. 95]. The Russo-Japanese War made changes within the disposition of the Russian cavalry, but the ratio of the Cossack and regular units remained almost the same. Under such conditions Russia entered the First World War, and by the time the Cossacks left the war, there were already more than 70% of the cavalry. At the end of 1916, the Russian command planned to reduce the total number of regular and Cossack cavalry by one third of the total, including dismounting and transfer to foot Cossack units. This decision was based on two reasons: the ongoing positional combat operations significantly limited the possibilities of using cavalry, as well as difficulties in supplying food, especially forage. As noted by V.P. Trut, the Cossacks reacted to the implementation of such plans “extremely negatively and even painfully” [54, p. 54]. The revolutionary events canceled the reform, but the fact that the subsequent widespread reduction of cavalry due to a shift of its role in modern warfare along with the growth of the Cossack population inevitably led to another transformation of the Cossack service which should be considered as an obvious fact.

Conclusion. Cossack service is a complex and multifaceted phenomenon. The service of the Cossack guards units, which has its own specifics,

turned out to be outside the scope of our attention. It is obvious that the colonization resource of the Cossack service and its police potential also require an objective analysis. We have highlighted the most important trends illustrating the evolution of the Cossack military service from 1835 to 1917. The content of the service depended on the military traditions adopted in a particular army, as well as on the actions of the imperial government, which had its own idea of the Cossacks’ mission. In our opinion, the search for a meaningful and consistent policy in relation to the Cossack troops and their service until the first quarter of the 19th century can hardly be meaningful, and the conclusions about the existence of such policy before the above-mentioned period, are, at least, controversial.

The authorities’ vision of the Cossacks and their service, recorded by the middle of the 19th century, was based on the view that first of all the Cossacks were the defenders of the borders, means of colonization and maintenance of domestic order in the empire and, if necessary, they became an important component of the Russian army in external wars. This image was deformed in 1860–1870s, and then under the influence of military reforms in the middle 1870s acquired a new content, in which the mobilization resource of the Cossacks came to the fore, as well as the combat equestrian Cossack service as part of regular units.

The deformation process was due to objective reasons. At the same time, the opinion of the Kuban Committee was expressed in the middle of 1860s, it said that “the Caucasian Cossack troops do not constitute a homogeneous mass, equally imbued with military inclinations” [38, l. 212]. Such evidence gives reason to consider that Cossack troops had different combat capabilities, also depending on the theater of military operations.

When analyzing recruitment F.N. Ivanov relied on the following statement: “the recruitment system is a compromise between the organization of the state’s armed forces necessary for defense and the interests of the country’s socio-economic development” [23, p. 135]. Through the prism of this axiom, the Cossack conscription system seems to be the best possible compromise. However, for the first time in the history of the Cossacks, the conscription experience cast doubt on the compulsory nature of military service. Thus,

the military-estate nature of the Cossacks was undermined with unknown consequences in the future. As a result, the imperial power, yielding to the Don Cossacks and existing traditions, in the middle of the 1870s, returned to the principles of obligation and priority in the organization of the Cossack service. The issue of the degree to which the new order of the Cossack service corresponded to the interests of the socio-economic development of the Cossack territories is still controversial.

NOTE

¹ The reported study was funded by RFBR, project number 20-19-50083.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-19-50083.

REFERENCES

1. Abramovsky A.P., Kobzov V.S. *Upravlenie i voinskaya povinnost orenburgskogo kazachestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka* [Management and Conscription of the Orenburg Cossacks in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries]. Chelyabinsk, Chelyabinsk State University, 1997. 199 p.
2. Anichkov V.M. Kazaki [Cossacks]. *Voennyj enciklopedicheskij leksikon*, vol. 6. Saint Petersburg, 1854, pp. 371-396.
3. Bobylev D.V. *Podgotovka kazachyih oficerskih kadrov v Rossii v sisteme voennogo obrazovaniya vo vtoroj polovine XIX veka* [Training of Cossack Officers Cadres in Russia in the Military Education System in the Second Half of the 19th Century]. Orenburg, 2010. 218 p.
4. Burdun V.N. *Kubanskoe kazachestvo v vojnah vtoroj poloviny XIX veka v osveshchenii dorevolucionnoj otechestvennoj istoriografii* [Kuban Cossacks in the Wars of the Second Half of the 19th Century in the Coverage of Pre-Revolutionary National Historiography]. Krasnodar, Parabellum Publ., 2013. 169 p.
5. Dedov R.V. *Nekotorye voprosy stanovleniya i razvitiya pravovoj reglamentacii uklada kazachyej zhizni i sluzhby XVI–XX vv. (Istoriko-pravovoe issledovanie)* [Some Questions of the Formation and Development of Legal Regulation of the Way of the Cossack Life and Service of the 16th – 20th Centuries. (Historical and Legal Research)]. Moscow, 2000. 214 p.
6. Dubovikov A.M. *Uralskoe kazachestvo i ego rol v sisteme Rossijskoj gosudarstvennosti (seredina XVIII – XIX v.)* [Ural Cossacks and Their Role in the System of Russian Statehood (Mid-18th – 19th Centuries)]. Moscow, 2006. 515 p.
7. Dukmasov I. Neobhodimost reformy v kazachyih vojskah [The Need for Reform in the Cossack Troops]. *Voennyj sbornik*, 1871, no. 7, pp. 49-69.
8. Dukmasov I. Sovremennoe voennoe obrazovanie kazakov [Modern Military Education of the Cossacks]. *Voennyj sbornik*, 1870, no. 5, pp. 227-242.
9. Esaul. Lyubo ili ne lyubo, atamany-molodcy? [Lyubo or ne lyubo, Well Done Atamans?]. *Voennyj sbornik*, 1859, no. 12, pp. 357-372.
10. Frhr. von Tettau. Die Kosaken-Heere. Militärisch-Statistische Beschreibung. Berlin S.W., 1892. 286 p.
11. Frolov B.E. *Kazachestvo Kubani: voenno-enciklopedicheskij slovar* [Cossacks of the Kuban: Military Encyclopedic Dictionary]. Krasnodar, Platonov, 2014. 256 p.
12. Ganin A.V. *Nakanune katastrofy. Orenburgskoe kazachye vojsko v konce XIX – nachale XX v. (1891–1917 gg.)* [On the Eve of the Disaster. Orenburg Cossack Army in the Late 19th – Early 20th Centuries (1891–1917)]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2008. 688 p.
13. Grekov A.M. Voinskaya povinnost Donskogo kazachyego vojska v prezhee i nastoyashchee vremya [The Conscription of the Don Cossack Army in the Past and Present]. *Voennyj sbornik*, 1876, no. 3, pp. 69-110.
14. Hindus Maurice. *The Cossacks*. London, Collins, 14 St. James's Place, 1946. 324 p.
15. Holquist P. *Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, Harvard University Press, 2002. 359 p.
16. Horoshkhin M. P. *Kazachyi vojska. Opyt voenno-statisticheskogo opisaniya* [Cossack Troops. Experience of Military Statistical Description]. Saint Petersburg, A.S. Suvorin's printing house, 1881. 311 p.
17. Horoshkhin M.P. Poryadok otbyvaniya voinskoj povinnosti kazakami [The Order of Serving Military Service by the Cossacks]. *Voennyj sbornik*, 1873, no. 3, pp. 121-152.
18. Horoshkhin M.P. Zametki o poryadke vystavleniya na polevuyu sluzhbu i ob organizacii kazachyih konnyh chastej [Notes on the Order of Putting up for Field Service and on the Organization of Cossack Equestrian Units]. *Voennyj sbornik*, 1871, no. 7, pp. 49-69.
19. I.K. Obuchenie molodyh kazakov v Donskom vojske [Training of Young Cossacks in the Don Army]. *Voennyj sbornik*, 1865, no. 1, pp. 73-90.
20. *Istoricheskij ocherk deyatelnosti voennogo upravleniya v Rossii v pervoe 25-letie blagopoluchnogo carstvovaniya gosudarya imperatora Aleksandra Nikolaevicha (1855–1880 gg.)*. Tom 5 [Historical Sketch

of the Activities of Military Administration in Russia in the First 25 Years of the Prosperous Reign of Emperor Alexander Nikolaevich (1855-1880). Vol. 5]. Saint Petersburg, M. Stasyulevich's printing house, 1880. 326 p.

21. *Istoriya donskogo kazachestva: kollektiv. monogr. v 3 t.* [History of the Don Cossacks. Collective Monograph in 3 Volumes]. Rostov-on-Don, Omega Publisher, 2020, vol. 1. 288 p.; vol. 2. 416 p.; vol. 3. 244 p.

22. *Istoriya kazachestva aziatskoj Rossii. T. 2. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka* [History of the Cossacks of the Asian Russia. Vol. 2. Second Half of the 19th – Early 20th Century]. Yekaterinburg, UrO RAN, 1995. 252 p.

23. Ivanov F.N. Periodizaciya istorii rekrutskoj povinnosti v Rossii v XVIII–XIX vekah [Periodization of the History of Recruitment in Russia in the 18th – 19th Centuries]. *Vestnik Voennogo universiteta*, 2011, no. 4 (27), pp. 134-140.

24. Kappeler A. *Die Kosaken*. München, Beck, 2013. 127 p.

25. Kolychev S.V. *Voенно-grazhdanskije reformy Aleksandra II v uralskom kazachyem vojske v 1874–1877 gg. i ih posledstviya* [Civil-Military Reforms of Alexander II in the Ural Cossack Army in 1874–1877 and Their Consequences]. Moscow, 2008. 215 p.

26. Krasnov N.I. Vliyanie razvitiya konevodstva i skotovodstva na otpravlenie kazakami vojskoj povinnosti: (Voенно-statisticheskij ocherk) [The Influence of the Development of Horse Breeding and Cattle Breeding on the Sending of Military Service by the Cossacks: (Military-Statistical Essay)]. *Voennyj sbornik*, 1877, no. 10, pp. 256-280.

27. Krasnov N.I. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba. Zemli Vojska Donskogo* [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Lands of the Don Army]. Saint Petersburg, General Staff Department Printing House, 1863. 596 p.

28. Literaturnye trudy N.I. Krasnova [Literary Works by N.I. Krasnov]. *Razvedchik*, 1893, no. 128, p. 266.

29. Longworth P. *The Cossacks*. London, Sphere, 1969. 332 p.

30. Malukalo A.N. *Kubanskoe kazachye vojsko v 1860–1914 gg.: organizaciya, sistema upravleniya i funkcionirovaniya, socialno-ekonomicheskij status* [Kuban Cossack Army in 1860-1914: Organization, Management and Functioning System, Socio-Economic Status]. Krasnodar, Kubankino, 2003. 216 p.

31. Matveev O.V., Frolov B.E. *Stranicy voennoj istorii kubanskogo kazachestva: k 310-letiyu sluzheniya kubanskogo kazachestva Rossijskomu gosudarstvu* [Pages of the Military History of the Kuban Cossacks: To the 310th Anniversary of the

Service of the Kuban Cossacks to the Russian State]. Krasnodar, Education Prospects, 2007. 386 p.

32. McNeal R.H. *Tsar and Cossack, 1855–1914*. London, The Macmillan Press, Ltd., 1987. 262 p.

33. Niessel H.A. *Les Cosaques: Etudes historique, geographique, economique et militaire*. Paris, H. Charles-Lavauzelle, 1898. 470 p.

34. *Novye nachala voennoj povinnosti v Rossii* [New Beginnings of Military Service in Russia]. *Voennyj sbornik*, 1864, no. 2, pp. 218-219.

35. *Oчерki istorii i kultury kazachestva Yuga Rossii* [Essays on the History and Culture of the Cossacks of the South of Russia]. Volgograd, Publishing house of the Volgograd branch FGBOU VPORANEPA, 2014. 623 p.

36. Peretyatko A.Yu. *Voennaya organizaciya i voенное upravlenie Oblasti Vojska Donskogo vo vtoroj polovine XIX veka* [Military Organization and Military Administration of the Don Cossack Host in the Second Half of the 19th Century]. Rostov-on-Don, SFedU Publishing House, 2014. 235 p.

37. *Po voprosam o vojskoj povinnosti v Donskom vojske* [For Questions About Conscription in the Don Army]. *RGVIA*, f. 330, inv. 1, d. 166. 200 l.

38. *Po zapiske General-adyutanta Karceva po proektu o glavnyh osnovaniyah dlya kubanskogo kazachyego vojska* [According to the Note of Adjutant General Kartsev on the Project of the Main Foundations of the Kuban Cossack Army]. *RGVIA*, f. 330, inv. 1, d. 17. 410 l.

39. Popko I.D. *Chernomorskie kazaki v ih grazhdanskom i voennom bytu: oчерki kraja, obshchestva, vooruzhennoj sily i sluzhby: v semnadcati rasskazah, s epilogom, kartoyu i chetyrmya risunkami s natury: v 2 ch.* [Black Sea Cossacks in Their Civil and Military Life: Sketches of the Region, Society, Armed Forces and Service: In Seventeen Stories, with an Epilogue, a Map and Four Drawings from Nature: In 2 Parts.]. Saint Petersburg, P. A. Kulish's Printing House, 1858. 292 p.

40. Popov H.I. *Vysochajshie gramoty i regalii, pozhalovannye Vojsku Donskomu* [Highest Diplomas and Regalia Which Awarded to the Don Army]. Novoчеркассk, Ed. Don. stat. com, 1887. 24 p.

41. Potapov A.E. *Uchastie kubanskogo kazachestva v prisoedinenii Srednej Azii k Rossii (70–90-e gody XIX veka)* [Participation of the Kuban Cossacks in the Annexation of Central Asia to Russia (70–90s of the 19th Century)]. Krasnodar, 2020. 274 p.

42. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. Tom XLIV. Otdelenie pervoe. 1869. Ot № 46610–47557* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Assembly 2. Vol. 44. Part 1. 1869. From No. 46610-47357]. Saint Petersburg, V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1873. 962 p.

43. Putincev N. Nashi kazachyi vojska (neobhodimost izucheniya ih trekhvekovogo istoricheskogo opyta) [Our Cossack Troops (The Need to Study Their Three-Century Historical Experience)]. *Voennyj sbornik*, 1900, no. 1, pp. 45-64.
44. Ryabinin A.D. *Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami Generalnogo shtaba. Uralskoe kazachye vojsko. Chast I* [Materials for Geography and Statistics of Russia, Collected by Officers of the General Staff. Ural Cossack Host. Part 1]. Saint Petersburg, E. Weimar's printing house, 1866. 528 p.
45. Ryzhkova N.V. *Donskoe kazachestvo v vojnah nachala XX veka* [Don Cossacks in the Wars of the Early 20th Century]. Moscow, Veche Publ., 2008. 448 p.
46. Shakhtorin A.A. *Podgotovka kazakov Kubanskogo kazachyego vojska vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov: istoricheskoe issledovanie* [Training of the Cossacks of the Kuban Cossack Host in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: A Historical Study]. Moscow, 2006. 268 p.
47. Shane O'Rourke. *The Cossacks*. Manchester, Manchester University Press, 2007. 303 p.
48. Skorik A.P. *Milyutinskij kazachij yurt: opyt istoricheskoy rekonstrukcii* [Milyutinskiy Cossack Yurt: Experience of Historical Reconstruction]. Novocheboksak, Lik Publ., 2015. 1184 p.
49. Soklakov A. Yu. *Komplektovanie kazachyih formirovanij i poryadok sluzhby kazakov Rossijskoj imperii v XIX – nachale XX v.* [The Recruitment of Cossack Formations and the Order of Service of the Cossacks of the Russian Empire in the 19th – Early 20th Centuries]. Moscow, 2004. 270 p.
50. Soklakov A. Yu. Organizaciya sluzhby rossijskogo kazachestva v proshlom i nastoyashchem v nauchnyh ocenках i dokumentah [Organization of the Service of the Russian Cossacks in the Past and Present in Scientific Assessments and Documents]. *Vestnik Akademii voennyh nauk*, 2016, no. 1 (54), pp. 165-171.
51. Solovyev D.N. *Kazachestvo kak mobilizacionnyj resurs Rossijskogo gosudarstva: XV – konec XX veka* [Cossacks as a Mobilization Resource of the Russian State: 15th – Late 20th Century]. Saint Petersburg, 2011. 650 p.
52. *Stoletie Voennogo ministerstva 1802–1902. Voinskaya povinnost kazachyih vojsk. Istoricheskij ocherk* [Centenary of the War Office 1802–1902. Conscription of the Cossack Troops. Historical Sketch]. Vol. 11. Chapter. 3. Saint Petersburg, tip. t-va M.O. Volf, 1907. 250 p.
53. Tikidzhyan R.G. *Donskoe kazachestvo v konce XIX – nachale XX veka. Istoricheskij portret* [Don Cossacks in the Late 19th – Early 20th Centuries. Historical Portrait]. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 323 p.
54. Trut V.P. Kazachestvo Rossii v period Pervoj mirovoj vojny: diskussionnye i neissledovannye voprosy [Cossacks of Russia During the First World War: Controversial and Unexplored Issues]. *Vestnik NII gumanitarnyh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya*, 2017, no. 2 (42), pp. 40-59.
55. Ukaz Prezidenta RF ot 9 avgusta 2020 g. № 505 «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v otnoshenii rossijskogo kazachestva na 2021–2030 gody» [Decree of the President of the Russian Federation of August 9, 2020 No. 505 “On approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation in Relation to the Russian Cossacks for 2021–2030”]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/#1000>
56. Urushadze A.T. Donskie kazaki na Kavkazskoj vojne: osobennosti voennoj sluzhby i ocenki sovremennikov [Don Cossacks in the Caucasian War: Features of Military Service and Assessments of Contemporaries]. *Quaestio Rossica*, 2020, vol. 8, no. 4, pp. 1335-1350.
57. Venkov A.V., Matishov G.G. *Kazachestvo Yuga Rossii v I-j Mirovoj vojne* [Cossacks of the South of Russia in the 1st World War]. Rostov-on-Don, Altair Publ., 2019. 358 p.
58. Voloshina E.E. *Uchastie donskogo kazachestva v rusko-tureckoj vojne 1877–1878 gg.* [Participation of the Don Cossacks in the Russian-Turkish War of 1877–1878]. Rostov-on-Don, 2006. 239 p.
59. Volvenko A.A. Kazachestvo i konskripciya v 1860–1870 gg. [Cossacks and Conscription in 1860–1870]. *Rossijskaya istoriya*, 2018, no. 5, pp. 36-45.
60. Volvenko A.A. Kazachyi vojska Rossii nakanune «Velikih reform» Aleksandra II (na materialah vsepoddannejshih zapisok Ministerstva oborony za 1858–1862 gg.) [The Cossack Troops of Russia on the Eve of “Great Reforms” of Alexander II: (Based on the Materials of the Most Subservient Notes of the Ministry of Defense for 1858-1862)]. *Voennyj sbornik*, 2016, no. 3 (13), pp. 164-181.
61. Volvenko A.A. Vlast i kazachestvo v epohu «velikih reform» Aleksandra II (1860–1870-e gg.) [Power and Cossacks in the Era of “Great Reforms” of Alexander II (1860–1870s)]. *Rossiya XXI*, 2019, no. 1, pp. 60-87.
62. Yurchenko I.Yu. *Istoriografiya kazachestva: v 2 kn.* [Historiography of the Cossacks: In 2 Books]. Moscow, Moscow State University of nature engineering, 2013. Book 1. 455 p.; Book 2. 474 p.
63. Zajonchkovskij P.A. *Voennyj reformy v 1860–1870 gg. v Rossii* [Military Reforms in 1860–1870 in Russia]. Moscow, Publishing house of Moscow University, 1952. 386 p.
64. Zheleznov V. Kazaki [Cossacks]. *Voennyj almanah na 1901 god*. Saint Petersburg, 1901, pp. 91-96.

65. Zhelobov V.N. *Kubanskoe kazachye vojsko v russko-tureckoj vojne 1877–1878 gg.* [Kuban Cossack Army in the Russian-Turkish War of 1877–1878]. Krasnodar, 2017. 227 p.

66. Zolotarev M. Zametki o sovremennom sostoyanii nashej kavalerii [Notes on the Current State of Our Cavalry]. *Voennyj sbornik*, 1858, no. 2, pp. 1–45.

Information About the Author

Alexey A. Volvenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Deputy Director for Scientific Affairs, Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch of the Rostov State University of Economics), Initsiativnaya St, 48, 347936 Taganrog, Russian Federation, avolvenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6932-5976>

Информация об авторе

Алексей Александрович Волвенко, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), ул. Инициативная, 48, 347936 г. Таганрог, Российская Федерация, avolvenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6932-5976>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.8>UDC 94(47.5)
LBC 63.3(235.55)Submitted: 22.03.2021
Accepted: 16.06.2021**SOCIAL CHARACTERISTICS OF POLICE CONSTABLES
IN THE LAST QUARTER OF 19th CENTURY (BASED ON MATERIALS
FROM THE PERM PROVINCE OF 1889)****Sergey M. Ryazanov**

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The subject of this study is the social characteristics of the police constables of the Perm province in 1889. The purpose of the article is to trace the evolution of the personnel of the police constables in 1878–1889. *Methods and materials.* To achieve this goal, the method of prosopographic research was used (drawing up a collective portrait of a Perm police constable in 1889 based on a computer database). *Analysis.* During the study, it was found that representatives of tax-paying estates predominated among the police constables, the proportion of officials gradually decreased. Most future policemen graduated from military service as non-commissioned officers. 15% of them served as clerks in the army. The number of police constables who had only home education has significantly decreased. According to the data of the Shadrinsk district, the average age of the police constable was 33, much younger than in 1878. According to this list, the social composition of the police was quite variegated, with the dominance of representatives of the peasant class. For 10 years, the personnel of police constables had been almost completely renewed. The average length of service of the police constables was 3.6 years. *Results.* It was concluded that from 1878 to 1889 the education of the non-commissioned officers improved, and the retired and indefinite leave recruits were replaced by non-commissioned officers who had served on the draft. Thus, from 1878 to 1889, the motivation for service, the professionalism and stability of the cadre of police constables improved significantly.

Key words: collective portrait, lower rank, police constable, prosopography, reform, Urals.

Citation. Ryazanov S.M. Social Characteristics of Police Constables in the Last Quarter of 19th Century (Based on Materials from the Perm Province of 1889). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 91-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.8>

УДК 94(47.5)
ББК 63.3(235.55)Дата поступления статьи: 22.03.2021
Дата принятия статьи: 16.06.2021**СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УРЯДНИКОВ
В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 1889 г.)****Сергей Михайлович Рязанов**

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Пермь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом настоящего исследования являются социальные характеристики урядников Пермской губернии в 1889 году. Цель статьи – проследить эволюцию личного состава урядников в 1878–1889 годах. *Методы и материалы.* Для достижения поставленной цели использован метод просопографического исследования (составление коллективного портрета пермского полицейского урядника 1889 г. на основе компьютерной базы данных). *Анализ.* В ходе исследования выяснено, что социальную базу полицейских урядников составляли податные слои населения, число чиновников с 1878 по 1889 г. снизи-

лось. В целом с 1878 по 1889 г. состав урядников обновился почти полностью. *Результаты.* Сделан вывод о том, что с 1878 по 1889 г. улучшилась мотивация к службе, профессионализм и стабильность кадров полицейских урядников.

Ключевые слова: коллективный портрет, нижний чин, полицейский урядник, просопография, реформа, Урал.

Цитирование. Рязанов С. М. Социальные характеристики полицейских урядников в последней четверти XIX в. (по материалам Пермской губернии 1889 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 91–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.8>

Введение. В 1878 г., под напором все возраставшего революционного движения, в качестве «временной меры», в России было введено 5 тыс. должностей полицейских урядников [21, с. 82]. Изучение подданных, которые занимали эти ответственные посты с 1878 по 1917 г., представляется крайне актуальной темой для исторической науки. С одной стороны, для понимания становления отечественных органов внутренних дел, так как это был один из первых шагов к профессионализации нижнего состава сельской полиции. С другой – это важно для понимания дихотомии власти и общества в Российской империи. Для сельского населения, составлявшего в Российской империи подавляющее большинство, урядник стал наиболее близким полицейским чином, а, следовательно, именно по нему крестьяне судили о полицейских властях, а учитывая огромное число административных функций урядника, и о властях как таковых.

Для определения степени новизны настоящего исследования необходимо кратко остановиться на предшествующей историографии. Широкая дискуссия вокруг полицейских урядников началась практически сразу после их учреждения. Так, профессор-либерал И.Т. Тарасов называл урядников «необразованными и невежественными лицами, вступление которых в полицейскую службу не обуславливается ровно никаким цензом» [19, с. 58–59]. «...Урядникам скоро удалось завоевать доверие населения, и в их лице деревня впервые получила удовлетворительных полицейских агентов...» – иначе характеризовали полицейских авторы «Исторического очерка» деятельности МВД [8, с. 134]. В дальнейшем либеральная традиция оценки как чиновничьего, так и нижнего состава полиции второй половины XIX в. нашла отражение в трудах со-

ветских ученых. «Вся деятельность полиции в России была основана на нечестности, грубости и рукоприкладстве», – утверждали, например, Т.У. Воробейкова и А.Б. Дубровина [3, с. 32].

В современной историографии урядник является самым досконально изученным нижним чином полиции [1; 2; 5; 9; 14]. При этом оценка полицейских урядников во многом продолжает традицию, начатую учеными и практиками МВД Российской империи. «...Реализация Временного положения о полицейских урядниках способствовала организационному укреплению разрозненного штата, началу “профессионализации” кадров низшего звена полиции и, как следствие, повышению профессиональной компетенции сельской полиции», – заключали К.М. Алафьев, М.К. Алафьев и В.О. Зверев [1, с. 352].

Таким образом, в предшествующей историографии оценка полицейского урядника зачастую детерминировалась не историческими фактами, а политическими взглядами автора, государственной идеологией или службой автора в органах внутренних дел. Актуальность настоящего исследования состоит в том, что благодаря использованию количественных методов социально значимые характеристики полицейских урядников будут показаны более аргументированно и точно.

Несмотря на обилие новейших публикаций о провинциальных урядниках, их состав в Пермской губернии после 1878 г. и до 1906 г. практически не подвергался серьезному изучению. Отчасти восполнить эту лауну – задача настоящей статьи. Полицейские урядники Пермской губернии выступают, таким образом, в качестве предмета публикации, тогда как целью исследования является анализ эволюции их социально значимых характеристик в 1878–1889 годах.

Методы и материалы. В качестве основного метода исследования выступила «просопография» – построение «коллективного портрета» на основе компьютерной базы данных. С одной стороны, нельзя не признать, что выводы, полученные на основании просопографического метода, не могут быть полностью объективны. Во-первых, они зависят от структуры списка урядников, который разрабатывался для конкретных практических целей своего времени, а вовсе не как специальный статистический инструментарий. Многие социально важные характеристики были упущены составителями, о чем пойдет речь ниже. Во-вторых, сам исследователь, формируя графы базы данных, мог упустить какие-то важные аспекты, которые содержал источник. С другой стороны, нельзя не признать, что метод просопографического исследования более аргументирован и точен. Он избавляет от спекулятивного подхода, при котором историк бессознательно, а иногда и вполне целенаправленно, вместо объективного исследования личного состава полиции выискивает в источниках факты, подтверждающие его уже сформировавшуюся точку зрения. При желании урядников легко можно выставить и добросовестными служащими, и «безграмотными коррупционерами», что доказывается всей предшествующей историографией вопроса. Количественные методы дают возможность избавиться от подобных «перегибов». Эффективность просопографии доказывается еще и тем, что сегодня, благодаря своим обширным познавательным возможностям, она широко используется для исследования самых разных социальных и профессиональных групп [6; 12; 13].

Стоит отметить, что уже в «Кратком очерке» 1880 г., без всякой помощи компьютера, был нарисован первый и достаточно подробный «коллективный портрет» полицейского урядника Российской империи на основе собранных со всей страны статистических сведений [7, с. 80–83]. Эти данные можно обнаружить и в новейшей историографии полиции [1, с. 354; 20, с. 557; 22, с. 87]. Но можно ли экстраполировать их на последующий период существования института, если даже в самом «Кратком очерке» сказано, что время для «первого призыва» урядников было

выбрано неудачное в силу незавершенной военной реформы и «отсутствия главных заместителей на уряднические должности»? В последние годы стали также появляться «коллективные портреты» полицейских урядников на материале отдельных губерний [5; 9; 14].

Для целей настоящего исследования была составлена база данных в программе Microsoft Excel, содержащая биографические сведения о 121 полицейском уряднике Пермской губернии, служившем в 1889 году. Источником выступили отложившиеся в фонде Пермского губернского правления «Списки полицейским урядникам... с показанием участков и квартир», предоставленные в январе – июне 1889 г. всеми двенадцатью уездными исправниками на имя пермского губернатора. Все эти документы, кроме сведений по Пермскому уезду [14, с. 69], впервые вводятся в научный оборот. Данные списки были составлены в виде таблиц, по единому формуляру, и содержали следующую информацию: фамилию, имя и отчество, расположение квартиры, дату начала службы (в отдельных случаях неполную), образование полицейского урядника, число в участке волостей, сельских обществ, жителей, расстояние от места дислокации полицейского до уездного города и до становой квартиры. Все эти данные перенесены в базу данных в формате Microsoft Excel. Кроме этого, на основе даты начала службы добавлена графа о ее продолжительности к моменту составления списка. Для целей сравнения использованы созданные автором ранее, на основе документов из фонда Департамента полиции исполнительной базы, данные полицейских урядников Пермской и Уфимской губерний «первого призыва» [15; 16]. Однако, в отличие от последних, данные, предоставленные исправниками в 1889 г., не содержат сведений о вероисповедании, возрасте полицейских, прежнем опыте государственной службы, протяженности участка и числе селений. Списки 1878 г., в свою очередь, лишены данных о расстоянии до квартиры урядника и числе сельских обществ, входящих в участок [15; 16]. Таким образом, поздние документы значительно менее информативны. Несколько выделяется лишь список, предоставленный 4 февраля 1889 г. шадринским уездным исправником, который включал, поми-

мо вышеперечисленного, возраст урядника, подробные данные о сословии, месте приписки и наградах [17].

Анализ. В 1878 г. огромная Пермская губерния была разделена всего на 110 уряднических участков [15]. И хотя авторы «Краткого очерка» восторженно писали, что «полицейские урядники» популярны и от обществ и частных лиц в МВД следуют многочисленные предложения об учреждении все новых должностей [7, с. 85], на Среднем Урале какого-либо практического воплощения эта тенденция не получила. В 1889 г. Пермская губерния делилась на 123 уряднических участка. Два участка (в Кунгурском и Пермском уездах) к моменту подачи сведений были вакантны. Таким образом, за 10 лет прирост уряднических должностей, в целом по губернии, составил всего 11,82 %. В придачу данное увеличение было крайне неравномерным. Больше всего новых участков было учреждено в «столичном» Пермском уезде – 4 (прирост по уезду составил 44,44 %), 3 – в Верхотурском (25 %), 2 – в Оханском (25 %), по одному – в Екатеринбургском (6,67 %), Камышловском (12,5 %), Красноуфимском (8,33 %), Осинском (11,11 %) и Чердынском (20 %). В трех уездах, в том числе в самом «сложном» по числу жителей Шадринском, количество уряднических участков изменений не претерпело, а в Кунгурском – даже уменьшилось на один (сокращение – 11,11 %).

Нагрузка на полицейского оставалась, таким образом, огромной. В 1878 г. на одного урядника в среднем приходилось по 4,2 волости (более чем в 2 раза выше среднероссийского уровня), с населением 18 089,95 человек [7, с. 80; 15]. В 1889 г. среднее значение волостей на одного урядника сократилось всего до 3,94. В то же время за счет роста населения среднее число жителей участка только увеличилось и составило 20 119,05 человека. Более подробные сведения представлены в таблице 1. Для сравнения в сопредельной Уфимской губернии по данным на 1878 г. на одного урядника приходилось 1,66 волости и 6 198,82 жителя [16]. Вероятно, при распределении урядников по регионам, центральные власти учитывали, что в Пермской губернии с 1870 г. существует помимо выборной сельской полиции вольнонаемная стража. Однако

последняя, хотя де юре и предназначалась для сельской местности, де факто использовалась в качестве городских в индустриальных центрах [4, л. 17–29] и особой помощи пермским урядникам оказать не могла.

Социальную сущность полицейских урядников Российской империи «первого призыва» должны были составить нижние чины армии из податных сословий, однако на практике в целом по России их оказалось меньше половины (42 %). Пермская губерния в 1878 г. не стала исключением. Унтер-офицерство, преимущественно отставное и бессрочно отпускное, – 38,18 % полицейских урядников. Рядовые и нижние чины армии, чью принадлежность к унтер-офицерству точно определить не удалось, – 4,55 %. Не служившие в армии крестьяне – 23,64 %, в целом по России составившие лишь 16 %. Мещане – 5,45 %, тогда как на остальной территории страны доля потомственных горожан была более чем в 2 раза выше (10 %). Зато существенную долю в губернии получили мастеровые – 8,18 % – сословие, распространенное преимущественно на Урале. Однако ключевое различие между общероссийским и пермским урядничеством крылось в доле представителей привилегированных сословий. На Среднем Урале их представители на новых должностях были единичны. Дворяне – 1,82 %, в 4,4 раза меньше общероссийского показателя, 1 обер-офицерский сын и 1 личный почетный гражданин. Представителей первого сословия среди полицейских урядников также было 1,82 % (в 5,49 раз ниже, чем в целом по России). Значительную долю из неподатных сословий составляло лишь чиновничество, включая отставных классных чинов, – 12,73 % [7, с. 81–82; 15], что было даже несколько выше общероссийского уровня (9 %). Это было связано с незначительным числом дворян в Пермской губернии. С другой стороны, набрать достаточно дисциплинированных отставных военных государству также не удалось, так как армия еще не была расформирована после Русско-Турецкой войны. В результате в Пермской губернии пришлось принимать крестьян, мастеровых и мещан, не имеющих никакого служебного опыта.

В конце 80-х гг. XIX в., благодаря военной реформе, доля полицейских урядников, служивших в армии в качестве нижних чинов,

увеличилась еще больше. Унтер-офицерство составило 55,37 % (в 1,45 раза больше), остальные нижние воинские чины – 17,36 % (в 3,82 раза). При этом военные старшие и младшие писари, писари унтер-офицерского звания составляли 15,7 % полицейских урядников. В 1878 г. – только 1,82 % [15]. Это, помимо прочего, может говорить о постепенном повышении образовательного уровня и опыта канцелярской работы будущих полицейских урядников Пермской губернии.

Не служившие в армии крестьяне составляли в 1889 г. лишь 10,74 % полицейских урядников (в 2,05 раза меньше), мещане – 4,96 %, мастеровые – 0,83 % (в 9,86 раза). Доля представителей неподатных сословий, даже с учетом отслуживших в армии, уменьшилась с 17,77 до 12,4 %. Дворяне составили 3,31 % (в 1,81 раза больше), почетные граждане – 1,65 % (в 1,81 раза), чиновники – 7,44 % (в 1,71 раза меньше). Падение интереса чиновничества к должностям урядников за десятилетие было вызвано, по всей вероятности, снижением реальной заработной платы полицейского урядника в силу инфляции.

К сожалению, аналогичных статистических данных за 1889 г. по другим губерниям и России в целом в литературе или источниках не выявлено. Однако по данным, собранным Е.В. Евсеевым о составе полицейских урядников в Тверской губернии в 1879–1888 гг., можно предположить, что в центральных губерниях состав полицейских урядников был принципиально иным, нежели на окраинах. В Тверской губернии доля личных и потомственных дворян на уряднической службе составляла 19,1 % (в 5,77–10,49 раз выше), обер-офицерских детей – 4,3 % (в 4,73 раза), духовенства – 18,1 % (в 9,95 раз), личных и потомственных почетных граждан – 20,3 % (в 12,3–22,31 раза). Однако в дальнейшем процент представителей привилегированных сословий на уряднических должностях в Тверской губернии начал стремительно снижаться [5, с. 11–12]. Причины, вероятно, следует искать в желании центральных властей заполнять образовавшиеся вакансии нижними воинскими чинами, а не отставными «канцелярскими служащими» [2, с. 24–25].

С заменой рекрутской повинности призывом звание отставного унтер-офицера или

рядового, по большому счету, перестало выражать принадлежность подданного к определенному сословию, а лишь обозначало опыт военной службы. Однако данные о сословном происхождении отслуживших в армии полицейских урядников были в полной мере представлены в 1889 г. лишь по Шадринскому уезду, поэтому на их анализе стоит остановиться отдельно. Из 9 полицейских имеются сведения об опыте военной службы 8 (преимущественно, на нестроевых должностях), а последний – имел даже опыт гражданской службы, являясь канцелярским служителем, состоящим в штате губернского правления. По сословному происхождению 5 полицейских урядников являлись крестьянами, по одному – происходило из мещан, священнослужителей, чиновников и дворян [17]. Вместе с данными о сословном происхождении не служивших в армии полицейских, это дает все основания предположить как достаточно «пестрый» сословный состав урядников в целом, так и то, что именно крестьяне составляли среди них большинство. Однако процессы модернизации в 80-е гг. XIX в. проникли в российский социум уже достаточно глубоко и сословное происхождение далеко не полно отражало социальный статус подданного. Так, бывший урядник, крестьянин Григорьевской волости Оханского уезда Ф.Ф. Дресвянкин в своем прошении пермскому губернатору вновь поступить на службу в 1889 г. указывал, что «с малых лет... занимался по письменной и счетной частям в разных учреждениях», а «к крестьянской работе... по неимению... земельного надела, не привык». Даже отец Ф.Ф. Дресвянкина не был земледельцем, а происходил из кантонистов и жил за счет сапожного ремесла [11]. Таким образом, помимо сословия, для определения социальной сущности полицейского урядника стоит задействовать и другие маркеры. Списки 1889 г., к сожалению, содержат только один подобный показатель – образование.

В 1878 г. 61,82 % пермских урядников нигде не учились. Эта доля хорошо коррелирует с общероссийскими данными, согласно которым большинство урядников также не имели за своими плечами никакого образования [7, с. 82]. 6,38 % пермских урядников получили образование в батальоне военных

кантонистов, 14,53 % – в горных училищах, заводских школах, народных училищах и других учебных заведениях по 4-му разряду, 14,53 % – в окружных, уездных и духовных училищах по 3-му разряду. Хотя и то и другое образование считалось начальным, но учебное заведение 3-го разряда, по законодательству XIX в., являлось достаточным для получения классного чина. По одному уряднику окончили артиллерийское училище, неполный курс уездного училища и гимназии. К 1889 г., благодаря широкому развитию школьной сети после земской реформы, ситуация на Среднем Урале значительно улучшилась. Одно лишь «домашнее воспитание» имели теперь 37,19 % (в 1,66 раза меньше). В военной службе и батальоне военных кантонистов образование получили 8,26 %. В учебных заведениях 4-го разряда обучались 21,49 % урядников. Из приходского училища вышел, не окончив курса, всего 1 урядник, в то время как неоконченное образование в учебных заведениях 3-го разряда было у 4,96 %. Полное образование 3-го разряда получили 17,35 %. Неоконченным средним образованием могли похвастать 1,65 % урядников, а окончили полный курс таких заведений – 3,31 %. Для понимания социального облика полицейского урядника важен не только уровень образования, но и его характер. Так, в духовных училищах и семинариях обучались 5,79 % урядников, в военных прогимназиях и юнкерских училищах – 3,31 %, в жандармских школах – 1,65 %. Школа урядников в качестве учебного заведения фигурирует только в списках по Верхотурскому уезду, здесь ее окончили 4 из 15 урядников [18]. Даже если предположить, что остальные исправники просто не указывали данное учебное заведение и экстраполировать верхотурские данные на всю губернию, то все равно остается неясным, почему в одной из немногих российских губерний, где в 80-е гг. XIX в. такое заведение уже существовало, его окончило немногим более четверти от всех полицейских урядников.

Помимо низкого образовательного уровня и отсутствия опыта военной службы, серьезной проблемой для полицейских урядников «первого призыва» стал возраст. Это закономерно вытекало из желания центральных властей набирать на уряднические должности

отслуживших в армии унтер-офицеров, а так как в 1878 г. это были преимущественно люди, проходившие военную службу еще по рекрутскому набору, их возраст был достаточно высок. В Пермской губернии самый старый «новобранец» имел от роду 65 лет. В целом лица старше 40 лет составляли в Пермской губернии – 39,08 %, а средний возраст – 37,11 года [15]. Более подробные данные представлены в таблице 2. Подобная картина наблюдалась и в других губерниях империи. Ревизоры департамента полиции резонно отмечали, что в таком возрасте «уже нельзя рассчитывать на значительный прогресс в полицейских делах» [2, с. 24]. Как уже было сказано, в 1889 г. сведения о возрасте полицейских урядников сохранились лишь по Шадринскому уезду. Средний возраст шадринского урядника составил 33 года, причем большинство полицейских не были «новобранцами», а служили к моменту ревизии несколько лет. Самому старому из них, Г.С. Пятунину, служившему с 1879 г., было только 44, остальным – от 28 до 36 лет [17]. Если предположить, что в других уездах ситуация была аналогична, то проблема «преклонного» возраста полицейских урядников на Среднем Урале была к концу 80-х гг. XIX в. преодолена.

Наконец, наиболее ценная информация, которую способны предоставить списки 1889 г., – это продолжительность службы полицейского урядника. Средний ее срок составил 3,6 года, в связи с чем говорить о чрезмерной «текучке кадров» не приходится. Более подробные сведения представлены в таблице 3. Более 10 лет при этом прослужили лишь 5 % полицейских урядников, и лишь 4 из них находились на своем посту с самого учреждения должности. Причина столь крупного обновления корпуса урядников за 10 с небольшим лет крылась как в возрасте первых урядников, так и в том, что в спешке, в конце 1878 г., местные власти наняли на указанные должности подданных, которые явно не соответствовали своему назначению. Например, урядник 1-го участка 2-го стана Соликамского уезда Е.П. Иванцов лично принимал разноразличные вещи и содержал в Чермозском заводе постоялый двор, в котором «имели пристанище разные неблагонадежные лица». Летом 1879 г., при отправлении обязанностей

службы, несколько раз ударил нагайкой крестьян, а также таскал за волосы 14-летнего мальчика. Получив 1 декабря 1879 г. от пристава личное приказание о производстве дознания о разбое на дороге, ничего не делал по данному делу на протяжении полутора месяцев. Уволен полицейский урядник при этом был только 1 февраля 1880 года [10].

Списки полицейских урядников Шадринского уезда, помимо прочего, содержат сведения о наградах. Из 9 полицейских не имели «знаков отличия» только 3, служивших от 8 месяцев до 3,5 лет. Медаль за Русско-Турецкую войну 1877–1878 гг. имел «новобранец», прослуживший к моменту ревизии лишь 1,5 месяца. Все остальные находились на службе более 6,5 лет. Двое из них были отмечены 2 серебряными медалями с надписями «За усердие» и «За беспорочную службу в полиции». 2 обладали только медалями «За беспорочную службу». А последний, местный крестьянин Г.Г. Оберюхин, являлся кавалером воинского ордена Святого Георгия 4-й степени [17].

Результаты. Таким образом, за первое десятилетие существования социальный облик полицейского урядника не остался неизменным. С ноября 1878 г. по январь – июнь 1889 г. корпус пермских урядников обновился на 96,36 %. На место бессрочно отпускных и отставных рекрут заступали отслужившие в армии по призыву подданные, преимущественно унтер-офицерского звания. По всей веро-

ятности, большинство из них принадлежали к крестьянскому сословию. При этом доля отставных канцелярских служителей среди урядников за десятилетие несколько сократилась. Представители дворянства, почетных граждан и духовенства с самого начала не играли в составе урядников сколько-нибудь существенной роли. Значительно улучшилось образование пермских «стражей порядка». Если урядники, принятые в 1878 г., имели преимущественно «домашнее воспитание», то среди полицейских 1889 г. преобладали окончившие учебные заведения начального уровня, появился даже незначительный процент окончивших полный курс в средних учебных заведениях. Средний срок службы урядника был 3,6 года. Подавляющее большинство к моменту составления списков служили менее 6 лет.

Это позволяет предположить, что полицейские урядники, сменившие полицейских набора 1878 г., оказались более мотивированны к службе, дорожили ей, отличались большим профессионализмом, как минимум за счет получения систематического курса в области начального образования, опыта канцелярской работы, окончания школы полицейских урядников. Относительная стабильность кадров косвенно говорит также о том, что «новая формация» полицейских лучше справлялась с поставленными задачами, реже нарушала закон. Однако говорить об осознании себя полицейскими отдельной профессиональной группой на данном этапе преждевременно.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Распределение уряднических участков в Пермской губернии в XIX в. по числу жителей

Table 1. Distribution of constable plots in the Perm province in the 19th century by the number of inhabitants

Число жителей	1878 г., %	1889 г., %
Менее 10 000	15,45	15,13
10 000–20 000	51,82	39,5
20 000–30 000	21,82	26,89
30 000–40 000	7,27	11,76
40 000–50 000	3,64	5,88
50 000–60 000	–	0,84

Таблица 2. Распределение полицейских урядников в Пермской и Уфимской губерниях по возрастным группам (1878 г.)

Table 2. Distribution of police constables in the Perm and Ufa provinces by age groups (1878)

Возраст	Пермская губерния, %	Уфимская губерния, %
Менее 21 года	2,73	2,83
21–30 лет	23,64	36,79
31–40 лет	34,55	29,25
41–50 лет	34,55	29,25
51–60 лет	2,73	1,88
61–70 лет	1,8	–

Таблица 3. Продолжительность службы полицейских урядников Пермской губернии (1889 г.)

Table 3. Duration of service of police constables of the Perm province (1889)

Срок службы	Количество урядников	Доля урядников, %
Менее 1 года	26	21,85
От 1 до 3 лет	39	32,77
От 4 до 6 лет	27	22,69
От 7 до 9 лет	17	14,29
9 лет и более	10	8,4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алафьев М. К., Зверев В. О., Алафьев К. М. Институт полицейских урядников: кадровый состав, функции, профессиональная подготовка // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 3. С. 352–359. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13016>
2. Ахмедов Ч. Н. Исторический опыт профессиональной подготовки полицейских урядников в Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4. С. 23–30.
3. Воробейкова Т. У., Дубровина А. Б. Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев: Киевская высшая школа МВД СССР, 1974. 68 с.
4. Донесение чиновника особых поручений барона фон Гейкинга министру внутренних дел о состоянии полицейской стражи и деятельности урядников в Казанской и Пермской губерниях. 4 нояб. 1879 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 53. Д. 282. Л. 16–33.
5. Евсеев С. В. Полицейские урядники Тверской губернии 1878–1917 гг. Тверь: А. Н. Кондратьев, 2014. 257 с.
6. Захаров А. В. Комнатные стольники Петра I: реконструкция состава и просопографическое исследование // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 2. С. 85–99. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-2-85-99>
7. Краткий очерк деятельности Министерства внутренних дел за двадцатипятилетие, 1855–1880. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1880. 183 с.
8. Министерство внутренних дел (1802–1902) : исторический очерк. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1901. Кн. 1. 335 с.
9. Нахимов А. П., Кирнос А. В., Колесников В. А. Формирование института полицейских урядников и реорганизация уездной полиции в 1878–1880 гг. // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 9–27.
10. Постановление соликамского уездного исправника о причинах отставки урядника Е.П. Иванцова и дальнейшем перемещении урядников. 1 февр. 1880 г. // Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 36. Оп. 10. Д. 57. Л. 3–3 об.
11. Прощение крестьянина Григорьевской волости Оханского уезда Ф.Ф. Дресвянкина пермскому губернатору о занятии должности по полицейской части (Янв. 1889 г.) // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 62. Л. 111–112.
12. Ростовцев Е. А., Баринов Д. А. Столичная и провинциальная профессура российских

университетов : Опыт просопографического исследования (1884–1917) // Вопросы истории. 2020. № 11–2. С. 237–249. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi50>

13. Рыбалко Н. В. Управление в Перми Великой конца XVI – начала XVII века: от приказных людей к воеводской власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 100–112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

14. Рязанов С. М. Урядники Пермского уезда в 1878–1917 годах: институциональный, социальный и личностный аспекты // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. № 4. С. 68–77.

15. Сведение о распределении Пермской губернии на уряднические участки и о личном составе вновь определенных в эти участки полицейских урядников. 1 дек. 1878 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 85–119.

16. Сведения о распределении Уфимской губернии на уряднические участки и о личном составе вновь определенных в эти участки полицейских урядников. 3 дек. 1878 г. // РГИА. Ф. 1286. Оп. 39. Д. 58. Л. 455–487.

17. Список полицейским урядникам, состоящим на должностях в Шадринском уезде Пермской губернии с показанием участков и квартир. 4 февр. 1889 г. // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 62. Л. 61 об.–71.

18. Список полицейским урядникам, состоящим на должностях по Верхотурскому уезду, с показанием участков и квартир им. 30 янв. 1889 г. // ГАПК. Ф. 36. Оп. 10. Д. 62. Л. 49–54.

19. Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М.: Типография А.П. Мамонтова и Ко, 1885. 160 с.

20. Тот Ю. В. Внутриполитический кризис конца 1870-х гг. и проблема усиления полицейской власти в системе местного управления // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 535–559.

21. Тот Ю. В. Реформа уездной полиции Александра II // Эпоха Великих реформ: история и документальное наследие: сб. науч. тр. СПб.: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, 2019. С. 72–85.

22. Ялтаев Д. А. Уездная полиция в Казанской губернии в 1862–1917 годах : По материалам Чувашских уездов: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2004. 289 с.

REFERENCES

1. Alafiev M.K., Zverev V.O., Alafiev K.M. Institut politseiskikh uriadnikov: kadrovyyi sostav, funktsii, professionalnaia podgotovka [Institution of Village Police Constables: Personnel, Functions, Professional Training]. *Psikhopedagogika v*

pravookhranitelnykh organakh [Psychopedagogy in Law Enforcement], 2020, vol. 25, no. 3, pp. 352-359. DOI: <https://doi.org/10.24411/1999-6241-2020-13016>

2. Akhmedov Ch.N. Istoricheskiy opyt professionalnoi podgotovki politseiskikh uriadnikov v Rossiiskoi imperii [Historical Experience of Professional Training of Police Constables in the Russian Empire]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Herald of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia], 2013, no. 4, pp. 23-30.

3. Vorobeykova T.U., Dubrovina A.B. *Preobrazovanie administrativno-politseiskogo apparata, suda i tiuremnoi sistemy Rossii vo vtoroi polovine XIX veka* [The Transformation of the Administrative and Police Apparatus, Court, and Prison System in Russia in the Second Half of the 19th Century]. Kiev, Kievskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1974. 68 p.

4. Donesenie chinovnika osobykh poruchenii barona fon Geikinga ministru vnutrennikh del o sostoianii politseiskoi strazhi i deiatelnosti uriadnikov v Kazanskoi i Permskoi guberniiakh. 4 noiab. 1879 g. [Report of the Official of Special Assignments of the Collegiate Adviser Baron Von Geiking to the Minister of the Interior Affairs on the State of the Police Guard and the Activities of the Police Constables in the Kazan and Perm Provinces. Nov. 4, 1879]. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archives], f. 1286, inv. 53, d. 282, l. 16-33.

5. Evseev S.V. *Politseiskie uriadniki Tverskoi gubernii 1878–1917 gg.* [Police Constables of the Tver Province 1878–1917]. Tver, A.N. Kondratiev, 2014. 257 p.

6. Zakharov A.V. Komnatnye stolniki Petra I: rekonstruktsiia sostava i prosopograficheskoe issledovanie [Room Stewards of Peter I: Reconstruction of the Composition and Prosopographic Research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istorii* [Herald of Perm University. History], 2018, no. 2, pp. 85-99. DOI: <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2018-2-85-99>

7. *Kratkii ocherk deiatelnosti Ministerstva vnutrennikh del za dvadtsatipiatiletie, 1855–1880* [A Brief Outline of the Activities of the Ministry of Internal Affairs for the Twenty-Fifth Years, 1855–1880]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1880. 183 p.

8. *Ministerstvo vnutrennikh del (1802–1902): istoricheskii ocherk* [Ministry of Internal Affairs. 1802–1902. Historical Sketch]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1901, book 1. 335 p.

9. Nakhimov A.P., Kirnos A.V., Kolesnikov V.A. Formirovanie instituta politseiskikh uriadnikov i reorganizatsiia uezdnoi politsii v 1878–1880 gg. [Formation of the Institute Of Police Constables and Reorganization of the District Police in 1878–1880].

Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii [The Bulletin of Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3, pp. 9-27.

10. Postanovlenie solikamskogo uezdnogo ispravnika o prichinakh otstavki uriadnika E.P. Ivantsova i dalneishem peremeshchenii uriadnikov. 1 fevr. 1880 g. [Resolution of the Solikamsk District Police Chief about the Reasons for the Resignation of the Police Constable E.P. Ivantsov and the Further Displacement of the Police Constables. Feb. 1, 1880]. *Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraia (GAPK)* [Perm State Archive], f. 36, inv. 10, d. 57, l. 3-3 r.

11. Proshenie krestianina Grigorevskoi volosti Okhanskogo uezda F.F. Dresviankina permskomu gubernatoru o zaniatii dolzhnosti po politseiskoi chasti (Yanv. 1889 g.) [The Petition of the Peasant of the Grigorievsky Volost of the Okhansk District F.F. Dresvyankin To The Perm Governor About Taking Up A Position In The Police Department. Jan. 1889]. *GAPK* [Perm State Archive], f. 36, inv. 10, d. 62, l. 111-112.

12. Rostovtsev E.A., Barinov D.A. Stolichnaia i provintsialnaia professura rossiiskikh universitetov: Opyt prosopograficheskogo issledovaniia (1884–1917) [Metropolitan and Provincial Professors of Russian Universities: The Experience of Prosopographic Research (1884–1917)]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2020, no. 11-2, pp. 237-249. DOI: <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202011Statyi50>

13. Rybalko N.V. Upravlenie v Permi Velikoy kotsa XVI – nachala XVII veka: ot prikaznykh lyudey k voevodskoy vlasti [Great Perm Governance in the Late 16th – Early 17th Century: From Administrators to Voivodes]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, vol. 25, no. 5, pp. 100-112. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.9>

14. Ryazanov S.M. Uryadniki Permskogo uezda v 1878–1917 godakh: institutsionalnyi, sotsialnyi i lichnostnyi aspekty [Village Constable of the Perm District in 1878–1917: Institutional, Social and Personal Aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Perm University Herald. History], 2012, no. 4, pp. 68-77.

15. Svedenie o raspredelenii Permskoi gubernii na uriadnicheskie uchastki i o lichnom sostave vnov opredelennykh v eti uchastki politseiskikh uriadnikov. 1 dek. 1878 g. [Information About the Distribution of the Perm Province to the Constable Plots and the Personnel of the Newly Assigned Police Constables to These Plots. Dec. 1, 1878]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 1286, inv. 39, d. 58, l. 85-119.

16. Svedeniia o raspredelenii Ufimskoi gubernii na uriadnicheskie uchastki i o lichnom sostave vnov opredelennykh v eti uchastki politseiskikh uriadnikov.

3 dek. 1878 g. [Information About the Distribution of the Ufa Province to the Constable Plots and the Personnel of the Newly Assigned Police Constables to These Plots. Dec 3. 1878]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 1286, inv. 39, d. 58, l. 455-487.

17. Spisok politseiskim uriadnikam, sostoiaschim na dolzhnostiakh v Shadrinskom uезде Permskoi gubernii s pokazaniem uchastkov i kvartir. 4 fevr. 1889 g. [List of Police Constables in Positions in the Shadrinsk District of the Perm Province with Indications of Plots and Apartments. Feb. 4, 1889]. *GAPK* [Perm State Archive], f. 36, inv. 10, d. 62, l. 61r.-71.

18. Spisok politseiskim uriadnikam, sostoiaschim na dolzhnostiakh po Verkhotur'skomu uезду, s pokazaniem uchastkov i kvartir im. 30 ianv. 1889 g. [List of Police Constables in Positions in the Verkhotur'sky District, With Indications of Plots and Apartments to Them. Jan 30, 1889]. *GAPK* [Perm State Archive], f. 36, inv. 10, d. 62, l. 49-54.

19. Tarasov I.T. *Politsiia v epokhu reform* [Police in the Era of Reforms]. Moscow, Tipografiya A.P. Mamontova i Ko, 1885. 160 p.

20. Tot Yu.V. Vnutripoliticheskiy krizis kontsa 1870-kh gg. i problema usileniia politseiskoi vlasti v sisteme mestnogo upravleniia [The Internal Political Crisis of the Late 1870s and the Problem of Strengthening Police Power in the Local Government System]. *Trudy kafedry istorii Rossii s drevneishikh vremen do XX veka* [Proceedings of the Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century]. Saint Petersburg, S.-Peterb. gos. un-t, 2012, pp. 535-559.

21. Tot Yu.V. Reforma uездnoi politzii Aleksandra II [Reform of the District Police of Alexander II]. *Epokha Velikikh reform: istoriia i dokumentalnoe nasledie: sb. nauch. tr.* [The Era of Great Reforms: History and Documentary Heritage: Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, Prezidentskaya biblioteka im. B.N. Eltsina, 2019, pp. 72-85.

22. Yaltaev D.A. *Uездnaia politziia v Kazanskoj gubernii v 1862–1917 godakh: Po materialam Chuvashskikh uездov: dis. ... kand. ist. nauk* [District Police in the Kazan Province in 1862–1917: Based on Materials from the Chuvash Districts: Cand. hist. sci. diss.]. Cheboksary, 2004. 289 p.

Information About the Author

Sergey M. Ryazanov, Candidate of Sciences (History), Associated Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Karpinskogo St, 125, 614012 Perm, Russian Federation, S_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

Информация об авторе

Сергей Михайлович Рязанов, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, ул. Карпинского, 125, 614012 г. Пермь, Российская Федерация, S_ryazanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5137-3614>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.9>UDC 614.252.2(09)(470.45)
LBC 51.1(2)Submitted: 22.09.2021
Accepted: 15.12.2021**FIRST FEMALE DOCTORS IN THE ZEMSTVO SERVICE
OF THE SARATOV PROVINCE (LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES)****Olga S. Kitsenko**

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Roman N. Kitsenko

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The gender aspects of modern medicine determine the research interest in the activities of the first female doctors in Russia. In contrast to private practice, the work of doctors in the zemstvo played an important social role. Therefore, the object of this study is the activities of the first female doctors in the service of the Saratov zemstvo. **Methods and materials.** The source base of the study was the materials of the zemstvo periodicals and office-work documentation (journals of zemstvo meetings, reports of councils, protocols of medical congresses). The historical-systemic method made it possible to consider the professional activities of the first female doctors of the Saratov zemstvo in the context of the formation of the system of women's medical education in the Russian Empire. With the help of the historical-comparative method, the general features of the professional activity of V.I. Bukhovtseva, A.I. Sukhodeeva, and E.A. Kharizomenova were defined. **Analysis and results.** The authors established the first female doctors appeared in the service of the Saratov zemstvo at the turn of the 1880–1890s. The entry of women into the zemstvo service was hampered by restrictions on the independent medical practice, the termination of medical courses in 1887, and hard working conditions in the Russian provinces. However, the activities of V.I. Bukhovtseva, A.I. Sukhodeeva and E.A. Kharizomenova at the Saratov zemstvo demonstrated the organizational and research abilities of the first female doctors, their awareness of the medical and social problems of the Russian hinterland, and active participation in sanitary and educational work. Restoration and development of higher medical education for women at the turn of the 1890–1900s became the main factor in the increase in the number of female doctors in the zemstvo service, the expansion of their professional competencies, and the increased role in the development of the health care system. **Authors' contributions.** The study of zemstvo office documentation and periodicals containing information about the activities of the first female doctors in the Saratov province was carried out by Candidate of Historical Sciences, associate professor O.S. Kitsenko. Information about the number and place of service of female doctors in the Russian medical lists of 1883–1916 analyzed by the Candidate of Philosophical Sciences, associate professor R.N. Kitsenko.

Key words: zemstvo, zemstvo medicine, female education, female doctors, Saratov province.

Citation. Kitsenko O.S., Kitsenko R.N. First Female Doctors in the Zemstvo Service of the Saratov Province (Late 19th – Early 20th Centuries). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 102-113. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.9>

УДК 614.252.2(09)(470.45)
ББК 51.1(2)Дата поступления статьи: 22.09.2021
Дата принятия статьи: 15.12.2021**ПЕРВЫЕ ЖЕНЩИНЫ-ВРАЧИ НА СЛУЖБЕ САРАТОВСКОГО ЗЕМСТВА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)****Ольга Сергеевна Киценко**

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Роман Николаевич Киценко

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Гендерные аспекты современной медицины определяют исследовательский интерес к деятельности первых женщин-врачей в России. В отличие от частной практики работа врачей в земстве играла важную общественную роль. Поэтому объектом данного исследования выступила деятельность первых женщин-врачей на службе Саратовского земства. *Методы и материалы.* Источниковой базой исследования послужили материалы земской периодической печати и делопроизводственная документация (журналы земских собраний, доклады управ, протоколы врачебных съездов). Историко-системный метод позволил рассмотреть деятельность первых женщин-врачей Саратовского земства в контексте становления системы высшего женского медицинского образования в России. С помощью историко-сравнительного метода выявлены общие черты профессиональной деятельности В.И. Буховцевой, А.И. Суходеевой, Е.А. Харизоменовой. *Анализ и результаты.* Авторами установлено, что первые женщины-врачи появились в Саратовском земстве на рубеже 1880–1890-х годов. Поступлению женщин на земскую службу препятствовали ограничения на самостоятельную медицинскую практику, прекращение работы Высших женских медицинских курсов в 1887 г., тяжелые условия труда в российской провинции. Однако деятельность В.И. Буховцевой, А.И. Суходеевой и Е.А. Харизоменовой в Саратовском земстве продемонстрировала организационные и исследовательские способности женщин-врачей, осознание ими медико-социальных проблем российской глубинки, активное участие в санитарно-просветительской работе. Восстановление и развитие высшего женского медицинского образования на рубеже 1890–1900-х гг. стало главным фактором увеличения числа женщин-врачей на земской службе, расширения их профессиональных компетенций, возросшей роли в развитии системы здравоохранения. *Вклад авторов.* Исследование земской делопроизводственной документации и периодических изданий, содержащих информацию о деятельности первых женщин-врачей в Саратовской губернии, проведено кандидатом исторических наук, доцентом О.С. Киценко. Сведения о численности женщин-врачей и месте их службы, опубликованные в российских медицинских списках 1883–1916 гг., выявлены и проанализированы кандидатом философских наук, доцентом Р.Н. Киценко.

Ключевые слова: земство, земская медицина, женское образование, женщины-врачи, Саратовская губерния.

Цитирование. Киценко О. С., Киценко Р. Н. Первые женщины-врачи на службе Саратовского земства (конец XIX – начало XX в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 102–113. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.9>

Введение. Со второй половины XIX в. в связи с женской эмансипацией получило развитие высшее женское медицинское образование, начался рост числа женщин-врачей. В начале XXI в. доля женщин-врачей в европейских странах составила 30–50 %, в России – около 70 %. Вместе с тем в медицине возникла определенная гендерная сегрегация: мужчины чаще специализировались в хирургии, кардиологии, спортивной медицине, женщины – в педиатрии, акушерстве, дерматологии, офтальмологии [9, с. 147]. Такое разделение было обусловлено, с одной стороны, давними традициями врачевания, с другой – уровнем заработной платы (хорошо оплачиваемые специальности более привлекательны для мужчин).

Развитие систем здравоохранения, поиск оптимальных моделей взаимодействия врача и пациента поставили в центр исследователь-

ских интересов личностные качества врача, в том числе детерминированные гендерными различиями. Например, исследователями установлено, что в сравнении с мужчинами женщины-врачи обладают большей наблюдательностью, эмпатией, ответственностью и самокритичностью [2; 5; 9].

Гендерные аспекты современной медицины определяют интерес к периоду становления высшего женского медицинского образования в России, к правовому статусу и специфике профессиональной деятельности первых женщин-врачей. Объектом данного исследования послужила деятельность женщин-врачей в Саратовском земстве. В отличие от частной практики земская служба предполагала важную общественную роль: участие в развитии системы здравоохранения, санитарное просвещение, медико-статистические исследования. На земской службе ярко прояв-

лялись профессиональные качества первых женщин-врачей.

Методы, материалы. Сведения о деятельности женщин-врачей в Саратовской губернии содержатся в материалах периодической печати, докладах управ, протоколах съездов земских врачей. Особую роль играют медицинские списки Российской империи, которые позволяют определить число женщин-врачей, место службы и должность.

Методологической базой исследования послужили: принцип историзма, историко-системный и историко-сравнительный методы. Историко-системный метод позволил рассмотреть профессиональную деятельность первых женщин-врачей Саратовского земства в контексте становления высшего женского медицинского образования и правового статуса женщин-врачей в Российской империи. С помощью историко-сравнительного метода выявлены общие черты деятельности и профессиональных интересов В.И. Буховцевой, А.И. Суходеевой, Е.А. Ребровой-Харизоменовой.

Анализ. Становление системы высшего женского медицинского образования в России связано с инициативой военного министра Д.А. Милютин, учредившего в 1872 г. «Курсы для образования ученых акушерок» при Медико-хирургической академии. Предполагалось, что их выпускницы будут заниматься акушерством и педиатрией, востребованными в условиях высокой рождаемости. Учреждение женских курсов привлекло значительное внимание: вместо запланированных 70 слушательниц в 1872 г. было принято 89, в 1876 г. – уже 130. Обучение включало дисциплины из программы Медико-хирургической академии, однако в сокращенном виде преподавались хирургия, нервные и глазные болезни, в расширенном – акушерство, гинекология и детские болезни [14, с. 46].

В 1876 г. 4-годичные курсы были преобразованы в 5-летние Женские врачебные курсы с полной программой высшего медицинского образования при Николаевском военном госпитале. С 1883 г. выпускницам курсов присваивалось звание «женщина-врач» с правом акушерской и педиатрической практики. В 1883 г. в «Российском медицинском списке» появился раздел: «Список лицам женско-

го пола, выдержавшим на медицинских курсах при Николаевском Военном госпитале экзамен на право врачебной практики в России» [17, с. 3], с 1890 г. этот раздел стал называться «Список женщин-врачей» [18, с. 293].

Воцарение Александра III и отставка Д.А. Милютин отразились на судьбе медицинских курсов. Новый военный министр П.С. Ванновский счел необоснованным существование курсов при военном ведомстве: в 1882 г. прием новых учениц прекратился, а выпуск 1887 г. стал последним [12, с. 10].

Большинство первых выпускниц медицинских курсов приступили к частной практике в крупных городах. На земской службе в 1870–1880-е гг. женщины-врачи были редким явлением – в силу бытовых и профессиональных трудностей. Размер создаваемых в то время медицинских участков был очень большим, в сельские амбулатории ежедневно обращались десятки пациентов. Кроме лечебной работы, врачи занимались закупкой дров и провизии для больниц, наймом прислуги и помещений, руководили ремонтными работами. Врачебная практика в сельской местности сопровождалась отсутствием бытовых удобств, дальними разъездами по бездорожью, сложным контингентом пациентов.

Поступление женщин-врачей на земскую службу затрудняло и ограничение на медицинскую практику, за исключением акушерства и педиатрии. В 1870–1880-х гг. в связи со становлением системы медицинских участков началось увеличение акушерского персонала [8, с. 96]. В земствах были учреждены должности фельдшерниц-акушерок, на которые привлекались как выпускницы акушерских школ, так и женщины-врачи. По словам Б.Б. Веселовского, «этот прием был земству, конечно, выгоден, так как за 480–600 руб. они пользовались услугами врача» [4, с. 368]. Так, в с. Паша Сердобского уезда в 1891–1894 гг. фельдшерницей-акушеркой работала выпускница врачебных курсов 1884 г. *Анна Григорьевна Никольская* [19, с. 264; 20, с. 309]. Таким образом, женщины-врачи пополняли ряды среднего медицинского персонала, жалование которого было в 2–3 раза меньше врачебного.

Анализ медицинских списков показывает, что, как и в целом по стране, в Саратовской

губернии первые женщины-врачи предпочитали частную практику. Так, в списке 1890 г., где впервые публиковались данные о месте службы, были упомянуты 5 вольнопрактикующих женщин-врачей (4 – в Саратове, 1 – в Кузнецком уезде) и только 1 – на земской службе [18, с. 243–250]. Появление первых женщин-врачей в Саратовском земстве пришлось на рубеж 1880–1890-х гг., что согласуется с данными других губерний [10, с. 44–67; 14, с. 46–48; 29, с. 109].

Первой женщиной-врачом, упоминаемой в земской документации, была *Варвара Игнатъевна Буховцева* – ординатор губернской земской психиатрической лечебницы и врач сиротского приюта. В 1877 г. она завершила обучение на медицинских курсах и в 1879 г. вместе с супругом И.Н. Буховцевым (назначенным заведующим домом душевнобольных) приехала в Саратовскую губернию. В том же году она возглавила саратовский приют «Ясли», где занялась медицинской помощью сиротам. В приют поступали брошенные дети, страдавшие от недоедания, врожденных пороков, инфекционных заболеваний. Их смертность в приюте в 1875–1882 гг. достигала 72 %. За 10 лет службы В.И. Буховцевой удалось добиться снижения смертности более чем в 2 раза [28, с. 101]. В 1889 г. была инициирована передача приюта земству, и Варвара Игнатъевна приняла активное участие в реорганизации приюта. На VI съезде врачей (1890) она выступила с докладом «Проект устройства системы призрения подкидышей», где обобщила опыт руководства приютом, обозначила вопросы, касающиеся не только здоровья, но и образования сирот. Она предлагала обучать неусыновленных детей ремеслам в земских училищах, детям с инвалидностью – давать максимально широкое образование, «чтобы они не нуждались в общественной благотворительности в будущем» [6, с. 86]. Когда в 1890 г. «Ясли» перешли в ведение земства, она предложила переименовать их в Губернский земский сиротский приют. В качестве заведующей приютом в 1890 г. Варвара Игнатъевна поступила на земскую службу.

В.И. Буховцевой вместе с В.Д. Ченькаевым (земским врачом и губернским гласным) были разработаны меры для охраны здоровья детей, переданных в семьи: врачебный

надзор за кормилицами и их питомцами, изменение системы усыновления. Поскольку сирот отдавали в близлежащие деревни, «питомнический промысел» стал деморализующим для местного населения. Крестьяне брали сирот в целях получения пособия от земства, не обеспечивая должного ухода. Поэтому было предложено децентрализовать питомничество: передавать детей на воспитание в дальние от Саратова деревни, при условии врачебного контроля. Эти инициативы были одобрены губернским собранием 1890 года [7, с. 136].

Результаты многолетней работы В.И. Буховцевой были высоко оценены земской комиссией, посещавшей приют в 1890 году. Осмотрев приют, в котором состояло 24 воспитанника (еще 122 находились в семьях), земская комиссия «нашла в нем образцовый порядок» [7, с. 204]. Служащим приюта была выдана премия от губернского земства.

В 1882 г. Варвара Игнатъевна подготовила пособие «Уход за грудными детьми: советы матерям женщины-врача В.И. Буховцевой» [3]. Издание было нацелено на профилактику заболеваемости грудных детей, в нем рассматривались вопросы правильного вскармливания, гигиены матери и ребенка. Образованные горожанки могли ознакомиться с содержанием книги самостоятельно, а крестьянки – через земских врачей и санитарные попечительства.

Другой сферой деятельности В.И. Буховцевой стала психиатрия. В 1885 г. в связи с открытием женского отделения земской психиатрической лечебницы она поступила туда в качестве ординатора. Таким образом, Варвара Игнатъевна совмещала должность заведующей приютом со службой в больнице, специализируясь на лечении нервных болезней. Вместе с директором лечебницы С.И. Штейнбергом ею были исследованы различные системы лечения душевнобольных в России и за рубежом, разработаны меры по усовершенствованию психиатрической помощи в губернии. В частности, рассматривалось учреждение загородного филиала лечебницы с возможностью применения трудотерапии [37].

В 1891 г. в связи с расширением психиатрической лечебницы В.И. Буховцева временно оставила руководство приютом [1,

с. 74]. В дальнейшем она вновь возглавила приют (1892–1895), продолжив исполнять обязанности ординатора психиатрической клиники, а в 1896 г. покинула Саратовскую губернию и начала частную практику в г. Ярославле, где ее муж служил врачебным инспектором [21, с. 326; 23, с. 382].

В конце 1880-х гг. в губернии появилась первая женщина-врач, работавшая в сельской местности. *Анна Ивановна Суходеева*, выпускница врачебных курсов 1887 г., приехала сюда с супругом П.Д. Суходеевым, врачом, поступившим на службу в Камышинский уезд, в с. Голый Карамыш (бывшая немецкая колония Бальцер, русифицированное название – Панцырь, сегодня – г. Красноармейск). Участок, которым заведовал П.Д. Суходеев, оказался большим, и уездное земское собрание приняло на службу А.И. Суходееву в качестве помощника врача, с окладом 720 руб. в год [15, с. 11]. Это жалование было больше фельдшерского (300 руб.), но меньше врачебного (1 500 руб.). Вдвоем супруги вели прием на участке с населением более 100 тыс. человек.

Поступлению А.И. Суходеевой на службу предшествовало согласование найма женщины-врача с саратовским врачебным инспектором: «Имея под рукою заявления от нескольких женщин-врачей о желании служить в Камышинском земстве, председатель управы получил разъяснения от саратовского врачебного инспектора, что женщины-врачи имеют те же права и обязанности во врачебной практике, как и врачи, с тою лишь разницею, что они не имеют прав государственной службы. Заручившись таким авторитетным отзывом, земская управа признала не лишним иметь в уезде, в видах опыта, хотя одну женщину-врача» [15, с. 58]. Вакансии врача для А.И. Суходеевой не нашлось, а бюджет земства не позволял учредить дополнительную врачебную должность. Анне Ивановне предложили место фельдшера в с. Голый Карамыш. Однако благодаря частным пожертвованиям были найдены средства на жалование помощника врача, и с 10 апреля 1888 г. А.И. Суходеева «вступила в отправление служебных обязанностей на правах, предоставленных ей ученой степенью» [15, с. 60].

Найм на службу женщины-врача был нововведением в Камышинском земстве.

В докладе управы осенью 1888 г. говорилось: «...г. Суходеева достаточно зарекомендовала себя личной своей деятельностью. Она уместна, как полноправная и ближайшая помощница участкового врача; отправляя с тем вместе и другие функции, г. Суходеева работает на месте в лечебнице и успевает заниматься в участках фельдшера за упразднением этой должности и фельдшерицы-акушерки за смертью последней» [15, с. 60]. Стараясь удержать женщину-врача на службе, управа внесла в смету 1889 г. жалование помощника врача Голо-Карамышского участка в размере 720 рублей. Земское собрание осенней сессии 1888 г. утвердило это предложение управы.

Основной сферой деятельности Анны Ивановны стала акушерская помощь. Родовспоможением в деревне занимались повитухи, обычно неграмотные, суеверные, не имевшие представления об анатомии и гигиене. Гласные уездного земства поручили А.И. Суходеевой обучить повивальному делу крестьянок, избранных сельскими обществами [15, с. 11]. В 1888–1889 гг. были организованы курсы для обучения 14 повитух из немецких колоний. Курс обучения длился 1 месяц, включал теоретическую часть (чтение и пересказ медицинской литературы, работу с наглядностью и фантомами) и практическую (уход за роженицами и новорожденными, измерение температуры, соблюдение асептики). Результаты обучения Анна Ивановна обобщила в докладе «Опыт обучения сельских повитух в земской лечебнице в с. Панцырь Камышинского уезда» на V губернском съезде врачей (1889). Ею были указаны социальные факторы обращаемости крестьянок к повитухам: дешевизна услуг и возможность привлечения к хозяйственным делам вместо родильницы. Однако А.И. Суходеева отмечала, что к обучившимся повитухам население стало предъявлять требование не только на родовспоможение, но и на лечение. Обученных повитух крестьяне упрекали в том, что те «чаще, чем неученые, посылают за врачом» [6, с. 53]. Констатируя не совсем удачные результаты работы, А.И. Суходеева обратилась к участникам съезда с вопросом: «Что делать?». После острых дискуссий съезд поддержал практику повивальных курсов с минимальным полугодичным сроком обучения [8, с. 97].

В 1889 г. П.Д. Суходеев был назначен думским врачом, супруги переехали в губернский город. Анна Ивановна начала частную практику, а с 1891 г. работала в приемном покое отделения Российского общества Красного Креста [1, с. 79]. В этот период она сотрудничала с земским журналом «Саратовский санитарный обзор». В 1891 г. было опубликовано 6 ее статей. Два научных обзора в № 9 были посвящены профилактике оспы. В обзоре «Постановка оспенного дела у нас и за границей» А.И. Суходеева обосновала идею введения в России обязательного оспопрививания. Ею были предложены меры по усовершенствованию производства оспенной вакцины. Она указывала на необходимость ликвидации так называемых «оспенников» и передачи вакцинации фельдшерам: «Все оспенники, прививающие вместе с телячьей лимфой флегмону, рожу и т. п., должны быть сда ны в архив, как отжившие свой век» [32, с. 249]. В статье «Восприимчивость кроликов к оспе» излагался зарубежный опыт изготовления вакцины в экстренных условиях, предлагалось использовать этот опыт в Саратовской губернии [30]. В других заметках она рассмотрела опыт санитарного законодательства в Англии; датский опыт ветеринарного контроля на производстве молока [31; 33]. Таким образом, А.И. Суходеева проявляла интерес к проблемам здравоохранения, актуальным в то время для российской глубинки. Знание иностранных языков и исследовательские навыки А.И. Суходеевой позволяли ей знакомиться с передовыми достижениями европейской медицины и транслировать их через земскую печать. На основе анализа новейшей зарубежной литературы ею были составлены обзоры о путях передачи и осложнениях кори и инфлюэнцы (гриппа) [34]. К сожалению, жизнь А.И. Суходеевой оборвалась рано: в 1892 г. она скончалась от туберкулеза легких в возрасте 33 лет [28, с. 101].

В начале 1890-х гг. вместе с супругом С.А. Харизоменовым (земским статистиком) на службе Саратовского земства состояла выпускница врачебных курсов 1882 г. *Елизавета Александровна Харизоменова*. В 1891–1892 гг. она заведовала земским сиротским приютом. Ее заметки о работе приюта публиковались в журнале «Саратовский санитар-

ный обзор». Е.А. Харизоменова проанализировала статистику заболеваемости и смертности сирот. Основным фактором высокой смертности она считала плохое здоровье сирот при поступлении в приют [36, с. 393–394]. Елизаветой Александровной был изучен зарубежный опыт медико-социальной помощи сиротам, зарубежная и российская статистика смертности в приютах. По ее мнению, детская смертность в приютах не должна была превышать среднероссийскую (26–27 %), на достижение этой цели должны были направляться все организационные мероприятия. В то же время она осознавала ограниченные возможности врачебной и организационной деятельности: «Уход за детьми, лечение их, и вся обстановка приюта имеют значение и очень большое, но только для тех детей, которые поступают в приют способными к жизни и правильному росту. Детей же, поступающих в приют с органическими пороками развития, недоношенных или пробывших 2–3 первых месяца жизни на рожке и вследствие этого крайне истощенных, никакой правильный уход и лечение не спасут от смерти» [36, с. 393]. Тем не менее Е.А. Харизоменовой были приняты меры для снижения смертности: создание 2 отделений – для здоровых и больных, с отдельным персоналом; передача максимального числа сирот в деревни; консультации деревенских кормилиц. Она отстаивала идею активного участия земских врачей в деле вскармливания детей в деревнях: «только при наблюдении за вскармливанием грудных детей на месте их жительства и можно улучшить их положение и кормление» [35, с. 219].

Помимо работы в приюте, Е.А. Харизоменова была секретарем правления «Общества саратовских санитарных врачей», регулярно выступала с докладами: «Вопросы общественной медицины и гигиены на 3-м Всероссийском съезде врачей в Санкт-Петербурге» (апрель, 1889), «Обзор сезонных изменений смертности в России» (декабрь, 1889) и т. д. [13]. В рамках работы общества в 1890 г. состоялись ее публичные лекции по гигиене детского возраста: о кровообращении, дыхании и пищеварении у новорожденных, об особенностях позвоночника, грудной клетки и нервной системы, о диететики новорожден-

ных [11, с. 15]. В 1901 г. Е.А. Харизоменова возглавила комиссию детской гигиены, изучавшую вопросы бытовой и школьной гигиены детей [16, с. 179].

В 1892 г. на должность заведующей приютом вернулась В.И. Буховцева, сменив Е.А. Харизоменову. Согласно врачебным спискам, в последующие годы Елизавета Александровна вела частную практику в Саратове [23, с. 392; 24, с. 459]. В 1907–1913 гг. она работала думским врачом [25, с. 485; 26, с. 572]. В 1914–1916 гг. Е.А. Харизоменова продолжила частную практику в Саратове [27, с. 658]. Вследствие прекращения издания медицинских списков в 1916 г. дальнейшую ее судьбу проследить не удалось.

Ввиду отсутствия учреждений высшего женского медицинского образования число женщин-врачей в 1890-е гг. почти не росло. Следовательно, прироста женщин-врачей не было и на земской службе. Так, в Саратовской губернии на рубеже 1890–1900-х гг. в земстве работало лишь 2 женщины-врача: *Анна Никифоровна Нисс-Подрезан* (выпускница женских курсов 1878 г.), врач Вольского земства, и *Неонила Алексеевна Иванова* (выпускница врачебных курсов 1887 г.), участковый врач в с. Ковыловка Аткарского уезда [22, с. 351–354; 24, с. 381–393].

Благодаря общественным инициативам в конце 1890-х гг. высшее женское медицинское образование в России было восстановлено. 14 сентября 1897 г. был открыт Санкт-Петербургский женский медицинский институт, задачей которого было «сообщать медицинское образование, преимущественно приспособленное к лечению женских и детских болезней и к акушерской деятельности» [12, с. 11]. С 1904 г. выпускницам стали присваивать звание лекаря «со всеми правами на медицинскую деятельность, исключая право чиновничества». В 1911 г. институт окончили 197 женщин, в 1912 г. в нем обучались 1 047 студенток [12, с. 11].

В начале XX в. выросло число образовательных учреждений, выпускавших женщин-врачей. В 1906 г. был открыт медицинский факультет Московских высших женских курсов, в 1907 г. – Высшие женские медицинские курсы в Киеве, в 1909 г. – Московский женский медицинский институт, в 1910 г. –

Харьковский женский медицинский институт и медицинский факультет Одесских высших женских курсов, в 1915 г. – Высшие женские курсы Саратовского санитарного общества. Благодаря развитию высшего женского медицинского образования число женщин-врачей увеличилось, часть из них пополнила ряды земских медиков.

Росту числа женщин-врачей на земской службе способствовали политические события начала XX века. Русско-японская война 1904–1905 гг. спровоцировала отток врачей-мужчин в воинские части. В ходе революции 1905–1907 гг. земские медики, состоявшие в революционных кружках, были уволены «за неблагонадежность» или арестованы. Многие медицинские участки оказались без врачебного персонала, что стимулировало прием на службу женщин. Так, в 1907 г. на службе Саратовского земства состояло 9 женщин-врачей. Из них 2 работали в губернской больнице: *Анна Петровна Людкевич* – ординатор по внутренним и детским болезням, *Марья Георгиевна Фомина* – ординатор по женским болезням. Еще 2 женщины-врача состояли ассистентами земской психиатрической больницы: *Анна Григорьевна Никольская* и *Мария Васильевна Лебедева*. Остальные заведовали медицинскими участками в сельской местности: *Антонина Ивановна Райкова* (с. Большие Копены Аткарского уезда), *Анна Романовна Фукс* (с. Верхняя Кулалинка Камышинского уезда), *Виктория Иосифовна Ендржеевская-Литвинова* (с. Краишевка Аткарского уезда), *Анна Елпидифоровна Владыкина* (с. Колояр Вольского уезда) и *Мария Станиславовна Корбановская* (с. Малая Ольховка Камышинского уезда) [25, с. 470–485].

В период Первой мировой войны женщин-врачей в земстве стало еще больше. Так, в 1916 г. на земской службе в Саратовской губернии работало 49 женщин-врачей, а всего в губернии насчитывалось 93 женщины-врача, включая земских, городских и вольнопрактикующих [27, с. 568–668].

Результаты. Учреждение Высших женских медицинских курсов в 1872 г. положило начало развитию системы высшего женского медицинского образования в России. Однако согласно делопроизводственной документации Саратовского земства и местной периодичес-

кой печати на земской службе первые женщины-врачи появились лишь в конце 1880-х гг., что согласуется с данными других земских губерний. Это было обусловлено рядом факторов: небольшим числом первых «ученых акушерок», ограничением их самостоятельной практики, трудностями врачебной деятельности в российской провинции.

Первые женщины-врачи (В.И. Буховцева, А.И. Суходеева, Е.А. Харизоменова) поступили на земскую службу в Саратовской губернии на рубеже 1880–1890-х годов. Их биографии чрезвычайно похожи: все три были выпускницами Высших женских медицинских курсов в Санкт-Петербурге, а оказались в Саратовской губернии, сопровождая супругов к месту службы. Профессиональная деятельность женщин-врачей изначально ограничивалась педиатрией и акушерством, однако назначение В.И. Буховцевой на должность ординатора земской психиатрической лечебницы, а также рассмотрение Камышинским земством кандидатуры А.И. Суходеевой для замещения вакансии участкового врача демонстрируют смягчение ограничений в профессиональной деятельности женщин-врачей.

Первые женщины-врачи сыграли важную роль в работе земской медицинской организации Саратовской губернии, проявив исследовательские и организаторские способности. Об этом свидетельствует многолетний опыт руководства земским приютом В.И. Буховцевой, ее участие в работе съездов врачей, подготовка пособия по уходу за грудными детьми и доклада по вопросам психиатрии; организация акушерских курсов и научно-публикационная деятельность в земской печати А.И. Суходеевой; активная деятельность Е.А. Харизоменовой в земском сиротском приюте и в «Обществе саратовских санитарных врачей». Кроме того, В.И. Буховцева, А.И. Суходеева и Е.А. Харизоменова на рубеже 1880–1890-х гг. участвовали в работе Физико-медицинского общества г. Саратова [1, с. 85].

Опыт работы первых женщин-врачей на службе Саратовского земства демонстрирует, что их профессиональная деятельность являлась проявлением активной гражданской позиции, стремления усовершенствовать систему здравоохранения, повлиять на соци-

альные факторы заболеваемости. Успешные результаты в медико-социальном обеспечении детей-сирот, инициативы в сфере повивального дела демонстрировали востребованность женщин-врачей в педиатрии и акушерстве. Увеличение числа женщин-врачей в результате развития системы высшего женского медицинского образования, расширение их профессиональных компетенций, а также политические события начала XX в. привели к значительному росту числа женщин-врачей на земской службе в 1900–1910-е годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адрес-календарь Саратовской губернии на 1891 г. Саратов: Тип. губернского правления, 1891. 126 с.
2. Богачева О. А. Половые различия в проявлении эмпатии у медицинских работников // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. II, № 2. С. 263–267.
3. Буховцева В. И. Уход за грудными детьми: советы матерям женщины-врача В. И. Буховцевой. Саратов: Тип. уездной земской управы, 1882. 90 с.
4. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет. Т. 1. СПб.: Изд-во О. Н. Поповой, 1909. 724 с.
5. Groшев И. В. Профессиональные и личные качества врачей-мужчин и врачей-женщин // Врач. 2011. № 13. С. 65–69.
6. Губернские съезды и совещания земских врачей и представителей земских управ Саратовской губернии в 1876–1894 гг. Саратов: Тип. губернского земства, 1903. 88 с.
7. Журналы Саратовского XXV очередного губернского земского собрания 1890 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. 323 с.
8. Киценко О. С., Киценко Р. Н. Вопросы охраны материнства и детства в земской врачебной практике конца XIX – начала XX в. (на материалах Саратовской губернии) // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 94–103.
9. Ковалева М. Д. Женщины в медицине. Волгоград: Изд-во ВолгГМУ, 2004. 216 с.
10. Кувалдина Т. В. Первые женщины-врачи в Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX века (к истории женского медицинского образования в России). Тамбов: Студия печати Г. Золотовой, 2021. 102 с.
11. Кушев Н. Е. Медицина и врачи г. Саратова в 19-м столетии: доклад на годичном заседании физико-математического общества // Отдельный оттиск из журнала «Медицинское обозрение Нижнего Поволжья» за 1929 г. № 7–8. 16 с.

12. Марголин Д. С. Вадемекум по высшему женскому образованию: полный сборник правил приема и программа всех высших женских общеобразовательных, специальных и профессиональных, правительственных, общественных и частных учебных заведений в России. Киев: И.И. Самоненко, 1915. 304 с.

13. Общий очерк деятельности Общества саратовских санитарных врачей с мая 1886 г. по 1 января 1893 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1893. 55 с.

14. Островкин Д. Л., Черноухов Э. А. Первые женщины-врачи на земской службе в Пермской губернии // Гендерные аспекты социогуманитарного знания – III. Пермь, 2013. С. 45–49.

15. Постановления Камышинского очередного уездного земского собрания с 4 по 7 октября 1888 г.: с приложением докладов управы, сметы и раскладки на 1889 год. Камышин: Тип. Шлегель, 1889. 250 с.

16. Райкова С. В., Завьялов А. И., Луцевич И. Н., Мясникова И. В. Научно-практический вклад общества санитарных врачей в развитие здравоохранения и становление санитарной службы в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7, № 1. С. 176–181.

17. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1883 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1883. 710 с.

18. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1890 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1890. 496 с.

19. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1891 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1891. 478 с.

20. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1894 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1894. 583 с.

21. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1896 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1896. 603 с.

22. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1898 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1898. 614 с.

23. Российский медицинский список, изданный Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1900 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1900. 615 с.

24. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспек-

тора Министерства внутренних дел на 1906 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1906. 828 с.

25. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1907 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1907. 854 с.

26. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1913 г. СПб.: Тип. М-ва внутр. дел, 1913. 921 с.

27. Российский медицинский список, изданный Управлением Главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1916 г. Петроград: Тип. М-ва внутр. дел, 1916. 1220 с.

28. Руднева Я. Б. Из истории высшего женского образования в Российской империи во второй половине XIX – начале XX века (по материалам Казанского учебного округа) // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2012. Т. 12, вып. 3. С. 99–107.

29. Сафронова М. О. Женщины-врачи на земской службе в Тульской губернии в конце XIX – начале XX в. // Заметки ученого. 2019. № 5 (39). С. 108–112.

30. Суходеева А. И. Восприимчивость кроликов к оспе // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 257–258.

31. Суходеева А. И. Молочное дело в Дании // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 541.

32. Суходеева А. И. Постановка оспенного дела у нас и за границей // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 246–249.

33. Суходеева А. И. Результаты санитарных работ в Англии // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 505–506.

34. Суходеева А. И. Условия заразительности кори // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 599.

35. Харизоменова Е. А. Ведомость о движении сиротских детей, содержащихся Саратовским губернским земством в марте 1891 г. // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 218–219.

36. Харизоменова Е. А. Ведомость о движении сиротских детей, содержащихся Саратовским губернским земством в мае 1890 г. // Приложение к № 24 «Саратовского санитарного обзора» 1891 г. Саратов: Тип. губернского земства, 1891. С. 392–395.

37. Штейнберг С. И., Буховцева В. И. Доклад о различных системах призрения и лечения душевнобольных и о наилучшем способе разрешения

этого вопроса Саратовским земством. Саратов: Тип. губернского земства, 1888. 117 с.

REFERENCES

1. *Adres-kalendar Saratovskoi gubernii na 1891 g.* [Address-Calendar of the Saratov Province for 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo pravleniia, 1891. 126 p.

2. Bogacheva O.A. Polovye razlichiiia v proiavlenii empatii u meditsinskikh rabotnikov [Gender Differences in the Expression of Empathy in Healthcare Providers]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 2012, vol. 2, iss. 2, pp. 263-267.

3. Bukhovtseva V.I. *Ukhod za grudnymi detmi: soveti materiam zhenshchiny-vracha V.I. Bukhovtsevoi* [Nursing Infants: Advice for Mothers of a Woman Doctor V.I. Bukhovtseva]. Saratov, Tip. uezdnoi zemskoi upravu, 1882. 90 p.

4. Veselovskii B.B. *Istoriia zemstva za sorok let. T. 1* [Zemstvo History for Forty Years. Vol. 1]. Saint Petersburg, Izd-vo O.N. Popovoi, 1909. 724 p.

5. Groshev I.V. Professionalnye i lichnostnye kachestva vrachei-muzhchin i vrachei-zhenshchin [Professional and Personal Qualities of Male and Female Doctors]. *Vrach* [The Doctor], 2011, no. 13, pp. 65-69.

6. *Gubernskie sieezdy i soveshchaniia zemskikh vrachei i predstavitelei zemskikh uprav Saratovskoi gubernii v 1876–1894 gg.* [Provincial Congresses and Meetings of Zemstvo Doctors and Representatives of Zemstvo Councils of the Saratov Province in 1876–1894]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1903. 88 p.

7. *Zhurnaly Saratovskogo XXV ocherednogo gubernskogo zemskogo sobraniia 1890 g.* [Journals of the Saratov 25th Regular Provincial Zemstvo Assembly of 1890]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891. 323 p.

8. Kitsenko O.S., Kitsenko R.N. Voprosy okhrany materinstva i detstva v zemskoi vrachebnoi praktike kontsa XIX – nachala XX v. (na materialakh Saratovskoi gubernii) [The Issues of Maternity and Childhood Protection in The Zemstvo Medical Practice in The Late 19th – Early 20th C. (On The Materials of Saratov Region)]. *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve* [Woman in Russian Society], 2021, no. 1, pp. 94-103.

9. Kovaleva M.D. *Zhenshchiny v meditsine* [Women in Medicine]. Volgograd, Izd-vo VolgGMU, 2004. 216 p.

10. Kuvaldina T.V. *Pervye zhenshchiny-vrachi v Tambovskoi gubernii v konce XIX – nachale XX veka (k istorii zhenskogo medicinskogo obrazovaniya v Rosii)* [The First Female Doctors in

The Tambov Province in The Late 19th – Early 20th Centuries (On The History of Female Medical Education in Russia)]. Tambov, Studiia pechati G. Zolotovoi, 2021. 102 p.

11. Kushev N.E. *Meditsina i vrachi g. Saratova v 19-m stoletii: doklad na godichnom zasedanii fiziko-matematicheskogo obshchestva* [Medicine and Doctors of Saratov in The 19th Century. Report at The Annual Meeting of the Physics and Mathematics Society]. *Otdelnyi ottisk iz zhurnala «Meditsinskoe obozrenie Nizhnego Povolzhia» za 1929 g.* [A Special Reprint from The Journal “Medical Review of the Lower Volga Region” for 1929], no. 7-8. 16 p.

12. Margolin D.S. *Vademekum po vysshemu zhenskomu obrazovaniuu: polnyi sbornik pravil priema i programma vsekh vysshikh zhenskikh obshcheobrazovatelnykh, spetsialnykh i professionalnykh, pravitelstvennykh, obshchestvennykh i chastnykh uchebnykh zavedenii v Rossii* [Vademecum on Higher Education for Women: A Complete Collection of Admission Rules and The Program of All Higher Female General Education, Special and Professional, Government, Public and Private Educational Institutions in Russia]. Kiev, I.I. Samonenko, 1915. 304 p.

13. *Obshchii ocherk deiatelnosti Obshchestva saratovskikh sanitarnykh vrachei s maia 1886 g. po 1 ianvaria 1893 g.* [General Review of the Activities of the Society of Saratov Sanitary Physicians from May 1886 to January 1, 1893]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1893. 55 p.

14. Ostrovkin D.L. Chernoukhov E.A. *Pervye zhenshchiny-vrachi na zemskoi sluzhbe v Permskoi gubernii* [The First Female Doctors in The Zemstvo Service in The Perm Province]. *Gendernye aspekty sotsiogumanitarnogo znaniya – III* [Gender Aspects of Socio-Humanitarian Knowledge – III]. Perm, 2013, pp. 45-49.

15. *Postanovleniia Kamyshinskogo ocherednogo uezdnogo zemskogo sobraniia s 4 po 7 oktiabria 1888 g.: s prilozheniem dokladov upravu, smety i raskladki na 1889 god* [Resolutions of the Kamyshin Regular District Zemstvo Assembly Since 4 To 7 October 1888: With The Councils Reports, Estimates and Layouts for 1889]. Kamyshin, Tip. Shlegel, 1889. 250 p.

16. Raikova S.V., Zavialov A.I., Lutsevich I.N., Miasnikova I.V. *Nauchno-prakticheskii vklad obshchestva sanitarnykh vrachei v razvitie zdavoookhraneniia i stanovlenie sanitarnoi sluzhby v Saratovskoi gubernii v kontse XIX – nachale XX veka* [Scientific and Practical Contribution of the Society of Sanitary Doctors to The Development of Healthcare and The Formation of the Sanitary Service in The Saratov Province in The Late 19th – Early 20th Century]. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 2011, vol. 7, iss. 1, pp. 176-181.

17. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1883 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1883]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1883. 710 p.

18. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1890 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1890]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1890. 496 p.

19. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1891 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1891]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1891. 478 p.

20. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1894 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1894]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1894. 583 p.

21. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1896 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1896]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1896. 603 p.

22. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1898 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1898]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1898. 614 p.

23. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Meditsinskim departamentom Ministerstva vnutrennikh del na 1900 g.* [The Russian Medical List, Published by the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs for 1900]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1900. 615 p.

24. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Upravleniem Glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del na 1906 g.* [The Russian Medical List, Published by the Office of the Chief Medical Inspector of the Ministry of Internal Affairs for 1906]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1906. 828 p.

25. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Upravleniem Glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del na 1907 g.* [The Russian Medical List, Published by the Office of the Chief Medical Inspector of the Ministry of Internal Affairs for 1907]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1907. 854 p.

26. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Upravleniem Glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del na 1913 g.* [The Russian Medical List, Published by the Office of the Chief Medical Inspector of the Ministry of Internal Affairs for 1906]. Saint Petersburg, Tip. M-va vnutr. del, 1913. 921 p.

27. *Rossiiskii meditsinskii spisok, izdannyi Upravleniem Glavnogo vrachebnogo inspektora Ministerstva vnutrennikh del na 1916 g.* [The Russian Medical List, Published by the Office of the Chief Medical Inspector of the Ministry of Internal Affairs for 1916]. Petrograd, Tip. M-va vnutr. del, 1916. 1220 p.

28. Rudneva Ia.B. Iz istorii vysshego zhenskogo obrazovaniia v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka (po materialam Kazanskogo uchebnogo okruga) [From the History of Higher Women's Education in the Russian Empire in the Second Half of the 19th – Early 20th Century (Based On the Materials of the Kazan Educational District)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Seriiia «Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia»* [Izvestiya of Saratov University. History. International Relations], 2012, vol. 12, iss. 3, pp. 99-107.

29. Safronova M.O. *Zhenshchiny-vrachi na zemskoj sluzhbe v Tul'skoi gubernii v konce XIX – nachale XX v.* [Female Doctors in the Zemstvo Service in the Tula Province in the Late 19th – Early 20th Centuries]. *Zametki uchyonogo* [Scientist's Notes], 2019, no. 5 (39), pp. 108-112.

30. Sukhodeeva A.I. Vospriimchivost krolikov k ospe [Susceptibility of Rabbits to Smallpox]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, pp. 257-258.

31. Sukhodeeva A.I. Molochnoe delo v Danii [Dairy Business in Denmark]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, p. 541.

32. Sukhodeeva A.I. Postanovka ospennogo dela u nas i za granitsej [Smallpox Vaccination Here and Abroad]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, pp. 246-249.

33. Sukhodeeva A.I. Rezultaty sanitarnykh rabot v Anglii [Results of Sanitary Works in England]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, pp. 505-506.

34. Sukhodeeva A.I. Usloviia zarazitelnosti kori [Conditions of Measles Contagiousness]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.*

[Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, p. 599.

35. Kharizomenova E.A. Vedomost o dvizhenii sirotskikh detei, sodержimykh Saratovskim gubernskim zemstvom v marte 1891 g. [Statement on the Movement of Orphan Children Kept by The Saratov Provincial Zemstvo in March 1891]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, pp. 218-219.

36. Kharizomenova E.A. Vedomost o dvizhenii sirotskikh detei, sodержimykh Saratovskim gubernskim

zemstvom v mae 1890 g. [Statement on the Movement of Orphan Children Kept by The Saratov Provincial Zemstvo in March 1891]. *Prilozhenie k № 24 «Saratovskogo sanitarnogo obzora» 1891 g.* [Appendix to No. 24 of the Saratov Sanitary Review, 1891]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1891, pp. 392-395.

37. Shtejnberg S.I. *Doklad o razlichnyh sistemah prizreniya i lecheniya dushevnobolnyh i o nailuchshem sposobe razresheniya etogo voprosa Saratovskim zemstvom* [Report on Various Systems of Charity and Treatment of the Mentally Ill and On the Best Way to Resolve This Issue by the Saratov Zemstvo]. Saratov, Tip. gubernskogo zemstva, 1888. 117 p.

Information About the Authors

Olga S. Kitsenko, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and Cultural Science, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, olga_kicenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-2238>

Roman N. Kitsenko, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of History and Cultural Science, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russian Federation, krn27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-0512>

Информация об авторах

Ольга Сергеевна Киценко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, olga_kicenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5015-2238>

Роман Николаевич Киценко, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и культурологии, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Российская Федерация, krn27@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9192-0512>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.10>

UDC 94(470)«1909/1914»
LBC 63.3(2)5

Submitted: 26.01.2023
Accepted: 20.02.2023

**CHRISTIAN SECTARIANS IN THE CIVIL SERVICE IN 1909–1914:
ON THE ISSUE OF THE ADMISSION OF MENNONITES AND MOLOKANS
TO THE POSTAL AND TELEGRAPH SERVICE**

Olga Yu. Redkina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Tatjana P. Nazarova

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The relevance of the research topic is due to the weak elaboration in the works of modern historians of the problem of participation in civil service in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century of representatives of non-Orthodox Christian denominations (Mennonites and Molokans). *Methods and materials.* The article presents correspondence of the Main Directorate of Posts and Telegraphs of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire on the issue of admission to the postal and telegraph service of Molokans and Mennonites in 1909–1914. This set of documents reflects the practical implementation of the principle of freedom of conscience in the Russian Empire during the period of gradual abandonment of civil rights and freedoms declared in the course of the Revolution of 1905. The documents also record the transformations that took place in the worldview of Mennonites and Molokans. The research uses historical-comparative, problem-chronological methods, methods of archeography and historical source studies. *Analysis.* The purpose of the article was to identify the attitude of state bodies to the admission to the civil service (on the example of the postal and telegraph department) of candidates from among sectarians (Mennonites and Molokans) after the revolution of 1905–1907. An active liberal reform of the Russian religious legislation there was in 1905–1912. However, the religious factor continued playing a role in entering the civil service. The documents reflect the negative attitude towards the admission of sectarians (primarily Molokans) to the civil service of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church and the Department for Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs. They focused on the anti-state tenets of the Molokan creed. The management of the Main Directorate of Posts and Telegraphs in 1914 decided to ban Molokans from taking positions in the postal and telegraph department. It is noted that in the Mennonite ethnocoalition, a revision of the attitude to family and marriage, to the role of women, to civil service begins. Molokans at the beginning of the twentieth century also rejected some tenets of faith, in particular, pacifism and denial of the state oath. *Authors' contribution.* O.Yu. Redkina identified and prepared archival documents for publication, conducted a historical source and archeographic description. T.P. Nazarova considered the transformation in the worldview of Mennonites and Molokans at the beginning of the twentieth century, their attitude to civil service, to the position of women in the family and society.

Key words: Russian Empire, civil service, Mennonites, Molokans, sectarians, state-confessional relations, postal and telegraph service.

Citation. Redkina O. Yu., Nazarova T.P. Christian Sectarians in the Civil Service in 1909–1914: On the Issue of the Admission of Mennonites and Molokans to the Postal and Telegraph Service. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 114-124. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.10>

ХРИСТИАНСКИЕ СЕКТАНТЫ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В 1909–1914 гг.: К ВОПРОСУ О ПРИЕМЕ НА ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНУЮ СЛУЖБУ МЕННОНИТОВ И МОЛОКАН

Ольга Юрьевна Редькина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Татьяна Павловна Назарова

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Актуальность темы исследования обусловлена слабой разработанностью в трудах современных историков проблемы участия в государственной службе в Российской империи в начале XX в. представителей неправославных христианских конфессий. Источниковой базой исследования послужили переписка и документация Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел Российской империи (ГУПиТ) по вопросу о приеме на почтово-телеграфную службу молокан и меннонитов в 1909–1914 годах. Данный комплекс документов отражает реализацию на практике принципа свободы совести в Российской империи в период частичного ограничения дарованных населению в ходе революции 1905–1907 гг. прав и свобод; открывает новые страницы в истории государственной службы женщин, представителей протестантских конфессий. Документы также фиксируют происходившие трансформации в мировоззрении меннонитов и молокан. В исследовании использованы историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы, методы археографии и исторического источниковедения. Целью статьи стало выявление отношения государственных органов к приему на государственную службу (на примере почтово-телеграфного ведомства) кандидатов из среды сектантов (меннонитов и молокан) после революции 1905–1907 годов. Реформирование российского вероисповедного законодательства в либеральном духе шло активно в 1905–1912 годах. Однако на практике сектанты продолжали оставаться неравноправными с православными. В документах отражено негативное отношение к приему на государственную службу сектантов (в первую очередь молокан) Святейшего Синода Русской Православной Церкви и Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел. Руководство ГУПиТ в 1914 г. приняло решение о запрете принимать молокан на должности в почтово-телеграфном ведомстве. Отмечается, что в этноконфессии меннонитов начинается пересмотр отношения к семье и браку, к роли женщины, к государственной службе. Молокане в начале XX в. также отказывались от некоторых догматов веры, в частности, пацифизма и отрицания государственной присяги. *Вклад авторов.* О.Ю. Редькина выявила и подготовила архивные документы к публикации, провела историческое, источниковедческое и археографическое описание. Т.П. Назарова рассмотрела трансформацию в мировоззрении меннонитов и молокан в начале XX в., их отношение к государственной службе, к положению женщин в семье и обществе.

Ключевые слова: Российская империя, государственная служба, меннониты, молокане, сектанты, государственно-конфессиональные отношения, почтово-телеграфная служба.

Цитирование. Редькина О. Ю., Назарова Т. П. Христианские сектанты на государственной службе в 1909–1914 гг.: к вопросу о приеме на почтово-телеграфную службу меннонитов и молокан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 114–124. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.10>

Введение. Государственно-конфессиональные отношения в Российской империи в начале XX в. являются одной из наиболее изученных проблем в трудах современных историков [1; 3; 4; 5; 7]. Однако вопрос о доступности государственной службы для представителей неправославных христианских кон-

фессий в начале XX в. остается мало исследованным до настоящего времени. Особый интерес представляет правоприменительная практика российского чиновничества на местах в отношении приема на государственную службу христианских сектантов. Зачастую внутренние инструкции и циркуляры в рамках

конкретного ведомства лучше отражали реальное состояние дел в области доступности государственной службы для лиц разных конфессий, чем декларируемые в публичном пространстве принципы свободы совести. Поэтому целью исследования стало выявление отношения государственных органов к приему на государственную службу (на примере почтово-телеграфного ведомства) кандидатов из среды сектантов (меннонитов и молокан) после революции 1905–1907 годов. Хронологические рамки исследования определяются содержанием документов, которые свидетельствуют о различных подходах в практике трудоустройства сектантов в должности служащих почтово-телеграфного ведомства в 1909–1914 годах.

Методы и материалы. В Российском государственном историческом архиве в фонде Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел (ф. 1289) сохранилось уникальное «Дело о приеме на почтово-телеграфную службу молокан, меннонитов и прочих» (18 ноября 1911 г. – 13 сентября 1914 г.). В нем содержится переписка представителей государственных структур и претендентов на должности служащих почтово-телеграфного ведомства (неправославных по вероисповеданию), столкнувшихся с отказами в принятии на службу. Препятствием в положительном решении данной проблемы стала религиозная принадлежность кандидатов. Данный комплекс документов отражает реальное отношение властей к проблемам равенства граждан перед законом, реализацию на практике принципа свободы совести в Российской империи в период фактического ограничения объявленных в ходе революции 1905–1907 гг. гражданских прав и свобод; открывает новые страницы в истории меннонитов и молокан в России, государственной службы женщин.

При изучении делопроизводственной документации Главного управления почт и телеграфов Министерства внутренних дел Российской империи были применены историко-сравнительный, проблемно-хронологический методы, позволившие выявить сохранение ограничений при приеме на государственную службу, несмотря на либерализацию российского вероисповедного законодательства.

Использовались методы археографии и исторического источниковедения. Документы публикуются впервые, без сокращений, с сохранением всех помет, так как именно в них зачастую выражалось отношение руководства ГУПиТ к существу вопроса. В оригиналах документов некоторые места подчеркнуты. Эти подчеркивания в публикации сохранены. Текст документов публикуется в современной орфографии. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Анализ. В начале XX в. почтово-телеграфная служба Российской империи находилась в структуре Министерства внутренних дел (далее – МВД). Существовали определенные правила при приеме на работу почтово-телеграфных служащих: учитывались уровень образования, физическое состояние, безупречное поведение, нравственный облик соискателя. При нехватке служащих образовательный ценз для мужчин иногда мог быть понижен, для женщин же он всегда оставался высоким. Женщины, как правило, работали телефонистками, выполняли почтовые операции. От них требовали знание русского, немецкого, французского языков, географии, арифметики. Начиная с 1900 г. женщины должны были предоставлять документы об образовании, полученном в гимназиях (не менее 4 классов), епархиальных училищах, других соответствующих им учебных заведениях. При приеме на работу отдавалось предпочтение незамужним девушкам, бездетным вдовам. До 1908 г. сотрудницы почтово-телеграфных контор могли вступать в брак с разрешения начальства исключительно с представителями своего ведомства, чтобы в случае необходимости муж мог заменить супругу на службе. Позже стал разрешаться брак с лицами других профессий [12, с. 148–149]. Однако на практике это ограничение, согласно документам, представленным ниже, продолжало действовать и в 1910–1911 годах. Решение об исключении из этого правила принималось лично начальником ГУПиТ (см. документы № 1–3).

Иногда от кандидатов на вакантные места в почтово-телеграфные конторы требовалась характеристика от местных властей о благонадежности, хорошем поведении (трезвости), высоких моральных качествах. Преимущество среди желающих поступить на

службу имели совершеннолетние дети чиновников почтово-телеграфного ведомства. Кроме того, охотно принимали в штат отставных военных. Служащие были обязаны принести присягу, дать подписку о сохранении почтовой и телеграфной тайны [12, с. 146]. Присяга свидетельствовала о лояльности чиновников государственному строю, что оставалось важным требованием в условиях общественно-политических потрясений начала XX века.

Документы, представленные ниже, доказывают, что в 1911–1914 гг. сохранился еще один фактор, влиявший на практику формирования штата почтово-телеграфных учреждений России – вероисповедная принадлежность кандидата на должность служащего.

Российская империя в начале XX в. была поликонфессиональным государством. Православная церковь в ней признавалась господствующей. К числу «терпимых» иностранных христианских исповеданий российское законодательство относило римско-католическое, протестантское (евангелическо-лютеранское, евангелическо-аугсбургское, евангелическо-реформатское, меннонитское и др.), армяно-грегорианское [11, с. 171]. Вместе с тем существовали дискриминируемые и «гонимые» исповедания: вышедшие из Православной церкви, не принявшие церковной реформы Патриарха Никона староверы; сектанты (молокане, духоборы и др.), дававшие свою трактовку христианским догматам и таинствам. Термин «секты» вполне официально применялся в дореволюционный период к течениям, созданным русскими религиозными «диссидентами», а также к протестантам (баптистам, евангельским христианам и пр.). В делопроизводительной документации чиновники иногда называли «сектантами» и меннонитов. Многие сектанты имели компактные районы проживания, в основном в Новороссии, Поволжье, Закавказье, Сибири, Дальнем Востоке [2, с. 433–436; 4; 6].

Под влиянием революционных событий в начале XX в. начинается либерализация российского вероисповедного законодательства. Указ «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. разрешал переход из православия в другую христианскую веру; было установлено различие между тремя категориями исповеданий, ранее именовавшихся в законодательстве «расколом»: старообрядчес-

кие согласия и сектантство были приравнены к терпимым инославным исповеданиям в Российской империи; третья категория – «последователи изуверных учений», должны были преследоваться по закону [14, с. 257]. Для старообрядцев и сектантов были облегчены правила строительства, ремонта и закрытия молитвенных домов, которые приравнивались отныне по статусу к культовым сооружениям легальных инославных исповеданий; расширены права духовных лиц старообрядцев и сектантов и т. д. [8, с. 135–137]. Старообрядцы и сектанты уравнивались в правах с православными при поступлении на государственную службу (см. документ № 5) [13, с. 206].

В дальнейшем также предпринимались меры по облегчению положения старообрядцев и сектантов. Правительством П.А. Столыпина и Государственной Думой (1906–1912 гг.) разрабатывались новые законопроекты в вероисповедной сфере в либеральном духе. Смягчение законодательства, по мнению Д.И. Фролова, привело к тому, что период 1905–1917 гг. можно считать эпохой возрождения для молокан [15, с. 134].

Однако уже в 1912 г. начинается стагнация в попытках нормализовать российское законодательство, утвердив принципы равенства всех граждан перед законом, независимо от вероисповедной принадлежности, равенства конфессий в государстве и т. д. По мнению М.И. Одинцова, это было связано с консервативными настроениями в верхних эшелонах власти, выступавших против изменений в государственно-церковной политике [8, с. 20–27]. Такая точка зрения политического руководства страны не могла не отразиться на правоприменительной практике российского чиновничества на местах. Об этом свидетельствует и анализ опубликованных в конце статьи документов.

«Дело о приеме на почтово-телеграфную службу молокан, меннонитов и прочих. 18 ноября 1911 г. – 13 сентября 1914 г.» можно условно разделить на две части: переписка о приеме на должность чиновника IV разряда (телефонистки) Екатеринославского почтово-телеграфного округа меннонитки Е.Я. Нибур; и приеме на службу почтальоном Омского почтово-телеграфного округа молоканина Ф.К. Семилетова.

Меннониты, приглашенные в числе иностранных колонистов Екатериной II для обустройства высокорентабельных сельских поселений в Новороссии, поселились в Екатеринославской губернии с 1789 года. По переписи 1897 г. в Екатеринославской губернии проживало 23 922 меннонита [2, с. 90–91]. Во второй половине XIX в. меннониты проживали, кроме Новороссии, в Крыму, на Кубани, Дону, Северном Кавказе, Южном Урале, в Поволжье и др. В Уставе об Управлении духовных дел христиан протестантского исповедания, изданном в 1896 г., ст. 1104 и 1105 подтверждали меннонитам данное при переселении право свободно исповедовать их веру [9, с. 84–85].

Русским властям был хорошо известен образ жизни меннонитов, проживавших в основном в сельской местности замкнутым этноконфессиональным сообществом. Меннониты, согласно их вере, вступали в брак только с единоверцами. Переписка с руководством почтово-телеграфного ведомства меннонитки Елены Нибур свидетельствует об определенных трансформациях традиционного уклада меннонитов в начале XX века. Меннониты стремились дистанцироваться от государственной службы (отказывались приносить присягу), были убежденными пацифистами. Женщины в меннонитских общинах имели достаточно высокий статус, однако их социальная роль определялась религиозной традицией – быть женой и матерью. В документах дела Е.Я. Нибур предстает самостоятельной молодой женщиной (27 лет) с хорошим образованием (была учительницей начальных училищ), которая ушла от мужа, но не вернулась в семью родителей (проживали в г. Александровск), сумела самостоятельно обеспечить себя. Она поступила на службу телефонисткой в отделение г. Кременчуг Полтавской губернии 7 ноября 1909 г. и проработала там около года – до 16 сентября 1910 года. Официально расторгнуть брак с мужем она не могла из-за отсутствия такой практики в меннонитском сообществе, соответственно не могла повторно вступить в брак, пока жив ее муж. Семейные обстоятельства (болезнь родителей) заставили ее сначала временно уволиться со службы, позже – ходатайствовать о возвращении на работу телефонисткой. Однако

возникло препятствие: новая инструкция требовала принимать на службу замужних женщин – только жен чиновников почтово-телеграфного ведомства. Решить, в виде исключения, этот вопрос мог только Начальник ГУПиТ М.П. Севастьянов. Начальник Екатеринославского почтово-телеграфного округа на запрос руководства дал хорошую характеристику Е.И. Нибур и был готов вновь взять ее на работу. Тем не менее М.П. Севастьянов, рассмотрев обстоятельства дела, наложил резолюцию: «Такие прецеденты для телефонной службы я бы допустил, но сектантку допускать не следует» (документ № 2). Таким образом, вероисповедная принадлежность сыграла негативную роль в трудоустройстве на государственную службу молодой женщины, отказавшейся от традиционного меннонитского образа жизни. Данный трудовой конфликт 1911 г. явно свидетельствовал об ужесточении критериев отбора неправославных верующих при поступлении на государственную службу по сравнению с 1908–1910 гг., когда российская политическая элита вела дискуссии по вероисповедным законопроектам.

Вероисповедный фактор стал определяющим и в деле Федора Константиновича Семилетова, крестьянина по сословной принадлежности, ефрейтора в отставке, молоканина по вероисповеданию. Молокане исповедовали веру «в духе и истине», признавали крещение Святым Духом; отвергали некоторые таинства, почитание креста, икон, святых; изначально были убежденными пацифистами, стремились избежать военной службы, принесения присяги, как дел не разрешенных Св. Писанием.

Ф.К. Семилетов был зачислен 13 апреля 1914 г. почтальоном в штат Омского почтово-телеграфного округа. Однако при принятии присяги в Пророко-Ильинской церкви г. Омска он отказался целовать крест, ссылаясь на свою веру. В результате, согласно заключению Омской духовной консистории от 27 апреля 1914 г., присяга была признана недействительной. Приказом по Омскому почтово-телеграфному округу от 3 мая 1914 г. за № 78 Ф.К. Семилетов был отчислен с должности почтальона. Такое отношение вызвало негодование Ф.К. Семилетова, который принес

присягу без целования креста на военной службе (сектанты могли произносить торжественное обещание), и она была признана действительной. Кроме того, по его заявлению, в Омском округе молокане служили чиновниками, и их никто не увольнял. Ф.К. Семилетов обратился с просьбой исправить допущенную по отношению к нему несправедливость к императору Николаю II (см. документ № 4), собиравшись направить жалобу к председателям Государственного Совета и Государственной Думы [10, л. 10, 13].

Дело разбиралось в ГУПиТ в июне 1914 года. При этом было учтено секретное определение Святейшего Синода Православной церкви, который признал молоканскую секту «наиболее вредной в церковном и государственном отношении», предлагал не принимать молокан на государственную службу [10, л. 11]. Исключения из этого правила могли быть допущены только в случае крайней необходимости и только с разрешения императора [10, л. 11 об.]. Важнейшим государственным органом, который реализовывал вероисповедную политику, был Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД (далее – Департамента духовных дел) [13, с. 207–208]. В связи с этим руководство ГУПиТ приняло во внимание разъяснение Департамента духовных дел, который в 1909 г. рекомендовал относиться с осторожностью к привлечению сектантов на вакантные места в почтово-телеграфном ведомстве (см. документ № 5). Особенно был нежелателен прием на службу молокан ввиду «противоправительственного характера их вероучения» [10, л. 12].

ГУПиТ известило Ф.К. Семилетова 29 июня 1914 г. об отказе в восстановлении в должности почтальона, без какого-либо разъяснения [10, л. 12 об.]. Не помогло положительно решить трудовой конфликт и ходатайство Акмолинского губернатора, к которому Ф.К. Семилетов обратился за помощью [10, л. 14]. В сентябре 1914 г. всем на-

чальникам почтово-телеграфных округов был разослан специальный циркуляр начальника ГУПиТ по вопросу о приеме на работу старообрядцев и сектантов, который ограничивал их права (см. документ № 6).

Результаты. Завершая обзор переписки ГУПиТ по вопросу о принятии на службу меннонитов и молокан, можно констатировать, что она открывает нам еще одну малоизученную страницу в сложных государственно-конфессиональных отношениях в Российской империи в условиях спада революционного движения, накануне Первой мировой войны. Делопроизводственные документы ГУПиТ свидетельствуют о том, что конфессиональная принадлежность играла важную роль при приеме на службу. Доказана эволюция отношения руководства ведомства к трудоустройству сектантов на должности служащих: в 1909–1910 гг. такая служба была возможной, в 1911–1914 гг. – соискатели получали отказ из-за вероисповедной принадлежности. Негативная точка зрения по отношению к сектантам руководства ГУПиТ формировалась под влиянием Департамента духовных дел иностранных исповеданий и Святейшего Синода Православной церкви. При этом не делалось различий между разными группами сектантов: меннониты, состоящие на хорошем счету у власти и не занимающиеся прозелитизмом, всегда проявлявшие верноподданнические чувства, страдали в этом плане не меньше, чем молокане, признанные Департаментом духовных дел и Святейшим Синодом Православной церкви «наиболее вредной сектой» из-за антигосударственных идей в их вероучении.

Выявленные конфликтные ситуации свидетельствовали о явном отходе государственных структур от декларированного властями в 1905 г. принципа свободы совести в общественно-политической сфере. На практике в Российской империи продолжало сохраняться неравенство граждан в правах, в зависимости от вероисповедной принадлежности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Письмо Елены Яковлевны Нибур Начальнику Главного управления Почт
и Телеграфов 16 ноября 1911 г.

18 ноя[бря] 1911 (штамп)
68564 (штамп)
2.533 (надпись от руки)
3 отд[еление] 2 стол 2 (штамп)

Его Превосходительству Господину Начальнику Главного Управления
Почт и Телеграфов

Женщины почтово-телеграфного
чиновника IV разряда в отставке,
Елены Яковлевны Нибур

Прошение

В 1908 году я была определена на службу по почтово-телеграфному ведомству в штат Кременчугской Телефонной станции, Екатеринославского Почтово-Телеграфного округа, на должность чиновника IV разряда, где и состояла на службе до 1910 года. В 1910 же году, вследствие смерти отца и болезни матери, проживавших в г. Александровске Екатеринославской губернии, я вынуждена была оставить службу и выйти в отставку. В настоящее время, семейные обстоятельства мои изменились, и я вновь желала поступить на службу, для чего обратилась с ходатайством к г. Начальнику Екатеринославского Почтово-Телеграфного округа. На мое ходатайство Господин Начальник предписанием от 20 октября за № 46562 на имя Заведующего Александровскою ¹ телефонною сетью объявил мне, что согласно последней инструкции о службе женщин по почтово-телеграфному ведомству, из замужних могут состоять на службе только жены чиновников П[очтово]Т[елеграфного] ведомства, а так как я означенному требованию не соответствую, то могу быть определена вновь на службу только с разрешения Вашего Превосходительства.

По поводу моего семейного положения имею честь объяснить Вашему Превосходительству, что хотя я состою в замужестве за посторонним лицом, но с мужем мы окончательно разошлись с 1905 года и я живу отдельно от мужа более 7 лет. Расторгнуть брак не можем, так как развод по догматам исповедуемой нами религии (меннонитской) ни в коем случае не допускается и брак считается действительным до самой смерти.

Ввиду изложенного, исключительного моего положения почтительнейше ходатайствую пред Вашим Превосходительством разрешить мне вновь поступить на службу по почтово-телеграфному ведомству в Екатеринославском Округе, где я и раньше служила при таком же своем семейном положении и состою кандидаткой с 1910 года на должность почтово-телеграфного чиновника IV разряда.

Е. Нибур [автограф]

Жительство имею в г. Александровск Екатеринославской губ.

1911 года ноября 16 дня.

РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Раздел 1912. Д. 2908. Рукопись. Подлинник. Л. 1–1 об.

№ 2

Письмо начальника Екатеринославского Почтово-Телеграфного Округа
начальнику Главного Управления Почт и Телеграфов. 16 декабря 1911 г.

20 дек. 1911 (штамп)
2: 75810 (штамп)
Объявление Е. Нибур 31/ XII 1911 г.²
3 отд[еление] 2 стол 2 (штамп)
III 19/XII ³

Представляя настоящую переписку Его Превосходительству Начальнику Главного Управления Почт и телеграфов, доношу, что просительница Елена Нибур, 27 лет, вероисповедания меннонитского, имеет свидетельство на звание учительницы начальных училищ, замужняя, детей не имеет; состояла на службе по почтово-телеграфному ведомству в должности чиновника IV разряда, по вольному найму, в штате Кременчугской телефонной станции с 7 ноября 1909 года по 16 сентября 1910 года, аттестовалась в служеб-

ном и нравственном отношении хорошо, уволена от службы, согласно прошению, по домашним обстоятельствам (тяжкая болезнь матери); затем, согласно прошению, от 24 сентября 1910 года об определении вновь на службу, Нибур была зачислена кандидаткой, при чем как состоящая в замужестве за лицом в почтово-телеграфном ведомстве неслужащим, представила отзыв, что с мужем своим она разошлась около 7 лет назад, живет по отдельному паспорту, но расторгнуть брак не может⁴, так как развод по меннонитской религии, ни по каким обстоятельствам не допустим; вследствие сего Нибур мною было объявлено, что, согласно последней инструкции о службе женщин по почтово-телеграфному ведомству, она, ввиду ее семейного положения, может быть определена на службу только лишь с разрешения Г. Начальника Главного Управления Почт и Телеграфов.

К сему докладываю, что к определению Нибур на службу в Екатеринославский Округ с моей стороны препятствий не встречается, тем более, что Нибур бездетна и телефонную службу знает⁵ хорошо.

Гор[од] Екатеринослав декабря 16 дня 1911 года.

Начальник Екатеринославского

Почтово-Телеграфного округа

Делопроизводитель

Личная подпись неразборчива

Личная подпись неразборчива

Помета внизу 1: Во избежание создания новых прецедентов, полагалось на точном основании действующей инструкции ходатайство г-жи Нибур отклонить. Овсянников [автограф]⁶.

Помета внизу 2:

Соглас[овано]⁷

Помета внизу 3: Такие прецеденты для телефонной службы я бы допустил, но сектантку допускать не следует⁸.

Помета внизу 4: 82/912. Вх 2.533

Помета внизу 5: В алфавит занесено (штамп).

РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Раздел 1912. Д. 2908. Л. 3. Подлинник. Машинописный текст.

№ 3

Извещение № 8485. Главного Управления Почт и Телеграфов МВД

Е. Нибур. 11 февраля 1912 г.

вх: 113⁹

Во вход[ящем] журн[але] отмечено (штамп)

151¹⁰

В исход[ящем] журн[але] отмечено (штамп)

На прошение бывшего почтово-телеграфного чиновника Елены Нибур, просительнице объявляется, что ходатайство ее о принятии ее вновь на почтово-телеграфную службу не может быть удовлетворено, так как она по своему семейному положению не удовлетворяет действующим правилам о службе женщин по почтово-телеграфному ведомству.

За Помощника Начальника

Главного управления

Овсянников [автограф]

За Начальника Отделения

Н. Трофимов [автограф]

г. Александровск, Екатеринославской губ.

Помета внизу 1: 82/912. Вх 2.765 и 2.533

Помета внизу 2: Верно: личная подпись неразборчива

РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Раздел 1912. Д. 2908. Л. 6. Копия. Машинописный текст.

№ 4

Телеграмма императору Николаю II от ефрейтора Феодора Семилетова

из г. Омска в Ливадию. 14 апреля 1914 г.

Разрешите мне поступить на должность почтальона, так как я молоканин, не целующий крест, Омская консистория сочла недействительной присягу.

РГИА. Ф. 1289. Оп. 10. Раздел 1912. Д. 2908. Л. 9. Подлинник. Машинописный текст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Амбарцумов И. В. Неправославные христианские исповедания в системе российской государственности (конец XIX в. – июль 1914 г.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 256 с.
2. Безносова О. В. Екатеринославская губерния: Terra incognita евангельского движения в Российской империи (середина XVIII в. – 1917 г.). Steinhagen: Samen Korn, 2014. 543 с.
3. Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям в России в 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999. 494 с.
4. Буянов Д. Е. Духовные христиане в Сибири и на Дальнем Востоке (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 62–70. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/418/8>
5. Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. 144 с.
6. Назарова Т. П., Редькина О. Ю. Переселение меннонитов в Причерноморье в XIX в.: особенности решения земельного вопроса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 124–134. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.9>
7. Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 годах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2009. 353 с.
8. Одинцов М. И. Государство и церковь в России. XX век. М.: Луч, 1994. 171 с.
9. Редькина О. Ю., Назарова Т. П. Меннониты в социально-экономическом и культурном развитии Причерноморья. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. 535 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 10. Раздел 1912. Д. 2908. 16 л.
11. Свод законов Российской империи издания 1857 г. Т. 11. Ч. I. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб.: Второе Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. 266 с.
12. Сидорова С. О. Социальный состав служащих почтово-телеграфных учреждений Белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Полоцкого государственного университета. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 146–150.
13. Терюкова Е. А. Департамент духовных дел иностранных исповеданий и этноконфессиональная политика российского государства (XVIII – начало XX вв.) // Государства, религия и церковь в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 204–208.

14. Указ «Об укреплении начал веротерпимости», 17 апреля 1905 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 25. 1905. СПб.: Государственная типография, 1908. С. 257–258.

15. Фролов Д. И. К вопросу о правовом положении духовных христиан молокан в Российской империи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 25, № 184. С. 129–135. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-184-129-135>

REFERENCES

1. Ambartsumov I.V. *Nepravoslavnye khristianskie ispovedaniia v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti (konets XIX v. – iul 1914 g.): dis. ... kand. ist. nauk* [Non-Orthodox Christian Confessions in the System of Russian Statehood (Late 19th Century – July 1914). Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2014. 256 p.
2. Beznosova O.V. *Ekaterinoslavskaiia guberniia: Terra incognita evangelskogo dvizheniia v Rossiiskoi imperii (seredina XVIII v. – 1917 g.)* [Yekaterinoslav Governorate: Terra incognita of the Evangelical Movement in the Russian Empire (Middle 18th Century – 1917)]. Steinhagen, Samen Korn Publ., 2014. 543 p.
3. Belov Iu.S. *Pravitelstvennaia politika po otnosheniiu k nepravoslavnyim veroispovedaniiam v Rossii v 1905–1917 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Government Policy Towards Non-Orthodox Faiths in Russia in 1905–1917. Cand. hist. sci. diss.]. Saint Petersburg, 1999. 494 p.
4. Buianov D.E. *Dukhovnye khristiane v Sibiri i na Dalnem Vostoke (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.)* [Spiritual Christians in Siberia and the Far East (Second Half of The 19th – Early 20th Centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2017, no. 418, pp. 62-70. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/418/8>
5. Dorskaia A.A. *Svoboda sovesti v Rossii: sudba zakonoproektov nachala XX veka* [Freedom of Conscience in Russia: The Fate of Bills of the Early 20th Century]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2001. 144 p.
6. Nazarova T.P., Redkina O.Yu. *Pereselenie mennonitov v Prichernomorie v XIX v.: osobennosti resheniia zemelnogo voprosa* [Resettlement of the Mennonites in the Black Sea Region in the 19th Century: Particularities of Solving the Land Issue]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 4. Istorii. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniia* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2019, vol. 24, no. 5, pp. 124-134. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.9>

7. Nikolskaia T.K. *Russkii protestantizm i gosudarstvennaia vlast v 1905–1991 godakh* [Russian Protestantism and State Power in 1905–1991]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v S.-Peterburge, 2009. 353 p.

8. Odintsov M.I. *Gosudarstvo i tserkov v Rossii. XX vek* [The State and The Church in Russia. 20th Century]. Moscow, Luch Publ., 1994. 171 p.

9. Redkina O.Yu., Nazarova T.P. *Mennonity v sotsialno-ekonomicheskoi i kulturnom razviti Prichernomoria* [The Mennonites in the Socio-Economic and Cultural Development of the Black Sea Region]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2019. 535 p.

10. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA)* [Russian State Historical Archive], f. 1289, inv. 10, section 1912, d. 2908. 16 l.

11. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii izdaniia 1857 g. T. 11. Ch. I. Ustavy dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy* [Code of Laws of the Russian Empire Edition 1857 Vol. 11. Part I. Charters of Spiritual Affairs of Foreign Confessions]. Saint Petersburg, Vtoroe Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1857. 266 p.

12. Sidorova S.O. *Sotsialny sostav sluzhashchikh pochtovo-telegrafnykh uchrezhdeniy Belorusskikh guberniy vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The Social Composition of Employees of Postal and Telegraph Institutions of the Belarusian Provinces in The Second Half of The 19th – Early 20th

Centuries]. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Polotsk State University. Part A. Humanities], 2019, no. 1, pp. 146-150.

13. Teryukova E.A. *Departament dukhovnykh del inostrannykh ispovedaniy i etnokonfessionalnaya politika rossiyskogo gosudarstva (XVIII – nachalo XX vv.)* [Department of Religious Affairs of Foreign Confessions and the Ethno-Confessional Policy of the Russian State in (18th – Early 20th Centuries)]. *Gosudarstva, religiya i tserkov v Rossii i za rubezhom* [States, Religion and Church in Russia and Worldwide], 2010, no. 4, pp. 204-208.

14. Ukaz «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti», 17 apreliia 1905 g. [Decree “On Strengthening the Principles of Religious Tolerance”, April 17, 1905]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobr. 3-e. T. 25. 1905* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3. Vol. 25. 1905]. Saint Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya, 1908, pp. 257-258.

15. Frolov D.I. *K voprosu o pravovom polozenii dukhovnykh khristian molokan v Rossiiskoi imperii* [On the Issue of Legal Status of Spiritual Christians Molokans in the Russian Empire]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2020, vol. 25, no. 184, pp. 129-135. DOI: 10.20310/1810-0201-2020-25-184-129-135

Information About the Authors

Olga Yu. Redkina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

Tatjana P. Nazarova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Philosophy, History and Law, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russian Federation, hist_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

Информация об авторах

Ольга Юрьевна Редкина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, redkina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8978-9575>

Татьяна Павловна Назарова, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, истории и права, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Российская Федерация, hist_tatyana@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1701-9237>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.11>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)4

Submitted: 01.04.2021
Accepted: 27.05.2021

GIFTS TO THE POKROVSKY MONASTERY IN SUZDAL (IN THE FOOTSTEPS OF A RING OF MARIA TEMRYUKOVNA)

Andrey V. Belyakov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* It is not always possible to trace the fate of certain museum exhibits from documents. *Methods and materials.* This work examines the history of movement in various collections of a gold ring with the seal of the second wife of Tsar Ivan IV, Maria Temryukovna. *Analysis.* After the tsarina's death, it was deposited in the Pokrovsky Suzdal monastery for the memorial of her soul. For two centuries this monastery served as a place where former tsarist wives and representatives of the highest Moscow aristocracy were tonsured. Over time, it concentrated a significant collection of women's jewelry, which came here in the form of gifts. Therefore, when in Russia in the 19th century museums devoted to national history and culture began to actively develop, interest in this collection appeared. In 1845, the ring, along with other items, was purchased with the personal money of Emperor Nicholas I for the Armory. However, it soon found itself in the State Ancient Storage, where the most important ancient documents on the history of Russia were concentrated, as well as a collection of state and personal seals. Subsequently, the ring, as part of the collection of the Ancient Storage, ended up in the Rumyantsev Museum. Ultimately, it ended up in the State Historical Museum. It is now in the State Historical Museum. However, their whereabouts are currently unknown. *Results.* The work analyzes all discovered references to these items. In the future, perhaps, this will help to identify them among the anonymous monuments from museum collections.

Key words: Maria Temryukovna, Ivan IV, royal gifts, Pokrovsky Suzdal Monastery, State Ancient Storage.

Citation. Belyakov A.V. Gifts to the Pokrovsky Monastery in Suzdal (In the Footsteps of a Ring of Maria Temryukovna). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 125-135. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.11>

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 01.04.2021
Дата принятия статьи: 27.05.2021

ВКЛАДЫ В ПОКРОВСКИЙ МОНАСТЫРЬ В г. СУЗДАЛЕ (ПО СЛЕДАМ ПЕРСТНЯ МАРИИ ТЕМРЮКОВНЫ)

Андрей Васильевич Беляков

Институт российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Далеко не всегда можно по документам проследить судьбу тех или иных музейных экспонатов. *Методы и материалы.* В данной работе рассматривается история передвижения по различным собраниям золотого перстня с печатью второй супруги царя Ивана IV Марии Темрюковны. *Анализ.* После смерти царицы его вложили на помин ее души в Покровский суздальский монастырь. Эта обитель на протяжении двух веков служила местом пострижения бывших царских (великокняжеских) жен и представи-

тельниц высшей московской аристократии. Со временем в ней сконцентрировалась значительная коллекция женских ювелирных украшений, поступавших сюда в виде вкладов. Поэтому, когда в России XIX в. начали активно развиваться музеи, посвященные национальной истории и культуре, появился интерес к этому собранию. В 1845 г. перстень вместе с иными предметами был приобретен на личные деньги императора Николая I для Оружейной палаты. Однако вскоре он оказался в составе Государственного древлехранилища, где были сконцентрированы наиболее важные древние документы по истории России, а также коллекция государственных и личных печатей. Впоследствии перстень в составе коллекции Древлехранилища попал в Румянцевский музей. В конечном итоге он оказался в собрании Государственного исторического музея. Вместе с перстнем Марии Темрюковны этот путь прошли иные перстни из Покровского монастыря. Однако в настоящее время их местопребывание неизвестно. *Результаты.* В работе анализируются все обнаруженные упоминания об этих предметах. В будущем, возможно, это поможет отождествить их среди анонимных памятников из музейных собраний.

Ключевые слова: Мария Темрюковна, Иван IV, царские вклады, Покровский суздальский монастырь, Государственное древлехранилище.

Цитирование. Беляков А. В. Вклады в Покровский монастырь в г. Суздале (по следам перстня Марии Темрюковны) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 125–135. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.11>

Введение. В средневековой России наличие вкладов, в том числе в монастыри, на помин души рассматривалось как одно из обязательных требований для спасения на Страшном суде. Вклады осуществлялись в виде передачи в обители земельных владений, а также пожалований деньгами, ювелирными украшениями, различными продуктами и товарами. Порой на помин души отдавались личные вещи умершего. Однако далеко не все дошедшие до настоящего времени подобные предметы можно надежно отождествить с конкретным именем вкладчика или же лицом, по которому он был сделан. Наиболее долго в монастырях сохранялась память о царских (великокняжеских) вкладах. При этом она, как правило, начинается с Ивана IV. Однако и здесь для того, чтобы установить историю того или иного предмета, подчас приходится совершить целое расследование.

Методы и материалы. Ниже пойдет речь об истории золотого перстня с печатью царицы Марии Темрюковны и некоторых иных ювелирных предметов, тем или иным образом оказавшихся с ним связанными. На основании монастырских описей и некоторых иных документов мы проследим их историю с XVI века.

Анализ. В середине 1550-х гг. наметился взаимный интерес черкесских князей и Ивана IV. Его кульминацией стал династический брак московского государя с дочерью правителя Кабарды Темрюка Айдарова Марией и заключение договора, по которому

часть черкес признавала над собой власть России. 15 июня 1561 г. в Москву из Пятигорских Черкес приехала дочь кабардинского князя Темрюка Айдарова княжна Кученая (Гошаней). Как сообщает летопись: «...того же месяца царь и великий князь... княжне Черкаской велел быти на своем дворе, смотрел ее и полюбил». 6 июля княжну огласили и нарекли «ей имя во имя святыя Марии Магдалыни». 20 июля митрополит Макарий окрестил ее. 21 августа была сыграна царская свадьба [21, с. 333]. 21 марта 1563 г. у царицы родился сын Василий, который, однако, умер 3 (4) мая того же года. О других детях сведений не сохранилось. Мария умерла 6 сентября 1569 года. Причиной смерти стала простуда после путешествия по северным монастырям, возможно, отягощенная травмой второго правого ребра неизвестного происхождения. На кости имеется бороздка, предположительно след ранения ножом или подобным предметом. Оно было получено незадолго до смерти, но не стало ее причиной. За исключением известий о поездках по монастырям это практически вся информация о царице.

С именем Марии связано не так много вещей, сохранившихся до наших дней. Это золотые перстень с печатью и блюдо, а также предметы, найденные в ее захоронении, – волосник, небольшой сосуд из медного сплава, чулки [16, с. 345–395]. Также следует указать на икону, которой Мария якобы была благословлена при венчании. Она была подарена

в XIX в. Государственному древлехранилищу и в настоящее время, возможно, находится в собрании Государственного исторического музея (далее – ГИМ) [17, л. 185–185 об.]. Вскоре после смерти царицы на помин ее души были разсланы значительные вклады в русские и греческие монастыри. Однако ниже мы будем говорить о вклады, сделанных исключительно в Покровский монастырь г. Суздаля.

Покровский девичий монастырь в Суздале по преданию был основан суздальским князем Андреем Константиновичем в 1363–1364 г. в благодарность за чудесное спасение в бурю на Волге. Место для обители выбрал сам св. Евфимий, а первой игуменьей стала его родственница («сестречна»), являвшаяся до этого монахиней Александровского монастыря. Первые документальные свидетельства о существовании обители относятся к началу XVI века. В XVI–XVII вв. монастырь становится местом пострижения для разведенных жен великих князей (царей), царских невесток, дочерей, а также представительниц виднейших фамилий московской аристократии. Это способствовало росту землевладения обители и значительному количеству вещественных вкладов в него. Многие из них представляли собой женские украшения из золота, серебра, жемчуга и драгоценных камней [2, с. 5–10, 404–405; 25].

В монастырской описи 1597 г. известны вклады Марии Темрюковны и Ивана IV (приклад к иконе Пречистой Богородицы «Грузинской»): «Блаженная памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, во иноцех Ионы, прикладу серги казанские золоты, а в них вставки четыре яхонты невелики да шесть берюз, а по конец серег на золотых спнях по зерну жемчужному, да по бечете невеликих да по десяти зерен жемчужных. Да царицы и великия княгини Марии прикладу серги двойчаты яхонты – один яхонт червчат, а другой лазорев, колца золота, а на них восемь зерен жемчужных; да ожерелие, низано на четырех нитях жемчуг большой, а у него пугвицы шесть зерен жемчужных на золотых спнях, в закрепках пять яхонтов червчаты невелики, да червцы, да десять перстней золотых, да перстень булатен в мишени золот» [8, с. 3; 24, с. 90; 19, л. 6–7]. Документ

не дает четкого определения ожерелья как вклада Марии Темрюковны. У этой же иконы по описи 1650–1651 г. находим: «...ожерелье, низано большим жемчугом, а у ней пугвицы шесть жемчугов бурмицких на золотых спнях больших, а у них в закрепках пять яхонтов червчатых невелики да червец; приклад то ожерелье государя царя и великого князя блаженные памяти Ивана Васильевича всеа Русии царицы Марьи Темрюковны»; «серги казанские золоты, а в них во вставках три лалика, да восемь бирюз, да двадцать жемчугов на спнях золотых, по концам у серег по жемчугу да по бечете; приклад те серги государя царя и великаго князя блаженные памяти Ивана Васильевича всеа Русии»; «да у Пречистые же прикладу перстень булатен с мишеньми золотыми, блаженные памяти царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русии, перстень золот с печатью царицы и великой княгини Марьи Темрюковны» [7, с. 57, 58, 60; 20, л. 7–8, 14]. Монастырские иконы порой могли иметь десятки привесов. В 1722 г. по указу Синода большая часть была снята с икон и отдана на ответственное хранение с распиской «келарии» (келарю) Маргарите и монахиням Евпраксии Метлевой, Елене Семеновой, Матрене Александровской и Петраниде Анковской. 16 сентября 1725 г. ими была создана опись этих предметов. Среди них, в частности, отмечены казанские серьги, серьги Марии Темрюковны, а также два перстня: «...перстень булатен с мишеньми золотыми. Перстень золот с печатью» [8, с. 63–65, 67, 75]. В 1820 г. в монастыре хранились ожерелье Марии Темрюковны, а также двое рясен и казанские серьги – вклад Ивана IV. Мы видим, как постепенно список предметов вложенных в монастырь царем и его второй супругой постепенно меняется. В начале XX в. как вклад Ивана IV также рассматривались оклад к иконе Николая Чудотворца и ряд серебряных богослужебных сосудов. Царь действительно в свое время дал в монастырь потир «серебрян золочен на оба лица» [8, с. 43]. 26 мая 1845 г. часть предметов из монастырской ризницы были куплены в Оружейную палату за 1 500 руб. Среди них значатся: «Перстень булатен, блаженный памяти царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа России... Перстень золотой, с печатью цари-

цы и великия княгини Марии Темрюковны» [13, с. 224, 244, 247]. В 1855 г., по сообщению А.Б. Лакиера, перстень хранился в Оружейной Палате, тогда же оттиск перстня впервые был опубликован [14, с. 174, табл. XVIII, рис. 4]. В 1882 г. перстень с печатью Марии Темрюковны находился в Государственном древлехранении хартий, рукописей и печатей. Тогда же он вновь был опубликован [22, № 21]. Государственное древлехранение выделено в 1853 (1856) г. в качестве особого отделения архива Оружейной палаты и передано в ведение управляющего Московского главного архива Министерства иностранных дел (далее – МГАМИД). В 1882 г. (фактически в 1883 г.) Древлехранение было перевезено в помещение МГАМИД. В описи Древлехранения, составленной в 1873 г., читаем: «№ 134. Перстень золотой с сердцеобразным репьем, на площади которого вглубь вырезано изображение двуглавого орла с двумя коронами, а вокруг надпись: Печать царицы и великой княгини Марии. С оборота и по кольцу золотая насечка. По ярлыку: печать царицы великой княгини Марии. № 135. Перстень золотой с черною эмалью и с золотыми накладочками, на площади изображен двуглавый орел (довольно потертое изображение). По ярлыку: печать царя Иоанна Васильевича» [17, л. 118 об.–119]. В 1920 г. коллекция Древлехранения вместе с другими материалами бывшего МГАМИД была включена в состав Государственного архива РСФСР. При этом часть рукописей была передана в Румянцевский музей [1, с. 43; 4; 26, с. 3–4; 27]. По-видимому, тогда перстень и попал в Румянцевский музей. Однако А.Е. Виктор в своей работе о Древлехранении упоминает, о нахождении в нем печатей и перстней вскользь и даже косвенно указывает на то, что ему принадлежит честь создания описи только первой ее части (письменные памятники) [5, с. 6]. Разделы, описывающие печати, монеты, медали и некоторые иные предметы, написаны другим почерком. Тут, однако, следует учитывать, что было сделано несколько списков описи. Перстень-печать царицы ныне хранится в ГИМе (ГИМ 97257/87). О нем известно, что он поступил в музей из Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина в январе 1961 года. Первоначально он хранился в от-

деле нумизматики, в дальнейшем был передан в отдел драгоценных металлов. Предшествующая его история до конца не понятна. Имеющиеся сведения указывают на то, что его следы нужно искать в Румянцевском музее. Являются ли перстень из ГИМа и перстень из Покровского монастыря одним и тем же предметом, или же для Марии Темрюковны было сделано несколько подобных колец, неизвестно. Хотя мы склонны считать, что это один и тот же предмет.

«Булатный» и золотой с черной эмалью перстни Ивана IV, по-видимому, один и тот же предмет. Обратим внимание на то, что «булатный» и золотой перстни Ивана и Марии всегда упоминались вместе (см. таблицу). А.Б. Лакиер пишет: «При обручении новобрачных возлагались на руку жениха золотой перстень, а на руку невесты – железный или серебряный». При этом исследователь упоминает как особый тип перстней «булатники», однако не объясняет их особенности [14, с. 95, 97]. По-видимому, золотой «булатник» в монастырских описях превратился в «булатный» перстень. Укажем также, что нанесение «золотой насечки» на булат (в данном случае мшени) представляло собой довольно сложную технику. Насечки на булате известны по работам мастеров Оружейной палаты. Но их технически было невозможно сделать на перстне [15]. Описание «булатного» перстня не дает четкого понятия, можно ли было применить изображенного на нем двуглавого орла как печать. Хотя подобный оттиск, датированный 1566 г., известен [22, № 14]. Передача в монастырь перстня, щиток которого использовался в недавнем времени как государева печать, сомнительна. Однако в описи Древлехранения 1873 г. о нем сказано: «...довольно потертое изображение» [17, л. 118 об.–119]. Так, если щиток перстня использовался как печать, то он пришел в негодность или же его испортили намеренно.

Не выполняли ли эти два перстня функцию обручальных колец? В пользу этого говорит, в частности, схожесть их оформления, помещение на щитке, как первого, так и второго двуглавого орла. Это могло произойти в результате международного статуса брака. В таком случае объясняется их постоянное упоминание вместе и то, что они попали в мо-

настырь как привесы к одной иконе. Их должны были отправить сюда после смерти Марии Темрюковны. Местонахождение «булатного» перстня Ивана IV неизвестно. В настоящее время в ГИМ отсутствуют реальные или же приписываемые перстни и печати первого московского царя. В пользу интерпретации этих колец как обручальных говорит и тот факт, что невеста императора Петра II также имела кольцо с вырезанным на камне двуглавым орлом [17, л. 122].

Сохранилась фотография иконы Богородицы «Грузинской» из Покровского монастыря периода начала XX в. с частью привесов (ожерелья и рясен) [6; 8, табл. № 1, 17]. Они явно не относятся к рассматриваемым нами вкладам. Нет их и во Владимиро-Суздальском музее-заповеднике. В августе 1919 г. икона с убрусом (вклад царицы Анастасии Романовны) и незначительной частью прикладов была взята на реставрацию в ГИМ [18, л. 20]. Раскрытие древнего живописного слоя было произведено в Государственном Русском музее. В конечном итоге икона оказалась в Государственной Третьяковской галерее (ГТГ – 12767). В музее приклад ошибочно атрибутирован как вклад Ивана IV и Марии Темрюковны или же Анастасии Романовны [28, с. 47, 48, 73, рис. 23, 24, 32; 3, с. 211–212]. По ком был сделан вклад «серги казанские», также непонятно. То могли быть царицы Анастасия Романовна и Мария Темрюковна, а равно и Анна Васильчикова, похороненная здесь, но монахиней этого монастыря, по видимому, не являвшаяся. Нельзя забывать и тот факт, что монахиней этой обители стала, вероятно, и племянница Марии Темрюковны, предположительно дочь Михаила Темрюковича (княжна инокиня Александра Черкасская), умершая 5 мая 1586 г. [2, с. 404; 11, с. 99]. Это о ней, похоже, писал Д. Горсей, как о постриженной в монастырь жене Ивана IV [9, с. 55]. Также следует сказать о том, как могли выглядеть казанские серьги. Скорее всего, речь идет о миндалевидных филигранных серьгах, являющихся определенным маркером татарской (тюркской) культуры с XIV в. [10]. Такой тип серег явно выпадал из круга распространенных в то время «русских» украшений. Он подразумевал условно тюркское происхождение их владелицы. Таковой

могла быть только Мария Темрюковна или же ее предполагаемая племянница. В Черкесии встречаются серьги подобного типа. Судьба серег неизвестна. Среди предметов, купленных в 1845 г., они не значатся. На 1906 г. имеется описание подобного изделия, однако оно явно отличается, от приведенного нами выше: «Серьга старинная сканая золоченая, на ней 8 жемчужин средних, винисса, бирюза и два кольца средня серебряныя» [13, с. 243].

Отметим, что в Древлехранилище находились еще четыре или пять золотых перстней приобретенных в Покровском монастыре и считавшиеся во 2-й половине XIX в. великокняжескими (царскими) вкладами: «№ 164. Перстень золотой с чернью, посреди на ониксе резана птица, на золоте по оправе подпись: печать на безумного креп. № 165. Перстень золотой с овальным репьем, на нем по ониксу по сторонам, между двумя маленькими птичками, изображена большая птица с веткой во рту. № 166. Перстень золот на круглой площадке из оникса, с фантастическим изображением зверя. № 167. Перстень женский золотой, с изображением на венесе человеческой фигуры (антик), несущей что-то в руках». Они поступили в Древлехранилище из Оружейной палаты в 1854 г. [17, л. 125 об.–126]. Помимо этого в Древлехранилище в 1882 г. фиксируется еще один перстень с подобной легендой: «...золотой; в середине его находится лазоревый камень (Lapis lazuli), с изображением сидящей человеческой фигуры с птицею в руке». Датирован XIII веком. Вставка античного периода (?) [22, № 108]. Интересен тот факт, что этот перстень отсутствует в описи Древлехранилища 1873 г. Как это могло произойти, если все последующие поступления вносились в общий реестр? Если обратиться к описи, то легко заметить, что она создавалась уже после того, как экспонаты Древлехранилища заняли свои места в предназначенных для них шкафах и витринах. Но нельзя исключать ситуации, при которых часть предметов хранилась отдельно и не экспонировалась. В таком случае при описании их могли пропустить. Отметим, что при переезде Древлехранилища из Теремного дворца Кремля в новопостроенное здание МГАМИДА в кладовой были обнаружены не зафиксированные в описи экспонаты [17, л. 183 об.–184].

Но также нельзя исключать и того, что это ошибка публикаторов и перстень на самом деле хранился в Оружейной палате.

В 1845 г. по высочайшему повелению из Кабинета его императорского величества было выделено 1 500 руб. серебром, на приобретение в Покровском монастыре следующих предметов: «булатного» перстня Ивана IV, золотого перстня с печатью царицы Марии Темрюковны, золотого перстня с алмазом царицы Елены Петровны Шуйской, золотого перстня с яхонтом лазоревым «царицы» Ольги Борисовны (царевна Ксения Борисовна Годунова). Кроме этого были куплены золотые перстни со вставками (18 штук), чашка небольшая булатная, жемчужная раковина обложенная серебром и украшенная камнями, серьги и рясны о которых сказано, что это «приклады неизвестных высочайших особ» [13, с. 247–248]. Другие подобные приобретения монастырских вещей для музеев в это время неизвестны. По-видимому, данное событие произошло благодаря визиту в монастырь некоего высокопоставленного лица, не чуждого истории.

Рассмотрим вставки перстней. Только дважды о камнях сказано, что они «резные»: «сапфир лазоревый резной» и «бечета резная». Сюжеты, изображенные на них, не приводятся. Среди 5 перстней в Древлехранилище, чья история была связана с Покровским монастырем, все камни являлись резными геммами. При этом три на ониксе, один на венисе (бледно-красный гранат) и один на лазурите. Мы условно можем вычленим только две возможные пары совпадений: лазурит – сапфир лазоревый; венис – бечета. Ониксовых вставок среди 18 перстней нет. Правда, дважды отмечены «перелефты» (переливт), но без указания на то, что они резные. Таким образом, у нас возникают явные противоречия источников, которые могут быть преодолены только в случае обнаружения передаточных актов о поступлении перстней в Оружейную палату. Хотя, возможно, эти «ониксы» были приобретены отмеченным нами любителем истории в частном порядке.

Это предположение все же следует признать ложным. В этом можно убедиться, если систематизировать все сведения о перстнях

с теми или иными значимыми приметами с 1597 по 1882 год. Обратимся к описи привесов 1725 года. Некоторые из перстней, рассматриваемых нами, явно угадываются в ней: «Перстень булатен с мишенми золотыми. Перстень золот с печатью. Перстень золот, в нем алмаз. Перстень золот, в нем яхонт лазорев граненой. Перстень золот, в нем камень самфир лазорев резной. Перстень золот, в нем перелефт. Перстень золот, в нем бечета резная. Перстень золот, в нем перелефт лазорев. Перстень золот, на нем вырезана словесная печать» [8, с. 67]. В переписной книге 1651 г. помимо перстней Ивана IV и Марии Темрюковны значится перстень с алмазом царицы Елены Петровны Шуйской и перстень с граненым сапфиром царевны Ольги (Ксении) Борисовны. Кроме того, мы видим здесь два перстня с геммами на камне синего цвета. По описи 1646/47 г. они значатся как «яхонт лахорев резной» и «яхонт голубой резной». В 1651 г. их обозначили как «самфиры». Среди привесов отмечены перстни с «перевлетом», «перелефтом лазоревым», резной бечетой и печатью [7, с. 60].

Таким образом, мы можем установить порядок попадания перстней в монастырь. Во второй половине XVI в. здесь находились перстни Ивана IV и Марии Темрюковны. После Смутного времени, но до 1651 г. сюда попали перстни Ольги (Ксении) Борисовны Годуновой и Елены Петровны Шуйской, два перстня с переливтом, «с печатью», резной бечетей и два перстня с геммами на «сапфире». В списке 1725 г. уже отсутствует одна «сапфировая» гемма. В 1845 г. были куплены четыре перстня, у которых были известны имена вкладчиков, перстни с переливтами, резной бечетой и «сапфировой» геммой. В описи Древлехранилища 1873 г. значатся перстни Ивана IV и Марии Темрюковны, а также еще 4 перстня с геммами, 3 на ониксах и 1 на гранате. В издании 1882 г. как перстни из Древлехранилища указаны перстень царицы Марии, а также перстень с резным лазуритом (резной яхонт лазоревый). В настоящее время перстни Е.П. Шуйской и К.Б. Годуновой находятся в собрании Оружейной палаты. Однако «алмаз» в одном из них в настоящее время значится как горный хрусталь. В ГИМе из всех перстней из Древлехранилища на настоящий момент

известен только тот, что принадлежал Марии Темрюковне.

Следует обратить внимание на надпись на оправе одного из перстней: «печать на безумного креп.» В настоящее время наиболее распространенным объяснением ее происхождения и значения выглядит следующее. Это фраза рассматривается как часть поговорки «для умного печать, для глупого замок». В XV–XVIII вв. довольно часто встречаются перстни с надписями на щитках: «печать на безумного креп.», «печать на умного крепость», «п на ум», «пнаумнов» и схожими текстами с незначительными вариациями. Известен также серебряный перстень с круглым щитком в центре, которого помещено изображение птицы с веткой и надписью по кругу «печать на безумного креп.» [12; 23, табл. VIII, 33, IX, 38, X, 43, XIX, 84, 85]. Вариант с «безумным» явно более редкий. В таком случае подобная надпись должна была являться своеобразным заговором от неразумных действий человека, способного вскрыть чужое письмо. Не беремся судить о

правильности подобной интерпретации, но отметим, что золотой перстень с геммой и аналогичной надписью нам более не известен. Также следует указать на значительное число вкладных перстней с изображением птиц в данном монастыре.

Результаты. Это все, что нам удалось узнать о судьбе царских вкладов в виде предметов ювелирного искусства в суздальский Покровский девичий монастырь. С высокой долей вероятности можем сказать, что известный в настоящий момент перстень с печатью Марии Темрюковны происходит из царских вкладов в эту обитель. Между тем большая часть перстней, хранившихся ранее в этом монастыре, в настоящий момент утеряна. Однако остается надежда на то, что они еще будут со временем обнаружены и атрибутированы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность А.В. Дедуку, М.И. Давыдову, А.В. Лаврентьеву и С.П. Орленко, консультировавших его во время написания этой статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводная таблица упоминания перстней

Summary table of the mention of the rings

Перстни	Опись 1597 г.	Опись 1651 г.	Опись 1725 г.	Список вещам купленным в 1845 г.	Опись Древлехранилища 1873 г.	Древлехранилище 1882 г.
Перстень с печатью Марии Темрюковны	+	+	+	+	№ 135	№ 21
«Булатный» перстень Ивана IV	+	+	+	+	№ 134	№ 14 (?)
Перстень О.Б. Годуновой	–	+	+	+	–	–
Перстень Е.П. Шуйской	–	+	+	+	–	–
Перстень со словесной печатью	–	+	+	+	№ 164	–
Перстень с резной бечетой / венисом	–	+	+	+	№ 167	–
Перстень с переливтом (резной?)	–	+	+	+	№ 165 (?)	–
Перстень с переливтом (резной?)	–	+	+	+	№ 166 (?)	–
Перстень срезным яхонтом лазоревым	–	+	+	+	–	№ 108 (?)
Перстень с резным яхонтом лазоревым	–	+	–	–	–	–

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автократова М. И., Буганов В. И. Сокровищница документов прошлого. М.: Сов. Россия, 1986. 335 с.
2. Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века. М.: Фонд «Связь эпох», 2019. 464 с.
3. Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI – начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1963. 394 с.
4. Анхимюк Ю. В. Материалы Древлехранилища в фондах ОР РГБ // Памяти Лукичева: сб. ст. по истории и источниковедению. М.: Древлехранилище, 2006. С. 698–738.
5. Викторов А. Е. Государственное древлехранилище в термах Московского Кремлевского дворца. СПб.: Тип. И. Вошинского, 1882. 16 с.
6. Георгиевский В. Т. Иконы Иоанна Грозного и его семьи в Суздале // Старые годы. 1910, ноябрь. С. 3–20.
7. Георгиевский В. Т. Описание Покровского женского монастыря в г. Суздале 7159/1651 года // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Кн. 5. Владимир: Тип. Губерн. Правления, 1903. С. 55–126.
8. Георгиевский В. Т. Памятники старинного русского искусства Суздальского музея. М.: Глав. упр. науч. учреждениями (Главнаука), 1927. 59 с.
9. Горсей Д. Записки о России XVI – начала XVII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. 288 с.
10. Донина Л. Н., Сулова С. В. О золотоордынских традициях в ювелирном искусстве казанских татар: на примере филигранных миндалевидных серег // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 3. С. 461–484.
11. Житенева А. М. Тексты надгробных памятников XVI–XVIII веков с кратким палеографическим и текстологическим комментарием // Курганова Н. М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М.: Изд-во Отдела внеш. церков. связей Моск. Патриархата, 2007. С. 91–119.
12. Каталог старинных перстней. URL: <https://rings.guru/catalog/pozdnee-srednevekovye/epigraficheskie/pechat-na-buzumnago>
13. Косаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия: Краткие исторические сведения с приложением описей сохраняющихся в них древних предметов. Ч. 1. Владимир: Тип. Губерн. Правления, 1906. 353 с.
14. Лакиер А. Б. Русская геральдика. М.: Книга, 1990. 397 с.
15. Мишуков Ф. Я. Золотая насечка и инкрустация на древнем вооружении // Государственная

Оружейная палата Московского Кремля. М.: Искусство, 1954. С. 115–136.

16. Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского кремля. Материалы и исследования. В 4 т. Т. 3: Погребения XVI – начала XVII века. Ч. 1. М.: Гос. ист.-культ. музей-заповедник «Московский Кремль», 2018. 395 с.
17. Описи Государственного Древлехранилища хартий, рукописей и печатей в комнатах Теремного Дворца // Российский государственный архив древних актов. Ф. 135. Оп. 135/1.
18. Описи церковного имущества Суздальского Покровского женского монастыря 1894 г. // Государственный архив Владимирской области. Ф. 575. Оп. 1. Д. 1868.
19. Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7105/1597 года // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник (далее – ГВСМЗ). № В-5636/473.
20. Опись Покровского женского монастыря в г. Суздале 7159/1651 года // ГВСМЗ. № В-5636/474.
21. Полное собрание русских летописей. Т. XIII: Никоновская летопись. М.: Яз. рус. культуры, 2000. 302 с.
22. Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц. М.: Изд. Комис. печатания гос. грамот и договоров, сост. при Моск. гл. арх. М-ва иностр. дел, 1882. Вып. 1. XIX, 126 л., XVII, [37] с.
23. Станюкович К. А., Авдеев А. Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVIII веков из частных собраний. М.: Группа Искатели, 2007. 189 с.
24. Тихонравов К. Владимирский сборник: материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. М.: Унив. тип., 1857. 199 с.
25. Токмаков И. Историческое и археологическое описание Покровского Девичьего монастыря в г. Суздале. М.: «Русская» типо-литогр., 1889. 87 с.
26. Хоруженко О. И. Печати князей Оболенских XIII–XVII вв. в публикации Ф. А. Бюлера // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2014. № 3. С. 201–211.
27. Шумилов В. Н. Государственное древлехранилище хартий и рукописей // Опись документальных материалов фонда № 135 / сост. В. Н. Шумилов. М.: [б. и.], 1971. 203 с.
28. Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М.: Искусство, 1955. 159 с.

REFERENCES

1. Avtokratova M.I., Buganov V.I. *Sokrovishchnitsa dokumentov proshlogo* [Treasure Trove of Documents from The Past]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1986. 335 p.

2. *Akty Pokrovskogo suzdalskogo devichego monastyrya XVI – nachala XVII veka* [Acts of the Intercession Suzdal Convent of the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Fond «Svyaz epokh», 2019. 464 p.

3. Antonova V.I., Mneva N.E. *Katalog drevnerusskoj zhivopisi XI – nachala XVIII vv. Opyt istoriko-khudozhestvennoj klassifikatsii. V 2 t. T. 1* [Catalog of Old Russian Painting of The 11th – Early 18th Centuries. Experience of Historical and Artistic Classification. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1963. 394 p.

4. Ankhimuk Yu.V. *Materialy Drevlekhranilishcha v fondakh OR RGB* [Materials of the Ancient Storage in the Funds of the OR RSL]. *Pamyati Lukicheva: sb. st. po istorii i istochnikovedeniyu* [In Memory of Lukichev: Collection of Articles On History and Source Study]. Moscow, Drevlekhranilishche, 2006, pp. 698-738.

5. Viktorov A.E. *Gosudarstvennoe drevlekhranilishche v teremakh Moskovskogo Kremlevskogo dvortsa* [State Ancient Storage in The Towers of the Moscow Kremlin Palace]. Saint Petersburg, Tip. I. Voshchinskogo, 1882. 16 p.

6. Georgievskij V.T. *Ikony Ioanna Groznogo i ego semi v Suzdale* [Icons of Ivan the Terrible and His Family in Suzdal]. *Starye gody* [Old Years], 1910, November, pp. 3-20.

7. Georgievskij V.T. *Opis Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale 7159/1651 goda* [Inventory of the Intercession Convent in Suzdal 7159/1651]. *Trudy Vladimirskoj uchenoj arkhivnoj komissii. Kn. 5* [Proceedings of the Vladimir Scientific Archive Commission. Book 5]. Vladimir, Tip. Gubern. Pravleniya, 1903, pp. 55-126.

8. Georgievskij V.T. *Pamyatniki starinnogo russkogo iskusstva Suzdalskogo muzeya* [Monuments of Ancient Russian art of the Suzdal Museum]. Moscow, Glav. upr. nauch. uchrezhdeniyami (Glavnauka), 1927. 59 p.

9. Gorsej D. *Zapiski o Rossii XVI – nachala XVII v.* [Notes About Russia in the 16th – Early 17th Centuries]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1990. 288 p.

10. Donina L.N., Suslova S.V. *O zolotoordynskikh traditsiyakh v yuvelirnom iskusstve kazanskikh tatar: na primere filigrannykh mindalevidnykh sereg* [On the Golden Horde Traditions in The Jewelry Art of the Kazan Tatars: The Example of Filigree Almond-Shaped Earrings]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [Golden Horde Review], 2019, vol. 7, no. 3, pp. 461-484.

11. Zhiteneva A.M. *Teksty nadgrobnnykh pamyatnikov XVI–XVIII vekov s kratkim paleograficheskim i tekstologicheskim kommentariem* [Texts of Tombstones of the 16th – 18th Centuries with a Brief Paleographic and Textological Commentary]. Kurganova N.M. *Stranitsy istorii nekropolya*

goroda Suzdalya [Pages of the History of the Necropolis of the City of Suzdal]. Moscow, Izd-vo Otdela vnesh. tserkov. svyazey Mosk. Patriarkhata, 2007, pp. 91-119.

12. *Katalog starinnykh perstnej* [Catalog of Antique Rings]. URL: <https://rings.guru/catalog/ pozdnee-srednevekove/epigraficheskie/pechat-nabuzumnago>

13. Kosatkin V.V. *Monastyri, sobory i prikhodskie tserkvi Vladimirskoj eparkhii, postroennyye do nachala XIX stoletiya: Kratkie istoricheskie svedeniya s prilozheniem opisej sokhranyayushchikhsya v nikh drevnykh predmetov. Ch. 1* [Monasteries, Cathedrals and Parish Churches of the Vladimir Diocese, Built Before the Beginning of The 19th Century: Brief Historical Information with The Attachment of Inventories of Ancient Objects Preserved in Them. Pt. 1]. Vladimir, Tip. Gubern. Pravleniya, 1906. 353 p.

14. Lakier A.B. *Russkaya geraldika* [Russian Heraldry]. Moscow, Kniga Publ., 1990. 397 p.

15. Mishukov F.Ya. *Zolotaya nasechka i inkrustatsiya na drevnem vooruzhenii* [Gold Notched and Inlaid On Ancient Weapons]. *Gosudarstvennaya Oruzhejnaya palata Moskovskogo Kremlya* [State Armory Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954, pp. 115-136.

16. *Nekropol russkikh velikikh knyagin i tsarits v Voznesenskom monastyre Moskovskogo kremlya. Materialy i issledovaniya. V 4 t. T. 3: Pogrebeniya XVI – nachalo XVII veka* [Necropolis of Russian Grand Duchesses and Tsarinas in the Ascension Monastery of the Moscow Kremlin. Materials and Research in 4 Volumes. Vol. 3: Burials of the 16th – Early 17th Century]. Moscow, Gos. ist.-kult. muzej-zapovednik «Moskovskij Kreml», 2018. 395 p.

17. *Opisi Gosudarstvennogo Drevlekhranilishcha khartij, rukopisej i pechatej v komnatakh Teremnogo Dvortsa* [Inventories of the State Antique Storage of Charters, Manuscripts and Seals in the Rooms of the Terem Palace]. *Rossijskij gosudarstvennyj arkhiv drevnykh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 135, inv. 135/1.

18. *Opisi tserkovnogo imushchestva Suzdalskogo Pokrovskogo zhenskogo monastyrya 1894 g.* [Inventories of the Church Property of the Suzdal Intercession Convent 1894]. *Gosudarstvennyj arkhiv Vladimirskoj oblasti* [State Archives of the Vladimir Region], f. 575. inv. 1, d. 1868.

19. *Opis Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale 7105 / 1597 goda* [Inventory of the Intercession Convent in Suzdal 7105/1597]. *Gosudarstvennyj Vladimiro-Suzdalskij muzej-zapovednik (GVSMZ)* [State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve], no. B-5636/473.

20. *Opis Pokrovskogo zhenskogo monastyrya v g. Suzdale 7159/1651 goda* [Inventory of the Intercession

Convent in Suzdal 7159/1651]. *GVSMZ* [State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve], no. B-5636/474.

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. XIII: Nikonovskaya letopis* [Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 13: Nikon Chronicle]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 2000. 302 p.

22. *Snimki drevnikh russkikh pechatej gosudarstvennykh, tsarskikh, oblastnykh, gorodskikh, prisutstvennykh mest i chastnykh lits* [Pictures of Ancient Russian Seals of State, Tsarist, Regional, City, Government Offices and Individuals]. Moscow, Izd. Komis. pechataniya gos. gramot i dogovorov, sost. pri Mosk. gl. arkh. M-va inostr. del, 1882, iss. 1. XIX, 1261. XVII, [37] p.

23. Stanyukovich K.A., Avdeev A.G. *Neizvestnye pamyatniki russkoj sfragistiki. Prikladnye pechatimatritsy XIII–XVIII vekov iz chastnykh sobranij* [Unknown Monuments of Russian Sphragistics. Applied Matrices of The 13th – 18th Centuries from Private Collections]. Moscow, Gruppy Iskateli, 2007. 189 p.

24. Tikhonravov K. *Vladimirskij sbornik: materialy dlya statistiki, etnografii, istorii i arkheologii Vladimirskoj gubernii* [Vladimirsky Collection: Materials for Statistics, Ethnography,

History and Archeology of the Vladimir Province]. Moscow, Univ. tip., 1857. 199 p.

25. Tokmakov I. *Istoricheskoe i arkheologicheskoe opisanie Pokrovskogo Devichego monastyrya v g. Suzdale* [Historical and Archaeological Description of the Intercession Maiden Monastery in Suzdal]. Moscow, «Russkaya» tipo-litogr., 1889. 87 p.

26. Khoruzhenko O.I. Pechati knyazej Obolenskikh XIII–XVII vv. v publikatsii F.A. Byulera [Seals of Princes Obolensky 13th–17th Centuries. In The Publication of F.A. Buhler]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: Humanities], 2014, no. 3, pp. 201–211.

27. Shumilov V.N. Gosudarstvennoe drevlekhranilishche khartij i rukopisej [State Ancient Storage of Charters and Manuscripts]. *Opis dokumentalnykh materialov fonda № 135* [Inventory of Documentary Materials from Fund No. 135]. Moscow, s.n., 1971. 203 p.

28. Yakunina L.I. *Russkoe shitye zhemchugom* [Russian Sewing with Pearls]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1955. 159 p.

Information About the Author

Andrey V. Belyakov, Doctor of Sciences (History), Senior Researcher, Center for the History of Russian Feudalism, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Dmitriya Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, belafeb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>

Информация об авторе

Андрей Васильевич Беляков, доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Центр истории русского феодализма, Институт российской истории РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, belafeb@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8588-9192>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.12>

UDC 94(597)“16/17”:2-76
ЛБС 63.3(5Вье)4-69

Submitted: 02.03.2022
Accepted: 27.06.2022

METHODS OF MISSIONARY ACTIVITY OF THE JESUITS IN VIETNAM IN THE 17th AND 18th CENTURIES

Anh Thuan Truong

The University of Danang, University of Science and Education, Danang, Vietnam

Abstract. Introduction. The purpose of this study is to reproduce precisely and accurately the process of conquering the faith of various social strata in Vietnam by analyzing the missionary methods of evangelization applied by Jesuit missionaries operating in Vietnam in the 17th and 18th centuries. *Methods and materials.* The author used the original historical materials recorded by Western missionaries working in Vietnam during the 17th and 18th centuries and research works by Vietnamese and international scholars related directly or indirectly to the missionary methods of Jesuits in Vietnam of the 17th and 18th centuries. The author combines the historical and genetic method with other research methods (systemic approach, analysis, synthesis, comparison, etc.). *Analysis.* In the 17th and 18th centuries, to conquer the faith of the people in Tonkin and Cochinchina (Vietnam), Jesuit missionaries adopted several measures such as establishing relationships and attracting the upper classes to the Christianity, “missionary academic”, “missionary bibliography”, disputes and religious conversion of the leaders of indigenous denominations, etc. These measures have been more or less effective and allow Jesuit missionaries to introduce and develop the Christianity in Vietnam during this period. *Results.* The research results presented in the article will contribute to the study of the history of Christianity and missionary activities of the Jesuits in Vietnam in the 17th and 18th centuries.

Key words: Vietnam, Tonkin, Cochinchina, Society of Jesus, missionary, Christianity.

Citation. Anh Thuan Truong. Methods of Missionary Activity of the Jesuits in Vietnam in the 17th and 18th Centuries. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 136-146. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.12>

УДК 94(597)“16/17”:2-76
ББК 63.3(5Вье)4-69

Дата поступления статьи: 02.03.2022
Дата принятия статьи: 27.06.2022

МЕТОДЫ МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЕЗУИТОВ ВО ВЬЕТНАМЕ В XVII И XVIII ВЕКАХ

Анх Тхуан Труонг

Университет Дананга, Университет науки и образования, г. Дананг, Вьетнам

Аннотация. Введение. Цель данного исследования – точное воспроизведение процесса «завоевания веры» различных социальных слоев во Вьетнаме посредством изучения методов евангелизации, применявшихся миссионерами-иезуитами, действовавшими во Вьетнаме в XVII и XVIII веках. *Методы и материалы.* В статье использованы оригинальные исторические материалы, составленные западными миссионерами, работавшими во Вьетнаме в XVII–XVIII вв., и исследования вьетнамских и зарубежных ученых, прямо или косвенно связанные с изучением миссионерских методов, применявшихся миссионерами-иезуитами во Вьетнаме в данный период. Для завершения изучения данного вопроса автор сочетает историко-генетический метод с общенаучными методами исследования (системный подход, анализ, синтез, сравнение и др.). *Анализ.* В XVII и XVIII вв., чтобы «завоевать веру» людей в Тонкине и Кохинхине (Вьетнам), миссионеры-иезуиты приняли ряд миссионерских мер, таких как установление отношений и привлечение высших классов к вере в христианство, «миссионерский академический» метод, «миссионерская литература», споры и религиозное обращение лидеров традиционных конфессий и т. д. Фактически эти меры были достаточно эффективными и позволяли миссионерам-иезуитам внедрять и развивать христианство во Вьетнаме в этот период.

Результаты. С целью точного воспроизведения процесса «завоевания веры» различных социальных слоев во Вьетнаме автором охарактеризованы миссионерские методы, используемые миссионерами-иезуитами, и дана оценка результатам их применения. Выводы, представленные в статье, будут способствовать изучению истории христианства и миссионерской деятельности иезуитов во Вьетнаме в XVII и XVIII веках.

Ключевые слова: Вьетнам, Тонкин, Кохинхина, Общество Иисуса, миссионер, христианство.

Цитирование. Анх Тхуан Труонг. Методы миссионерской деятельности иезуитов во Вьетнаме в XVII и XVIII веках // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 136–146. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.12>

Introduction. In the 17th and 18th centuries, Christianity was introduced and developed in Vietnam (including Cochinchina and Tonkin areas¹). This process was associated with the role of various missionary forces. Among them, the Society of Jesus was one of the most typical forces [43, p. 826]. In fact, during the period 1615–1665, the Society of Jesus played a decisive role in evangelization and laid the first bricks, contributing to the construction of the dioceses in Tonkin and Cochinchina at a later stage. But from the second half of the 17th century to the end of the 18th century, the right to manage missionary work in Vietnam was no longer in the hands of the Society of Jesus. Then the missionaries of this religious order at Tonkin and Cochinchina also encountered many difficulties and challenges, sometimes even wholly interrupted². However, those obstacles did not prevent the Jesuits from realizing their aspirations to expand the influence of Christianity to all classes in Vietnamese society. During this period, their evangelization still achieved great results [17, p. 409; 15, pp. 120, 201; 16, pp. 64–65, 355; 21, pp. 386–395], which deserves to be recognized solemnly in the history of the Catholic Church in Vietnam. So, what factors helped Jesuit missionaries achieve success in missionary work in Vietnam in the 17th and 18th centuries? Researchers can give many answers to this question when approached from different angles, aspects, and perspectives. In which, proposing and applying flexibly and creatively appropriate evangelization methods of the Jesuits operated in Vietnam during this period were also one of the contents that need research to help deeply explain the problem posed above.

Methods and materials. During the study of this issue, the original historical materials (works, letters, reports, diaries, etc.) were recorded by Western missionaries, referring directly or indirectly to the missionary methods of Jesuit missionaries in Vietnam during the 17th and

18th centuries. These documents existed in two forms. Firstly, they were published in Europe as separate and typical works such as *Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine* [5] by Cristoforo Borri, *Relation de la province du dv Japon* [6] by Antonio Francisco Cardim, *Histoire du Royaume de Tunquin* [30] and *Divers Voyages et Missions* [29] by Alexandre de Rhodes, etc. Secondly, they were selected, edited, translated and published in a number of works such as *Bibliothèque des écrivains de la Compagnie de Jésus: ou Notices bibliographiques* [1] by Augustin Backer, *Dell' historia della Compagnia di Giesv, la Cina* [3] by Daniello Bartoli, *Aux origines d'une église: Rome et les missions d'Indochine au XVIIe siècle* [7] by Henri Chappoulie, *Répertoire des Jésuites de Chine de 1552 à 1800* [8] by Joseph Dehergne, *Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions Étrangères: Mémoires de la Chine* [12] by Jean Baptiste du Halde, *Histoire de La Mission de Cochinchine (tome 1, 2)* [15; 16] and *Histoire de la mission du Tonkin: Documents historiques I* [17] by Adrien Launay, etc. The above-mentioned documents played an important role and helped restore the missionary methods of Jesuit missionaries in Vietnam during this period accurately and objectively. In addition, the academic achievements on issues related to the history of Christianity's introduction and development in the Vietnam and Asia of Vietnamese researchers [9; 22; 38–41; 44] and scholars around the world [1; 2; 21; 24; 32; 34; 35; 43; 46], has also provided a necessary background for the author to conduct research on missionary methods of Jesuit missionaries in Vietnam during the 17th and 18th centuries. The author combines two main research methods of History Science (historical and logical methods) with other research methods (systemic approach, analysis, synthesis, comparison, etc.) to complete the study of this issue.

Analysis. Based on researching original historical material sources, including works, letters, reports, diaries, etc., of Jesuit missionaries who operated in Vietnam in the 17th and 18th centuries, as well as the academic achievements of Vietnamese and international scholars, it could be realized that the Jesuit missionaries in the process of preaching the Gospel in Vietnam applied some of the following methods of evangelization.

1. Establishing relationships and attracting the upper classes believe in Christianity. In the first half of the 17th century, the Jesuits began to preach the Gospel in Cochinchina and Tonkin (Vietnam). In the process, they realized that one of the most effective ways to quickly “Christianization” these areas was by establishing relationships and attracting kings, nobles, mandarins, and native intellectuals who believed in Christianity. For once the faith of these forces was conquered, with their political power and economic status; they were fully qualified, capable and reputable to make people in their kingdom convert to Christianity. And that was the ultimate goal that the Jesuits aspired to achieve.

To establish a relationship with the rulers of Vietnam at that time and to seek opportunities to remain for a long time and carry out missionary work, one of the methods commonly used by Jesuits was to follow Portuguese traders to the political center of these regions to secure audience with indigenous rulers and offer them gifts. Through the records of some Jesuit missionaries present in Vietnam in the first half of the 17th century, it can be known that at that time, the types of products used by missionaries of this religious order as gifts included watches, Western science books [30, pp. 152-155], pearls and gold [31, pp. 111-113]. These gifts were a means of communicating, by the missionaries with contemporary rulers. The measure of “offer gifts” helped Jesuit missionaries to receive sympathy from the indigenous rulers many times [41, pp. 43-44, 101; 29, pp. 121, 153, 168-169; 30, pp. 152-155; 31, pp. 111-113]. They were allowed to stay in the mission land, and that also meant that an opportunity to “cultivate” “Christian seeds” in Vietnam was created.

In fact, approaching and establishing relations with the Vietnamese rulers brought many benefits to the Jesuits. Through it, they received favorable conditions to expand the influence of

Christianity in this country. In Cochinchina, when Italian Jesuit Francesco Buzomi arrived in the area in 1615, he made a good impression on the indigenous rulers with the gifts he offered [41, p. 43]. Thanks to that, Francesco Buzomi was granted a plot of land in Quang Nam by the Cochinchina government to build a cathedral. Construction was also performed quickly with the support of money and effort from many Vietnamese. In particular, the most typical was the contribution of a lady, whose Holy name was Jeanne – Sister of this area’s governor [3, p. 619]. Not only that, but the Nguyen Lord’s government also granted this Jesuit missionary a nice and clean house to take shelter in during his mission here [5, p. 341]. In 1618, when Francesco Buzomi and other Jesuits arrived in Pulocambi (Binh Dinh province), he received tremendous and enthusiastic help from the local governor [29, p. 69; 5, pp. 348-353]. In 1640, Alexandre de Rhodes returned to Cochinchina as a missionary in the context of the regional government strictly enforcing a policy of prohibiting Christianity. Therefore, this Jesuit missionary had to adopt the measure of “offer gifts” to establish a relationship with the mandarin to manage the Japanese community in Faifo (Hoi An city, Quang Nam province). Then, under the guidance and dedicated help of this mandarin, Alexandre de Rhodes had an audience with Nguyen Lord in the capital Sinoa (Hue city) [29, p. 121] to seek opportunities to stay and evangelize in the Cochinchina area.

Meanwhile, in Tonkin, establishing a relationship between the Jesuits and the indigenous rulers also achieved certain successes. In 1627, when arriving at Cua Bang (Thanh Hoa province), missionaries Alexandre de Rhodes and Pedro Marques had an audience with Trinh Lord. They presented to Trinh Lord a Western clock and a mathematic book of Euclid written in Chinese characters. Trinh Lord showed interest in these gifts, especially the watch, so he agreed to let the two missionaries stay in his kingdom [30, pp. 152-155]. Not only that, during the missionary period in the capital Ke Cho (from July to November 1627), they received the help of a mandarin named Mau Tai and were granted a new house by the Trinh Lord’s government to make a place of residence and preaching [30, pp. 162, 174]. This contributed to the evangelization work in this area of Alexandre de

Rhodes and Pedro Marques achieving positive results [6, p. 70; 29, p. 115; 30, pp. 191, 209]. The relationship between the Jesuits and the Tonkin government became even more intimate when in 1647, because of love and esteem for missionary Felix Morelli, Trinh Lord accepted him as his adopted son [30, p. 321; 21, pp. 382-383]. And with that, Trinh Lord also planned to grant a village for this Jesuit missionary. According to the Jesuit missionaries present at Tonkin at that time, the excellent relationship between Trinh Lord and missionary Felix Morelli was a valuable guarantee for the stability and peace of the Tonkin church [44, p. 369].

In the process of approaching the Vietnamese ruling force, although the Jesuits could not attract the top leaders in the indigenous government (Le King, Trinh Lord in Tonkin, and Nguyen Lord in Cochinchina) to enter religion, however, they achieved certain successes in conquering the faith of a part of aristocrats, mandarins and intellectuals in Vietnamese society at that time. From studying the material sources recorded by some Jesuit missionaries operating in Vietnam in the 17th century, it can be known that the missionary work for the upper class in Tonkin society of missionaries of this religious order achieved positive results. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, missionary Alexandre de Rhodes said, in 1627–1628, he baptized a sister of Trinh Lord with the holy name Catarina [6, p. 87; 30, pp. 164-165]. She was an ardent Catholic who made many significant contributions to the Jesuit mission in this area in the early 17th century [30, pp. 164-165]. In addition, Rhodes also succeeded in attracting a doctor and a bachelor in Tonkin to believe in Christianity [30, pp. 170-171]. That shows, although at that time, conquering the faith of the indigenous Confucian intelligentsia was difficult and fully challenging work, that doesn't mean the Jesuits could not do it. In addition, Alexandre de Rhodes also mentioned that two high-ranking mandarins in the Tonkin government became Christians. With their authority, these two mandarins protected the Jesuits from the onslaught of anti-Christianity forces. They became two solid pillars of the Tonkin church at that time [6, p. 70; 30, pp. 206-208]. In a letter written on March 25, 1637, missionary Felix Morelli also said that every year in Tonkin, there were a few mandarins who

entered religion. In just three months of evangelization here, he baptized two indigenous mandarins [44, pp. 359-361]. Later, from 1658 to 1663, in the process of preaching the Gospel in this area, the missionary Joseph Tissanier also recorded the case of some ladies of royal lineage such as Jeanne, Blanche, Pie, Colombe, Saule, and many women with noble status in the court of Tonkin received baptism from Jesuit missionaries [37, pp. 177-180]. This religion also has an excellent attraction for Vietnamese mandarins, when in 1663, in Tonkin, there were more than 20 mandarins and their wives who converted to Christianity. According to missionary Joseph Tissanier, their conversion to Christianity was incredibly beneficial to attracting and converting the pagan [37, p. 341]. Meanwhile, right after arriving in Cochinchina, Jesuit missionaries operating in this area were also clearly identified; one of the first social forces that they need to conquer the faith were those in the royal family of Nguyen Lord, the mandarins at the central court, and local and their families. Therefore, when the government had a moderate attitude toward Christianity, Jesuit missionaries often promoted missionary activities in the major political centers of Cochinchina to seek opportunities to approach and convert religion for aristocrats and mandarins and, through them, entice others to join Christianity. In 1620, in Pulucambi (Binh Dinh province), missionary Francesco Buzomi baptized an ambassador of Cochinchina in Cambodia with his wife and 25 concubines [19, p. 138]. In a letter written on December 17, 1621, the missionary Gaspar Luis mentioned the success of missionary Francisco de Pina when attracting a noble lady in Quang Nam and her brother (former a mandarin working in this area) with 35 others to enter religion [19, pp. 128-129]. Because of Vietnamese fluency, Francisco de Pina quickly established relationships and attracted many mandarins and intellectuals in Quang Nam to follow the religion [41, p. 47]. In the middle of 1625, when Francisco de Pina came to the capital Sinoa (Hue city) missionary, he baptized a lady of royal lineage with the holy name of Maria Madalena. She became one of the essential pillars of the Cochinchina church at that time. With her morality and prestige, Maria Madalena has attracted many others to believe in Christianity [29, pp. 74-75]. Thus, the contents presented above were convincing

evidence to prove the Jesuit missionaries in Cochinchina applied a unique missionary method successfully in the 17th century, which was to establish relationships and attract the upper class to believe in Christianity.

2. *“Missionary academic”*. “Missionary academic” was a missionary method applied by Jesuit missionaries during the 17th and 18th centuries in some countries in the Far East, including Vietnam. The core content of this method was that the Jesuits used the achievements of Western science and technology to attract attention and establish good relations with the classes of the indigenous society (kings, nobles, mandarins, intellectuals, and people) [2, p. 157], especially the ruling class, to seek opportunities to preach the Gospel to the forces mentioned above. On that basis, the Jesuits hoped through their political status, and economic power to influence “Christianization” in these countries.

In applying the method of “missionary academic”, the Jesuits operating in Vietnam in the 17th and 18th centuries focused on several scientific and technical fields that Westerners had the advantage over the Vietnamese. Among them, astronomy was considered one of the most representative fields. The Jesuit missionaries chose astronomy because they recognized the Vietnamese rulers’ attitude of attaching importance to astronomical research work [5, p. 373] and the psychology of “deification” and “spiritualization” of astronomical phenomena of Vietnamese people³. In particular, errors arising in the process of surveying solar and lunar eclipses by indigenous astronomers [5, pp. 373-374] working at the astronomical research agency of Nguyen Lord (Cochinchina) and Trinh Lord (Tonkin)⁴ at that time, created an excellent opportunity for the Jesuits to demonstrate the superiority and accuracy of Western astronomy compared to the traditional Vietnamese astronomical which was deeply influenced by China. Jesuit missionaries proactively used Western astronomy as one of the most effective ways to approach and establish relationships with the Vietnamese authorities to seek opportunities to long-stay and expand the spread of Christianity in this country.

In fact, Western astronomy made its way into Vietnam in the 17th and 18th through two ways. Firstly, Jesuit missionaries “explicitly discussed and

explained the knowledge of Western astronomy to the rulers of Vietnam” [40, p. 483]. In works and reports on the mission situation in Tonkin, Jesuit missionaries Giuliano Baldinotti (Italian) and Alexandre de Rhodes (French) said, during 1626–1627, they had “once conversed with Trinh Lord and some Tonkin mandarins about the solar eclipse, lunar eclipse as well as about the movement of stars in the sky” [40, p. 483]. Secondly, Jesuit missionaries “on many occasions, calculated the imminent solar and lunar eclipses and outlined them in drawings informing the king and local officials, and also debated several issues related to these phenomena with Vietnamese astronomers” [40, p. 483]. In their works and reports, the Jesuits did not specifically mention the number of Vietnamese who believed in Christianity after approaching and receiving Western astronomy knowledge from them. However, the accurate calculation and prediction of astronomical phenomena by the Jesuits certainly received the appreciation and admiration of the Vietnamese rulers at that time [30, pp. 195, 237-238; 5, p. 381; 19, pp. 122-123]. That helped the Jesuits establish a relationship with the local authorities and, to a certain extent, positively influenced their missionary work in this country.

Besides astronomy, medicine was also a field that shows the effectiveness of applying the Jesuits’ “missionary academic” method. When coming to Vietnam to preach the Gospel, Jesuit missionaries realized that the most crucial purpose was to attract social forces in this country to follow Christianity, meaning conquering the “soul” of the native people. One effective way to achieve this was to heal the physical pains caused by various diseases in Vietnamese people, including the rulers and ordinary people. The Jesuit missionaries clearly understood that when people had serious illnesses that threatened their lives, it was also the easiest time for the missionaries to conquer the patients’ faith. Because when they are saved by scientific therapies (surgery, taking Western medicine, etc.) and sometimes by spiritual and religious methods (using the cross, the statue of Christ, the statue of Blessed Mother, rosary, holy water, etc.) [30, pp. 182, 184; 29, pp. 96-98, 102, 157] of Jesuit missionaries, gratitude and admiration for healing capacity of the missionaries would be an essential factor that made them turn to and accept the Christianity. Based on such awareness, the Jesuits sought to bring Western

medicine into the Vietnamese monarchies' courts, especially in Cochinchina. From the second half of the 17th century to the end of the 18th century, seven Jesuit missionaries assumed the position of the royal physician in Nguyen Lord's government [32, pp. 32-33; 21, pp. 387-389; 11, pp. 189-190, 193-196; 8, pp. 63-64, 137-138, 239-240, 247, 254-255]. In fact, health care and medical examination and treatment for Vietnamese kings, aristocrats, and mandarins by the Jesuits could not make these forces believe in Christianity. However, it contributed to establishing a close relationship between the missionaries and the indigenous rulers, thereby positively impacting the missionary process of the Jesuits in Vietnam at that time. Meanwhile, medical examination and treatment activities for the people of the Jesuits, especially for the poor in the 17th and 18th centuries [21, pp. 267-269; 11, p. 194], brought certain effects to the missionary work. Some indigenous people converted to the religion after being treated by the missionaries of this religious order for serious diseases [21, p. 269; 29, pp. 97-98, 140]. These showed the certain success of the Jesuits in Vietnam in applying the "missionary academic" method to the field of medicine during the 17th and 18th centuries.

3. "Missionary bibliography". Besides "missionary academic", Jesuit missionaries operating in Vietnam in the 17th and 18th centuries also applied another unique missionary method: "missionary bibliography". The core content of this method was that Jesuit missionaries compiled or translated Western bibliographies into indigenous languages to serve their missionary process [34, p. 22; 46, pp. 2-8]. In Vietnam, the application of this missionary method by Jesuit missionaries mainly manifests in the two following fields.

The first was the field of language. In the first half of the 17th century, when arriving in Vietnam to preach the Gospel, based on grasping the line of "adaptation to the indigenous culture" proposed by missionary Alessandro Valignano, the Jesuits clearly recognized the importance of understanding historical and cultural values, manners and customs, especially the study and mastery of the indigenous language for missionary success. At the same time, they considered it was a magic key to expand the door and "Christianization" of this country. Based on such

awareness, Jesuit missionaries operating in Vietnam at that time were not only interested in accumulating for themselves an abundant quantity of Vietnamese to serve their preaching, but they also carried out "Latinization" of this language and especially compiled dictionaries to serve the learning of the indigenous language of the missionaries of this religious order as well as to help the Vietnamese learn Western languages [28, Ad Lectorem]. This work was started by Jesuit missionary Gaspar do Amaral. During the period 1631–1638, while evangelizing at Tonkin, he compiled the dictionary "Diccionario Anamita-Português-Latim" [1, p. 121; 20, pp. 331-332; 35, p. 548]. Later, Gaspar do Amaral's colleague, Antonio Barbosa, during the missionary process in this area from 1636 to 1642, compiled the dictionary "Diccionario Português-Anamita" [20, pp. 214-215; 35, p. 548]. Based on the reference to the two dictionaries above, from 1636 to 1645, Alexandre de Rhodes completed the dictionary "Dictionarium Annamiticum Lusitanum et Latinum". In 1651, this dictionary was published in Rome [36, p. 54]. The event was a significant turning point in the development of the Vietnamese script – A type of script created by Jesuit missionaries operated in Vietnam in the first half of the 17th century "based on the use of the Latin alphabet for phonetic transcription of Vietnamese" [39, p. 411]. Simultaneously, it was also clear proof of the success of applying the "missionary bibliography" method of the Jesuits at that time.

The second was the fields of the biblical, theology, history, and Christian rituals. "In the early 17th century during Vietnam's mission, Jesuit missionaries brought and used two books in Chinese characters by missionaries Matteo Ricci and Michele Ruggieri compiled in China, it was *Tianzhu shi yi* (天主實義) and *Tianzhu shengjiao shilu* (天主聖教實錄)" [39, pp. 410-411]. However, these were books only for the Confucian intelligentsia. It only introduced an overview of Christianity and did not intensive in issues that most Christians need to know to serve their religious activities. Therefore, in 1620, Jesuit missionaries working in Faifo (Hoi An city, Quang Nam province)⁵ compiled a catechism in Cochinchina script, i.e. the Nom script – "A kind of figurative writing created by Vietnamese people based on the use of Chinese characters to write Chinese-Vietnamese words as well as

Vietnamese pure words” [39, p. 411]. This catechism was so popular among the Catholic community of Cochinchina that both adults and children memorized it [19, pp. 127-128]. Later, to expand the influence of Christianity on all classes of Vietnamese society, especially the intelligentsia, the Jesuits used indigenous language to compile and translate several books of biblical, theology, history, and Christian rituals. In the period 1636-1645, missionary Alexandre de Rhodes used the Vietnamese script and Latin script to write the catechism book “*Catechismvs pro ijs, qui volunt suscipere baptismvm in octo dies diuisus*”, which was used to serve the work of catechesis of Jesuit missionaries and the indigenous catechists [10, p. 86]. This catechism was published in Rome by the Congregation for the Mission of the Holy See in 1651 [38, p. 58]. Meanwhile, from 1631 to 1640, when carrying out missionary work at Tonkin, Jesuit missionary Girolamo Majorica used the Nom script to compile and translate many books related to Christianity [37, p. 180; 9, pp. 160-161, 458; 25, pp. 38-54; 13; 45, pp. 23-39]. However, learning and proficiently using the Nom script for Girolamo Majorica was not an easy task then. Therefore, to complete the compilation and translation of Christian books from Western languages into Vietnamese (the Nom script), Girolamo Majorica needed the help of Vietnamese catechists and intellectuals [9, pp. 160-161, 458; 25, pp. 62-64, 68; 23, p. 40]. Besides compiling and translating catechism, the books of theology, history and Christian rituals from Western languages into Vietnamese, during the missionary process in localities in Tonkin and Cochinchina (Vietnam), through their fervent parishioners, the Jesuit missionaries also reproduced these documents with a relatively large number to serve the teaching and learning of catechism, the bible of the indigenous catechists and the parishioners [6, p. 108; 30, pp. 138-140, 236]. That was also another manifestation of applying the “missionary bibliography” method by the Jesuit missionaries in evangelization in Vietnam in the 17th century.

4. *Arguing and religious conversion of the leaders of indigenous denominations.* When evangelizing in Vietnam, the Jesuit missionaries realized that this was a nation with a long-standing culture with the existence of many Eastern religions such as Confucianism, Taoism,

Buddhism, etc., and other indigenous beliefs [9, p. 49]. In the first half of the 17th century, Christianity’s presence and growing influence has become a concern for other religions – Forces that had dominated the spiritual life of indigenous people for a long time before. Therefore, the arising of contradictions and conflicts between Confucianism, Taoism, Buddhism, and Christianity were inevitable.

However, those contradictions and conflicts are resolved in civilized instead of barbaric methods: Religious debates. In these public debates, the Jesuits were not proactively provocateurs. They recognized the enormous pressures that indigenous religions created for them and the disastrous consequences for evangelization if they fail in these debates. However, the Jesuits also saw a beautiful prospect about an opportunity to evangelize nothing better if they won. Because through that, the Jesuits would show the preeminence of Christianity compared to other religions of the Vietnamese people, making more people aware of Christianity, thereby seeking opportunities to promote evangelization to the class of the ruling, mandarins, intellectuals, and the people of this land. In fact, in the first half of the 17th century, Jesuits operating in Cochinchina and Tonkin successfully applied this method. In the work Dell’ *Historia della Compagnia di Giesv, La Cina*, the Jesuit historian Bartoli said that, from 1618, when he started working in Pulocambi (Binh Dinh province), missionary Francesco Buzomi – the initiator of the missionary work of the Jesuits in Cochinchina debated about religion and theology with a prominent Taoist priest in the area, named Tu Bin [3, pp. 751-753]. This debate has attracted the attention from local mandarins, Confucian intellectuals, Buddhist monks, Taoist priests, and disciples, especially the majority of the indigenous people. With faith in God’s help and the correctness of the truth, missionary Francesco Buzomi rejected all the fallacious arguments by Tu Bin. This Taoist priest was embarrassed and had to withdraw disgracefully. After this event, the indigenous people became more and more sympathetic to the Jesuits and Catholics. In 1621, missionary Francesco Buzomi baptized 172 people [22, p. 71]. Also, at Pulocambi, Bartoli mentioned a religious and theological debate between a Buddhist monk and missionary

Francesco Buzomi. After this debate, the failed result made the Buddhist monk to reconsider his religious arguments. Realizing the truth from the Catholic doctrine, he converted religion and was baptized with the Holy name Damiano [3, pp. 753, 765-766]. Since then, he enthusiastically preached the Gospel to the people in this area. He also built a new church. The Gospel gradually spread throughout the Cochinchina area, and the number of parishioners also increased [22, p. 76].

Just as in Cochinchina, debates between Jesuits and indigenous religious leaders also took place in Tonkin. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, Alexandre de Rhodes recorded one of these debates. From April to June 1627, while operating in An Vuc village (Thanh Hoa province), Alexandre de Rhodes and Pedro Marquez were provoked to argue about the religious issue by the Buddhist monks. The Buddhist monks proved angry when they saw that many famous monks and followers had abandoned their religion and come to Christianity. Two Jesuit missionaries accepted the challenge. However, while the two missionaries presented faith, especially the principle of God's creation of all things, at the same time explicitly explaining these things in Vietnamese, on the contrary, the monks deliberately shouted, harassed, and demanded to read a piece of paper full of insults and slander against Christianity. Not achieving the goal, the Buddhist monks became angry, insulted the two missionaries, and threatened to use force. Fortunately, that did not happen because of the appearance of a eunuch in Trinh Lord's palace. In front of the eunuch, the Buddhist monks dared not to do extreme actions. The two missionaries were free to interpret the contents of the Christian doctrine of the creation of the world with convincing arguments. Not wanting to lose face in front of the people, the Buddhist monks gradually withdrew into a state of mind with anger and hatred [30, pp. 146-147].

Besides arguing with indigenous denominations on matters of religion and theology, the Jesuits also clearly realized the significant influence of the Buddhist monks and Taoist priests on the people, especially on the followers of those religions. Therefore, once the Jesuits could convert this force, there would be an excellent opportunity to attract many followers of those religions and people to believe in Christianity. Based on such

awareness, during the operation in Vietnam in the first half of the 17th century, the Jesuits also applied the above method and obtained specific results. In the work *Dell' Historia della Compagnia di Giesu, La Cina*, the Jesuit historian Bartoli said that from 1618 to 1620, when missioning in Pulocambi (Cochinchina), missionary Buzomi baptized three Buddhist monks, and one of these monks attracted more than 50 Buddhists to believe in Christianity [3, pp. 751-755, 764-765]. Meanwhile, from April to June 1627, when evangelizing in Thanh Hoa (Tonkin), missionaries Alexandre de Rhodes and Pedro Marquez baptized a famous Buddhist monk in this area with the Holy name Ioachim. With his prestige and piety, he attracted many Buddhist monks and Buddhists, both men and women, to believe in Christianity. Moreover, he was also very enthusiastic in helping the Jesuit missionaries reproduced the prayers and contributed assets to build a large church in this area [30, pp. 138-140]. In *Histoire du Royaume de Tunquin*, missionary Alexandre de Rhodes also recorded the case of a Taoist priest in Tonkin, previously formerly hated Christianity, who took the time to study this religious doctrine. Finally, indigenous catechists baptized him and his family members in 1630–1631 [30, pp. 269-270]. Thus, the evidence mentioned above has to some extent helped the researchers realized the success of the Jesuits in the process of conquering the faith of the force's leaders of Buddhism, Taoism, and followers of this religion in Vietnam during the 17th century.

Results. In the 17th and 18th centuries, Jesuit missionaries came into the history of Vietnamese Christianity as the first force to “cultivate” “Christian seeds” on the “S” shaped land (1615–1665). Then, they also made significant contributions to the development of Christianity in this country (1665–1773). One of the reasons for the Jesuit missionaries' success was that they have proposed and applied flexibly and creatively appropriate evangelization methods. In fact, during this period, to attract different classes in Vietnamese society, from kings, aristocrats, mandarins, Confucian intellectuals, Taoist priests, and Buddhist monks to the people who believed in Christianity, Jesuit missionaries used some methods of evangelization. Among them, some methods were applied not only by Jesuit missionaries but also by missionaries of other religious orders such as

establishing relationships and attracting the upper classes to believe in Christianity or “missionary academic.” However, there were also methods of evangelization that were “unique product” of the Jesuits, such as arguing and religious conversion of the leaders of indigenous denominations. Especially, “compared to other religious orders, the most prominent characteristic of the Jesuit missionaries was the belief in the importance of education. Before traveling to distant lands to carry out evangelization, Jesuits often embarked on a systematic, professional, and formal educational process for over ten years. Accordingly, they not only had to study theology but also had to choose among types of natural science knowledge” [40, p. 472]. This advantage has helped the Jesuits to become one of the vanguard forces and most successful in applying the method of “missionary academic” and “missionary bibliography” in the Far East in general and in Vietnam in particular during this period. Studying missionary methods of Jesuit missionaries operating in Vietnam in the 17th and 18th centuries, scholars also recognize the discontinuity in applying some missionary methods. There were methods of evangelization frequently mentioned in documents of the Jesuits and played an important role in evangelizing missionaries of this religious order in the period 1615–1665 (arguing and religious conversion of the leaders of indigenous denominations, “missionary bibliography” or establishing relationships and attract the upper classes believe in Christianity); in later stage, it was less applied, or its role was no longer as prominent as before though. However, there were also missionary methods applied continuously and throughout by Jesuit missionaries in the 17th and 18th centuries (“missionary academic”). Moreover, the Jesuits also relied on the characteristics of social forces, the political situation, and the Vietnamese rulers’ policies towards Christianity at specific periods to propose and apply appropriate evangelistic methods. This has also contributed to the success of Jesuit missionaries in evangelization in Vietnam during the 17th and 18th centuries.

NOTES

¹ The 17th and 18th centuries were turbulent periods in Vietnamese history. From 1627 to 1672, the

Trinh family in the North and the Nguyen family in the South fought each other seven times but failed to end. After 46 years of constant fighting, both sides exhausted their human resources and properties, so they had to accept a truce and a long division. Gianh River, historically known as Linh Giang, became the boundary dividing Dai Viet country into two regions: from Linh Giang to the South called Dang Trong (Cochinchina) under the administration of Nguyen Lord, and from Linh Giang to the North was called Dang Ngoai (Tonkin) under the administration of Le King Trinh Lord. This situation lasted until the end of the 18th century when the Tay Son peasant movement broke out (1771), which in turn destroyed the force of Nguyen Lord in Cochinchina (1777) and Trinh Lord in Tonkin (1786) [42, pp. 335-362; 18, pp. 291-352].

² On September 9, 1659, Pope Alexander VII issued Decree Super Cathedram on establishing the first two Apostolic Vicariates in Vietnam. He entrusted the management of these two dioceses to the Society of Foreign Missions of Paris. Since then, the contradictions and conflicts between the Society of Jesus and the Society of Foreign Missions of Paris have become critical. In 1680, the Holy See ordered the Jesuit Superior to recall missionaries from Tonkin and Cochinchina to solve this problem. In particular, in 1773, when the Jesuits were dissolved worldwide, their missionary work in many countries, including Vietnam, also ended [14, p. 255; 4, p. 494; 7, pp. 55-63, 261; 41, p. 541; 24, pp. 80-86].

³ In a letter written by a Jesuit missionary in Tonkin, Vietnam to missionary Cibot in Beijing, China (unknown at the time), it was clearly stated that Tonkin people adored the sky, moon, and stars. Once the lunar eclipse appeared, people assumed that a dragon was fighting the moon and wanted to annex it. Therefore, they had to immediately gather to save the moon. When the lunar eclipse was over, they returned home with satisfaction as if they had just defeated a great war. That was mentioned in a report about Cochinchina by Cristoforo Borri [12, pp. 203-207; 5, pp. 373-375].

⁴ In the 17th and 18th centuries, the astronomical and calendar research agency in the government of Le King Trinh Lord in Tonkin was called Tu Thien Giam (Directorate of Astronomy and Calendar), while called Chiem Hau Ty (Office of Imperial Observatory) in the government of Nguyen Lord in Cochinchina. In 1657, Zhu Shunshui 朱舜水, an exiled mandarin of the Ming Dynasty, in *Annan gongyi jishi* (安南供役紀事: Chronicle of service in Annam) refers to the fact that he met a mandarin of Zhi li ju (治曆局: Calendar Bureau) of Nguyen Lord in Ngoai Dinh Sa (Quang Tri Province). Calendar Bureau mentioned by Zhu Shunshui was probably the Office of Imperial Observatory mentioned by Vietnamese historical records [26, pp. 545-546, 591; 27, p. 97; 33, p. 21].

⁵ In 1620, there were four Jesuit missionaries in Faifo, including Pedro Maquez, Joseph, Paulus Saito, and Francisco de Pina. In which, Francisco de Pina was more fluent in Vietnamese than the other three missionaries [10, pp. 22-23].

REFERENCES

1. Backer A. *Bibliothèque des écrivains de la Compagnie de Jésus: ou Notices bibliographiques*. Paris, Chez L'Auteur C. Sommervogel; Liège, Chez L'Auteur De Backer, 1869, tome premier. 2352 p.
2. Bangert W.V. *A History of the Society of Jesus*. St. Louis, Institute of Jesuit Sources, 1972. 558 p.
3. Bartoli D. *Dell' historia della Compagnia di Giesv, la Cina*. Rome, Nella Stamperia del Varesè, 1663, terza parte. 1152 p.
4. Benedetto R., ed. *The New Westminster Dictionary of Church History*. Louisville, London, Westminster John Knox Press, 2008, vol. 1. 691 p.
5. Borri C. Relation de la nouvelle mission des pères de la compagnie de Jésus au royaume de la Cochinchine. *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1931, vol. 3-4 (Juillet-Déc), pp. 279-405.
6. Cardim A. F. *Relation de la province du dv Japon*. A Tournay, De l'Imprimerie d'Adrien Qvinque', 1645. 308 p.
7. Chappoulie H. *Aux origines d'une église: Rome et les missions d'Indochine au XVIIe siècle*. Paris, Bloud et Gay, 1943, tome 1. 452 p.
8. Dehergne J. *Répertoire des Jésuites de Chine de 1552 à 1800*. Roma, Institutum Historicum S. I.; Paris, Letouzey et Ané, 1973. 430 p.
9. Do Quang Chinh. *Dong Ten trong xa hoi Dai Viet 1615-1773* [The Society of Jesus in Dai Viet Society 1615-1773]. Hanoi, Religious Publishing House, 2008. 615 p.
10. Do Quang Chinh. *Lich su chu Quoc ngu (1620-1659)* [History of the Romanized Vietnamese Script (1620-1659)]. Saigon, Ra Khoi Bookstore, 1972. 171 p.
11. Gaide D. La médecine Européenne en Annam autrefois et de nos jours. *Bulletin des Amis du Vieux Hué*, 1921, no. 4 (Octobre-Décembre), pp. 189-214.
12. Halde J.B. *Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions Étrangères: Mémoires de la Chine*. Paris, Chez J. G. Merigot le jeune, Libraire, Quai des Augustins, au coin de la rue Pavée, 1781, vol. 16. 438 p.
13. Hoang Xuan Han. Girolamo Majorica. Ses oeuvres en langue Vietnamienne conservées à la Bibliothèque nationale de Paris. *Archivum Historicum Societatis Iesu*, 1953, vol. 22, pp. 203-214.
14. Hoster B., Kuhlmann D., Wesolowski Z., eds. *Rooted in Hope: Festschrift in Honor of Roman Malek S.V.D. on the Occasion of His 65th Birthday*. Oxon, New York, Routledge, 2017, vol. 1. 534 p.
15. Launay A. *Histoire de La Mission de Cochinchine, 1658-1823*. Paris, Charles Douniol et Retaux Éditeur, 1923, tome 1. 643 p.
16. Launay A. *Histoire de La Mission de Cochinchine, 1658-1823*. Paris, Charles Douniol et Retaux Éditeur, 1924, tome 2. 447 p.
17. Launay A. *Histoire de la mission du Tonkin: Documents historiques I*. Paris, Librairie Orientale et Américaine; Maisonneuve frères, Éditeurs, 1927. 600 p.
18. Le Thanh Khoi. *Lich su Viet Nam tu nguon goc den giua the ki XX* [Vietnam History from the Origin to the Middle of the 20th Century]. Hanoi, World Publishing House, 2014. 642 p.
19. Luis G. *Histoire de ce qui s'est passé en Ethiopie, Malabar, Brasil, et les Indes Orientales. Tirée des lettres écrites ès années 1620 jusques à 1624*. Paris, Chez Sebastien Cramoisy, 1628. 451 p.
20. Machado D.B. *Bibliotheca lusitana historica, critica, e cronologica*. Lisboa Occidental, Na officina de Antonio Isidoro da Fonseca, 1741, tomo I. 767 p.
21. Montézon F., Estève E., Rhodes A., Tissanier J., Saccano M. *Mission de la Cochinchine et du Tonkin avec gravure et carte géographique*. Paris, Charles Douniol, Éditeur, 1858. 412 p.
22. Nguyen Hong. *Lich su truyen giao o Viet Nam* [Missionary History in Vietnam]. Saigon, Current Publishing House, 1959, vol. 1. 306 p.
23. Nguyen Thi Tu Mai. *Chu Nom va tieng Viet the ki XVII qua Thien Chua thanh giao khai mong cua Jeronimo Maiorica* [Nôm Script and Vietnamese in the 17th Century as Seen in Thiên Chúa thánh giáo khai mở by Jerónimo Maiorica]. Hanoi, Hanoi National University of Education, 2012. 173 p.
24. O'Malley J.W. *The Jesuits: A History from Ignatius to the Present*. Lanham, Maryland, The Rowman & Littlefield Publishing Group, 2014. 168 p.
25. Ostrowski B.E. *The Nôm Works of Geronimo Maiorica, S. J. (1589-1656) and Their Christology*. Ithaca, New York, Cornell University, 2006. 256 p.
26. Phan Huy Chu. *Lich trieu hien chuong loai chi* [Categorized Records of the Institutions of Successive Dynasties]. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2006, vol. 1. 978 p.
27. Quoc su quan trieu Nguyen [The National Historiographer's Office of Nguyen Dynasty]. *Dai Nam thuc luc* [Veridical Records of Dai Nam]. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2002, vol. 1. 1076 p.
28. Rhodes A. *Dictionarium Annamiticum Lusitanum et Latinum*. Romae, Typis & sumptibus eiusdem Sac. Congreg., 1651. 521 p.
29. Rhodes A. *Divers Voyages et Missions*. Paris, Sebastien Cramoisy, Imprimeur ordinaire du Roy & de la Reyne, 1653. 381 p.

30. Rhodes A. *Histoire du Royaume de Tonquin*. Lyon, Chez Jean Baptiste Devenet, 1651. 326 p.
31. Saccano M. *Relation des progrès de la Foi au royaume de la Cochinchine ès années 1646 et 1647*. Paris, Sebastien et Gabriel Cramoisy, 1653. 140 p.
32. Saraiva L., ed. *Europe and China: Science and Arts in the 17th and 18th Centuries*. Singapore, World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd, 2013. 309 p.
33. Shunshui Z. *Zhu Shunshui ji* [The Collected Works of Zhu Shunshui]. Beijing, Zhonghua Book Company, 1981, vol. 1. 424 p.
34. Standaert N. Note on the Spread of Jesuit Writings in Late Ming and Early Qing China. *China Mission Studies (1550–1800) Bulletin*, 1985, vol. 7, pp. 22–32.
35. Teixeira M. *Macau e sua diocese*. Macau, Tipografia da Missão do Padroado, 1967, vol. VII. 651 p.
36. Thompson L.C. *A Vietnamese Reference Grammar*. Honolulu, University of Hawaii Press, 1987. 416 p.
37. Tissanier J. *Relation du voyage du P. Joseph Tissanier de la Compagnie de Jésus, depuis la France jusqu'au royaume de Tonquin: avec ce qui s'est passé de plus mémorable dans cette mission, durant les années 1658, 1659 & 1660*. Paris, Chez Edmé Martin, 1663. 352 p.
38. Tran Anh Q. *Gods, Heroes, and Ancestors: An Interreligious Encounter in Eighteenth-century Vietnam: Errors of the Three Religions*. New York, Oxford University Press, 2018. 364 p.
39. Truong Anh Thuan, Nguyen Van Sang. A Comparison of the Missionary Method and Cultural Integration of Jesuits: A Study in China and Vietnam During the 16th and 17th Centuries. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, iss. 2, pp. 407–421. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.216>
40. Truong Anh Thuan. Processes of Receiving Western Astronomy in China and Vietnam. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2020, vol. 65, iss. 2, pp. 469–490. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2020.208>
41. Truong Ba Can. *Lich su phat trien Cong giao o Viet Nam* [History of Catholic Development in Vietnam]. Hanoi, Religious Publishing House, 2008, vol. 1. 601 p.
42. Truong Huu Quynh, Dinh Xuan Lam, Le Mau Han. *Dai cuong Lich su Viet Nam toan tap* [Complete Collection of an Outline of Vietnamese History]. Hanoi, Vietnam Education Publishing House, 2006. 1175 p.
43. Vaupot S. The Relationship Between the State and the Church in Vietnam Through the History of the Society of Foreign Missions of Paris. *Bogoslovni vestnik* 79, 2019, no. 3, pp. 825–836. DOI: <https://doi.org/10.34291/BV2019/03/Vaupot>
44. Vu Khanh Tuong. *Les missions jésuites avant les Missions étrangères au Viêt Nam, 1615–1665*. Paris, Institut Catholique, 1956. 940 p.
45. Wilcox W., ed. *Vietnam and the West: New Approaches*. Ithaca, New York, SEAP Publications, Cornell Southeast Asia Program, 2010. 210 p.
46. Yuxi W. *Ming-Qing zhiji Tianzhujiao "Shuji chuanjiao" yanjiu (1552–1773)* [A Study of Catholic Proselytizing by Means of Books from the Mid-Ming Dynasty to the Mid-Qing Dynasty (1552–1773)]. Beijing, People's Publishing House, 2017. 282 p.

Information About the Author

Anh Thuan Truong, PhD History, Head of the Department for History of Vietnam and History Teaching Methods, The University of Danang, University of Science and Education, Ton Duc Thang St, 459, 550000 Danang, Vietnam, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

Информация об авторе

Анх Тхуан Труонг, PhD по истории, руководитель департамента истории Вьетнама и методов преподавания истории, Университет Дананга, Университет науки и образования, ул. Тон Дык Тханг, 459, 550000 г. Дананг, Вьетнам, tathuan@ued.udn.vn, <https://orcid.org/0000-0001-9682-882X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.13>

UDC 281.9(470.43)
LBC 63.3(2)64-22

Submitted: 02.12.2021
Accepted: 13.05.2022

RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN TOGLIATTI (1989–1998)

Vadim N. Yakunin

Moscow Institute of Art and Industry, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article examines the activities of non-Orthodox religious organizations of 1989–1998 in the city of Togliatti before and after the adoption in 1990 of the USSR Law “On Freedom of Conscience and Religious Organizations” and the RSFSR Law “On Freedom of Religion.” The regulation of religious activity by the state, according to these laws, was not provided for, the authorities ceased to interfere in the affairs of religious organizations, which received full independence in resolving internal church issues, and citizens could freely register religious societies. Religious organizations, new to Togliatti, inevitably took advantage of this. *Methods and materials.* The work used materials from the state, municipal, diocesan archives, and the author’s personal archive: reports of officials, both secular and ecclesiastical, on the religious situation in the Samara region and the city of Togliatti, memoirs of the leaders of religious organizations, periodicals. *Analysis.* If in 1989 there were 2 registered religious organizations in Togliatti and 2 more carried out their activities illegally, then in 1997 there were already 34 of them. They very actively positioned themselves; some were registered under the guise of public organizations. Almost all religious organizations used youth houses, palaces of culture, cinemas, and libraries, assembly halls of colleges and schools for prayer meetings and Sunday schools. *Results.* Religious organizations attracted residents of Togliatti with a system of mutual assistance in their structures. Representatives of some traditional and new religious organizations formed in Togliatti in the 90s of the 20th century were engaged in charitable activities. Mostly, they were attended by those who saw the church not only as a doctrinal institution, but also as a social one. Despite the relatively small number, they showed activity, which alarmed the representatives of both the ROC and Islam.

Key words: churches, clergy, charity, Catholics, Protestants, Muslims, Jews, Buddhists.

Citation. Yakunin V.N. Religious Organizations in Togliatti (1989–1998). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 147-158. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.13>

УДК 281.9(470.43)
ББК 63.3(2)64-22

Дата поступления статьи: 02.12.2021
Дата принятия статьи: 13.05.2022

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ТОЛЬЯТТИ (1989–1998 гг.)

Вадим Николаевич Якунин

Московский художественно-промышленный институт, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье исследуется деятельность неправославных религиозных организаций в 1989–1998 гг. в г. Тольятти. Хронологические рамки работы охватывают период 1989–1998 гг., так как с 1989 г. религиозная ситуация в Тольятти претерпела значительные изменения, начался процесс легализации и регистрации других религиозных организаций, прежде всего мусульман и христиан веры евангельской (пятидесятников), что позволило позже, в 90-х гг. XX в., легализовать свое положение тем религиозным организациям, которые осуществляли свою деятельность подпольно или полуподпольно. И в то же время в результате этой легализации, в Тольятти появились религиозные организации, которые некоторые религиоведы относили к разряду деструктивных и деятельность которых впоследствии была запрещена на территории Российской Федерации (свидетели Иеговы). Утверждается, что легальная деятельность большинства из религиозных организаций в Тольятти стала возможной только после принятия в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий».

Ключевые слова: церкви, духовенство, благотворительность, католики, протестанты, мусульмане, иудеи, буддисты.

Цитирование. Якунин В. Н. Религиозные организации в Тольятти (1989–1998 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 147–158. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.13>

Введение. Исследование охватывает 1989–1998 гг., так как за этот период можно проанализировать, как изменялась религиозная ситуация на местах до и после принятия в 1990 г. Закона СССР «О свободе совести и религиозных организациях» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий», вплоть до принятия нового Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» 26 сентября 1997 года. Регулирования религиозной деятельности со стороны государства, согласно этим законам, не предусматривалось, власть перестала вмешиваться в дела религиозных организаций, которые получили полную самостоятельность в решении внутрицерковных вопросов, а граждане могли свободно регистрировать религиозные общества. Этим неизбежно воспользовались новые для г. Тольятти религиозные организации.

Как традиционные (православные, католики, баптисты, пятидесятники, мусульмане и др.), так и новые религиозные организации (неопятидесятники, новоапостольская церковь, кришнаиты, сахаджа-йога, мормоны) были заинтересованы в расширении своего влияния на верующих путем строительства культовых зданий, издания и распространения религиозной литературы, доступа в школы, участия в массовых акциях (крестные ходы, фестивали и т. д.), создания благотворительных фондов и просветительских обществ.

Контроль за соблюдением законодательства о религиозных культурах до 1990 г. был возложен на местные Советы народных депутатов, его осуществляли также административные и другие компетентные органы, в том числе МВД и КГБ. Вся работа велась под руководством местных партийных органов. Но в вопросах контроля, координации действий ведущая роль до 1990 г. принадлежала уполномоченным Совета по делам религий.

Среди направлений деятельности аппарата уполномоченного Совета по делам религий являлось упорядочение сети религиозных объединений и пресечение деятельности

нежелательных (как правило, незарегистрированных) религиозных организаций. В целях оказания помощи исполкомам Совета народных депутатов и аппарату уполномоченного Совета по делам религий в области были созданы и работали на общественных началах 47 комиссий содействия контролю за соблюдением законодательства о религиозных культурах. Возглавляли их в основном секретари горрайисполкомов. В Тольятти в 1980–1991 гг. такую комиссию возглавлял секретарь горисполкома М.А. Попов. В составе комиссий были представители трудовых коллективов, административных органов, органов народного образования, здравоохранения, финансовых отделов и другие. Они «разоблачали неправомерные действия религиозных фанатиков и экстремистов». Просуществовали комиссии до 1991 г. [14, л. 1–4]. С 1992 г. вопросы взаимодействия с религиозными организациями в Тольятти были возложены на организационный отдел администрации (1992–1994 гг.), затем на мэрию г. Тольятти.

После принятия в 1990 г. законов СССР и РСФСР в отношении религиозных организаций функции контроля за ними со стороны государства были упразднены, стала возможна лишь работа по координации действий, направлений, консультаций, разъяснений положений законодательства о культурах.

До 1989 г. в Тольятти имелись 2 зарегистрированные и 2 незарегистрированные религиозные общины: православная церковь во имя Казанской иконы Божией Матери и церковь евангельских христиан баптистов (далее – ЕХБ) «Благая весть». Христиане веры евангельской (пятидесятники) и мусульмане осуществляли в городе свою религиозную деятельность нелегально, без регистрации, собирались на частных домах и квартирах, оттого их собрания до перестройки считались незаконными. Благодаря внедрению агентурной сети, были известны точные места и время встреч как пятидесятников, так и мусульман, собиралась информация об их деятельности,

и было известно точное количество адептов. М.А. Попов вспоминал, что благодаря информаторам, было заранее известно, где состоится собрание пятидесятников. Информаторы вербовались сотрудниками силовых ведомств, как правило, КГБ. Получив информацию, сотрудники КГБ информировали своих коллег из МВД, а те уже пресекали собрание, на пришедших на собрание верующих накладывались штрафы [8, л. 1]. Если руководители пятидесятников подвергались административным взысканиям, а их собрания нередко разгонялись с помощью силовых органов, то с мусульманами так не поступали, чтобы не разжигать в этой среде национальные противоречия в многонациональном городе, каким был Тольятти. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. духовную жизнь мусульман Тольятти возглавлял имам Габдулла Гайнутдинов. Моления проходили в частных домах и квартирах.

Методы и материалы. Реализация исследования была достигнута на основе использования материалов муниципального казенного учреждения (далее – МКУ) «Тольяттинский архив», Центрального государственного архива Самарской области, данных периодической печати, материалов закрытого для общественности текущего архива Самарского епархиального управления, материалов личного архива автора. Решая вопрос о достоверности и репрезентативности вводимых в оборот источников, была изучена история происхождения и судьба этих источников, используя содержательный и корреляционный анализ, а также проанализировали их на предмет выявления закономерностей в происходивших изменениях в религиозной жизни и тенденций в ее формировании.

Новейшая историография проблемы неправославных религиозных организаций в регионах России в 1989–1998 гг. представлена несколькими статьями. Самарская область в этих исследованиях не представлена [13, с. 140–153; 39, с. 341–349].

Анализ. Протестантские организации с 1989 по 1998 гг. наиболее эффективно воспользовались новым религиозным законодательством. Если к концу 80-х гг. XX в. в г. Тольятти был официально зарегистрирован приход баптистской церкви «Благая весть», а христиане веры евангельской (пятидесятники) осу-

ществляли свои собрания нелегально, без регистрации, то с 1989 г. религиозный ландшафт города начал кардинально меняться. После посещения Тольятти как зарубежными, так и отечественными миссионерами и проповедниками возникают общины протестантских организаций, в конце рассматриваемого периода ставших наиболее многочисленными по количеству общин.

Православная общественность и духовенство стремились донести до органов власти свою тревогу за бесконтрольное, по их мнению, распространение новыми религиозными организациями своих идей, для этого составлялись соответствующие петиции. Так, например, прихожане Казанско-Богородичного храма собрали 374 подписи под обращением «остановить наплыв лукавой духовности... установить контроль над деятельностью сектантов» [26]. Надо понимать, что к сектантам православные прихожане в те годы относили и адептов «Великого белого братства», и традиционных баптистов. В мировоззрении православного прихожанина той поры такого понятия, как религиозная толерантность, еще не сформировалось. Священнослужители епархии, в том числе и управляющий Самарской епархией, особенно в свете материалов Архиерейского собора 1994 г., считали, что с «новыми инославными религиями» необходимо бороться [27, л. 5].

И православные, и мусульмане были едины в необходимости упорядочить деятельность новых религиозных организаций. Но и те и другие видели решение этого вопроса только лишь административными методами: назначение чиновника в мэрии города по религиозным вопросам, создание органов государственного регулирования религиозной сферой [20; 33]. Между тем такое регулирование уже было в предшествующем периоде времени, а на новые приемы завоевать симпатии населения через социальную, благотворительную деятельность были способны не все.

Неоднократно епископ Самарский и Сызранский Сергей ставил вопрос перед городскими властями о недопустимости предоставления новым религиозным организациям помещений для собраний, уравнивания их с традиционными религиозными организациями [30], в то же время как признавал епис-

коп Самарский и Сызранский Сергей, к миссионерской деятельности «православные священники не всегда... готовы, так как уровень их духовного образования оставляет желать лучшего» [9].

Вместе с тем противоположным взглядом на религиозную ситуацию тех лет стала заведомо нереализуемая идея объединения традиционных для России религий, так называемый проект «Духовное согласие – 2000», которая была продуктом религиозного незнания людей, но получила в Тольятти мощную поддержку со стороны депутатов городской думы, чиновников мэрии, представителей общественных организаций. Главным лоббистом этой идеи стал депутат городской думы Александр Брусникин. В дальнейшем планировалось создание «Храма всех религий», что вызвало резкое неприятие Русской православной церковью (далее – РПЦ). Епархиальный совет РПЦ сделал специальное заявление, в котором сообщал, что духовенство и верующие Самарской епархии в подобных проектах и мероприятиях участвовать не могут. Сторонники «теории заговора» и даже православные священнослужители полагали, что идея строительства «Храма всех религий» в Тольятти предваряет собой намерение властей действительно объединить все традиционные религии, что не соответствовало действительности.

Обратимся к статистике. Документы свидетельствуют, что в Куйбышевской области к 1989 г. было 76 религиозных объединений, из них 64 зарегистрированных: 23 РПЦ, 19 – мусульман, 8 – евангельских христиан-баптистов, 5 – старообрядцев, 4 – лютеран, 2 – адвентистов седьмого дня (далее – АСД), по 1 – духовных христиан-молокан, христиан веры евангельской, свидетелей Иеговы*. Незарегистрированными были 4 объединения пятидесятников, 2 – хлыстов, по 1 – адвентистов реформистов, иеговистов, сторонников совета церквей ЕХБ и др. [14, л. 15, 21; 15, л. 20]. В 1990 г. в области действовало уже 106 религиозных объединений, из них 90 зарегистрированных: 48 РПЦ, 26 – мусульман, 8 – евангельских христиан-баптистов, 5 – старообрядцев, 4 – лютеран, 2 – адвентистов седь-

мого дня, по 1 – духовных христиан-молокан, христиан веры евангельской, свидетелей Иеговы, иудеев [16, л. 3]. В 1998 г. в области было зарегистрировано 277 религиозных объединений: РПЦ насчитывала 139 приходов, мусульманские религиозные организации – 50. После мусульман самая крупная религиозная ориентация населения – это протестантизм. Церковь евангельских христиан-баптистов насчитывала в области 17 объединений, (включая сторонников Совета церквей), 15 организаций христиан веры евангельской. За ними по численности и влиянию среди населения следуют 7 приходов лютеранской церкви, 5 объединений римско-католической церкви, 3 общества адвентистов седьмого дня, 1 духовных христиан-молокан, 1 свидетелей Иеговы и ряд иных [17, л. 1; 32, л. 1–5].

Таким образом, по Самарской области рост религиозных организаций за 1989–1997 гг. вырос в 3,6 раза. В 1989 г. в Тольятти действовали 4 религиозные организации (2 официально и 2 нелегально), то в 1998 г. их было уже 34 [32], то есть рост за 9 лет увеличился в 8,5 раз.

В середине 90-х гг. XX в. в Тольятти происходит количественный рост и возрастает активность протестантского религиозного учения евангельских христиан-баптистов. Приход баптистской церкви «Благая весть» был зарегистрирован в Тольятти в 1979 году. Ее пресвитером с 1979 г. являлся А.Д. Терехин [28]. Располагался приход в подаренном в том же 1979 г. жертвователем жилым доме, на месте которого баптисты построили в 1983 г. церковное здание [19; 34, л. 359; 35, л. 388]. Численность баптистов церкви «Благая весть» к 1998 г. превышала 300 постоянных членов, то есть тех, кто регулярно присутствовал на службах [2, л. 1]. В первой половине 90-х гг. XX в. возникли еще 2 баптистских церкви: в 1993 г. «Возрождение», в 1995 г. – «Пробуждение», возглавили которые В.Н. Мануйлов и В.П. Гандзий. Собрания проводились в арендованных помещениях. Общая численность постоянных членов всех 3 баптистских церквей в Тольятти превышала к 1998 г. 500 человек.

* Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

Баптисты Тольятти не ограничивались молитвенными собраниями, а стремились выйти за пределы церковных стен. В 1993 г. в Тольятти возникло организованное С.И. Андреевым (мэр г. Тольятти в 2012–2017 гг.) христианское просветительское общество евангельских христиан-баптистов «Живое слово». Его члены организовывали детские религиозные лагеря, открыли заочную воскресную школу, привлекали к благотворительным акциям молодежь. Для городского сообщества участие в добровольческом движении было достаточно новым направлением, и лидер движения использовал СМИ города для презентации своего проекта, который, по большому счету и сделал ему имя [23]. Вместе с этим поднимался авторитет и церкви ЕХБ как религиозной организации.

Особенность деятельности протестантских организаций в Тольятти состоит в том, что основными драйверами их общественной и религиозной активности были не «коренные» тольяттинцы, а приезжие люди. Так, С.И. Андреев до переезда в Тольятти работал и обучался на пастора в христианской миссии «Новая жизнь» в Санкт-Петербурге.

Проповедник христиан-адвентистов седьмого дня И.Г. Олейник приехал в Тольятти в 1993 г. из Магнитогорска, чтобы возглавить возникшую общину христиан-адвентистов седьмого дня. До этого в городе была немногочисленная группа последователей адвентизма из 15 человек. В августе 1993 г. Тольятти посетила евангельская миссия, состоявшая в основном из зарубежных проповедников. 7 августа 1993 г. миссионеры крестили 300 человек. Адвентистская община в Тольятти была официально зарегистрирована в марте 1995 г., АСД арендовали помещения во всех районах города. В Автозаводском районе их возглавлял пресвитер В.Д. Куценко, в Комсомольском районе – А.Г. Лисовский [4, л. 1].

Пятидесятники (христиане веры евангельской) в Тольятти до 1989 г. насчитывали 30 последователей, практиковали систему домашних церквей (собирались на частных домах или квартирах), позже их численность стала возрастать. Община пятидесятников в Тольятти до 1993 г. была не зарегистрирована. Возглавлял тольяттинских пятидесятников

пастор В.В. Паклин, начавший свое служение в 1980 году. В 1993 г. пятидесятники во главе с В.В. Паклиным зарегистрировали свою общину как общественную организацию – миссию «Христианин» и готовили документы для регистрации в качестве религиозной организации в отделе юстиции Самарской области [3, л. 1; 24].

Вместе с «традиционными» пятидесятническими организациями в середине 90-х гг. XX в. в Тольятти возникли неопятидесятнические группы с новыми лидерами. Такими были свободная христианская церковь «Открытое небо» [31; 38] и христианская ассоциация «Глобальная стратегия». В общине «Открытого неба» насчитывалось 200 членов, ими руководил пастор Вадим Никонов. В Тольятти вместе с организацией «Открытое небо» тем же пастором Вадимом Никоновым была образована музыкальная поп-группа с одноименным названием, которая способствовала распространению «музыкального евангелизма» – исполнению песен на христианские темы. Такое «неформальное» христианство неопятидесятников привлекало к себе молодежь.

Если церковь «Открытое небо» была организована российскими пятидесятниками и зарегистрирована в 1996 г., то христианская ассоциация «Глобальная стратегия» была создана при миссионерской деятельности граждан США, что вызывало обеспокоенность у компетентных органов. Первоначально возглавлял организацию пастор Майкл Хэннэн, в конце 90-х гг. XX в. руководство организацией перешло к пастору А.С. Анисимову. Организация насчитывала 200 человек. При организации существовали 8 месячные курсы. Для пятидесятников характерно дробление своих церквей, в середине 90-х гг. XX в. от «Открытого неба» отделилась церковь полного Евангелия «Осанна» со своим руководителем – пастором Г.С. Проскуриной. Всего в пятидесятнических общинах Тольятти к началу 1998 г. насчитывалось 1000 человек, которые собирались в арендованных помещениях и на квартирах [38].

Полностью внешние факторы, а именно переселение русских людей из Закавказья, способствовали созданию общины духовных христиан-молокан в Тольятти в начале 90-х гг. XX века. Она была зарегистрирована в 1993 г.,

верующие собирались на частных домах и квартирах, чаще всего – дома у своего пресвитера, А.Ф. Хныкина. Всего в Тольятти проживало на тот момент времени около 70 молканских семей, передававших свою веру из поколения в поколение [5, л. 1].

Возникновение общины новоапостольской церкви в г. Тольятти в 1989 г. было связано с приездом из Германии миссионеров Ульриха Краузе и Александра Шотта, в ходе которой они совершили богослужения на квартирах своих приверженцев, первоначально этнических немцев. Позже община трансформировалась из моно- в многонациональную, это было связано также с деятельностью зарубежных миссионеров, их стремлением привлечь больше людей. Для проведения служб стали арендовать помещения. Если в 1991 г. в общине церкви насчитывалось 100 человек, то в 1997 г. уже 600. В 1993 г. община новоапостольской церкви была зарегистрирована, в 1994 г. она обратилась за разрешением строить церковь, в 1996 г. был разработан и утвержден проект ее строительства. Строительство церкви началось 8 мая 1997 г. и в декабре того же года закончено и освящено [7, л. 1]. Это был уникальный пример строительства религиозного здания в столь короткие сроки без помощи государства. Осуществлялось оно на средства, пожертвованные единоверцами из общин Берлина и Бранденбурга. В помещении церкви, кроме большого зала на 200 мест, были комната для молодежных собраний и комната матери и ребенка. Это было новшеством, привлекающем молодежь. А установка в церкви органа стала культурным событием для города. Настоятелем Новоапостольской церкви г. Тольятти стал приходской евангелист С.И. Долгов, в прошлом сотрудник администрации Автозаводского района Тольятти. Свою религиозную деятельность он совмещал с работой заседателя Автозаводского районного суда [11]. Можно предположить, что быстрому выделению земли и затем строительству здания новоапостольской церкви община обязана связям С.И. Долгова.

Евангелическо-лютеранская община появилась в Тольятти в конце 80-х гг. XX в., первоначально ее костяк также состоял из лиц немецкой национальности. Среди пришедших в общину были люди, прошедшие трудовую,

прожившие много лет в бараках и оттуда принесшие традицию собираться для чтения Библии или проповедей. Верующие собирались на квартирах, с 1994 г. из Ульяновска в Тольятти стал приезжать пастор Фридрих Демке. На тот момент община стала проводить богослужения в помещениях немецкого центра «Видергебурт» [29, л. 1].

Польский национально-культурный центр Тольятти стал отправной точкой создания Римско-католического прихода Божией Матери Фатимской, который был зарегистрирован в марте 1997 года. Руководитель этого центра, Ф.С. Паяновский, стал старостой прихода. Создание прихода было связано с тем, что наблюдался рост национального самосознания поляков, связанный в том числе с религиозной идентичностью, чем и объяснялось их обращение к Римско-католической вере. Среди прихожан были немцы, выходцы из Прибалтики, Западных областей Украины и Белоруссии [6, л. 1]. Мэрией г. Тольятти в 1998 г. был выделен под строительство католического костела участок земли, где в том же году разместили временную сборную церковь, изготовленную в Германии. Католики планировали возвести постоянный храм.

Национальное татаро-башкирское общественное движение «Туган-тел» стало в 1989 г. инициатором строительства в Тольятти мечети. Эта идея появилась еще в 60-х гг. XX века. Татарская община Тольятти увеличилась в 60–70-е гг. XX в. в связи с масштабным промышленным строительством. В 1989 г., когда отмечалось 1100-летие принятия ислама в Поволжье было предложено зарегистрировать религиозное городское мусульманское общество и выйти с ходатайством о выделении земли под соборную мечеть. Председателем координационного центра по строительству мечети стала Р.С. Каримова, сопредседатель «Туган-тел» [40]. Э.Н. Каримов стал председателем мусульманского религиозного объединения и прорабом строительства. В 1993 г. земля под соборную мечеть на улице Ларина была выделена, а в 1994 г. началось ее строительство, завершившееся в начале 1997 года. Строительство велось как на пожертвования верующих, так и на деньги руководителей тольяттинских фирм из татарской диаспоры. Первым имамом соборной мечети стал Ра-

виль Тажетдинов (Абдул Карим Тажетдин) [36].

Мечеть была рассчитана на 350 человек. Показательна тенденция роста числа прихожан. Если в 1997 г. на пятничный намаз собиралось по 12–15 человек, то уже через год – 70–100, в будни в мечеть приходило до 70 человек. На большие праздники у мечети собиралось до 3000 человек. При мечети открыли курсы по изучению основ ислама и арабской графики.

Ситуация сосуществования религиозных и общественных светских структур в одном лице нередко приводила к конфликтам. Так, председатель мусульманского религиозного объединения «Соборная мечеть» и прораб ее строительства Э.Н. Каримов являлся председателем религиозного мусульманского общества «Эль-нур», зарегистрированного как общественная организация, а деньги на строительство мечети и ее благоустройство запрашивались от спонсоров и на ту, и на другую организации, что вызывало конфликт интересов [36].

Кроме соборной мечети, в Тольятти возникли другие мусульманские центры: религиозное общество «Вахдад» во главе с А.А. Тугушевым, и объединение содействию возрождения культуры и веры ислама «Мирас» во главе с Ф.М. Зиангировым [41], религиозный центр «Байт Аллах», зарегистрированный как общественная организация, и духовное управление мусульман г. Тольятти. Последние два возникли в 1994 г., под руководством имама А.Г. Галиаскарова. Центр «Байт-Аллах» должен был собирать пожертвования и строить мечеть «Джуми Джума». Несмотря на выделение в 1997 г. земли под строительство этой мечети, она так и не была построена, хотя президентом-генеральным директором ОАО «АВТОВАЗ» А.В. Николаевым были подписаны документы о выделении 2300 машин, деньги с реализации которых должны были пойти на ее строительство. А.Г. Галиаскаров утверждал, что в условиях абсолютной непрозрачности финансов мусульманских религиозных организаций они становились объектом интереса криминальных структур, а некоторым из них предлагалось покровительство на определенных условиях, в частности, со стороны шамилевской и сулеймановской организационной преступной группы [22].

В Тольятти в начале 90-х гг. XX в. возникла иудейская община, возглавлял которую Леонид Вениаминович Затуловский.

После визита в Тольятти в июне 1992 г. датского проповедника ламы Оле Нидала в городе был открыт филиал необуддийского центра Карма Кагью [10].

На протяжении 90-х гг. XX в. благодаря активной прозелитической деятельности увеличивалось количество свидетелей Иеговы. Если в 1990 г. в Тольятти их было 20, то в 1991 г. – 100, а в 1998 г. – 1 000 человек [42]. Община иеговистов в Тольятти была не зарегистрирована, руководили ими Эдуард Трошин и Владимир Затопляев. Собирались иеговисты в школах города. В 1997 и 1998 гг. на стадионе «Торпедо» проходили конгрессы Свидетелей Иеговы в которых принимали участие от 3 000 до 5 000 человек [37].

В начале 90-х гг. в XX в. в Тольятти появились сторонники неиндуистского учения сахаджа-йоги. После неоднократных посещений Тольятти основателя учения Нирмалой Шриваставой (Шри Матаджей Нирмалой Деви) и ее встречи в начале 1996 г. с мэром г. Тольятти Сергеем Жилкиным количество ее сторонников увеличилось до нескольких тысяч человек [1]. В течение 1993 г. в 48-й школе дети двух первых классов обучались методике сахаджа-йоги [25]. В Тольятти сахаджа-йога в начале 90-х гг. XX в. зарегистрировалась как региональное общественное движение, а не как религиозное объединение. Возглавил его А.С. Солодянкин.

Гуманитарный центр «Дианетика» был зарегистрирован также как общественная организация, которую возглавляла Ф.Ф. Фатыхова [12].

В Тольятти религиозное общество сознания Кришны появилось в Тольятти в 1991 г. и было представлено 15 сторонниками. Общество было зарегистрировано в апреле 1995 г., его возглавил А.Б. Поспелов, к тому времени численность кришнаитов не превышала 100 человек, которые занимались распространением литературы и продвижением своего учения и организовывали бесплатные обеды для малоимущих [21]. Собирались кришнаиты либо на квартирах, либо летом на лесных полянках. Активизировались после приезда в Тольятти в июне 1994 г. председателя гума-

нитарной миссии «Харе Кришна» по СНГ Мурари Кришны.

Церковь Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) в Тольятти не были зарегистрированы, но их последователи в середине 90-х гг. XX в. насчитывали 200 человек, которыми руководили американские граждане, работающие «вахтовым методом». Свою деятельность они осуществляли в школе № 20. У мормонов в Поволжье была создана миссия с центром в Самаре, а в Тольятти они организовали филиал [20]. Органы безопасности подозревали мормонов в разведывательной деятельности.

В Тольятти имелись небольшие незарегистрированные религиозные группы последователей Саи-Бабы, Порфирия Иванова, Виссариона (Церковь последнего завета **), свидетели фиолетового пламени [18].

Результаты. В результате принятых в 1990 г. Закона СССР «О свободе вероисповеданий» и Закона РСФСР «О свободе вероисповеданий» в начале 1990-х гг. регулирования религиозной деятельности со стороны государства не предусматривалось, власть перестала вмешиваться в дела религиозных организаций, которые получили полную самостоятельность в решении внутрицерковных вопросов, а граждане могли свободно регистрировать религиозные общества. Этим неизбежно воспользовались новые для г. Тольятти религиозные организации, которые стали регистрироваться и действовать без регистрации. Это позволило легализовать свое положение тем религиозным организациям, которые осуществляли свою деятельность подпольно или полуподпольно. Вместе с тем в результате этой легализации в Тольятти появились религиозные организации, которые некоторые религиоведы относили к разряду деструктивных и деятельность которых впоследствии была запрещена на территории Российской Федерации (свидетели Иеговы). Если в 1989 г. в Тольятти действовали 2 зарегистрированные религиозные организации и еще 2 осуществляли свою деятельность нелегально, то в 1998 г. их было уже 34 [32], то есть рост за 9 лет увеличился в 8,5 раз. По всей Самарской области рост религиозных организаций за тот же

период времени увеличился в 3,6 раза. Порой неискушенному человеку было сложно разобраться в перипетиях религиозных обществ. Одни очень активно позиционировали себя на постсоветском пространстве и были признаны деструктивными во многих странах, это свидетели Иеговы, Великое белое братство, культ Саи-Бабы, секта Виссариона. Многие религиозные организации были зарегистрированы под видом общественных (сахаджа-йога, кришнаиты, саентологи).

Среди причин непримиримой позиции православной общественности и духовенства по отношению к другим религиозным организациям в 90-е гг. XX в. отметим слабую на тот момент подготовку священников к миссионерской деятельности, прежде всего из-за уровня духовного образования. Учившимся до 1991 г. в духовных учебных заведениях не преподавали такой предмет, как миссионерская деятельность, так как сама такая деятельность в СССР не приветствовалась, и не предполагалась. Принявшие сан священников в 90-е гг. XX в. в большинстве своем учились в духовных учебных заведениях заочно, что также не способствовало познанию всех аспектов миссионерской деятельности. Отсюда такое явное желание православных священников и верующих упорядочить деятельность новых религиозных организаций, как реальной угрозы своей монополии, административными методами, что уже было в СССР. Но в отличие от советского периода, предлагалось «ограничить» деятельность не всех, а только новых религиозных организаций, которые активно завоевывали симпатии населения через социальную, благотворительную, миссионерскую, проповедническую деятельность.

Религиозные организации, особенно протестантские, привлекали жителей Тольятти системой взаимовыручки и взаимопомощи в своих структурах. Представители некоторых традиционных и новых религиозных организаций, образованных в Тольятти в 90-е гг. XX в., занимались благотворительной деятельностью. В них шли в основном те, кто видел в церкви не только вероучительный, но и справедливый социальный институт. Протестанты открывали различные курсы, кружки по

** Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

изучению библии. Несмотря на сравнительно небольшую численность, проявляли активность, которая настораживала представителей как РПЦ, так и ислама.

Новые религиозные организации использовали под молитвенные собрания и воскресные школы дома молодежи, дворцы культуры, кинотеатры, библиотеки, актовые залы училищ и школ. Причины, по которым люди становились адептами новых религиозных организаций, были разными, но среди них можно назвать и негативные аспекты освещения в прессе некорректного поведения отдельных православных священнослужителей, и активную миссионерскую деятельность.

Одна из особенностей деятельности новых религиозных организаций в Тольятти в 90-е гг. XX в. состояла в том, что основными драйверами их общественной и религиозной активности зачастую были не «коренные» тольяттинцы, а приезжие проповедники. Именно они либо организационно оформляли небольшие группы верующих (И.Г. Олейник, Фридрих Демке), либо создавали благотворительные организации (С.И. Андреев) или новые религиозные организации, которых до этого времени не было в Тольятти (Майкл Хэннэн, Ульрих Краузе и Александр Шотт).

Характерно появление религиозных обществ из национально-культурных центров. Так, из татаро-башкирского национально-культурного центра возникла мусульманская община, из польского национально-культурного центра – католическая община, из еврейского национально-культурного центра – иудейская община. Первоначально руководители этих центров являлись и руководителями религиозных общин. Объяснить этот факт можно возрождением национального и религиозного самосознания тех народов, которые исповедуют ту или иную религию: татары и башкиры – ислам, поляки – католицизм, евреи – иудаизм, немцы – католицизм и протестантизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронцова Е. Я рождаюсь на земле снова и снова // Площадь свободы. 2000. 19 янв. С. 3.
2. Воспоминания А. Д. Терёхина. Записано 15.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
3. Воспоминания В. В. Паклина. Записано 08.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
4. Воспоминания И. Г. Олейника. Записано 10.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
5. Воспоминания А. Ф. Хныкина. Записано 23.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
6. Воспоминания Ф. С. Паяновского. Записано 27.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
7. Воспоминания С. И. Долгова. Записано 17.11.1998 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
8. Воспоминания М. А. Попова. Записано 05.11.2010 г. // Архив В. Н. Якунина. Л. 1.
9. Встреча епархиального духовенства // Благовест. 1995. № 1. С. 2.
10. Громыко В. Ум есть пространство. В Тольятти открыт филиал буддийского центра Карма-Кагью // Площадь свободы. 1992. 1 июля. С. 2.
11. Гуенко Л. Новая церковь с приветом из Цюриха // Презент. 1998. 2 марта. С. 1–2.
12. Гуревич С. У каждого своя формула счастья // Площадь свободы. 1998. 16 окт. С. 3.
13. Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Государственное регулирование деятельности религиозных общин в Западной Сибири в контексте конфессиональной политики России в 1992–2000 гг. // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26, № 4. С. 140–153. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–12
14. Докладная записка за 1987 г. уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Куйбышевской области Я.И. Борисанова // Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 3219. Оп. 1. Д. 66. Л. 15.
15. Докладная записка за 1988 г. уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Куйбышевской области Я.И. Борисанова // ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 72. Л. 20.
16. Докладная записка за 1990 г. уполномоченного Совета по делам религий при Совете Министров СССР по Куйбышевской области В.С. Власова // ЦГАСО. Ф. 3219. Оп. 1. Д. 87. Л. 3.
17. Информация о состоянии религиозной обстановки в Самарской области на 1 января 1997 года консультанта губернатора Самарской области В.С. Власова // Архив В. Н. Якунина.
18. Информация о состоянии религиозной обстановки в Самарской области на 1 января 1995 года консультанта главы администрации Самарской области В.С. Власова // Архив В. Н. Якунина.
19. Каратеева Н. Баптисты судятся с мэрией за молитвенный дом // Понедельник. Деловая газета Тольятти. 2012. 4 июля.
20. Караулов В., священник. Секты наступают // Любимый город. 1996. № 2. С. 3.
21. Костин В. Какую же «посевную» проводят у нас кришнаиты? // Тольятти сегодня. 1995. 29 марта. С. 3.

22. Криминальная история Тольятти. Кто в Тольятти ваххабит? URL: <http://tltgorod.ru/crime/article-43694/4/>

23. Мельник С. В начале было добро // Презент. 1998. 25 марта. С. 1.

24. Мощенко М. Сети веры // Миллион плюс. 2000. № 80 (210). Август. С. 3.

25. Нирмала. 1993. № 2–5. С. 62.

26. Обращение прихожан Казанско-Богородичного храма. 23.06.1996 // Архив В. Н. Якунина.

27. Отчет правящего архиерея Самарской епархии в Московскую Патриархию за 1994 год // Текущий архив Самарского епархиального управления. Л. 5.

28. Павлухина Г. И слово Божье отзовется // Тольятти сегодня. 1992. 15 сент. С. 3.

29. Письмо пробста Самарского пробства Евангелическо-лютеранской церкви Европейской части России О. В. Темирбулатовой В. Н. Якунину 30.11.2021 // Архив В. Н. Якунина.

30. Письмо управляющего Самарской епархией епископа Сергия мэру г. Тольятти Н. Д. Уткину 21.02.1997 г. // Архив В. Н. Якунина.

31. Площадь свободы. 1997. 25 января. С. 1.

32. Религиозные объединения граждан, зарегистрированные в Самарском областном отделе юстиции на 01.01.1998 г. // Архив В. Н. Якунина.

33. Религиозный совет городу необходим. Беседа с имамом-мухтасибом А. Г. Галиаскаровым // Тольятти сегодня. 1997. 5 апр. С. 3.

34. Решение Тольяттинского горисполкома от 12.06.1980 г. № 211/12 // Муниципальное казенное учреждение «Тольяттинский архив». Фонд Р-94. Оп. 1. Д. 777. Л. 359.

35. Решение Тольяттинского горисполкома от 24.04.1981 г. № 186/7 // Муниципальное казенное учреждение «Тольяттинский архив». Фонд Р-94. Оп. 1. Д. 812. Л. 388.

36. Русов Сергей. Скандал вокруг строительства мечети // Площадь свободы. 1997. 15 окт. С. 3.

37. Сафонова Е. Дом Иеговы на стадионе «Торпедо» // Площадь свободы. 1997. 9 авг. С. 2.

38. Скоренева Е. Моего мужа увела секта // Тольяттинское обозрение. 1999. 26 июля. С. 3.

39. Чумаченко Т. А. Конфессиональная политика региональной власти в контексте вероисповедных реформ 1990-х гг. в России (на примере Челябинской области) // Реформы конца XX – начала XXI в. на постсоветском пространстве: региональный аспект. Владивосток: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 2020. С. 341–349.

40. Шмыгов А. Плечом к плечу // Презент. 1996. 29 нояб. С. 2.

41. Шмыгов А. Противостояние. Что не поделили мусульманские лидеры // Презент центр. 1998. 4 декабря. С. 3.

42. Эпов Н. Беседа с иеговистской // Площадь свободы. 1991. 26 нояб. С. 3.

REFERENCES

1. Vorontsova E. Ya rozhdayas na zemle snova i snova [I Am Born on the Earth Again and Again]. *Ploshchad svobody*, 2000, Jan. 19, pp. 3.

2. Vospominaniya A.D. Terekhina. Zapisano 15.11.1998 g. [Memories of A.D. Terekhin. Recorded on 15.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

3. Vospominaniya V.V. Paklina. Zapisano 08.11.1998 g. [Memories of V.V. Paklin. Recorded on 08.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

4. Vospominaniya I.G. Oleynika. Zapisano 10.11.1998 g. [Memories of I.G. Oleynik. Recorded on 10.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

5. Vospominaniya A.F. Khnykina. Zapisano 23.11.1998 g. [Memories of A.F. Khnykin. Recorded on 23.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

6. Vospominaniya F.S. Payanovskogo. Zapisano 27.11.1998 g. [Memories of F.S. Payanovsky. Recorded on 27.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

7. Vospominaniya S.I. Dolgova. Zapisano 17.11.1998 g. [Memories of S.I. Dolgov. Recorded on 17.11.1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

8. Vospominaniya M.A. Popova. Zapisano 05.11.2010 g. [Memories of M.A. Popov. Recorded on 05.11.2010]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin], l. 1.

9. Vstrecha eparhialnogo duhovenstva [Meeting of the diocesan clergy]. *Blagovest*, 1995. no. 1, p. 2.

10. Gromyko Viktor. Um est prostranstvo. V Tolyatti otkryt filial buddijskogo centra Karma-Kagy [Gromyko Victor. The Mind Is Space. A Branch of the Karma-Kagy Buddhist Center Was Opened in Togliatti]. *Ploshchad svobody*, 1992, Jul. 1, p. 2.

11. Guenko L. Novaya cerkov s privetom iz Tsyuriha [New Church with Greetings from Zurich]. *Prezent*, 1998, Mar. 2, pp. 1–2.

12. Gurevich S.U. kazhdogo svoya formula schastya [Each Has Its Own Formula of Happiness]. *Ploshchad svobody*, 1998, Oct. 16, p. 3.

13. Dashkovsky P.K., Dvoryanchikova N.S. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatel'nosti religioznykh obshchin v Zapadnoy Sibiri v kontekste konfessionalnoy politiki Rossii v 1992–2000 gg. [State Regulation of the Activities of Religious Communities

in Western Siberia in the Context of the Confessional Policy of Russia in 1992–2000]. *Narody i religii Yevrazii* [Nations and Religions of the Eurasia], 2021, vol. 26, no. 4, pp. 140-153. DOI: 10.14258/nreur(2021)4–12.

14. Dokladnaya zapiska za 1987 g. upolnomochennogo Soveta po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR po Kuybyshevskoy oblasti Ya.I. Borisanova [Memorandum for 1987 by Borisanov Ya.I., Authorized by the Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR for the Kuibyshev Region]. *Tsentrálny gosudarstvennyy arkhiv Samarskoy oblasti (TsGASO)* [Central State Archives of the Samara Region], f. 3219, inv. 1, d. 66, l. 15.

15. Dokladnaya zapiska za 1988 g. upolnomochennogo Soveta po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR po Kuybyshevskoy oblasti Ya.I. Borisanova [Memorandum for 1988 by Borisanov Ya.I., Authorized by the Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR for the Kuibyshev Region]. *TsGASO* [Central State Archives of the Samara Region], f. 3219, inv. 1, d. 72, l. 20.

16. Dokladnaya zapiska za 1990 g. upolnomochennogo Soveta po delam religiy pri Sovete Ministrov SSSR po Kuybyshevskoy oblasti V.S. Vlasova [Memorandum for 1990 by Vlasov V.S., Authorized by the Council for Religious Affairs Under the Council of Ministers of the USSR for the Kuibyshev Region]. *TsGASO* [Central State Archives of the Samara Region], f. 3219, inv. 1, d. 87, l. 3.

17. Informatsiya o sostoyanii religioznoy obstanovki v Samarskoy oblasti na 1 yanvarya 1997 goda konsultanta gubernatora Samarskoy oblasti V.S. Vlasova [Information by the Consultant of the Governor of the Samara Region Administration V.S. Vlasov on the State of the Religious Situation in the Samara Region as of January 1, 1997]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

18. Informatsiya o sostoyanii religioznoy obstanovki v Samarskoy oblasti na 1 yanvarya 1995 goda konsultanta glavy administratsii Samarskoy oblasti V.S. Vlasova [Information by the Consultant to the Head of the Samara Region Administration V.S. Vlasov on the State of the Religious Situation in the Samara Region as of January 1, 1995]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

19. Karateyeva N. Baptisty sudyatsya s meriyei za molitvennyy dom [Baptists Sue City Hall for Meeting House]. *Ponedelnik. Delovaya gazeta Tolyatti*, 2012, 4 Jul.

20. Karaulov V., svyashchennik. Sekty nastupayut [Sects Are Coming]. *Lyubimyy gorod*, 1996, no. 2, p. 3.

21. Kostin V. Kakuyu zhe «posevnyuyu» provodyat u nas krishnaity? [What Kind of “Sowing” Do the Hare Krishnas Carry Out?]. *Tolyatti segodnya*, 1995, Mar. 29, p. 3.

22. *Kriminalnaya istoriya Tolyatti. Kto v Tolyatti vakhkhabit?* [Criminal History of Togliatti. Who Is a Wahhabite in Togliatti?]. URL: <http://tltgorod.ru/crime/article-43694/4/>

23. Melnik S.V. nachale bylo dobro [In the Beginning It Was Good]. *Present*, 1998, Mar. 25, p. 1.

24. Moshchenko M. Seti very [Nets of Faith]. *Million plus*, 2000, no. 80 (210), Aug., p. 3.

25. *Nirmala*, 1993, no. 2-5, p. 62.

26. Obrashchenie prihozhan Kazansko-Bogorodichnogo hrama. 23.06.1996 [Appeal of the Parishioners of the Kazan-Mother of God Church, 23.06.1996]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

27. Otchyot pravyyashchego arhiereya Samarskoy eparhii v Moskovskuyu Patriarhiyu za 1994 god [Report of the Ruling Bishop of the Samara Diocese to the Moscow Patriarchate for 1994]. *Tekushchiy arkhiv Samarskogo eparkhialnogo upravleniya* [Current Archive of the Samara Diocesan Administration], l. 5.

28. Pavluchina G. I slovo Bozhye otzovyotsya [And the Word of God Will Respond]. *Tolyatti segodnya*, 1992, Sept. 15, pp. 3.

29. Pismo probsta Samarskogo probstva Yevangelicheskoy-lyuteranskoj tserkvi Yevropeyskoy chasti Rossii O.V. Temirbulatovoy V.N. Yakuninu 30.11.2021 [Letter from O.V. Temirbulatova, the Probst of the Samara Probstvo of the Evangelical Lutheran Church of the European part of Russia, to V.N. Yakunin, 30.11.2021]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

30. Pismo upravlyayushchego Samarskoy eparkhii episkopa Sergiya meru g. Toliatti N.D. Utkinu 21.02.1997 g. [Letter from Bishop Sergius, Governor of the Samara Diocese, to the Mayor of Togliatti, N.D. Utkin, February 21, 1997]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

31. *Ploshchad svobody*, 1997, Jan. 25, p. 1.

32. Religioznye obyedineniya grazhdan, zaregistrirovannye v Samarskom oblastnom otdel yustitsii na 01.01.1998 g. [Religious Associations of Citizens Registered in the Samara Regional Department of Justice, January 1, 1998]. *Arkhiv V.N. Yakunina* [Archive of V.N. Yakunin].

33. Religioznyj sovet gorodu neobhodim. Beseda s imamom-muhtasibom A. G. Galiaskarovym [The City Needs Religious Council. Conversation with Imam-Muhtasib Galiaskarov A.G.]. *Tolyatti segodnya*, 1997, Apr. 5, p. 3.

34. Resheniye Tolyattinskogo gorispolkoma ot 12.06.1980 g. № 211/12 [Decision of the Togliatti City Executive Committee of 12.06.1980, No. 211/12]. *Munitsipalnoe kazennoe uchrezhdenie «Tolyattinskiy arkhiv»* [Municipal Government Institution “Togliatti Archive”], f. R-94, inv. 1, d. 777, l. 359.

35. Resheniye Tolyattinskogo gorispolkoma ot 24.04.1981 g. № 186/7 [Decision of the Togliatti City Executive Committee of 24.04.1981, No. 186/7]. *Munitsipalnoe kazennoe uchrezhdenie «Tolyattinskiy arkhiv»* [Municipal Government Institution “Togliatti Archive”], f. R-94, inv. 1, d. 812, l. 388.

36. Rusov S. Skandal vokrug stroitelstva mecheti [Scandal around the Construction of a Mosque]. *Ploshchad svobody*, 1997, Oct. 15, p. 3.

37. Safonova E. Dom Iegovy na stadione «Torpedo» [Jehovah’s House at the Torpedo Stadium]. *Ploshchad svobody*, 1997, Aug. 9, p. 2.

38. Skoreneva E. Moego muzha uvela sekta [My Husband Was Taken Away by a Sect]. *Tolyattinskoe obozrenie*, 1999, Jul. 26, p. 3.

39. Chumachenko T.A. Konfessionalnaja politika regionalnoj vlasti v kontekste veroispovednyh reform 1990-h gg. v Rossii (na primere Cheljabinskoj

oblasti) [Confessional Policy of Regional Authorities in the Context of Religious Reforms in the 1990s in Russia (On the Example of the Chelyabinsk Region)]. *Reformy kontsa XX – nachala XXI v. na postsovetskom prostranstve: regionalnyy aspekt* [Reforms of the Late 20th – Early 21st Century in the Post-Soviet Space: A Regional Aspect]. Vladivostok, In-t istorii, arkhologii i etnografii narodov Dalnego Vostoka, 2020, pp. 341-349.

40. Shmygov A. Plechom k plechu [Shoulder to Shoulder]. *Prezent*, 1996, Nov. 29, p. 2.

41. Shmygov A. Protivostoyanie. Chto ne podelili musulmanskije lidery [Confrontation. What the Muslim Leaders Did Not Share]. *Prezent centr*, 1998, Dec. 4, p. 3.

42. Epov N. Beseda s iegovistskoj [Conversation with Jehovah’s Witness]. *Ploshchad svobody*, 1991, Nov. 26, p. 3.

Information About the Author

Vadim N. Yakunin, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Moscow Institute of Art and Industry, 2-ya Baumanskaya St, 9/23s3, 105005 Moscow, Russian Federation, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

Информация об авторе

Вадим Николаевич Якунин, доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский художественно-промышленный институт, 2-я Бауманская улица, 9/23, стр. 3, 105005 г. Москва, Российская Федерация, vadyak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0464-2938>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.14>

UDC 94:939:81
LBC 63.3(2)

Submitted: 12.04.2022
Accepted: 08.10.2022

PARAMETRIC ANALYSIS OF V.O. KLYUCHEVSKY'S WORK "TERMINOLOGY OF RUSSIAN HISTORY"

Mustafa Ozturk

Akdeniz University, Antalya, Turkey

Yulia G. Kokorina

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Makhach M. Vagabov

Moscow Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* Terminological work, both in the world and in Russian science, was carried out, first of all, on the material of exact and technical disciplines. Arrangement of terminology of humanitarian knowledge has been in the focus of attention of researchers only in recent years. Thus, the aim of the work is to study the terminological system of historical knowledge by means of parametric analysis of the little-known course by V.O. Klyuchevsky "Terminology of Russian History", which was first published in 1956 and practically was not studied by either historians or linguists, and this substantiates the novelty of the present work. *Materials and Methods.* The material of this course, studied with the help of historical-comparative, historical-typological, as well as general scientific methods such as analysis and synthesis, using parametric analysis and positional statistics, showed that the terminology proposed by V.O. Klyuchevsky has a systemic nature and its structure is hierarchical. Nine parameters – archaeological, geographical, terminological, illustrative, source study, classification, chronological, economic, etymological – were singled out in the work. A conditional notion of the place of each parameter in the so-called "dictionary article", which is determined by the boundary of the two parameters, was introduced. The notion of a "dictionary article" as applied to the course materials is conditional, since the course is not a dictionary proper. *Analysis.* Using statistical methods, the frequency of occurrence of each parameter in a certain place in each of the three parts of the course is identified. Statistical tables are formed, which make it possible to see the similarity and difference between the three parts of the course and to point out their features. This article traces not only the scientist's fluency in ancient and modern languages, including rare ones, but also the ability to use linguistic techniques, such as historical-etymological and word-formation analysis, on the material of the "Terminology of Russian History." *Results.* The semantic invariant in the construction of the parts of the course has been revealed. This is an additional evidence of the systematic nature of the historical terminology, which was suggested by V.O. Klyuchevsky. The hierarchical nature of the system of terms, created in the course by V.O. Klyuchevsky, has been determined. *Contribution of the authors.* Mustafa Ozturk developed the concept of the article, wrote the "Introduction" and "Results" sections. Y.G. Kokorina conducted parametric and statistical analysis, wrote the "Analysis" section, participated together with M.M. Vagabov in writing the "Materials and Methods" section, carried out the scientific editing of the entire text of the work. M.M. Vagabov wrote the "Discussion" section and, together with Y.G. Kokorina, the "Materials and Methods" section.

Key words: Klyuchevsky Vasily Osipovich, term, parametric analysis, statistical methods, historical terminology.

Citation. Ozturk M., Kokorina Yu.G., Vagabov M.M. Parametric Analysis of V.O. Klyuchevsky's Work "Terminology of Russian History". *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 159-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.14>

УДК 94:939:81
ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 12.04.2022
Дата принятия статьи: 08.10.2022

ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАБОТЫ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО «ТЕРМИНОЛОГИЯ РУССКОЙ ИСТОРИИ»

Мустафа Озтюрк

Университет Акдениз, г. Анталия, Турция

Юлия Георгиевна Кокорина

Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация

Махач Мустафаевич Вагабов

Московский политехнический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Терминологическая работа как в мировой, так и в российской науке проводилась прежде всего на материале точных и технических дисциплин. Упорядочение терминологии гуманитарного знания оказалось в фокусе внимания исследователей только в последние годы. Целью работы является изучение опыта терминосистемы исторического знания методом параметрического анализа малоизвестного курса В.О. Ключевского «Терминология русской истории», который был опубликован впервые в 1956 г. и практически не исследовался ни историками, ни лингвистами. В этом и состоит новизна данной работы. *Материалы и методы.* Материал этого курса, исследованный с помощью историко-сравнительного, историко-типологического методов, а также таких общенаучных методов, как анализ и синтез, с применением параметрического анализа и позиционной статистики, показал, что предлагаемая В.О. Ключевским терминология носит системный характер, а ее структура имеет иерархическое устройство. В работе выделены девять параметров – археологический, географический, терминологический, иллюстративный, источниковедческий, классификационный, хронологический, экономический, этимологический. Было введено условное понятие места каждого параметра в так называемой «словарной статье», которое определяется границей двух параметров. Понятие «словарная статья» применительно к материалам курса условно, так как курс не представляет собой собственно словарь. *Анализ.* С использованием статистических методов выявлена частота встречаемости каждого параметра на определенном месте в каждой из трех частей курса. Сформированы статистические таблицы, которые позволяют увидеть сходство и различие между тремя частями курса, указать на их особенности. В данной статье прослежены на материале «Терминологии русской истории» не только свободное владение ученым древними и современными, в том числе редкими, языками, но и умение использовать лингвистические приемы, такие как историко-этимологический и словообразовательный анализ. *Результаты.* Был выявлен смысловой инвариант в построении частей курса, что становится дополнительным свидетельством системного характера исторической терминологии, которую предлагал В.О. Ключевский. Определен иерархический характер системы терминов, созданной в курсе В.О. Ключевского. *Вклад авторов.* Мустафа Озтюрк разработал концепцию статьи, написал разделы «Введение» и «Результаты». Ю.Г. Кокорина провела параметрический и статистический анализ, написала разделы «Анализ», участвовала совместно с М.М. Вагабовым в написании раздела «Материалы и методы», осуществила научную редакцию всего текста работы. М.М. Вагабов написал раздел «Дискуссия» и совместно с Ю.Г. Кокориной – раздел «Материалы и методы».

Ключевые слова: Ключевский Василий Осипович, термин, параметрический анализ, статистические методы, историческая терминология.

Цитирование. Озтюрк М., Кокорина Ю. Г., Вагабов М. М. Параметрический анализ работы В.О. Ключевского «Терминология русской истории» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 159–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.14>

Введение. Современная наука мультидисциплинарна. Напомним, что междисциплинарный подход к формированию предметной области предусматривает привлечение методов смежных наук, тогда как мультидисциплинарный подход заключается в привлечении теорий и идей неограниченного круга наук, в том числе образующихся на стыке разных дисциплин [23, с. 110–111]. В полной мере это относится и дисциплинам, образующим комплекс исторических наук, – археологии, этнологии и собственно истории. О зрелости науки говорит наличие у нее единой системы терминов – терминосистемы, обозначающей понятия данной науки [12, с. 101]. Наличие терминосистемы свидетельствует о существовании в рамках данной науки сформировавшегося теоретического знания [11, с. 116]. Опыт, накопленный российской наукой в терминологической работе в рамках гуманитарного знания, является особо ценным в условиях растущего интереса к терминологии гуманитарных дисциплин. Целью нашей статьи является изучение подобного опыта на примере курса «Терминология русской истории», который разработал и преподавал студентам Московского университета выдающийся российский историк и педагог В.О. Ключевский в конце XIX – начале XX века. Как будет показано далее, курс оказался вне пристального внимания как историков, так и лингвистов, несмотря на это, он представляет собой ценный документ научной и педагогической мысли, имеющий международное значение. Этим определяется новизна данной работы.

Дискуссия. В 2021 г. исполнилось 280 лет со дня рождения В.О. Ключевского (1841–1911). Личность и творчество выдающегося русского историка привлекали внимание исследователей на протяжении всего XX века. Анализу историографии работ о В.О. Ключевском посвящены специальные труды [13]. В наши дни переиздаются основные работы ученого [6–10], вводятся в научный оборот архивные документы, относящиеся к развитию исторической мысли в России второй половины XIX в. – начала XX в., высвечиваются новые грани личности и исторических концепций ученого [14; 15; 21; 22]. Эти концепции вызывают интерес у современных авторов, так как проблемы форми-

рования гуманистических ценностей, образности педагогического языка оказываются актуальными и для XXI в. [3; 18; 19]. Изучение отдельных исторических проблем по-прежнему невозможно без обращения к идеям ученого [1; 2; 17]. Культурологический анализ историко-биографических работ о нем академик М.В. Нечкиной стал темой специального исследования [20].

М.В. Нечкина дала образную характеристику курсу лекций «Терминология русской истории»: «В историографии его можно назвать уникальным – ни до, ни после Ключевского не появлялось такого цельного, оригинального и крайне нужного для изучения исторической науки специального лекционного курса» [16, с. 268].

Однако анализ курса как историческими, так и лингвистическими методами фактически не проводился. М.В. Нечкина посвятила рассмотрению этого труда незначительное место в своей монографии о В.О. Ключевском, сжатые комментарии курса приведены в «Послесловии» к собранию сочинений ученого, вышедшего в 1989 году. М.Н. Нечкина указала на архаичный характер некоторых трактовок (например, термина *смерд*) и неверное употребление понятий *общественный класс*, *гражданское общество* [16, с. 269]. Канадский историк Ф. Вудофф прокомментировал содержание «Терминологии русской истории», отметив, что «на основе этих определений Ключевский разработал схему истории средневековой княжеской власти на Руси» [24, с. 274].

Отсутствие интереса историков к курсу В.О. Ключевского вызвано, видимо, авторитетным мнением академика М.В. Нечкиной об устаревших трактовках, терминов, описывающих прежде всего социально-политическое устройство Древней Руси. Не отрицая положений М.В. Нечкиной, в данной статье рассматриваем курс В.О. Ключевского как одно из первых свидетельств терминологической работы в области истории, как проявление лингвистического таланта ученого, создавшего труд словарного характера в условиях недостатка собственно исторических словарей в его время.

Материалы и методы. Материалом для предлагаемого исследования послужил,

как отмечалось ранее, курс «Терминология русской истории» В.О. Ключевского. В 1884 г. В.О. Ключевский писал декану историко-филологического факультета Московского университета Н.А. Попову: «На следующий год для исторического отделения я предполагаю курс о методе, терминологии и основных источниках русской истории (по 2 часа в неделю)» [10, с. 436]. Начинались курсы с «Методологии русской истории», затем шли занятия по терминологии, истории сословий, собственно источниковедению. Свои специальные курсы профессор читал в 1880–1890-е гг., они не были напечатаны при жизни автора [10, с. 326].

В.О. Ключевский намеревался издать курс, но «в столе» ученого он пролежал четверть века, потом еще 70 лет хранился в частном архиве [16, с. 271]. Опубликован курс в 1956 г. и в 1989 г. [10]. Он состоял из одиннадцати лекций, причем все термины историк разделил на три группы. В первую группу входили, как он сам говорил, «термины политические», во вторую – юридические термины, в третью – термины по экономике Древней Руси. Курс в печатном виде представляет собой совокупность структурных единиц, которые можно условно назвать «словарными статьями», а все произведение историка, вслед за российским терминоведом И.С. Кудашевым, не собственно словарем, а сочинением, имеющим сходство с ним по структуре – «словарным продуктом (термин И.С. Кудашева. – *Авт.*), рассчитанным на последовательное чтение» [11, с. 31].

Примечательно, что свой курс историк построил не в алфавитном, а в проблемно-хронологическом порядке, что придает ему сходство с идеографическим словарем. Он отмечал, что «мы возьмем и из этих терминов только те, которые всего чаще встречаются или в основных источниках нашей истории или в наших исторических исследованиях. Такие термины обыкновенно объясняются в исторических словарях. При недостатке их в нашей исторической литературе мы расположим изучаемые нами термины не в алфавитном порядке, а по разрядам обозначаемых ими бытовых явлений. Сначала изучим термины политического быта, потом юридического и, наконец, экономического» [10, с. 94].

В данной статье использованы историко-сравнительный (сопоставление событий и явлений), историко-типологический (выделение классов явлений) методы, такие общенаучные методы, как анализ и синтез. Также нами применен метод параметрического анализа. Под параметрами подразумеваются признаки понятия или процесса, а примером параметрического моделирования является описание процедуры анализа текстов по закрытому перечню параметров в соответствии со стандартными формулами [5]. В данной статье параметрическое моделирование проводится с целью установления набора обобщенных, универсальных признаков исторических понятий, обозначенных терминами. Подобное моделирование дает возможность выделить основные составные части «словарной статьи». Определению ее структуры и особенностей построения служит позиционная статистика – учет частоты встречаемости параметра на том или ином месте в «словарной статье». Статья основана на общеисторических принципах: принципе историзма (выделение структуры и развития явления, подхода к нему конкретно-исторически), принципе объективности (всестороннее рассмотрение явления, без сокрытия и замалчивания фактов).

Анализ. Примером «словарной статьи» в рассматриваемом курсе может быть элемент первого раздела:

«КНЯЗЬ. Не решаю, слово “князь” заимствовано ли нашим языком из немецкого, а не сохранилось в нем из первоначального индоевропейского лексического запаса, общего всем индоевропейцам, подобно, например, слову “мать”. Время заимствования определяют различно. Одни думают, что это слово могло войти в славянские языки и в язык восточного славянства еще в III, IV вв. из языка готского, когда славяне близко соприкасались с державой готов, простиравшейся по Южной Руси и далее на запад, за Карпаты; это слово тогда заимствовано вместе с другими, как-то: *пенязь, стькло, хлеб*. Другие думают, что это слово более позднего происхождения, вошло в наш язык в то время, когда вошли в состав русского общества варяжские-скандинавские князья с их дружинами. *Князь* – это русская, восточнославянская форма немецкого

“Konung”, или, правильнее, “Kuning”. Князем назывался носитель верховной власти на Руси IX, X и XI вв., как тогда понимали эту власть» [10, с. 100–101]. Материалом данной работы будут именно такие «словарные статьи», учитывая, что курс В.О. Ключевского назвать собственно словарем нельзя.

Всего курс В.О. Ключевского включает 127 «словарных статей».

Они имеют различный объем и структуру. В ряде случаев содержат размышления ученого, его настоящие исторические исследования, а последняя из трех частей включает даже две таблицы: «Таблица прямых и косвенных (торговые пошлины) налогов древней Руси» и «Таблица податных единиц, по которым развертывался прямой налог в удельные века в Московское время». Критериями отбора статей для анализа являются следующие:

1. Наличие в статьях конкретных определений (термин «дефиниция» в данном случае неприменим).

2. Отсутствие в них исследовательских штудий, так как этот богатейший материал требует применения других методов. Исторические обобщения, проведенные В.О. Ключевским, составляют содержание лекций III, IV, VI, частично – лекций IX и XI, то есть половину объема курса. Например, лекция XI завершается изучением В.О. Ключевского древнерусской денежной системы в «словарных статьях» *деньги и меновые знаки, гривна кун, части гривны кун, ногата, куна, резана*. Эти «словарные статьи» нами не рассматривались.

3. Отнесенность исследуемых терминов к базовому уровню терминосистемы, предложенной В.О. Ключевским. В лингвистических публикациях последних лет выделяются такие уровни структуры любой терминосистемы, как *высший, тематический, суперординатный, базовый, субординатный*. В задачу данной работы не входит обсуждение терминологии, обозначающей уровни, в ней используются как данность устоявшиеся в лингвистическом знании положения. Выделение уровней основано на родовидовых связях внутри терминосистемы. Высший уровень занимает представление о терминологии русских письменных источников как со-

вокупности, тематический – указанное исследователем разделение на термины политические, термины социальной истории и экономические. Суперординатный уровень занимают термины, которые обозначают родовые понятия (*верховная власть*) по отношению к видовым, располагающимся на базовом уровне (*князь, великий князь; князь-государь; государь-царь и великий князь всея Руси*). Термины субординатного уровня в курсе редко выделены специально (*московские слободы, гривна кун*).

4. Параметрический анализ в лингвистических исследованиях используется для рассмотрения дефиниций в словарях. Курс В.О. Ключевского является, как мы уже отметили, не собственно словарем, а «словарным продуктом» (термин И.С. Кудашева). Для него не свойственна четкая и строгая структура объяснений, поэтому нами избраны для анализа «словарные статьи», содержание которых позволяет провести параметрический анализ, имея четкую структуру. Анализ остальных «словарных статей» может стать темой специального исследования.

5. В данной статье не используется критерий, именуемый в статистике «весом» признака. Все «словарные статьи» рассматриваются как равноправные без дифференциации их по объему или принадлежности к той или иной части курса, расположению в каждой из частей или важности для раскрытия содержания дисциплины, читавшейся В.О. Ключевским. Поэтому выборку мы представляем единым списком.

В результате сформирована выборка объемом в 63 «словарные статьи»:

1. Русь-племя.
2. Русь-сословие.
3. Русь-область.
4. Русь – государственная территория.
5. Земли, волость или область.
6. Удел, уезд.
7. Великая и малая Русь.
8. Князь.
9. Великий князь.
10. Князь-государь.
11. Государь-царь и великий князь всея Руси.
12. Княжи мужи.

13. Бояре.
14. Гридь.
15. Отроки и детские.
16. Кметы.
17. Старцы градские.
18. Смерд.
19. Наймиты, или закупы.
20. Холопы.
21. Церковные люди.
22. Служилые люди.
23. Черные люди.
24. Чины служилые.
25. Старцы градские.
26. Боярская дума.
27. Гости.
28. Вече.
29. Посадники.
30. Тысяцкий.
31. Тиуны.
32. Ябетник.
33. Пути.
34. Дани.
35. Соха.
36. Тягло.
37. Деньги оборочные.
38. Подати.
39. Торговые пошлины.
40. Проезжие пошлины.
41. Суд.
42. Довод.
43. Судоговорение.
44. Правда.
45. Послушество.
46. Присяга.
47. Жребий.
48. Повальный обыск.
49. Правеж.
50. Город-двор.
51. Город-село.
52. Город-застава.
53. Город-посад торговый.
54. Слободы.
55. Село.
56. Княжеские села.
57. Погост.
58. Весь-деревня.
59. Деревня-двор.
60. Скот.
61. Куны.
62. Пенязи.
63. Деньги.

Выше приведен пример одной «словарной статьи» из труда В.О. Ключевского. Поясним выделение основных параметров: «Кмет, кметь – это боевой человек, служилый или неслужилый; чаще всего, разумеется, этим словом обозначались храбрецы, боевые люди из княжеской дружины» [10, с. 112] – это *терминологический* параметр. Выделение этого параметра основано на трактовке В.О. Ключевским определенного исторического термина. Ученый объясняет термин, встречающийся в источниках по истории Древней Руси, приводя признаки терминируемого понятия в наиболее обобщенном и кратком виде, что позволяет выделить данный параметр.

«Происхождение этого слова южное; оно является в старинных церковнославянских памятниках в смысле война вообще. В южных славянских языках это слово имело иное значение, именно: кмет – крестьянин, земледелец; в таком смысле употреблялось слово *comitus* в памятниках византийского законодательства о крестьянах» [10, с. 112] – *этимологический* параметр, то есть указание В.О. Ключевским происхождения термина. Выделение этого параметра обусловлено указанием В.О. Ключевского на такой признак термина, как история его появления в источнике.

«В Лаврентьевском списке мы читаем, как в 1075 г. пришли к черниговскому князю Святославу немцы, и он стал показывать им свои богатства – шелковые материи, золото, серебро; немцы ответили на хвастовство князя: “Сего суть кметье луче, мужи бо ся доищуть и болше сего”» [10, с. 113] – *историко-ведческий* параметр, то есть указание историком на используемый источник. Данный параметр характеризует такой признак термина, как упоминание в историческом документе.

«Княжи мужи противопологались людям» [10, с. 108] – *классификационный* параметр, то есть определение В.О. Ключевским места класса объектов, к которым относится терминируемый, в системе используемых историком понятий. Выделение этого параметра основано на отношении терминируемой реалии к другим реалиям и свидетельствует об обозначении термином объектов,

образующих определенный класс, противостоящий другому классу объектов.

В.О. Ключевский уделяет в своем курсе внимание экономической стороне жизни общества древней Руси, что заставило нас выделить *экономический* параметр, например: «Статьи вывозной русской торговли везде отмечены одни и те же: скоря, мед и воск; скоря (шкура, мех) – продукт звероловства, мед и воск – продукт бортничества, лесного пчеловодства» [10, с. 193]. Свой курс В.О. Ключевский строил на анализе письменных источников, но о его понимании необходимости использования широкого круга источников, в том числе и археологических, говорит применение описаний местностей или артефактов. Такой параметр получил название *археологического*: «По всему пространству нашей равнины находятся бесчисленные остатки валов, иногда едва заметные, но поражающие своей однообразной овальной формой и одинаковостью своих размеров. Такой овальный вал обыкновенно представляет собой кольцо, немного разогнутое к востоку, откуда был вход внутрь» [10, с. 194]. Использование историком в «словарных статьях» описания исторических памятников, как материальных, так и письменных, сопоставимо с предыдущим, но выделено нами в отдельный *иллюстративный* параметр: «Для примера можно описать здесь укрепления Новгорода и Москвы», далее – описание [10, с. 198]. В отличие от источниковедческого параметра здесь В.О. Ключевский не цитирует источник, а описывает информацию из него.

Пример *географического* параметра, обозначающего расположение на местности терминируемых объектов: «Они строились по Десне; по Осьтру, впадающему в Десну, недалеко от Киева; по Трубежу (в Переяславском княжестве)» [10, с. 196]. Очень редко (всего два раза) нами зафиксирован *историографический* параметр, под которым подразумевается ссылка на историков, ранее изучавших обозначаемую реалию: «Татищев и Болтин выводили русь из Финляндии. Ломоносов согласно с некоторыми редакциями Начального летописного свода, например с тою, которая помещена в так называемой Воскресенской летописи, – из Прусской земли: Русия – это Пруссия» [10, с. 95].

Хронологический параметр отличается от источниковедческого отсутствием ссылок на источники, просто указанием даты события. Признак соотнесенности с тем или иным временем терминируемой реалии послужил основой для выделения данного параметра. В результате выделено девять параметров: *археологический, географический, терминологический, иллюстративный, источниковедческий, классификационный, хронологический, экономический, этимологический*.

Введем понятие *места* – расположения словесного выражения того или иного параметра по порядку в правой части «словарной статьи». «Правая часть» в данном случае – термин лексикографии, обозначающий часть статьи после тире, справа от обозначаемого слова [4, с. 38; 11, с. 33]. При этом необходимо учесть, что правая часть может включать в себя дефиниции нескольких видовых понятий по отношению к терминируемому, ссылки на относящиеся к ним исторические источники и этимологию.

Например, правая часть «словарной статьи» термина *дани* начинается определением «прямой налог, падавший на податные классы, у нас исстари назывался *данью*» [10, с. 138]. Этим предложением выражен терминологический параметр. Далее размещен классификационный параметр: «дань эта падала или на промышленных людей, или на хлебопашцев» [10, с. 138]. Таким образом, в этой словарной статье терминологический параметр занимает первое, а классификационный – второе место. Граница понятия места – смена параметров.

Число «мест» может быть разным: от двух до десяти. Статистическое понятие частоты встречаемости вычисляется как отношение числа появления того или иного параметра на том или ином месте к общему числу рассматриваемых терминов данного раздела, выраженное в процентах. Так, если из 19 «словарных статей», проанализированных нами политических терминов терминологический параметр встретился на первом месте 12 раз, частота его встречаемости на этом месте составляет 63 %.

Рассмотрим структуру статей, посвященных юридическим терминам.

Отличается от них структура статей третьей части курса.

В таблицах 1–3 указаны частоты появления каждого из параметров на определенном месте, выраженные в процентах. Перечисление параметров в первом столбце таблиц представлено в порядке убывания частот, поэтому оно несколько различается в разных таблицах.

Из таблиц следует, что структура «словарных статей» терминов каждой из трех групп имеет как сходство, так и различие. Сходство заключается в высокой степени выраженности терминологического параметра (100 % в первых двух группах), что свидетельствует о практически обязательном толковании термина автором курса. При этом обращает на себя внимание преимуществен-

ное расположение терминологического параметра на первом месте в правой части статьи (частота встречаемости на первом месте равна 63 %, 50 %, 29 % соответственно), на втором месте следует этимологический параметр (частота встречаемости равна 9 %, 17 %, 35 %), на третьем – источниковедческий параметр (частота встречаемости равна 9 %, 50 %, 23 %). Это говорит о наличии инвариантной структуры правой части статьи, которая будет охарактеризована ниже. Обязательным для всех частей курса является наличие терминологического, этимологического, источниковедческого, хронологического, географического параметров, историографического, археологического, иллюстративный, экономический и классификационный факультативны.

Таблица 1. Частота встречаемости параметров раздела курса, посвященного политическим терминам (лекции I–IV), %

Table 1. Frequency of occurrence of parameters of the section of the course devoted to political terms (lectures I–IV), %

Параметры	Место / частота встречаемости										Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Терминологический	63	0	16	3	14	0	3	0	0	0	100
Этимологический	9	9	27	9	10	0	0	0	0	0	64
Источниковедческий	0	36	9	27	0	18	0	0	0	0	90
Хронологический	27	10	0	0	0	0	0	0	0	0	37
Географический	0	10	0	0	0	0	0	0	0	0	10
Историографический	0	0	10	0	0	0	0	0	0	0	10
Иллюстративный	0	10	0	0	0	0	0	0	0	0	10
Археологический	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Классификационный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Экономический	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 2. Частота встречаемости параметров раздела курса, посвященного юридическим терминам (лекции V–VIII), %

Table 2. Frequency of occurrence of parameters of the section of the course devoted to legal terms (lectures V–VIII), %

Параметры	Место / частота встречаемости										Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Терминологический	50	13	13	4	10	5	0	0	5	0	100
Этимологический	0	17	10	10	15	10	0	0	0	0	62
Источниковедческий	0	12	50	12	12	0	10	0	0	4	100
Хронологический	0	10	13	0	0	0	0	0	0	0	23
Историографический	10	0	0	0	0	0	0	0	0	0	10
Иллюстративный	0	0	0	0	0	0	0	10	0	0	10
Археологический	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Географический	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Классификационный	25	25	0	25	10	0	0	10	0	0	95
Экономический	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Таблица 3. Частота встречаемости параметров раздела курса, посвященного экономическим терминам (лекции IX–XI), %

Table 3. Frequency of occurrence of parameters of the section of the course devoted to economic terms (lectures IX–XI), %

Параметры	Место / частота встречаемости										Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Терминологический	29	5	17	5	0	0	0	0	0	0	56
Этимологический	11	35	22	5	0	0	0	0	0	0	46
Источниковедческий	5	10	23	5	0	0	0	0	0	0	43
Хронологический	15	10	0	0	0	0	0	0	0	0	25
Географический	5	16	16	5	0	0	0	0	0	0	42
Историографический	0	0	0	5	0	0	0	0	0	0	5
Иллюстративный	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Археологический	5	0	0	0	5	0	0	0	0	0	10
Классификационный	5	0	0	0	0	0	0	0	0	0	5
Экономический	0	5	5	5	5	0	0	0	0	0	20

Различия заключаются в деталях. Так, этимологический параметр у «словарных статей» раздела курса, посвященного политическим терминам, располагается преимущественно на третьем месте, в отличие от частей курса, посвященных юридическим терминам и экономическим терминам. Источниковедческий параметр в группе политических терминов более выражен на втором месте, тогда как в двух других группах он занимает преимущественно третье место. В.О. Ключевский составлял не собственно словарь, а учебный курс, и строгость в его организации довольно высока: параметры максимально выражены на втором или третьем, то есть соседних, близких к началу правой части «словарной статьи», местах. Частота встречаемости параметров указывает на особенности «словарных статей», относящихся к каждой из групп. Так, в третьей группе, естественно, дан экономический параметр, тогда как иллюстративный отсутствует. Закономерна слабая выраженность историографического параметра: В.О. Ключевский в учебном курсе не обращается к подробному рассмотрению взглядов других историков. В то же время обязателен источниковедческий параметр, что является не только показателем эрудиции автора, но и стремлением сделать свои выводы доказательными, привить студентам умение работать с источниками.

На материале курса «Терминология русской истории» прослеживается вклад ученого не только в терминологию истории, но и в историю терминологии, свободное владение не

только современными, но и древними языками. Об обязательном характере этимологического параметра в каждой из групп терминов говорилось выше. Некоторые «словарные статьи» представляют собой настоящие историко-лингвистические исследования. Примером такой «словарной статьи» является описание термина *вече*. В.О. Ключевский приводит форму *vet* в церковнославянском языке в значении уговор, совет. Далее анализирует написание *веще* или *веште* в древнеболгарских источниках и перевод на латинский язык слова *вечник* в значении ‘заговорщик’ словом *seditiosis*. При этом историк подчеркивает различия в оттенках значений слов *дума* и *вече*: «Дума заключала в себе понятие обсуждения дела, вече – понятие уговора» [10, с. 144].

Другим примером историко-этимологического исследования является «словарная статья» *ябетник*. Здесь В.О. Ключевский сравнивает русское слово с немецким словом *abdtman*, указывая на соответствие я (юс большой) немецкому *am*, а библейского греческого слова *diaconis* скандинавской форме *ambatt* – «служитель, слуга». Так раскрывается значение термина *ябетник* как слуга при тиуне, проводивший судебное следствие [10, с. 150–151]. Таким образом, автором курса проведен не только этимологический, но и сравнительный и словообразовательный анализ на материале древних и современных, довольно редких (скандинавская) форм слов.

Результаты. Итак, набор параметров в каждой части был различным. Наибольшее разнообразие наблюдается в части, содержа-

шей экономические термины, что указывает на стремление В.О. Ключевского выйти за рамки собственно исторических дисциплин. Ученый редко обращался к историографии вопроса, тем ценнее его расположение в курсе по терминологии (дважды зафиксирован историографический параметр).

Высокий уровень лингвистической компетентности В.О. Ключевского состоит в том, что каждая «словарная статья» при всем их разнообразии, имеет четкую структуру, что позволяет построить ее своеобразный инвариант, выявить логику построения. Прослеживается закономерность в расположении параметров: на первом месте – терминологический, на втором – этимологический, на третьем – источниковедческий. При этом появление терминологического параметра не только на первом, но и на других местах в правой части «словарных статей» имеет ряд причин. Во-первых, стремление ученого представить термины, обозначающие видовые понятия по отношению к терминируемому, во-вторых, подвести своеобразный итог изложению.

Вклад В.О. Ключевского в развитие исторической науки общеизвестен и неоднократно анализировался в науке, тогда как лингвистическая компетентность ученого не была предметом рассмотрения ни со стороны историков, ни со стороны лингвистов. Лингвистические заслуги историка ждут своего специального исследования, и попыткой приоткрыть их для читателя является данная статья.

Одной из главнейших заслуг является понимание им необходимости терминологической работы в истории и стремление создать высококачественный словарный продукт (термин И.С. Кудашева). Термины представлены в виде иерархически организованной системы, приведена этимология, выделяется инвариант «словарных статей». Даже если учесть, что В.О. Ключевский готовил материалы своих курсов, не записывая их дословно, он тщательно редактировал студенческие записи перед их литографированием [8, с. 445]. В архиве ученого хранятся материалы для терминологического словаря [10, с. 445], которые также говорят о понимании историком необходимости терминологической работы.

«Терминология русской истории» еще ждет всестороннего анализа со стороны ис-

ториков, науковедов, лингвистов для раскрытия неизвестных ранее сторон творчества В.О. Ключевского. Перспективным представляется изучение хранящегося в архиве историка наброска исторического словаря, связанного с курсом, проведение параметрического анализа остальных спецкурсов, в ряду которых стоит рассматриваемый, определение места курса в контексте исторических исследований конца XIX века. Это позволит исправить ситуацию, обозначенную М.В. Нечкиной: «...курс терминологии разделил печальную судьбу работ, не увидевших своевременно света» [16, с. 271].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базанов П. Н. К истории взаимоотношений Георгия Вернадского и Николая Ульянова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 1. С. 266–276.
2. Боровков Д. А. Рассказ о разделе Русской земли Ярославом I в трудах В.О. Ключевского // Славяноведение. 2018. № 2. С. 110–116.
3. Григорян Т. В. Формирование гуманного человека как культурная и историко-правовая проблема общества (на материале трудов В.О. Ключевского) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 69–74. DOI: 10.17223/15617793/416/10
4. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминологию. Как просто и легко составить словарь. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 224 с.
5. Катышев П. А., Осадчий М. А. Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2018. Т. 17, № 3. С. 24–34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>
6. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси. М.: Акад. проект, 2018. 412 с.
7. Ключевский, В. О. История сословий в России. М.: Юрайт, 2020. 217 с.
8. Ключевский В. О. Русская история. Полный курс. В 4 ч. М.: Акад. проект, 2018–2019.
9. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о московском государстве. М.: Юрайт, 2020. 288 с.
10. Ключевский В. О. Сочинения. В 9 т. Т. 6. Специальные курсы М.: Мысль, 1989. 476 с.
11. Кудашев И. С. Проектирование переводческих словарей специальной лексики. Helsinki: Helsinki University Print, 2007. 443 с.
12. Лейчик В. М. Терминоведение: понятие, метод, структура. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 264 с.

13. Матюшевская М. И. Оценка научного творчества В.О. Ключевского в российской историографии конца XIX – начала XXI века // Вестник Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2017. № 1. С. 55–61.

14. Митрофанов В. В. Особенности взаимоотношений историков Платонова и Ключевского // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64, вып. 4. С. 1404–1418. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.415>

15. Митрофанов В. В. Письма В. Н. Беркута С. Ф. Платонову: студенты и профессора московского университета на рубеже 1870-х – 1880-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2018. № 5. С. 17–43.

16. Нечкина М. В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М.: Наука, 1974. 635 с.

17. Петрухин В. Я. К полемике о договорных отношениях и начале древнерусской государственности // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2018. № 5. С. 131–142.

18. Подосинникова Р. В. Синтаксический строй афоризмов В.О. Ключевского // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 110–122.

19. Смирнова Н. Г. Театральная метафора в исторических текстах С.М. Соловьева и В.О. Ключевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11. Ч. 1. С. 152–154.

20. Тихонов В. В. «Ключевскиада» М.В. Нечкиной // Диалог со временем. 2019. Вып. 66. С. 238–248.

21. Худолеев А. Н. Оценки исторической концепции и личности В.О. Ключевского в дореволюционных отечественных исторических журналах // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 139–142. DOI: [10.17223/19988613/64/19](https://doi.org/10.17223/19988613/64/19)

22. Цыганков Д. А. С.М. Соловьев в мемориальной практике сообщества московских историков // Вестник Московского университета. Серия 8, История. 2020. № 5. С. 24–47.

23. Щапова Ю. Л., Гринченко С. Н., Кокорина Ю. Г. Информатико-кибернетическое и математическое моделирование археологической эпохи: логико-понятийный аппарат. М.: Федер. исслед. центр «Информатика и управление» РАН, 2019. 136 с.

24. Vodoff W. Remarques critique sur le cours de terminologie d'histoire russe de V.O. Klyuchevskij // Canadian American Slavic studies. Montreal, 1986. Vol. 20, № 3/4. P. 273–285.

REFERENCES

1. Bazanov P.N. K istorii vzaimootnoshenij Georgija Vernadskogo i Nikolaja Uljanova [On the

History of the Relationship Between George Vernadsky and Nikolai Ulyanov]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2019, vol. 64, iss. 1, pp. 266-276.

2. Borovkov D.A. Rasskaz o razdele Russkoj zemli Jaroslavom I v trudah V.O. Kljucevskogo [The Story of the Division of the Russian Land by Yaroslav I in the Works of V.O. Klyuchevsky]. *Slavjanovedenie*, 2018, no. 2, pp. 110-116.

3. Grigorjan T.V. Formirovanie gumannogo cheloveka kak kulturnaja i istoriko-pravovaja problema obshhestva (na materiale trudov V.O. Kljucevskogo) [Formation of a Humane Person as a Cultural and Historical-Legal Problem of Society (By the Works of V. O. Klyuchevsky)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2017, no. 416, pp. 69-74. DOI: [10.17223/15617793/416/10](https://doi.org/10.17223/15617793/416/10)

4. Grinev-Grinevich S.V. Vvedenie v terminografiyu. Kak prosto i legko sostavit slovar [Introduction to Terminography. How Simple and Easy It Is to Make a Dictionary]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 224 p.

5. Katyshev P.A., Osadchij M.A. Metod parametricheskogo modelirovanija v sudebnoj lingvistike [A Method of Parametric Modeling in Forensic Linguistics]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 3, pp. 24-34. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.3.3>

6. Kljucevskij V.O. *Bojarskaja дума Древней Руси* [Boyars Duma of Ancient Russia]. Moscow, Akad. proekt Publ., 2018. 412 p.

7. Kljucevskij V.O. *Istorija soslovij v Rossii* [History of Estates in Russia]. Moscow, Jurajt Publ., 2020. 217 p.

8. Kljucevskij V.O. *Russkaja istorija. Polnyj kurs v 4 ch.* [Russian History. Full Course in 4 Parts]. Moscow, Akad. proekt Publ., 2018–2019.

9. Kljucevskij V.O. *Skazanija inostrancev o moskovskom gosudarstve* [Legends of Foreigners About the Moscow State]. Moscow, Jurajt Publ., 2020. 288 p.

10. Kljucevskij V.O. *Sochinenija: v 9 t. T 6. Specialnye kursy* [Klyuchevsky V.O. Works: In 9 Volumes. Vol. 6. Special Courses]. Moscow, Mysl Publ., 1989. 476 p.

11. Kudashev I.S. *Proektirovanie perevodcheskix slovaroj specialnoj leksiki* [Designing Translation Dictionaries of Special Vocabulary]. Helsinki, Helsinki University Print, 2007. 443 p.

12. Lejchik V.M. Terminovedenie: ponyatie, metod, struktura [Terminology: Concept, Method, Structure]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 264 p.

13. Matyushevskaya M.I. Ocenka nauchnogo tvorchestva V.O. Klyuchevskogo v rossijskoj

istoriografii koncza XIX – nachala XXI veka [Evaluation of V.O. Klyuchevsky's Scientific Contribution by Russian Historiographers in the Late 19th and Early 21st Centuries]. *Vestnik Nacionalnoj akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarny nauk*. [Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series], 2017, no. 1, pp. 55-61.

14. Mitrofanov V.V. Osobennosti vzaimootnoshenij istorikov Platonova i Kljuhevskogo [Features of the Relationship Between Historians Platonov and Klyuchevsky]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija* [Vestnik of Saint Petersburg University. History], 2019, vol. 64, iss. 4, pp. 1404-1418. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.415>

15. Mitrofanov V.V. Pisma V.N. Berkuta S.F. Platonovu: studenty i professora moskovskogo universiteta na rubezhe 1870-h – 1880-h gg. [Letters of V.N. Berkut to S.F. Platonov: Students and Professors of Moscow University at the Turn of the 1870s-1880s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istorija* [Bulletin of the Moscow University], 2018, no. 5, pp. 17-43.

16. Nechkina M.V. *Vasilij Osipovich Kljuhevskij: Istorija zhizni i tvorchestva* [Vasily Osipovich Klyuchevsky: The Story of Life and Creativity]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 635 p.

17. Petruhin V. Ja K polemike o dogovornykh otnoshenijah i nachale drevnerusskoj gosudarstvennosti [On the Controversy About Contractual Relations and the Beginning of the Old Russian Statehood]. *Stratum plus. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya* [Stratum Plus. Archeology & Cultural Anthropology], 2018, no. 5, pp. 131-142.

18. Podosinnikova R.V. Sintaksicheskij stroj aforizmov V.O. Kljuhevskogo [Syntactic Structure of V.O. Klyuchevsky's Aphorisms]. *Teoriya yazyka i mezhkulturnaya kommunikaciya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2017, no. 4, pp. 110-122.

19. Smirnova N.G. Teatralnaja metafora v istoricheskikh tekstah S.M. Solovyeva i V.O. Kljuhevskogo [Theatrical Metaphor in the Historical Texts of S.M. Solovyov and V.O. Klyuchevsky]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2016, no. 11, pt. 1, pp. 152-154.

20. Tihonov V.V. «Kljuhevskiada» M.V. Nechkinoj [“Klyuchevskaya” by M.V. Nechkina]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2019, iss. 66, pp. 238-248.

21. Hudoleev A.N. Ocenki istoricheskoy koncepcii i lichnosti V.O. Kljuhevskogo v dorevoljucionnykh otechestvennykh istoricheskikh zhurnalakh [The Estimates of the Historical Concept and Personality of V.O. Klyuchevsky in Pre-Revolutionary Russian Historical Journals]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Tomsk State University Journal of History], 2020, no. 64, pp. 139-142. DOI: 10.17223/19988613/64/19

22. Cygankov D.A. S.M. Solovyev v kommémorativnoj praktike soobshhestva moskovskikh istorikov [S.M. Solovyov in the Commemorative Practice of the Moscow Historians' Community]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8, Istorija* [Bulletin of the Moscow University], 2020, no. 5, pp. 24-47.

23. Shhapova Yu.L., Grinchenko S.N., Kokorina Yu.G. *Informatiko-kiberneticheskoe i matematicheskoe modelirovanie arxeologicheskoy epoxi: logiko-ponyatijnyj apparat* [Computer Science-Cybernetic and Mathematical Modeling of the Archaeological Epoch: Logical and Conceptual Apparatus]. Moscow, Feder. issled. tsentr «Informatika i upravlenie» RAN, 2019. 136 p.

24. Vodoff W. Remarques critique sur le cours de terminologie d'histoire russe de V.O. Kljuhevskij. *Canadian American Slavic Studies*. Montreal, 1986, vol. 20, no. 3/4, pp. 273-285.

Information About the Authors

Mustafa Ozturk, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of International Relations, Akdeniz University, Dumlupınar Blv., 07058 Antalya, Turkey, mustafaozturk@akdeniz.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0002-3974-7924>

Yulia G. Kokorina, Candidate of Sciences (History), Doctor of Philology, Senior Lecturer, Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semenovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

Makhach M. Vagabov, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of Humanities, Moscow Polytechnic University, Bolshaya Semenovskaya St, 38, 107023 Moscow, Russian Federation, 9162803@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6949-9490>

Информация об авторах

Мустафа Озтюрк, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, Университет Акдениз, Бульвар Думлупинар, 07058 г. Анталия, Турция, mustafaozturk@akdeniz.edu.tr, <https://orcid.org/0000-0002-3974-7924>

Юлия Георгиевна Кокорина, кандидат исторических наук, доктор филологических наук, старший преподаватель кафедры «Гуманитарные дисциплины», Московский политехнический университет, ул. Большая Семеновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, kokorina@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2496-3958>

Махач Мустафаевич Вагабов, доктор исторических наук, профессор кафедры «Гуманитарные дисциплины», Московский политехнический университет, ул. Большая Семеновская, 38, 107023 г. Москва, Российская Федерация, 9162803@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6949-9490>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>

UDC 94(470.45)«1917/1918»
LBC 63.3(2P-4Bor)611

Submitted: 14.11.2022
Accepted: 15.03.2023

HEROES OF THE REVOLUTION AND DEFENSE OF TSARITSYN IN 1917–1918 ACCORDING TO THE STALINGRAD ISTPART *

Igor O. Tyumentsev

Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture,
Volgograd, Russian Federation;
Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. Introduction. The subject of the study is the activity of the Stalingrad Institute for the preparation of collective photographs (“vignettes”) of the heroes of the revolution of 1917 and the defense of Tsaritsyn in 1918. **Methods.** The methods of source studies, archeography, analysis and prosopography were used. **Observations and conclusions.** In 1932, the Stalingrad “five”, the Tsaritsyn (Stalingrad) Historical and Party Commissions direct successor, as the Lower Volga Region Historical and Party Commission division, prepared lists for the placement of participants in the revolutionary events and the defense of Tsaritsyn in 1917–1918 on a collective photograph (“vignette”) for the City Defense Museum. The place in the photo depended on the activity and the merits of the veteran of the events of those years. The direct executor was the deputy manager of the Lower Volga Archive Department, secretary of the “five” T.M. Seregin. Being a veteran of the revolutionary movement, the archivist was able to recall and include in the list many of his comrades-in-arms with a mention of their positions and duties. This list contains the names and surnames of 99 real leaders of the revolutionary movement in Tsaritsyn. The disgraced by that time S.K. Minin and his associates are placed here. Moreover, I.V. Stalin is mentioned under No. 24. Then the list underwent thorough editorial work and was reduced to 34, and then to 31 people. In this version, I.V. Stalin appeared in the first place, and then his closest associates were mentioned. S.M. Minin and some members of his team disappeared from the list. Prosopographic analysis shows that the submitted project was unimplemented, since the Tsaritsyn revolutionaries mentioned in the list, including T.M. Seregin, disappeared during the era of the Great Terror. The lists are of great interest to researchers, as they allow them to bring back from oblivion real active participants in the Revolutionary Events and the Defense of Tsaritsyn in 1917–1918.

Key words: Great October Socialist Revolution, defense of Tsaritsyn, revolutionary movement, Tsaritsyn (Stalingrad) Historical Party Commission (Istpart), foundation, collective photography.

Citation. Tyumentsev I.O. Heroes of the Revolution and Defense of Tsaritsyn in 1917–1918 According to the Stalingrad Istpart. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 172-190. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>

УДК 94(470.45)«1917/1918»
ББК 63.3(2P-4Bor)611

Дата поступления статьи: 14.11.2022
Дата принятия статьи: 15.03.2023

ГЕРОИ РЕВОЛЮЦИИ И ОБОРОНЫ ЦАРИЦЫНА В 1917–1918 ГГ. ПО ВЕРСИИ СТАЛИНГРАДСКОГО ИСТПАРТА *

Игорь Олегович Тюменцев

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры,
г. Волгоград, Российская Федерация;
Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Предметом исследования является деятельность Сталинградского истпарта по подготовке коллективной фотографии («виньетки») героев революции 1917 г. и обороны Царицына в 1918 году. *Методы.* Используются методы источниковедческого анализа, археографии и просопографии. *Наблюдения и выводы.* В 1932 г. Сталинградская «пятерка» – прямая преемница Царицынской (Сталинградской) историко-партийной комиссии как подразделение Историко-партийной комиссии Нижне-Волжского края – готовила списки для размещения участников революционных событий и обороны Царицына в 1917–1918 гг. на коллективной фотографии («виньетке») для Музея обороны города. Место на фотографии зависело от активности и заслуг ветерана событий тех лет. Непосредственным исполнителем являлся заместитель управляющего Нижне-Волжским архивным управлением, секретарь «Пятерки» Т.М. Серегин. Будучи ветераном революционного движения, архивист смог вспомнить и включить в список многих своих боевых товарищей с упоминанием их должностей и обязанностей. Этот список содержит имена и фамилии 99 реальных руководителей революционного движения в Царицыне. Здесь помещен опальный к тому времени С.К. Минин и его соратники. Причем И.В. Сталин упоминается под № 24. Далее список подвергся основательной редакционной работе и сокращению до 34, а затем и до 31 человека. В этом варианте И.В. Сталин оказался на первом месте, далее упоминались его ближайшие соратники. С.К. Минин и некоторые члены его команды из списка исчезли. Просопографический анализ свидетельствует, что данный проект реализован не был, так как революционеры-царицынцы, упомянутые в списке, в том числе и Т.М. Серегин, погибли в эпоху Большого террора. Списки представляют несомненный интерес для исследователей, так как позволяют вернуть из небытия реальных активных участников революционных событий и обороны Царицына в 1917–1918 годах.

Ключевые слова: Великая Октябрьская социалистическая революция, оборона Царицына, революционное движение, Царицынская (Сталинградская) историко-партийная комиссия (Истпарт), фонд, коллективная фотография.

Цитирование. Тюменцев И. О. Герои революции и обороны Царицына в 1917–1918 гг. по версии Сталинградского истпарта // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 172–190. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.15>

Введение. Руководство большевистской партии постоянно уделяло большое внимание идеологической и агитационно-пропагандистской работе «с массами» и к окончанию Гражданской войны 1918–1922 гг. приобрело в этом отношении бесценный опыт. Уже в 1923 г. на всероссийском и губернском уровнях партийных структур были созданы комиссии по сбору документов и материалов по истории революционного движения, в первую очередь революций 1905–1907 гг., 1917 г. и только что закончившейся Гражданской войне. В 1923 г. был образован Царицынский истпарт во главе с ветераном-большевиком Георгием Тимофеевичем Гавриловым, который выпустил три тематических сборника [1; 2; 9] и вместе с обществом краеведов основал новое периодическое издание [8]. В 1928 г. в связи с образованием Нижне-Волжского края Комиссия была переведена в его административный центр – Саратов, а в Сталинграде оставлена небольшая ячейка Истпарта – «Пятерка», которую возглавил Николай Николаевич Соколов [6; 12]. Такое положение не устроило ветеранов. В Москве из ответственных

работников комиссариатов и ведомств – ветеранов революционных событий под председательством Ивана Федоровича Павлюкова и секретаря Павла Алексеевича Синюкова – образовался «кружок защитников Царицына», который активно включился в истпартовскую работу [7; 11]. Проживающие в Сталинграде ветераны создали аналогичный кружок ветеранов-царицынцев, который также пытался оказать влияние на работу «Пятерки» [10]. В результате работа Истпарта в Сталинграде пережила подъем. Особенно при последнем руководителе Сталинградского истпарта Владимире Николаевиче Алексееве [3; 4; 13; 14]. Конец этой работе положили массовые репрессии в 1939 г. [15].

Материалы. В 1932 г. перед Сталинградским истпартом была поставлена важная партийно-государственная задача – выявить героев революции 1917 г. и обороны Царицына 1918 и 1919 гг. для их последующего размещения на коллективной фотографии («виньетке») в Музее обороны Царицына. В фондах Государственного архива Волгоградской области (далее – ГАВО) отложились несколько

документов, отразивших ход этой работы, которую выполнил секретарь Т.М. Серегин и члены Сталинградской «пятерки» (прил. 1–3).

Анализ. Тимофей Михайлович Серегин (13(17).02.1894, ст. Протасово Саратовской губ. – ок. 29.07.1938, Сталинград) происходил из крестьянской семьи. Родителей лишился в 9 лет. Обучался в церковно-приходской школе в 1908–1912 гг., но в 1910–1912 гг. уже батрачил на кулака Ермолова, затем трудился ремонтным рабочим, грузчиком, разнорабочим на станции Ртищево Юго-Восточной железной дороги (далее – ЮВЖД) в 1912–1915 годах. Участник Первой мировой войны. Служил в Императорской армии в 1915–1917 гг. в 4-й западной артиллерийской батарее и в 17-м тяжелом артиллерийском дивизионе в чине фейерверкера (унтер-офицер). 13 мая 1917 г. вступил в РКП(б). Два месяца обучался в Ленинском кружке. Отсидел несколько месяцев в тюрьме [5].

Во время большевистского восстания в октябрьские дни в Саратове – комиссар сводной артиллерийской батареи Красной гвардии. 13 ноября 1917 г. во главе Первого сводного батальона Красной гвардии выехал в Царицын, где на второй день избран членом Военной секции Губкома. В годы Гражданской войны являлся товарищем (заместителем) председателя Штаба обороны, представителем 10-й и 11-й советских армий в Москве.

С 1920 г. – на партийно-хозяйственной работе. В 1920–1924 гг. возглавлял Царицынский губернский комитет продовольствия. В 1924–1926 гг. руководил Сталинградским собесом. В ходе «партийной чистки» получил «общественное порицание», которое в 1927 г. было снято по апелляции. В 1926–1929 гг. руководил потребкооперацией в Котельниковском районе. Был награжден несколькими грамотами и денежным поощрением [5].

В 1929–1932 гг. вернулся на работу на ЮВЖД, заняв сначала должность заместителя начальника, а затем начальника станции Сталинград. 2 апреля 1930 г. во время очередной партийной чистки «Тройка» дала ему следующую характеристику: «Политически развитый, идеологически выдержан, к производству относится хорошо, авторитетом пользуется...» [5, л. 1].

И буквально следом были выдвинуты обвинения, напроць перечеркивающие эту характеристику: «Обвиняется в бюрократ-

тизме и нечутком отношении к требованиям рабочих, зажиме самокритики, бесхозяйственности...» [5, л. 1–2].

Последовал строгий выговор, который Т.М. Серегин оспорил в очередной апелляции. На заседании Комиссии 30 октября 1930 г. Т.М. Серегина обвинили в фальсификации трудового стажа и «присвоении должности помощника начальника Штаба обороны Царицына». Однако Тимофей Михайлович представил все необходимые документы, и партийное взыскание было с него снято [5].

В 1932–1934 гг. – заведующий отделом, 1934–1935 гг. – заместитель управляющего, 1935–1938 гг. – управляющий Нижне-Волжским краевым архивным управлением и секретарь Истпарта. За эти годы проделал значительную работу по подбору кадров, комплектованию архивов, упорядочению документов и организации районных архивов. Часто публиковался в местной печати, в основном на темы революции и Гражданской войны. В декабре 1934 г. Т.М. Серегин опубликовал в газете «Поволжская правда» статью «Поход на Нижне-Чирскую», в которой среди прочего упомянул о Г.Ф. Сергееве, который незадолго до этого был репрессирован. Заступничество ему дорого обошлось. После более чем двухмесячных разбирательств 2 февраля 1935 г. была созвана партийная коллегия при уполномоченном Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Сталинградскому краю, которая объявила Т.М. Серегину строгий выговор «за политическую беспринципность». Он был снят с должности и работал в разных организациях. В апреле 1938 г. его арестовали. По одной из версий, это было следствием персонального дела 1935 г., по другой – «вредительство в архивном деле»: отвлечение сил ненужными работами, приведение архивных материалов в состояние безнадежной запуганности, безучетности и безнадзорности для безнаказанных хищений наиболее ценных материалов и их подделки». Согласно третьей версии, Т.М. Серегин пострадал из-за личной дружбы с Рувимом Яковлевичем Левиным, бывшим председателем Царицынского губернского исполкома, впоследствии заместителем председателя Госплана. 31 июля 1937 г. Р.Я. Левин был арестован, за ним потянули все его связи [5; 15].

Скорее всего, справедливы все три версии. Персональное дело было первым звонком, а результаты работы Комиссии Централь-

ного архивного управления явились непосредственным поводом к аресту. 29 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Т.М. Серегин был осужден как «активный участник антисоветской правотроцкистской террористической организации» [15].

Военная коллегия Верховного суда СССР 24 сентября 1957 г. отменила приговор и закрыла дело Т.М. Серегина «за отсутствием состава преступления». Он был посмертно реабилитирован [5].

Анализ дошедших до нас бумаг Истпарта с многочисленными пометами на них Т.М. Серегина дает основание для осторожного предположения, что это архив секретаря Сталинградской «пятерки» Т.М. Серегина первой половины 30-х гг. XX в., когда в Сталинграде уже был развеян культ личности С.К. Минина и начал утверждаться культ личности И.В. Сталина. В 1932 г., вскоре после вступления в должность заместителя управляющего Нижне-Волжским краевым архивным управлением, Т.М. Серегин получил задание составить список большевиков – героев революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в Царицыне 1918–1920 гг. для их размещения на фотографии («виньетке») в Музее обороны города [7]. Т.М. Серегин, по всей видимости, сделал соответствующие запросы в первичные организации ВКП(б) и собрал у них предложения о включении ветеранов в список награжденных. На основе этих предложений Тимофей Михайлович составил к 1 мая 1932 г. список из 99 человек и представил его на согласование Комиссии красногвардейцев и партизан Сталинграда. Составитель и сотрудники «Пятерки» включили в него всех известных им ветеранов, в том числе вождя царицынских большевиков – Сергея Константиновича Минина, который к тому времени уже попал в опалу и нашел спасение в доме для душевнобольных (прил. 1, № 52).

Судя по заявлению московских кружковцев, они получили список в августе 1932 г., в котором были упомянуты 73 человека (не найден). По всей видимости, Комиссия красногвардейцев и красных партизан Сталинграда сократила список с 99 до 73 человек, и он был отправлен московским кружковцам.

Московские кружковцы в свою очередь ответили в августе 1932 г. обширным заявлением, в котором указали, кого следует исклю-

чить из списка, кого добавить, и предложили разделить актив на две группы: узкий и широкий [7]. Тут, видимо, включились в дискуссию сталинградские ветераны – члены Правительственной комиссии [10], и список кандидатов для фотографии пришлось сузить до 34 (прил. 2), а затем, как видно из схемы размещения фотографий на «виньетке», он был сокращен до 31 человека. Причем правка вносилась прямо в схему и хорошо видна: она была написана карандашом тем же Т.М. Сергеевым (прил. 3).

Ситуация осложнилась тем, что споры вокруг «виньетки» переросли в споры вокруг награждений в честь 15-летия Великой Октябрьской социалистической революции и Красной армии. Для Т.М. Серегина и некоторых ветеранов эти споры закончились репрессиями.

Первый майский печатный вариант списка 1932 г. (прил. 1) сохранился в дефектном оригинале, который начинается со второго листа документа. Т.М. Сергеев или кто-либо другой, судя по отсутствию исправлений, с этим списком не работал. Радикальной правке подверглись копии (2-я или 3-я закладки бумаги под копирку). С помощью оригинала восстанавливаются плохо пропечатанные слова копии.

Анализ текстов обнаруживает, что, видимо, с помощью ветеранов Т.М. Серегин смог вспомнить фамилии, имена и отчества более половины из героев, нескольких назвал по именам. Примерно два десятка фамилий составитель списка и ветераны смогли написать лишь с инициалами, а остальных назвали только по фамилиям. В связи с этим им было решено вместо имен-отчеств оставить только инициалы, в результате Тимофей Михайлович вычеркнул имена-отчества у всех остальных, оставив только их инициалы. Судя по правкам, с помощью ветеранов ему удалось восстановить инициалы некоторых героев, которые он вписал металлическим пером фиолетовыми чернилами. Имеются также добавления инициалов простым и красным карандашами, которые, по всей видимости, возникли в процессе дальнейшей работы с текстом, но, кто их внес, сказать невозможно (прил. 1).

Готовя текст к публикации, мы постарались восстановить имена-отчества большевистского руководства Царицына полностью. В примечаниях оговорили, где имена-отчества

были сокращены до инициалов. Там, где имена-отчества не были дописаны, мы добавленный нами текст заключали в квадратные скобки. Раскрывая инициалы или добавляя имена-отчества к фамилиям, мы также этот текст заключали в квадратные скобки.

Результаты. Существенные правки и уточнения Тимофей Михайлович внес в описания заслуг большевиков – героев событий 1917–1922 гг. в Царицыне, зачеркивая напечатанный текст и вписывая новый фиолетовыми чернилами. Мы постарались полностью восстановить вымаранный или зачеркнутый печатный текст с помощью оригинала, а все новации привели в виде разночтений в сносках. Примечательно, что ничего не написано о заслугах лиц, помещенных в конце списка: Чернявского, Сухова, Сорокина, Жлобы, Ткачёва, Дьячкова, Чиснакова, Брашкина, Харченко, Воронкова, Булаткина, Дышлового. Фамилии Дьячкова, Чиснакова, Брашкина, Харченко, Воронкова, Булаткина, Дышлового были впоследствии вычеркнуты из списка. Все остальные, из упомянутых выше, оставлены. Дышловой и Брашкин были вновь вписаны и опять вычеркнуты. Т.М. Серегин явно колебался с решением по этому вопросу. Вычеркнутыми из списка оказались также: Анатолий Васильевич Кувардин, Сергей Константинович Минин, Павел Иванович Кошакин, Алексей Никитич Короткий, Иосиф Иосифович Ворцынский, а также Вальчук, Крачковский, Артёмов – всего, вместе с указанными, более 15 человек (прил. 1).

Составляя список, Т.М. Серегин совершил роковую ошибку: он поместил И.В. Сталина под № 24 без указания имени и отчества. К.Е. Ворошилов оказался на 10-м месте, а С.М. Буденный на 37-м. Конечно, это было связано со стремлением автора поместить вождей в центре снимка. Осознав отчасти свою ошибку, Тимофей Михайлович зачеркнул первоначальную запись о И.В. Сталине «Организатор Красной Армии, член Реввоенсовета 10-й армии» и написал «Руководитель работы по обороне Царицына» (прил. 1). Но здесь уже шел в ход постулат того времени: «Объяснить можно все – оправдать нельзя!».

Новый список из 34 кандидатов был уже более политкорректным. Первым в списке на-

граждения за оборону Царицына был указан «ее руководитель» – И.В. Сталин, затем шли К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный и др. С.К. Минин и его соратники были вычеркнуты. П.А. Дранникова Т.М. Серегин поначалу в список внес, но затем вымарал. В сокращенном списке появились новые лица: командир царицынских бронепоездов Ф.Н. Алябьев, командарм Н.А. Худяков, чекисты А.К. Борман, А.И. Червяков, М.Р. Чурсин. Удивляет незнание Т.М. Сергеевым имен-отчеств героев Гражданской войны, активных участников обороны Царицына – Дмитрия Петровича Жлобы, Ефима Афанасьевича Щаденко (прил. 2).

В итоговом портфолио, составленном Т.М. Серегиним, из списка были вымараны М.П. Батов, П.А. Синюков и Н.А. Худяков (прил. 3). Видимо, дальнейшая редакторская работа по отбору героев обороны Царицына была уже связана с борьбой ветеранов за награды. Но это уже другая история.

Таким образом, несмотря на проведенную Истпартом большую работу по подготовке портфолио участников обороны Царицына, в него пришлось внести значительные коррективы в связи с изменением политического курса в стране и приближением Большого террора, который погубил многих ветеранов обороны Царицына и сам Сталинградский истпарт. Тем не менее, благодаря проделанной работе, Т.М. Серегин и его помощники с помощью ветеранов выявили основной персональный состав большевистского руководства города, что открывает хорошие перспективы применения метода просопографии в изучении этого трагического акта Гражданской войны в России 1918–1922 гг. и возвращает в нашу историю забытые имена участников революционных событий.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Статья написана при поддержке гранта РФФИ 2022–2023 гг., проект № 22-28-20018 «История революции и гражданской войны на Юге России (1917–1922 гг.) по документам царицынского (сталинградского) Истпарта», руководитель – И.О. Тюменцев.

The article was supported by RSF, grant 2022–2023, project No. 22-28-20018 “The History of the revolution and civil War in the South of Russia (1917–1922) according to the documents of the Tsaritsyn (Stalingrad) Istpart”, headed by I.O. Tyumentsev.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Список активных участников в Обороне г. Царицына (Сталинграда) и защиты Советов в 1917–[19]20 гг., составленный 1.5.[19]32 г. участником обороны ¹ Серезиным Т[имофеем Михайловичем]. Утвержденный ² Правительственной комиссией Красногвардейцев Партизан при Горсовете и Секции ³ Обороны при ³ Пятёрке ⁴ по ⁵ сбору материала и описанию гражданской войны ⁵

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
Л. 124		
1	Водолагин П[авел] С[тепанович] ⁶	Командир железнодорож[ожного] ⁷ отряда ⁸
2 ⁹	Ткачев Тим[офей] Степ[анович] ¹⁰	Член Н[ижне]-Чирского Ревкома ¹¹
3	Дранников Петр Алексеевич ¹²	Командир ¹³ отряда и коман[дир полка] ¹⁴
4	Гаврилов Г[еоргий] Т[имофеевич]	Член Партийного Комитета и организ[атор] военных ¹⁵ газет ¹⁶
5	Королев Влас Захарович ¹⁷	Член партии ¹⁸ 1902 г. Организатор боевых дружин ¹⁹
6	Семенов Я[ков Георгиевич] ²⁰	Организатор ²¹ военных ²² частей в Черном Яру и активный защитник Черного Яра
7	Егоров [Александр Ильич] ²³	2-й Командир X-й армии в 1919 г. ²⁴
8	Клионская Б[ронеслава] З ²⁵ [Абрамовна] ²⁶	Третий ²⁷ Секретарь ²⁸ Партийн[ого] Комит[ета] ²⁹
9	Левин Рувим Я[ковлевич] ³⁰	Председатель ³¹ Парт[ийного] Комитета ³¹ РКП/б/ ³² в 1917 г. ³³

¹ Доб. над строкой: «Царицына». Здесь и далее правка металлическим пером фиолетовыми чернилами.

² Зачеркнуто. Над строкой: «и санкционированным».

³⁻³ Зачеркнуто.

⁴ Исправлено: «Пятёркам».

⁵⁻⁵ Зачеркнуто. Над строкой: «собираанию и обработке материалов октябрьской революции и гражданской войны. Г[ород] Ста[лин]г[рад]».

⁶ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». В списке коммунистов Царицынской организации ВКП(б) (далее – СКЦО) только инициалы и помета: «столяр 35 лет».

⁷ Над строкой доб.: «красногвард[ейского]».

⁸ На полях доб.: «в 1917 – нач[ало] 1918».

⁹ Цифра напечатана дважды.

¹⁰ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы.

¹¹ Доб.: «В 1918 г. активно участвовал в борьбе против Мамонтова».

¹² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии простым карандашом знак: «V».

¹³ Доб.: «красногвардейского».

¹⁴ Доб.: «X армии в 1918 г.».

¹⁵ Доб.: «парт[ийных]».

¹⁶ Помета: «X».

¹⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁸ Над строкой доб.: «Старый партиец – подпольщик».

¹⁹ Доб.: «в 1917 г.».

²⁰ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Место отсутствующего инициала отчества подчеркнуто фиолетовыми чернилами.

²¹ Слева: «один из».

²² Зачеркнуто простым карандашом. Над строкой: «Красногв[ардейских] и Красноарм[ейских]».

²³ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Место отсутствующих инициалов подчеркнуто фиолетовыми чернилами.

²⁴ Доб.: «с декабря 1918 года».

²⁵ В публикуемых документах инициалы Б. З. В действительности ее отчество – Абрамовна.

²⁶ Напротив ее фамилии фиолетовыми чернилами знаки: «V» и «=».

²⁷ По слову написано: «активный организ[атор] женск[ого] движ[ения]». «Женского движения» зачеркнуто. Под ним: «партработы среди женщин».

²⁸ Над строкой: «Член», но слово «Секретарь» не зачеркнуто.

²⁹ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

³⁰ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знаки: «V» и «=».

³¹⁻³¹ По этим словам написано: «Цариц[ынского] исполкома, член презид[иума] Парт[ийного] Комитета в 1917 г.».

³² Зачеркнуто. Ниже: «Предс[едатель] губ[ернского] исполкома в 1918 г.».

³³ Исправлено: «1918».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
10	Ворошилов Климентий Е[фремович] ³⁴	³⁵ Старый партизан ³⁵ и первый командир 10-й армии ³⁶
11	Павлюков Иван Федорович ³⁷	Секретарь ³⁸ Парт[ийного] Комит[ета] РКП(б) ³⁹ в 1917–1918 годах Царицынской организации ³⁹
12	Руднев Н[иколай Александрович] ⁴⁰	Командир бригады ⁴¹
13	Челединов Иван Артем[ович] ⁴²	Организатор мобилизац[ии] организаций и мобилизации войск ⁴³
14	Чекасинов Федор Тим[офеевич] ⁴⁴	Член ⁴⁵ Штаба Красной Гвардии ⁴⁶ и организатор боевых дружин ⁴⁷
15	Чалов Василий Иванов[ич] ⁴⁸	Начальник штаба Красной Гвардии 1-го района
16	Зайчиков Ф. А. ⁴⁹	Член ⁵⁰ Штаба Красной Гвардии ⁵¹ и организ[атор] боевых дружин
17	Савкин Георгий Сергеев[ич] ⁵²	Участник ⁵³ разоружения ⁵⁴ эшелонов и инициатор ⁵⁵ сооружения бронепоездов
Л. 124 об.		
18	Колесников Иван Назар[ович] ⁵⁶	Боец ⁵⁷ – работник ⁵⁸ по перевозке войск ⁵⁹
19	Кузьмин Михаил Кирил[лович] ⁶⁰	Пом[ощник] командира ⁶¹ отряда и ком[андира] батальона ⁶²
20	Фастов Алексей Яков[евич] ⁶³	Организатор боевых дружин на Красн[ом] Октябре и командир ⁶⁴ отряда ⁶⁵

³⁴ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

³⁵⁻³⁵ По этим словам написано: «Организатор партизанских отрядов».

³⁶ Доб.: «с июля 1918 г.».

³⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

³⁸ Над словом написано и зачеркнуто: «организатор партийных масс и». Затем перед словом: «один из орган[изаторов]». По слову «Секретарь» написано: «член», затем вставка над строкой: «Президиума».

³⁹⁻³⁹ Зачеркнуто. Над строкой написано: «Председатель революционного штаба в 1917 г.».

⁴⁰ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Место отсутствующего инициала отчества подчеркнута фиолетовыми чернилами.

⁴¹ Доб.: «украинской армии т[оварища] Ворошилова в 1918 г.» «Украинской» зачеркнуто.

⁴² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁴³ Доб.: «1918 г.».

⁴⁴ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁴⁵ По этому слову: «Предс[едатель]».

⁴⁶ Доб.: «1-го района».

⁴⁷ Доб.: «в 1917 году».

⁴⁸ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁴⁹ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

⁵⁰ По этому слову: «Член штаба в 1918 г.».

⁵¹ Доб.: «в 1918 г.».

⁵² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁵³ Перед словом: «Актив[ный]».

⁵⁴ Доб.: «проходящих».

⁵⁵ Слово зачеркнуто. Под строкой: «1918 г.».

⁵⁶ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁵⁷ Зачеркнуто.

⁵⁸ Зачеркнуто. Над строкой: «октивист» – так в тексте.

⁵⁹ Доб.: «и разоружению проходящих эшелонов».

⁶⁰ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁶¹ Доб.: «Красногвардейского».

⁶² Доб.: «38 дивизии в 1918 году».

⁶³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁶⁴ Доб.: «красногв[ардейского]».

⁶⁵ Доб.: «в 1918 года».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
21	Хохлов Николай Михайлович ⁶⁶	Пом[ощник] командира красногв[ардейского] отряда в Бекетовке и Ельш[анке] в 1917–1918 гг.
22	Нарцев И[ван] К[узьмич] ⁶⁷	Председатель Ревкома ст[анции] Волжской ⁶⁸
23	Ерман Яков Зельманович (Зиновьевич) ⁶⁹	Первый Председатель Губ[ернского] ⁷⁰ Исполнитель-ного Комитета ⁷¹
24	Сталин И[осиф] В[иссарионович] ⁷²	Организатор Красной Армии, член Реввоенсовета 10-й армии ⁷³
25	Клюев [Леонил Лаврович] ⁷⁴	Начальник Штаба 10-армии ⁷⁵ и 3 командир этой армии ⁷⁶
26	Попов Василий Захаров[ич] ⁷⁷	Член Н[ижне]-Чирского Ревкома – член ВЦИК в ка-зачьей Секции ⁷⁸
27	Кувардин Анатол[ий] Васил[ьевич] ⁷⁹	⁸⁰ Командир ⁸¹ отряда из ⁸² Николаевска ⁸³
28	Арзамасцев Николай Фил[иппович] ⁸⁴	⁸⁵ Помощник. Командира отряда ⁸⁵ . Команд[ир] боевых дружин ⁸⁶
29	Чурбанов Н[иколай] А[ндреевич] ⁸⁷	Политработник и комиссар Баталиона ⁸⁸
30	Ковалев Павел Андр[еевич] ⁸⁹	Пом[ощник] ком[андира] ⁹⁰ отряда и ком[андир] Бата-лиона ⁹¹
31	Чеботарев Спирид[он] Ив[анович] ⁹²	⁹³ Работник по контролю ⁹⁴ предприят[ий] ⁹⁵ . Первый Комиссар Труда ⁹⁶
32	Миронов Иван Конст[антинович] ⁹⁷	Командир красногвардейского Бекетовского отряда ⁹⁸

⁶⁶ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы.

⁶⁷ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁶⁸ Доб.: «активно выполнял боевые приказы штаба обороны». В СКЦО: «кровельщик 2 ч. Сарпинская № 1».

⁶⁹ Доб.: «Лидер царицынских большевиков в 1917 г.». Год зачеркнут. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁷⁰ Зачеркнуто.

⁷¹ Доб.: «в 1917–[19]18 гг.». «Погиб от рук меньшевиков» – зачеркнуто.

⁷² Доб.: «руководитель работы по обороне Царицына в 1918 г.». Год зачеркнут. Инициалы вписаны фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁷³ Доб.: «1918 г.».

⁷⁴ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Место отсутствующих инициалов подчеркнуто фиолетовыми чернилами.

⁷⁵ Доб.: «В 1918 г.».

⁷⁶ Доб.: «в 1919 г.».

⁷⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁷⁸ Доб.: «в 1918 г.».

⁷⁹ ФИО зачеркнуты. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами поставлен, а потом зачеркнут знак: «V».

⁸⁰ Доб.: «Пом[ощник]».

⁸¹ Доб.: «красногвардейского».

⁸² Исправлено: «в».

⁸³ Исправлено: «Николаевском районе».

⁸⁴ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁸⁵⁻⁸⁵ Слова зачеркнуты. Над строкой: «один из организаторов» – зачеркнуто. Доб.: «Кр[асной] гв[ардии]» – зачеркнуто.

⁸⁶ Доб.: «В 1917 г. зав[од] Кр[асный Октябрь]. Помощн[ик] команд[ира] кра[сно]гв[ардейского] отряда 1918 г.».

⁸⁷ Инициалы вписаны металлическим пером фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знаки: «V» и «?».

⁸⁸ Доб.: «10-й Армии в 1918 г.».

⁸⁹ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁹⁰ Доб.: «Красногвардейского».

⁹¹ Доб.: «37 дивизии в 1918 г.».

⁹² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁹³ Доб.: «Акт[ивный]».

⁹⁴ Доб.: «над».

⁹⁵ Исправлено: «[ями] и».

⁹⁶ Доб.: «активный участник мобилизации профсоюзных масс в 1917–1918 гг.».

⁹⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

⁹⁸ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
33	Выдрин Аким Кузьмич ⁹⁹	Командир ¹⁰⁰ отряда ¹⁰¹
34	Огарков Петр Алексеевич ¹⁰²	Член ¹⁰³ первого и второго состава ВКП(б) ¹⁰³ Партийного Комитета – боец ¹⁰⁴
35	Новиков Яков Герасимович ¹⁰⁵	Организатор боевых дружин и агитат[ор]-пропагандист ¹⁰⁶
36	Батов Матвей Павлов[ич] ¹⁰⁷	Председатель Центр[ального] Штаба Красн[ой] Гвардии ¹⁰⁸
37	Буденный Семен М[ихайлович] ¹⁰⁹	Организатор 1-Конной и Командарм этой ¹¹⁰ армии ¹¹¹
38	Щаденко Е[фим] А[фанасьевич] ¹¹²	Командир партизанского отряда и ¹¹³ Ком[андир] Морозов[ской] Донец[кой] дивизии ¹¹⁴
Л. 125 ¹¹⁵		
39	Тулак И[ван] В[асильевич] ¹¹⁶	Командующий Степного ¹¹⁷ фронта ¹¹⁸ и Ком[андир] Красн[огвардейских] ¹¹⁹ отрядов ¹²⁰
40	Пузанов С[тепан] Ф[Ефимович] ¹²¹	¹²² Товарищ Председателя Центр[ального] Штаба Красной Гв[ардии] ¹²³
41	Тимофеев М[ихаил Михайлович] ¹²⁴	Член центрального штаба Красной гвардии ¹²⁵
42	Котиков Дмитр[ий] Львов[ич] ¹²⁶	¹²⁷ Командир ¹²⁸ Никольского ¹²⁹ ¹³⁰ и член Районного штаба Красной гвардии ¹³⁰

⁹⁹ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁰⁰ Доб.: «красногвардейского».

¹⁰¹ Доб.: «в районе Дубовки в 1918 г.».

¹⁰² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁰³⁻¹⁰³ Зачеркнуто.

¹⁰⁴ Зачеркнуто. Над словом: «в 1917 г.», далее снова написано: «боец» – и зачеркнуто. Доб.: «активист по обороне города в 1918 г.».

¹⁰⁵ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁰⁶ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹⁰⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁰⁸ Доб.: «в 1918 гг.».

¹⁰⁹ Имя зачеркнуто. Оставлен только инициал. Инициал отчества вписан фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹¹⁰ Зачеркнуто. Над словом: «1-й конной».

¹¹¹ Доб.: «в 1918–1919 гг.».

¹¹² Инициалы вписаны фиолетовыми чернилами и красным карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹¹³ Доб.: «Организа[тор] и».

¹¹⁴ Доб.: «в 1918 г.».

¹¹⁵ С этого листа начинается оригинал документа (далее – О).

¹¹⁶ Инициалы написаны красным карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹¹⁷ Исправлено: «Степным».

¹¹⁸ Исправлено: «фронтом». Доб.: «в 1918 г.».

¹¹⁹ Исправлено: «Крас[ногвардейского]». Доб.: «конного летуч[его]».

¹²⁰ Исправлено: «отряда». Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹²¹ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». В анализируемых списках и других документах Истпарта инициал Ф. В действительности его отчество – Ефимович.

¹²² Доб.: «Член штаба Красной Гвар[дии] 5-го рай[она] в 1917 г.».

¹²³ Доб.: «1918 г.».

¹²⁴ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹²⁵ Доб.: «в 1918 г.».

¹²⁶ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹²⁷ Доб.: «В 1917–1918 гг.».

¹²⁸ В О фиолетовыми чернилами доб.: «1-го».

¹²⁹ В О вписано фиолетовыми чернилами: «Сов[етского] полка».

¹³⁰⁻¹³⁰ Зачеркнуто. Над строкой: «в 1918 г.».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
43	Кримбиллов (Крембиллов) Д[митрий] С ¹³¹ [идорович] ¹³²	Работник по мобилизации промышленности на оборону ¹³³
44	Шарапов Ник[олай] Семенов[ич] ¹³⁴	Член и секретарь Казачьей секции ¹³⁵
45	Новиков Семен [Ефимович] ¹³⁶	Организатор боевых дружин ¹³⁷ . ¹³⁸ В данное время Правитель Комиссии Красных Партизан ¹³⁸
46	Поляков Иван Михайлович ¹³⁹	¹⁴⁰ Работник по мобилизации буржуазии ¹⁴¹ , ¹⁴² член Штаба Красной гвардии ¹⁴²
47	Павин Дмитрий Анисимович ¹⁴³	Член Революционного штаба ¹⁴⁴ и Ком[андир] ¹⁴⁵ от- ряда ¹⁴⁶
48	Синюков Павел Алекс[еевич] ¹⁴⁷	Председ[атель] ¹⁴⁸ штаба ¹⁴⁹ красной гвардии. ¹⁵⁰ Ком[андир] отряда ¹⁵⁰
49	Костин Александр Пав[лович] ¹⁵¹	Член штаба обороны и военной секции ¹⁵²
50	Изюмский Иван Петрович ¹⁵³	¹⁵⁴ Председат[ель] революционного штаба ¹⁵⁴ и ком[андир] отряда ¹⁵⁵
51	Серегин Тимофей Михайл[ович] ¹⁵⁶	Тов[ариш] пред[седателя] штаба обороны Советов ¹⁵⁷ и ком[иссар] ¹⁵⁸ окружного арсенала. ¹⁵⁹ Ком[андир] от- ряда ¹⁵⁹
52	Минин Сергей Конст[антинович] ¹⁶⁰	¹⁶¹ Председ[атель] ¹⁶² Штаба обороны советов гор[ода] Цар[ицына]

¹³¹ В О инициал отчества вписан фиолетовыми чернилами.

¹³² Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹³³ Доб.: «в 1917 г.». Затем слово и дата зачеркнуты. Доб.: «борьбу с контрреволюцией в 1917 г.».

¹³⁴ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹³⁵ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹³⁶ Имя зачеркнуто. Оставлен только инициал. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹³⁷ Доб. над строкой: «по заводам» – зачеркнуто.

¹³⁸⁻¹³⁸ Зачеркнуто. Над строкой: «в 1917 г. комиссар продовольственной базы. 9 ор. В 1918 г.».

¹³⁹ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁴⁰ Доб.: «Акт[ивный]».

¹⁴¹ Выделено черными чернилами. Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹⁴²⁻¹⁴² Зачеркнуто.

¹⁴³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁴⁴ Доб.: «в 1917 г.».

¹⁴⁵ Доб.: «Красногв[ардейского]».

¹⁴⁶ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁴⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Инициал отчества написан фиолетовыми чернилами. Последующие буквы отчества – оранжевым карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁴⁸ Зачеркнуто. Над строкой: «Член» – зачеркнуто. Опять: «Пред[седатель]».

¹⁴⁹ Доб.: «3-го район[а]».

¹⁵⁰⁻¹⁵⁰ Зачеркнуто. Доб.: «в 1917 г. Член Центр[ального] ш[таба] красной гв[ардии] и командир отряда в 1918 г.».

¹⁵¹ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁵² Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹⁵³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁵⁴ Зачеркнуто. Над строкой: «Член революционного штаба в 1917 г. (год зачеркнут). Председатель центр[ального] штаба крас[ой] гвардии в 1917 г. Командир батареи (эти два слова зачеркнуты). Член штаба обороны».

¹⁵⁵ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁵⁶ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁵⁷ Слово зачеркнуто. Над строкой: «Командир батареи (эти два слова зачеркнуты). Член штаба обороны в 1917 г.».

¹⁵⁸ Слово дописано фиолетовыми чернилами.

¹⁵⁹⁻¹⁵⁹ Зачеркнуто. Над строкой: «Пом[ощник] командира отряда в 1918 г.».

¹⁶⁰ Вычеркнут.

¹⁶¹ Доб.: «Лидер царицынских большевиков».

¹⁶² Доб.: «Реввоен[совета]».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
53	Арзамасцев Георгий Фил[иппович] ¹⁶³	¹⁶⁴ Первый комен[дант] города – член Штаба обороны и Ревтрибунала ¹⁶⁵
54	Мотькин А. М. ¹⁶⁶	Комиссар автогаража и бронемашин ¹⁶⁷
55	Кузнецов Федор Павлович ¹⁶⁸	Член Штаба обороны ¹⁶⁹ г[орода] Царицына ¹⁶⁹
56	Дубинин Дмитр[ий] Мих[айлович] ¹⁷⁰	Организатор дружин ¹⁷¹ . Участ[ник] разоружения эш[елонов] ¹⁷²
57	Чернецов П. Я. ¹⁷³	Член централь[ного]. Штаба красн[ой] гвардии ¹⁷⁴
58	Гордиенко Е[вгений] С[тепанович] ¹⁷⁵	¹⁷⁶ Чекист, боец ¹⁷⁶
59	Кузнецов Иван Ефимович ¹⁷⁷	Организатор жел[езно]дорожн[ой] боевой дружины. Член ¹⁷⁸ ревкома
60	Кисляков Ф[едор] К[онстантинович] ¹⁷⁹	Член Штаба красной гвардии ¹⁸⁰
61	Попов Никит[а] Васил[ьевич] ¹⁸¹	Командир ¹⁸² Полка и командир отряда ¹⁸²
62	Родин Иван Егоров[ич] ¹⁸³	Пред[седатель] жел[езно]-дор[ожного] ревкома ¹⁸⁴
63	Сапожников Иван Пав[лович] ¹⁸⁵	¹⁸⁶ Работник по контролю над ¹⁸⁷ предприят[иями], бо- ец ¹⁸⁸
64	Федотов Конст[антин] Я[ковлевич] ¹⁸⁹	¹⁹⁰ Первый Губ[ернский] ¹⁹¹ военный комиссар ¹⁹²
65	Симонов М[ихаил] Е[фимович] ¹⁹³	Организатор ¹⁹⁴ отряда и военный комиссар г[орода] Ленинска ¹⁹⁵

¹⁶³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁶⁴ Доб.: «Член военной секции в 1917 г.».

¹⁶⁵ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁶⁶ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

¹⁶⁷ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

¹⁶⁸ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁶⁹⁻¹⁶⁹ Зачеркнуто. Доб.: «в 1918 г.».

¹⁷⁰ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁷¹ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁷² Доб.: «и подавления восстания грузолес».

¹⁷³ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

¹⁷⁴ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁷⁵ Инициалы написаны фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁷⁶⁻¹⁷⁶ Зачеркнуто. Доб.: «Актив[ный] участник борьбы с контрреволюцией в 1918 г.».

¹⁷⁷ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы.

¹⁷⁸ Доб.: «ж[елезно]-д[орожного] ревкома».

¹⁷⁹ Инициалы написаны фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁸⁰ Доб.: «3-го района в 1917 г. и член центрального штаба красной гвардии в 1918 г.».

¹⁸¹ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁸²⁻¹⁸² Зачеркнуто. Под строкой: «каз[ачьего] отряда в 1917 г. и каз[ачьего] полка в 1918 г.».

¹⁸³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁸⁴ Доб.: «и организатор ж. д. красногв[ардейского] отряда в 1917–1918 гг.».

¹⁸⁵ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁸⁶ Доб.: «Акт[ивный]».

¹⁸⁷ Вписано над строкой.

¹⁸⁸ Зачеркнуто. Доб.: «в 1918 г.».

¹⁸⁹ Вписано фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁹⁰ Доб. черными чернилами: «Военспец советских...».

¹⁹¹ Зачеркнуто черными чернилами.

¹⁹² Доб.: «в 1918 г.».

¹⁹³ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁹⁴ Доб.: «член военной секции в 1917 г. красногв[ардейского]».

¹⁹⁵ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
66	Кириченко Матвей Андреевич ¹⁹⁶	Член и секрет[арь] Штаба обороны ¹⁹⁷
Л. 125 об.		
67	Онуя Павел Аврорович ¹⁹⁸	Тов[ариш] председ[ателя] военной секции ¹⁹⁹ и 2-го состава ш[таба] о[бороны] ²⁰⁰
68	Муллен Матвей Кузьмич ²⁰¹	Секретарь Штаба обороны ²⁰²
69	Грозозов Евгений Иван[ович] ²⁰³	Организатор пулеметных команд ²⁰⁴
70	Пенкин И. П. ²⁰⁵	Член ²⁰⁶ штаба красной гвардии ²⁰⁷
71	Белокопытов И[Николай] ²⁰⁸ И[пполитович] ²⁰⁹	Член ²¹⁰ штаба красной гвардии ²¹¹
72	Савилова Алекс[андра] Никол[аевна] ²¹²	Организатор ²¹³ женского движен[ия]. Орг[анизатор] национа[лизации] предприятий по работе штаба обороны ²¹³
73	Кошакин Павел Иван[ович] ²¹⁴	Организатор ²¹⁵ боевой подготовки ²¹⁵
74	Козьмин Трофим И[ванович] ²¹⁶	Член ²¹⁷ штаба обороны и нач[альник] агитац[ийно]-разведоват[ельного] отдела ²¹⁸
75	Шманов Андрей ²¹⁹ [Гаврилович]	Председатель казачьей секции ²²⁰
76	Короткий Алексей Никит[ич] ²²¹	Член Штаба Обороны 2-го состава ²²²
77	Ходырев Яков Алексеевич ²²³	Пред[седатель] Царицын[ского] комит[ета] ВКП(б) ²²⁴

¹⁹⁶ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁹⁷ Доб.: «в 1918 г.».

¹⁹⁸ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

¹⁹⁹ Доб.: «в 1917 г.».

²⁰⁰ Доб.: «в 1918 г.».

²⁰¹ Имя и отчество написаны фиолетовыми чернилами и зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁰² Доб.: «в 1918 г.».

²⁰³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁰⁴ Слово вписано черными чернилами. К нему доб.: «в 1918 г.».

²⁰⁵ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²⁰⁶ Доб.: «центр[ального]».

²⁰⁷ Доб.: «в 1918 г.».

²⁰⁸ Инициалы зачеркнуты простым карандашом. Над ними написана буква «Н».

²⁰⁹ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²¹⁰ Доб.: «центр[ального]».

²¹¹ Доб.: «в 1918 г.».

²¹² Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Напротив ее фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²¹³⁻²¹³ Зачеркнуто черными чернилами. Доб.: «и агитатор по изданию всем и темам». Фиолетовыми чернилами: «Акт[ивный] партработник среди женщин в 1917 г. Акт[ивный] участник организации красногвар[дейских] грузолесоснаб отрядов в 1918 г.».

²¹⁴ Вычеркнут. Напротив его фамилии зачеркнутый фиолетовыми чернилами знак: «V».

²¹⁵⁻²¹⁵ Исправлено черными чернилами: «боевых дружин». Доб.: «в 1917 г.».

²¹⁶ Имя зачеркнуто. Оставлен только инициалы. Инициал отчества написан фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами поставлен, а потом зачеркнут знак: «V», затем вновь поставлен.

²¹⁷ Доб.: «секрет[арь]».

²¹⁸ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

²¹⁹ Имя зачеркнуто. Оставлен инициал. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²²⁰ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

²²¹ Вычеркнут.

²²² Доб.: «в 1918 г.».

²²³ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²²⁴ Зачеркнуто. Над строкой: «партии». Доб. простым карандашом и прорисовано фиолетовыми чернилами: «20/8.1917–10/9.1918 г.».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
78	Горликов Андрей Васильев[ич] ²²⁵	Член штаба обороны и Пред[седатель] военной сек[ции] ²²⁶
79	Терновой [Р. П.] ²²⁷	Начальник ²²⁸ снабжения войска ²²⁹ Крас[ной] гвардии при ²³⁰ Штабе Обороны ²³¹
80	Крачковский ²³²	Командир интернациональ[ного] отряда при Штабе Обороны ²³³
81	Ворцынский Иосиф ²³⁴ [Иосифович]	Начальник санитар[ных] частей Красн[ой] Гвар[дии] и Красной Армии ²³⁵
82	Леонов Иосиф И[ванович] ²³⁶	Член Центрального Штаба Крас[ной] Гвар[дии] ²³⁷ и ²³⁸ Начал[ьник] штаба формирования Красной Армии
83	Кучин Иван Иван[ович] ²³⁹	Командир ²⁴⁰ отряда ²⁴¹ т[оварищ] Пред[седателя] Штаба Обороны и начал[ьник] штаба, коман[дир] ²⁴² Степного фронта ²⁴³
84	Вальчук ²⁴⁴	Ком[андир] ²⁴⁵ пулемет[ных] частей и член Штаба Обороны ²⁴⁶
85	Артёмов [Гавриил А.] ²⁴⁷	Член Штаба Обороны ²⁴⁸
86	Зеленский Сергей В[асильевич] ²⁴⁹	Чекист ²⁵⁰ . Активный участник ликв[идации] бело-гвар[дейских] банд ²⁵¹
87	Григорьев А[лександр] П[етрович] ²⁵²	Военный ²⁵³ комиссар ²⁵⁴ штаба ²⁵⁵
88	Чернявский Г. [А.] ²⁵⁶	
89	Сухов [А. И.] ²⁵⁷	

²²⁵ Имя и отчество зачеркнуты. Оставлены только инициалы. Простым карандашом поставлен знак вопроса. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²²⁶ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

²²⁷ Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²²⁸ Доб.: «по».

²²⁹ Зачеркнуто.

²³⁰ Вставлено фиолетовыми чернилами.

²³¹ Доб.: «в 1918 г.».

²³² Вычеркнут. Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²³³ Доб.: «в 1918 г.».

²³⁴ Вычеркнут.

²³⁵ Доб.: «в 1917–1918 гг.».

²³⁶ Имя зачеркнуто. Оставлены только инициалы. Инициал отчества вписан фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²³⁷ Доб.: «в 1917 г.».

²³⁸ Доб.: «в 1918 г.».

²³⁹ Имя зачеркнуто. Оставлены только инициалы. Инициал отчества вписан фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁴⁰ Доб.: «Красног[ардейских]».

²⁴¹ Доб.: «в 1917 г.».

²⁴² Зачеркнуто.

²⁴³ Доб.: «в 1918 г.».

²⁴⁴ Вычеркнут. Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²⁴⁵ Исправлено: «Начал[ьник]».

²⁴⁶ Доб.: «в 1918 г.».

²⁴⁷ Вычеркнут. Возможно, это Артемов Гавриил А., исключенный из ВКП(б) в 1922–1924 гг. См.: ЦДНИВО Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 94 (Списки исключенных из ВКП(б). 1922–1924 гг.). Л. 2.

²⁴⁸ Доб.: «в 1918 г.».

²⁴⁹ Вписано фиолетовыми чернилами. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁵⁰ Зачеркнуто.

²⁵¹ Доб.: «в 1918 г.».

²⁵² «П.» вписана красным карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁵³ Зачеркнуто простым карандашом.

²⁵⁴ Зачеркнуто. Над словом: «Акт[ивный] раб[отник]».

²⁵⁵ Доб.: «в 1918 г.».

²⁵⁶ «Г.» вписана красным карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁵⁷ Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика
90	Сорокин Я[ков] ²⁵⁸	
91	Жлоба [Дмитрий Петрович]	
92	Ткачѳв И[ван] ²⁵⁹ [Николаевич]	
93	Дьячков М. П. ²⁶⁰	
94	Чиснаков [Петр Захарович] ²⁶¹	
96 ²⁶²	Брашкин ²⁶³	
97	Харченко [Николай Васильевич] ²⁶⁴	
98	Воронков [А. Н.] ²⁶⁵	
99	Булаткин ²⁶⁶	
100	Дышловой [Трофим Иванович] ²⁶⁷	

Члены Правительственной Комиссии
Красногвар[дейцев], Партизан
г[орода] Сталинграда

Секретарь Правительственной Комиссии
Члены Пятерки по истории
Гражданской войны
Сектор по Обороне

/Арзамасцев [Г. Ф.]/,
/Челядинов [И. А.]/,
/Кувардин [А. В.]/,
/Новиков [С. Е.]/,
/Кузьмин [М. К.]/,
/Громозов [Е. И.]/.

/Ахапкин/.
/Серегин Т. М./²⁶⁸.
/Линевская [С.]/.

Документ напечатан пишущей машинкой на трех листах из линованной амбарной тетради. От первого экземпляра сохранились только второй и третий листы. Здесь практически отсутствует правка. Второй экземпляр сохранился полностью. Редактирован металлическим пером фиолетовыми чернилами. Правлен простым и красным карандашами. На верхнем поле лицевого листа 124 посередине красными чернилами: «336-61»; в правом углу фиолетовыми чернилами: «307»; простым карандашом зачеркнута старая пагинация – «27», химическим карандашом – «75»; простым карандашом написана новая – «124». В правом верхнем углу листа 125 фиолетовыми чернилами: «305»; простым карандашом зачеркнута старая пагинация – «28», химическим карандашом – «73»; простым карандашом написана новая – «122». В правом верхнем углу листа 126 простым карандашом зачеркнута старая пагинация – «29», и простым карандашом написана новая – «122».

Первый экземпляр: ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 57–58.
Второй экземпляр: ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 124–126.

²⁵⁸ «Я.» вписана красным карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V». Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²⁵⁹ «И.» вписана фиолетовыми чернилами.

²⁶⁰ Вычеркнут.

²⁶¹ Вычеркнут.

²⁶² № 95 пропущен.

²⁶³ Вычеркнут фиолетовыми чернилами. Вписан и опять вычеркнут. Перечеркнут простым карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁶⁴ Вычеркнут фиолетовыми чернилами и карандашом.

²⁶⁵ Вычеркнут фиолетовыми чернилами и карандашом. Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

²⁶⁶ Вычеркнут фиолетовыми чернилами и карандашом.

²⁶⁷ Вписан и опять вычеркнут фиолетовыми чернилами. Перечеркнут простым карандашом. Напротив его фамилии фиолетовыми чернилами знак: «V».

²⁶⁸ Подпись простым карандашом.

Список организаторов Красной Гвардии, Красной Армии и активных участников обороны Советов, в гор[оде] Сталинграде в 1917–[19]18 гг., помещенных в приложенном при сем фотоснимке

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика	№ на схеме ¹
1	Сталин И[осиф] В[иссарионович]	Руководитель обороны Царицына, организатор 10-й армии, член Р[еволюционного] В[оенного] С[овета] К[расной] армии в 1918 г.	1
2	Ворошилов К[лимент] Е[фремович]	Организатор партизанских отрядов и луганских шахтеров, организатор и первый командарм 10 Красной Армии в 1918 г.	2
3	Буденный С[емен] М[ихайлович]	Организатор конного корпуса и командир 1-й Конной армии 1918–[19]19 гг.	3
4	Ерман Я[ков] З[иновьевич]	Руководитель Царицынской большевистской организации и Председатель Исполнительного Комитета Царицынского Совета Р[абочих] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] в 1917–[19]18 гг.	4
5	Егоров [Александр Ильич]	2-й Командарм 10-й армии в 1918–[19]19 гг.	5
6	Клюев [Леонил Лаврович]	Начальник штаба 10-й Красной армии в 1918 г. и 3-й командарм этой армии в 1919 г.	6
7	Павлюков И[ван] Ф[едорович]	Один из руководителей большевистской организации г[орода] Царицына в 1917 г. и Рев ² [олюционного] штаба в Октябрьские дни	7
8	Щаденко ³ Е[фим] А[фанасьевич]	Организатор и командир Морозовско-Донецкой дивизии в 1918 г.	8
9	Левин Р[увим] Я[ковлевич]	Один из руководителей больш[евистских] организаций г[орода] Царицына в 1917 г. г. Председатель Исполкома С[овета] Р[абочих] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] в 1918 г. Председатель парткомитета ВКП(б) в 1919 г.	9
10	Жлоба [Дмитрий Петрович]	Командир Стальной дивизии в 1917–[19]18 гг.	10
11	Кучин И[ван] И[ванович]	Начальник Штаба Степного фронта, командир Красногвардейских отрядов и тов[арищ] Председателя Штаба Обороны в 1917–[19]18 гг.	11
12	Серегин Т[имофей] М[ихайлович]	Тов[арищ] Председателя штаба обороны, один из организаторов обороны г[орода] Царицына в 1917–[19]18 гг.	12
13	Изыумский И[ван] П[етрович]	Организатор, 1-й Председатель Центрального Штаба Кр[асной] Гвардии в 1917–[19]18 гг.	13
14	Арзамасцев Г[еоргий] Ф[илиппович]	Член Штаба Обороны, 1-й комендант города и член Революционного трибунала в 1918 г.	14
15	Шманов А[ндрей] Г[аврилович]	Организатор боевых казачьих частей и Председатель Казачьей секции С[овета] Р[абочих] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] в 1918 г.	15
16	Симонов М[ихаил] Е[фимович]	Организатор Красной гвардии в Заволжском р[айо]не, 1-й военный комиссар Ленинского уезда в 1917–1918 гг.	17
17	Тулак И[ван] В[асильевич]	Главкомандующий Царицынского фронта в 1918 г. Командующий Степным фронтом в 1919 г.	18
18	Руднев Н[иколай] Александрович	Командир бригады армии тов[арища] Ворошилова в 1918 г.	19
19	Леонов И[осиф] И[ванович]	Н[ачальни]к Штаба формирования Красной армии и 2-й Председатель Центрального Штаба Красной Гвардии 1918 г.	25

¹ Столбец добавлен нами. – И. Т.

² Вписано фиолетовыми чернилами над строкой.

³ В тексте: «Щяденко».

№	Фамилия, имя, отчество	Характеристика	№ на схеме
20	Родин И[ван] Е[фремович]	Председатель Ц[ентр[ального] Ревкома Ю[го]-В[осточной] Ж[елезной] Д[ороги] в 1917–[19]18 гг.	21
21	Ходарев ⁴ Я[ков] А[лексеевич]	Председатель Царицынского Комитета больш[евистской] организаций в конце 1917 года	22
22	Королев В[лас] З[ахарович]	Один из организаторов боевых дружин и полит работы в красногвардейских частях в 1917–[19]18 гг.	23
23	Клеонская ⁵ Б[ронеслава] З ⁶ [Абрамовна]	Секретарь парт[ийного] комитета Царицынской больш[евистской] организации в 1917–[19]18 гг.	24
24	Алябьев Ф[едор] Н[иколаевич]	Один из организаторов бронепоездов в 1918 г.	27
25	Козьмин Т[рофим] И[ванович]	Член Штаба Оборона, Комиссар Степного фронта в 1917–[19]18 гг.	26
26	Попов Н[икита] В[асильевич]	Командир казачьей дивизии Штаба Оборона в 1918 г.	28
27	Чурсин М. Р. ⁷	Один из организаторов Волжского транспорта в 1918 г. и руководитель эвакуации г[орода] Царицына 1919 г.	29
28	Федотов К[онстантин] Я[ковлевич]	1-й Военный комиссар гор[ода] Царицына в 1918 г.	30
29	Червяков [Александр Иванович]	2-й Председатель Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией [в Царицыне] в 1918 г.	31
30	Горликов А[ндрей] В[асильевич]	Председатель Военной секции С[овета] Р[абочих] С[олдатских] и К[рестьянских] Д[епутатов] в 1917 г. Член Штаба Оборона 1918 гг.	32
31	Синюков П[авел] Алексеевич ⁸	Член Революц[ионного] Штаба ⁹ в Октябрьские дни, член Центрального Штаба Красной Гвардии ¹⁰ и командир батальона ¹¹ в 1917–[19]18 гг.	Нет
32	Батов М[атвей] П[авлович]	3-й Председатель Центрального Штаба Кр[асной] Гвардии в 1918 г.	Нет
33	Борман [Альфед Карлович]	1-й Председатель ЧК гор[ода] Царицына	16
34	Худяков [Николай Акимович]	[Командир Красногвардейск[ого] отряда в 1918 году] ¹²	Нет

Отв[етственный] секретарь пятерки по истории Октябрьской революции и Гражданской войны. /СЕРЁГИН/.

Документ напечатан пишущей машинкой на двух листах пожелтевшей реставрированной бумаги формата А4 (2-я или 3-я копии). Оригинальная пагинация напечатана посередине верхнего поля: «1-2». Старая пагинация сделана простым карандашом и зачеркнута в левом верхнем углу: «10-11» и «10-11». Новая пагинация – там же простым карандашом: «1-2». Подписи Т.М. Серегина нет.

ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 123. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

⁴ В списке № 1 – Ходырев. См. прил. 1.

⁵ В списке № 1 – Клионская. См. прил. 1.

⁶ В публикуемых документах инициалы Б. З. В действительности ее отчество – Абрамовна.

⁷ Имя и отчество установить не удалось. Сведения о нем отсутствуют.

⁸ ФИО подчеркнуты простым карандашом.

⁹ Подчеркнуто простым карандашом.

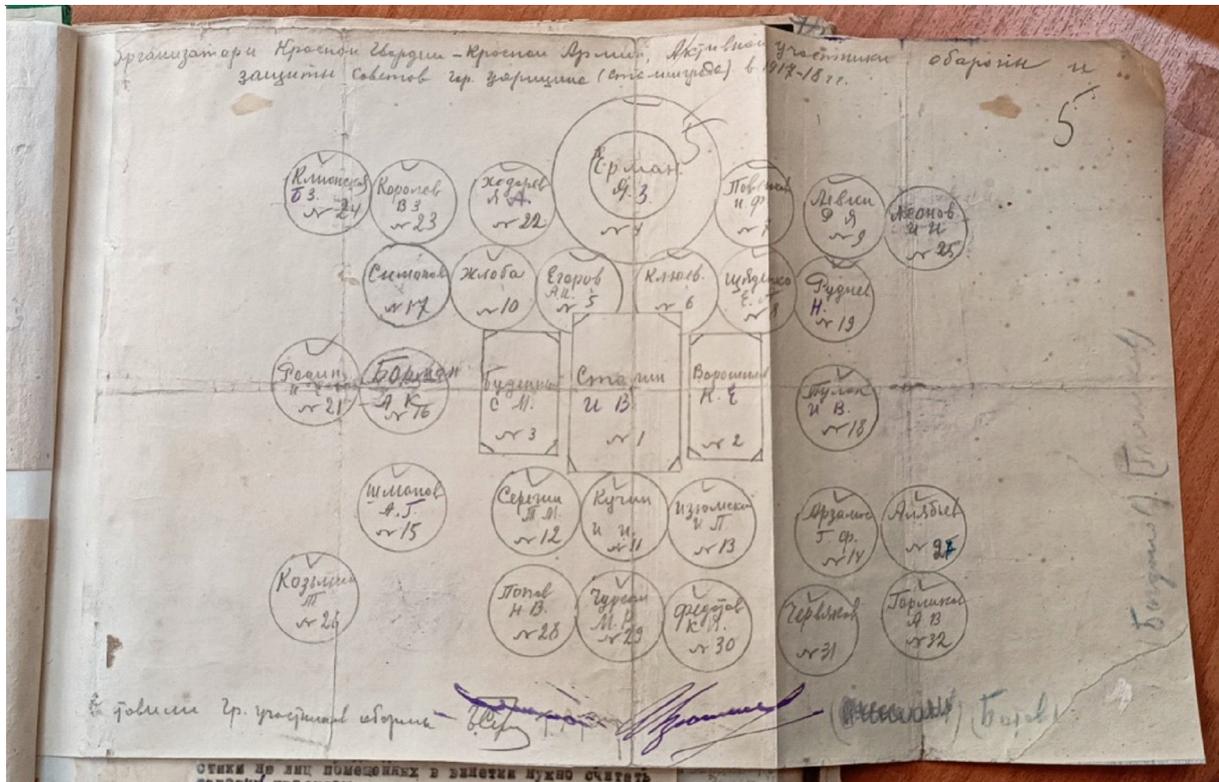
¹⁰ Подчеркнуто простым карандашом.

¹¹ Подчеркнуто простым карандашом.

¹² В тексте пропуск. Запись взята нами из аналогичного наградного списка. См.: ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 120–121.

Организаторы Красной Гвардии – Красной Армии, Активные участники обороны и защиты Советов гор[ода] Царицына (Сталинграда) в 1917–[19]18 гг.

[ПОРТФОЛИО «ВИНЬЕТКИ»]

Документ написан простым карандашом почерком Т.М. Сергеева на листе формата А3. Карандашная подпись Т.М. Сергеева перекрывается отпечатком подписи И.П. Изюмского, выполненной металлическим пером фиолетовыми чернилами. Рядом в скобках тщательно заштрихована фамилия. Возможно, «Изюмский». Далее в скобках тем же карандашом фамилия отсутствующего на схеме Батова. На правом поле в скобках фамилии Богданов, Поляков. В правом верхнем углу цифра пагинации рукописи: «5».

ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 123. Ед. хр. 1. Л. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1905 год в Сталинградской губернии: [историко-революционный сборник] / под ред. Г. Т. Гаврилова, Н. Н. Соколова, М. М. Щербакова. Сталинград: [Истпарт Сталингр. губкома РКП(б)], 1925. 177 с.
2. 1917 год в Сталинградской губернии: (Хроника событий) / сост. Г. Т. Гаврилов; под ред. Н. Н. Соколова. Сталинград: [Губком ВКП(б)], типо-лит. Полиграфпром ГСНХ], 1927. 273 с.
3. Алексеев В. Н. Оборона Царицына: сб. ст. и док. / сост.: В. Алексеев, К. Нефедов. Сталинград: Краев. книгоизд-во, 1937. 348 [3] с.
4. В боях за диктатуру пролетариата: сборник воспоминаний участников Октября и гражданской войны в Нижнем Поволжье / Истпарт Н.-Волж. крайкома ВКП(б). Саратов: Парт. изд-во, Ниж.-Волж. краев. отд-ние, 1933. 72 с.
5. Дело Т. М. Серегина // ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 59. Ед. хр. 531. Л. 1–2.
6. Заседания «Пятерки» по разработке материалов гражданской войны от 15 ноября 1931 г. // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 86.
7. Заявление Московского кружка бывших активных участников захвата власти и обороны города Сталинграда в 1917–[19]18 гг. // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9, 107–110.
8. Наш край: [историко-революционный сборник Царицынского истпарта]. Вып. 1. Царицын: Изд-во истпарта при Губкоме, 1924. 84 с.
9. Наше прошлое: Из истории Сталинградской организации ВЛКСМ: сб. ст. и док. / Ист.-парт. отд. Сталингр. ГК ВКП(б). Сталинград: Губерн. ком. ВКП(б), 1928. 160 с.
10. Протест-заявление от сталинградцев – бывших участников Февральской революции и активных руководителей Октябрьской революции // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 23. Л. 180–185.
11. Протокол № 1 Собрания бывших активных участников захвата власти и обороны города Сталинграда в 1917–[19]18 гг. и последующих // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Д. 115. Л. 145–146 об.
12. Протокол заседания секретариата по написанию истории Октябрьской революции и Гражданской войны в Нижне-Волжском Крае от 23/III-1932 г[ода] // ГАВО. Ф. Р-346. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 31–33.
13. Революционный Сталинград: сб. ст. по истории гражданской войны и социалистического в округе / сост. Н. А. Синеоков. Сталинград: Полиграфпром ОСНХ, 1930. 1-е изд. 64 с.; 2-е изд. 77 с.
14. Романов И., Соколов Н. Очерк истории революции 1917 года в Царицыне (Сталинграде). Саратов: Парт. изд-во, Н.-Волж. краев. отд-ние, 1932. 104 с.
15. Чигиринская К. Б. Репрессии 1930-х годов в отношении участников обороны Царицына // Воп-

росы краеведения. Вып. 11. Волгоград: Панорама, 2008. С. 221–224.

REFERENCES

1. Gavrilo G.T., Sokolov N.N., Shcherbakov M.M., eds. *1905 god v Stalingradskoi gubernii: (istoriko-revoliutsionnyi sbornik)* [1905 in Stalingrad Province. Historical and Revolutionary Collection]. Stalingrad, Istpart Stalingr. gubkoma RKP(b), 1925. 177 p.
2. Gavrilo G.T., Sokolov N.N., eds. *1917 god v Stalingradskoi gubernii: (Khronika sobytii)* [1917 in Stalingrad Province: (Chronicle of Events)]. Stalingrad, Gubkom VKP(b), tipo-lit. Poligrafprom GSNKh, 1927. 273 p.
3. Alekseev V.N. *Oborona Tsaritsyna: sb. st. i dok.* [Defense of Tsaritsyn. Collection of Articles and Documents]. Stalingrad, Kraev. knigoizd-vo, 1937. 348 [3] p.
4. *V boiakh za diktaturu proletariata: sbornik vospominanii uchastnikov Oktiabria i grazhdanskoi voiny v Nizhnem Povolzhii* [In the Battles for the Dictatorship of the Proletariat: A Collection of Memoirs of Participants in October and the Civil War in the Lower Volga Region]. Saratov, Part. izd-vo, Nizh.-Volzh. kraev. otd-nie, 1933. 72 p.
5. Delo T.M. SerEGINA [The Case of T.M. Seregina]. *TsDNIVO*, f. 113, inv. 59, dep. item 531, l. 1-2.
6. Zasedaniia «Piaterki» po razrabotke materialov grazhdanskoi voiny ot 15 noiabria 1931 g. [Meetings of the “Five” on the Development of Materials of the Civil War of November 15, 1931]. *GAVO*, f. R-346, inv. 1, dep. item 1, l. 86.
7. Zaiavlenie Moskovskogo kruzha byvshikh aktivnykh uchastnikov zakhvata vlasti i oborony goroda Stalingrada v 1917–[19]18 gg. [Statement of the Moscow Group of Former Active Participants in the Seizure of Power and Defense of the City of Stalingrad in 1917–(19)18]. *GAVO*, f. R-346, inv. 1, d. 1, l. 8-9, 107-110.
8. *Nash kraj: istoriko-revoliutsionnyi sbornik Tsaritsynskogo istparta. Vyp. 1* [Our Land: Historical and Revolutionary Collection of the Tsaritsyn Istpart. Iss. 1]. Tsaritsyn, Izd-vo istparta pri Gubkome, 1924. 84 p.
9. *Nashe proshloe: Iz istorii Stalingradskoi organizatsii VLKSM: sb. st. i dok.* [Our Past: From the History of the Stalingrad Komsomol Organization. Collection of Articles and Documents]. Stalingrad, Gubern. kom. VKP(b), 1928. 160 p.
10. *Protest-zaiavlenie ot stalingradtsev – byvshikh uchastnikov Fevral'skoi revoliutsii i aktivnykh rukovoditelei Oktiabrskoi revoliutsii* [Protest-Statement From Stalingraders-Former Participants of the February Revolution, Active Leaders of the October Revolution]. *GAVO*, f. R-346, inv. 1, d. 23, l. 180-185.

11. Protokol № 1 Sobraniia byvshikh aktivnykh uchastnikov zakhvata vlasti i oborony goroda Stalingrada v 1917–[19]18 gg. i posleduiushchikh [Protocol No. 1 of the Meeting of Former Active Participants in the Seizure of Power and Defense of the City of Stalingrad in 1917-(19)18 and Subsequent]. *GAVO*, f. 346, Dela Istparta, inv. 1, d. 115, l. 145-146 r.

12. Protokol zasedaniia sekretariata po napisaniiu istorii Oktiabrskoi revoliutsii i Grazhdanskoi voyny v Nizhne-Volzhskom Krae ot 23/III-1932 goda [Minutes of the Meeting of the Secretariat for Writing the History of the October Revolution and the Civil War in the Lower Volga Region of March 23, 1932]. *GAVO*, f. R-346, inv. 1, dep. item 1, l. 31-33.

13. Sineokov N.A., ed. *Revoliutsionnyi Stalingrad: sb. st. po istorii grazhdanskoi voyny i*

sotsialisticheskogo v okruge [Revolutionary Stalingrad. Collection of Articles on the History of the Civil War and the Socialist in the District]. Stalingrad, Poligrafprom OSNKh, 1930. 1st ed. 64 p.; 2nd ed. 77 p.

14. Romanov I., Sokolov N. *Ocherk istorii revoliutsii 1917 goda v Tsaritsyne (Stalingrade)* [An Essay on the History of the 1917 Revolution in Tsaritsyn (Stalingrad)]. Saratov, Part. izd-vo. N.-Volzh. kraev. otd-nie, 1932. 104 p.

15. Chigirinskaia K.B. *Repressii 1930-kh godov v otnoshenii uchastnikov oborony Tsaritsyna* [Repressions of the 1930s Against Participants in the Defense of Tsaritsyn]. *Voprosy kraevedeniia. Vyp. 11* [Questions of Local History. Iss. 11]. Volgograd, Panorama Publ., 2008, pp. 221-224.

Information About the Author

Igor O. Tyumentsev, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation; Chief Researcher, Volgograd Regional Research and Production Center on the Protection of Monuments of History and Culture, Kommunisticheskaya St, 19, 400005 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

Информация об авторе

Игорь Олегович Тюменцев, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; главный научный сотрудник, Волгоградский областной научно-производственный центр по охране памятников истории и культуры, ул. Коммунистическая, 19, 400005 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, tijumencev@mail.ru, tijumencev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8762-9308>

**TRIAL RISKS, SCIENTIFIC COMPETITION AND POLITICIZATION:
THE THORNY WAY OF LIVE VACCINE AGAINST POLIOMYELITIS
IN THE USSR IN 1950–1960s**

Vera A. Smirnova

Almaty Management University, Almaty, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to the problems of testing the live poliomyelitis vaccine that took place in the 1950s in the USSR. The problems of the trials have again become topical because of the pandemic of the novel coronavirus. *Methods and materials.* Using narrative and historical-comparative methods to analyze materials from the archives of the USSR Ministry of Health Care and the digitized archive of the American virologist A. Sabin, the author of the article looked into some problems related to the trials of the live polio vaccine. *Analysis.* As a result of the analysis of historical sources, the following problems of trials were found out: high risks of mass use of the live vaccine; lack of agreement between scientists and medical officials on the possibility and necessity of testing; difficulties in relations between an organizer of the tests (M. Chumakov) and some officials from the Ministry of Health Care of the RSFSR; the problems in Soviet-American relations which affected the scientific cooperation; difficult relations between the Soviet organizers of the tests (M. Chumakov and A. Smorodintsev); troubles that arose in relations between A. Sabin and A. Smorodintsev in connection with the politicization of the vaccination issue; ethical challenges of human trials. *Results.* The USSR took huge risks during the mass trials of the live polio vaccine, which was Soviet science and population significant contribution to the world fight against poliomyelitis. Mass trials took place in the USSR during the Cold War, which, however, did not become an obstacle to scientific cooperation between the USSR and the USA in this sphere. The success of the polio vaccine trials was used by the Soviet state to increase its prestige. At some points, representatives of the Soviet state and media even “forgot” that the vaccine was developed in American virology laboratories, calling Soviet organizers of vaccine trials its developers. Ethical norms of experiments on humans in the 1950–1960s were just being formed, so some of them could be called violations by modern standards. However, the success of the tests closed the question of those violations.

Key words: poliomyelitis, vaccine, Smorodintsev, Chumakov, Sabin.

Citation. Smirnova V.A. Trial Risks, Scientific Competition and Politicization: The Thorny Way of Live Vaccine Against Poliomyelitis in the USSR in 1950–1960s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 191-204. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.16>

**РИСКИ ИСПЫТАНИЙ, НАУЧНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО И ПОЛИТИЗАЦИЯ:
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ ЖИВОЙ ВАКЦИНЫ ПРОТИВ ПОЛИОМИЕЛИТА
В СССР В 1950–1960-х годах**

Вера Александровна Смирнова

Алматы Менеджмент Университет, г. Алматы, Казахстан

Аннотация. *Введение.* В статье проанализированы проблемы испытаний живой вакцины от полиомиелита, проходивших в 1950-х гг. в СССР. Проблемы этих испытаний стали актуальными из-за пандемии

нового коронавируса, продолжающейся с 2020 года. *Методы и материалы.* Используя нарративный и историко-сравнительный методы для анализа материалов фондов Министерства здравоохранения СССР и оцифрованного архива американского вирусолога А. Сэбина, автор рассмотрел ряд вопросов, относящихся к испытаниям живой вакцины от полиомиелита. *Анализ.* В результате анализа источников были выделены такие проблемы испытаний, как высокие риски применения живой вакцины, отсутствие между учеными и организаторами здравоохранения согласия по поводу возможности и необходимости испытаний, сложности в отношениях между одним из организаторов испытаний (М. Чумаковым) и некоторыми должностными лицами из Министерства здравоохранения РСФСР, атмосфера в советско-американских отношениях, на фоне которой происходило научное сотрудничество, непростые отношения между советскими организаторами испытаний (М. Чумаковым и А. Смородинцевым), сложности, возникшие в отношениях между А. Сэбиным и А. Смородинцевым в связи с политизацией испытаний вакцины, этические вызовы испытаний лекарственных средств на людях. *Результаты.* В СССР пошли на огромные риски во время испытаний живой вакцины от полиомиелита; результаты испытаний явились весомым вкладом советской науки и населения СССР в мировую борьбу с полиомиелитом. Массовые испытания проходили в СССР на фоне холодной войны, которая, однако, не стала препятствием на пути научного сотрудничества между СССР и США в этой сфере. Успех испытаний полиомиелитной вакцины был использован Советским государством для повышения своего престижа: в какие-то моменты представители Советского государства и медиа даже «забывали», что вакцина была создана в американских вирусологических лабораториях, называя советских испытателей вакцины ее создателями. Этические нормы проведения научных экспериментов на людях в 1950–1960-х гг. еще только формировались, поэтому некоторые из них можно было бы назвать нарушениями по современным нормам. Однако успех испытаний закрыл вопрос об их этических проблемах.

Ключевые слова: полиомиелит, вакцина, Смородинцев, Чумаков, Сэбин.

Цитирование. Смирнова В. А. Риски испытаний, научное соперничество и политизация: тернистый путь живой вакцины против полиомиелита в СССР в 1950–1960-х годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 191–204. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.16>

Introduction. The COVID-19 pandemic has become a challenge for humanity facing a difficult task of defeating the virus that has changed life on the planet. The problems of this kind are not entirely new. History of medicine knows victories over viruses that cause serious illnesses. Poliomyelitis is an infectious illness that damages the nervous system. The disease is quite serious: in one out of 200 cases poliovirus causes irreversible paralysis. 5–10% of the paralyzed die due to paralysis of the respiratory muscles. The history of victory over poliovirus is a serious lesson for the modern humankind.

Methods and materials. The vast amount of scientific literature is devoted to the history of poliomyelitis and the fight against it (monographs, theses, articles). We review only part of this enormous body of literature in this work.

Poliomyelitis is perhaps the same age as the humankind. Archaeological sources suggest that the disease probably existed in the prehistoric era. M. Chumakov and co-authors mention that outbreaks of this serious disease were described by Hippocrates. In the modern age, the disease was described in the 18th century. In the early

20th century, epidemics were registered in Sweden, Norway, Germany, and the USA [4, p. 7].

Russia and subsequently the USSR experienced outbreaks of poliomyelitis as well. After the Second World War, the Institute of Neurology of the Academy of Medical Sciences organized expeditions to study the outbreaks in the Baltic republics (1946–47), Eastern Germany (1947–48), and Western Siberia (1949) [4, pp. 8–9]. In the 1950s, the incidence of poliomyelitis in the USSR began to grow: between 1955 and 1958 it ranged from 17,000 to 22,000 cases. One can see from the graph below that the number of cases increased significantly compared to the first half of the decade.

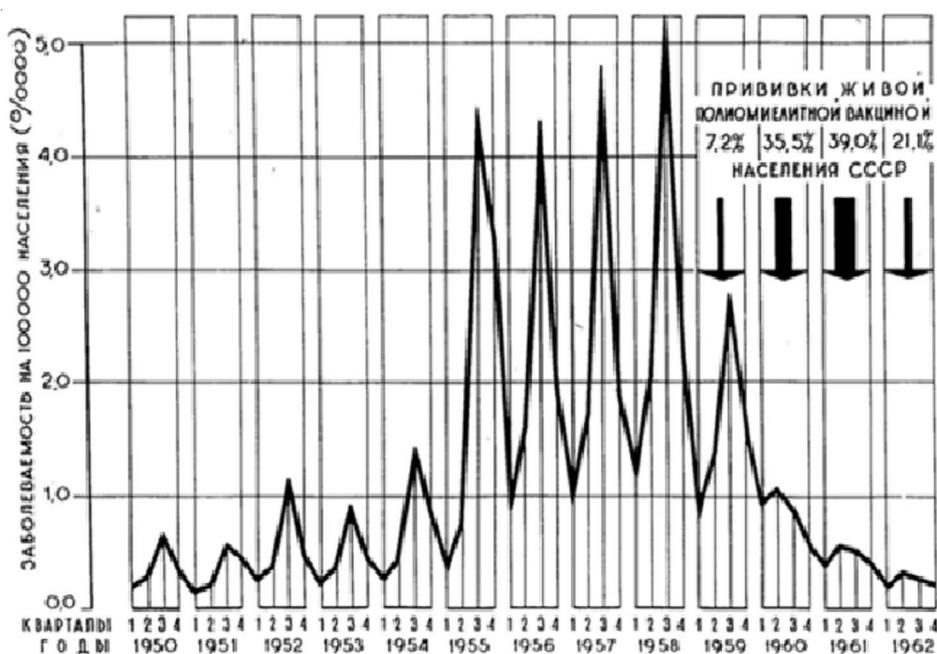
S. Drozdov and O. Ivanova wrote that in the USA the situation was even graver: in 1950–1955 annually from 28,500 to 57,200 people a year fell ill with polio. There were up to 200,000 people with post-poliomyelitis disability in the country in 1956 [6, p. 82]. It is not surprising that it was the United States, with their highly developed virology, managed to develop effective vaccines against polio. V. Lashkevich mentions that large-scale use of J. Salk's inactivated polio vaccine (IPV) began

in the USA in 1954. IPV consists of strains of polioviruses of different types which were killed (inactivated) by formalin. In response to vaccination, the human body produces antibodies that in case of infection prevent the spread of the virus to the central nervous system and protect against the development of paralysis. In 1956, the USSR Academy of Medical Sciences institutes (Institute of Experimental Medicine and established in 1955 Institute for the Study of Poliomyelitis) organized the production of IPV [10, p. 5; 36, pp. 3, 4]. The vaccine was quite effective, it significantly reduced the risk of paralysis and death, however, it did not guarantee, that vaccinated people would not get sick. Furthermore, the vaccine was expensive, it required the slaughter of many monkeys (to grow viruses for vaccine, monkey kidney tissue cultures were used); and the protection of the vaccine had been weakening over time.

By 1954, an American virologist A. Sabin had developed a more effective live oral polio vaccine (OPV), which practically guaranteed protection against polio and was much cheaper. OPV consists of live but attenuated strains of poliovirus that build local immunity in the intestinal tract and protect the body more effectively. A. Sabin tested it on a small number of people in the USA, but he failed to obtain permission for

mass trials of OPV in the United States. Reasons for rejection of Sabin's application for trials included satisfactory results of IPV use, the problem of assessing OPV protection in population vaccinated with IPV in the United States, as well as fears of live virus reversion (changes from attenuated strains to dangerous, disease-causing forms). Sabin found foreign partners who organized the trials abroad. The Soviet virologists were among those partners.

The successful project of Soviet-American cooperation was implemented in the following political circumstances. After Stalin's death in 1953, the USSR and the West made an attempt to reset the relations damaged by the Cold War. In particular, in 1955, the leaders of Western states and the Soviet leader N. Khrushchev met in Geneva. In particular, opportunities for cooperation in the field of vaccinology emerged. It was especially relevant because there was a sharp increase in the number of cases of poliomyelitis in 1955 in the USSR, as one can see in Figure. The Soviet state sent Soviet scientists abroad, where the fight against poliomyelitis was to certain degree successful. In February and March in 1956, Soviet virologists A. Smorodintsev, M. Chumakov, M. Voroshilova visited the leading US research centers involved in the study of poliomyelitis. During the trip, they met

The number of cases per 100,000 people in the USSR in 1950–1962

Source: [6, p. 82].

A. Sabin [36, p. 43], and this acquaintance predetermined the subsequent vaccine trials in the USSR. Successful trials of OPV in the USSR and several other countries predetermined its further success around the world, as a result of which entire continents were declared free from poliomyelitis. Trials organized by A. Smorodintsev and M. Chumakov in the USSR became a huge contribution to the fight against poliomyelitis on the planet. Textbooks and documentaries tell us this story often painting a perfect picture of the trials. This quite understandable glorification and simplification though played its role during coronavirus vaccine trial campaign. The opponents of coronavirus vaccine trial (with its cut corners) argued that in the USSR, the trials were organized perfectly, were carried out without haste and didn't involve any risks. It seemed interesting to find out whether everything really went so smoothly.

Smorodintsev and others wrote about the general course of polio vaccine trials in the USSR, whereas other authors analyzed the situation with polio in individual republics: for example, V. Boyko described the situation with polio incidence in Uzbekistan before and after OPV vaccination [3], V. Evdoshenko analyzed the effectiveness of OPV using the example of the Kyrgyz SSR [8]. S. Drozdov notes that OPV was successfully used in developing countries, in particular, noting the importance of Soviet assistance in supplying OPV to Ghana, Niger and Cambodia in 1962 [7].

D. Vargha studied the history of the OPV trials in Eastern Europe in the context of international politics, noting the impact of the confrontation between the blocs on the willingness of the respective states to invest resources in the development of science. Vargha pointed out the photographs of patients' bodies damaged by polio contradicted the idea of a communist paradise, and therefore, despite the relatively small numbers of morbidity and mortality, it was polio exactly that attracted so much attention. Prevention was one of the cornerstones of medicine in the socialist countries, and vaccination against infectious diseases was an ideal area for demonstrating the power of the socialist state. Vargha noted that the successful eradication of polio in socialist countries raised uncomfortable questions about the positive side of communist regimes – their ability to effectively control epidemics [33].

M. Hortsman described the West's distrust towards the results of Soviet trials of OPV. She wrote how the World Health Organization sent its representative to assess the quality of trials, and that only after this mission the United States recognized the effectiveness of OPV [9].

The purpose of this article is to add new data to information known to us from the academic literature about OPV trials via the use of new sources. The article is focused upon the following tasks: to identify the problems that vaccine trial organizers had to face; to establish mechanisms they used to overcome the obstacles; the risks taken by the trial organizers and administrators of the Soviet health care system; to find out who exactly was the pioneer of OPV trials in the USSR; to assess the impact of competition between scholars on the course of research as well as its role in subsequent historical representations of scientific achievements; to reveal the role of the experience of previous interaction between state bodies and scholars on subsequent trust and relations; to identify the ethical challenges of OPV trials; to establish how the politicization of the issue of vaccine trials affected the context of international cooperation in the field of vaccinology.

To achieve the goal and to perform the tasks we studied the sources: materials of fund 8009 (USSR Ministry of Health) of the State Archive of the Russian Federation, the digitized archive of the American virologist A. Sabin on the website of the University of Cincinnati [31], as well as personal records – the memories by employees and relatives about Mikhail Chumakov [35].

Analysis. Cooperation between US and USSR virologists. Cooperation between Russian and American virologists on the polio vaccine began during the Khrushchev thaw. All the contacts were coordinated at the high political level. In January 1956, A. Sabin received a letter from the US Department of Health, Education and Social Security about the upcoming visit of Soviet virologists in February 1956. The purpose of the visit was to study the treatment of poliomyelitis in the United States and the technology IPV production [17]. M. Chumakov, his wife M. Voroshilova, A. Smorodintsev visited both A. Sabin's laboratory and his house. During that visit Chumakov and Smorodintsev established close ties with Sabin.

It is interesting that these were not only Soviet virologists who had to report in detail to the state authorities about this Soviet scholars' visit to the USA. Although McCarthyism had been done within the USA by the mid-1950s, the state control of cooperation with the USSR in the scientific field was quite tight: one can find in Sabin's correspondence references to detailed reports on conversations with the Soviet scholars for the Department of the Army [12]; reports on Soviet virology laboratories for the US State Department after a trip to the USSR in summer of 1956 [18]; as well to the need to get authorization from the US Department of Defense for the transfer of attenuated polio strains to M. Chumakov [11].

These were hard times for Soviet-American relations, but not for personal relations between Soviet and American virologists: the letters by which M. Chumakov and A. Sabin exchanged were incredibly warm; these were the conversations of people among whom not only scientific, but also emotional ties developed. Probably, it was exactly the fact that scientists were representatives of conflicting superpowers very different in cultural, economic and political respect that gave their relationship a very special character: each of them wanted to show the best in himself both as a scientist and as a person.

Interestingly, there was no special focus on live polio vaccine in the correspondence between A. Sabin and M. Chumakov in the first half of 1956. A. Sabin himself tested it on several dozens of prisoners sometime later – in the early 1957. But in the USSR, this direction of A. Sabin's research was closely observed from the very beginning. In January 1957, N.I. Grashchenkov, a member of the board of the USSR Ministry of Health, wrote to Sabin that Chumakov was interested in the results of trials planned for the early 1957. On March 15, 1957, A. Sabin informed M. Chumakov about the success of polio vaccine trials on 100 adult volunteers, as well as the plans to give the vaccine to his daughters, wife, neighbors and their children [19].

The pioneer of OPV in the USSR: Chumakov or Smorodintsev? Authors of works on the history of polio vaccine trials in the USSR usually evade what looks like the complicated relationship between Mikhail Chumakov, director

of Moscow Institute for the Study of Poliomyelitis, and his teacher [34], Anatoly Smorodintsev, head of virology department, Leningrad Institute of Experimental Medicine. Meanwhile, the consequences of this complex relationship are still felt. While the website of St. Petersburg Smorodintsev Research Institute of Influenza [1] mentions Chumakov in the context of organizing OPV trials, the website of the Moscow Chumakov Institute of Poliomyelitis doesn't mention Smorodintsev's name in the section "history" [24] at all. One has to remember that it was precisely the meeting between M. Chumakov, A. Smorodintsev and A. Sabin in the USA that became the starting point for Soviet-American cooperation in OPV trials, no matter how complicated the relation between A. Sabin and A. Smorodintsev became later.

A. Smorodintsev, in his work published in 1960, mentions, in fact, his priority in promoting the idea of the OPV trials in the USSR, arguing that until January 1959, the Department of Virology of the Institute of Experimental Medicine of the USSR Academy of Medical Sciences was the only scientific team in the USSR involved in the OPV trials. According to Smorodintsev, it was only in late 1958 that Chumakov began to actively pursue the idea of the OPV trials by his institute [36, pp. 44-46].

Archival materials confirm Smorodintsev's priority in terms of obtaining permission to test OPV. In March 1957, the Minister of Health of the USSR M. Kovrigina received a letter from the Academy of Medical Sciences with a request to allow A. Smorodintsev to test the OPV obtained from A. Sabin [25, l. 1]. In April 1957, A. Smorodintsev obtained the permission to conduct trials in closed institutions in Leningrad [25, l. 4]. Thus, it was exactly A. Smorodintsev who actually pioneered OPV trials in the USSR.

M. Chumakov also demonstrated interest in OPV. According to American archival material, he was thinking about the trials at least since April 1957 (when Smorodintsev already had the permission for them), as Sabin mentioned in a letter to one of his respondents [21]. By the autumn of 1957, the interest had transformed into intention: in November 1957, M. Chumakov wrote to A. Sabin that his institute was preparing to organize OPV trials [13]. However, M. Chumakov's institute was the enterprise that produced IPV which took a lot

of effort and resources, therefore, for some time it couldn't go further than interest and preparation for trials. So, Chumakov's Institute started OPV trials later than Smorodintsev's group. Moreover, the relations between Chumakov and Ministry of Health of the RSFR deteriorated due to problems with IPV production in 1958 (we'll cover this story later in this article) which to some degree narrowed down the options for Chumakov.

By July 1958 around 1,200 children had participated in trials conducted by A. Smorodintsev in Leningrad orphanages. At meetings in the Ministry of Health, Smorodintsev stated that the vaccine was safe for the vaccinated and those around them [25, l. 36]. Meanwhile, contrary to his statements cited in the protocols of the Ministry of Health of the USSR, the trials did not go totally smoothly. In July 1958, George Dick (from Queen's University in Belfast) wrote to A. Sabin that he had talked to A. Smorodintsev about the trials and that there was a case of paralysis among the children received the vaccine. According to G. Dick, A. Smorodintsev believed that the child got into the orphanage just 5 days before vaccination and could bring the virus from outside [16]. The existence of the problem of vaccine-associated poliomyelitis was recognized only in the early 1960s. Before this recognition, it was argued that post-vaccination paralysis is the result of interference by other viruses. This problem still remains unresolved. According to WHO, in the world on average about 1.5–3.5 cases of vaccine-associated poliomyelitis are registered per 1 million OPV use [2]. One can speculate that perhaps if the above-mentioned case was officially recognized by the organizers of trials, this would put an end to OPV trials in the USSR. But this didn't happen. The willingness to face losses (together with doing everything in their power to avoid them) is a reality that, alas, vaccine trial organizers have to face.

After small-scale successful initial trials organized by A. Smorodintsev, larger trials started. Applications for trial permissions were submitted by scientific institutions Chumakov and Smorodintsev in parallel. Interestingly, M. Chumakov always requested permission to recruit more trial participants than A. Smorodintsev. A. Smorodintsev was apparently more cautious and less inclined to take

risks. For example, in August 1958, Deputy Minister of Health V.M. Zhdanov received applications for permission to test OPV on 20,000 people from A. Smorodintsev and 100,000 people from M. Chumakov [25, l. 22].

The institutes headed by M. Chumakov and A. Smorodintsev worked in different regions of the USSR, in fact, dividing the Soviet republics into spheres of influence of their research centers: for example, in 1958, the Chumakov's group worked in Estonia and Lithuania, whereas Smorodintsev's team conducted trials in Latvia [25, l. 117-119]. In February 1959, Chumakov organized a vaccination campaign in the Uzbek and Kazakh SSR; while Smorodintsev was ordered to carry out trials in the Moldavian and Belorussian SSR in March 1959 [25, l. 118, 122]. Receiving state assignments to carry out OPV trials in certain regions meant getting more power and resources, as well as an increase in the influence of the relevant research institutes and their leadership.

Risk assessment of OPV use. Just like nowadays, vaccine trials were not entirely free from risk and uncertainty. These risks were well recognized and discussed at the meeting of the Poliomyelitis Vaccination Committee of the USSR Ministry of Health in August 1958. The virologist Professor N.A. Zeitlenok, who supported the OPV trials, in general, spoke about the need to make sure that the reversion of the virus and its uncontrolled spread is ruled out. Reversion means that the weakened virus becomes capable of causing serious disease [25, l. 24]. To reduce those risks, initial trials were conducted in closed facilities (orphanages) [25, l. 3, 6].

Another category of medical-biological professionals that traditionally draws attention to risks of vaccine trials was physicians. Neurologist, Professor M.B. Zucker pointed to the risks of immunization in cities without sewerage. Neurologist, Professor D.S. Futer called for caution and careful monitoring, pointing out that medical authorities in the United States are hesitant to conduct OPV trials in their country [25, l. 24]. Deputy Minister of Health V.M. Zhdanov replied that IPV was more expensive than OPV, which was allegedly unprofitable for American pharmaceutical companies and supposedly was an obstacle to trials in the USA [25, l. 24]. The same

reason was later used by Soviet propagandists who criticized the United States for refusing to conduct mass OPV trials.

Discussion participants present at the meeting of Poliomyelitis Vaccination Committee of the USSR Ministry of Health in 1958 understood that OPV use could also have unpredictable consequences. So, somebody must be responsible for all bad things that could happen as a result of the trials. A. Smorodintsev and M. Chumakov took personal responsibility for the risks of trials [25, l. 25-27]. Even in a country that had just denounced Stalin's cult of personality and his methods (at the 20th Communist Party Congress in 1956), this was an enormous responsibility, a very brave decision that could cost them not only their scientific careers, but also their freedom.

The burden of this responsibility was so huge that not all trial organizers were strong and persuaded enough to carry it and to take risks. In October 1958, O.V. Baroyan, the head of Epidemiology Department of Research Institute of Virology (Academy of Medical Sciences), assigned to participate in the trials, wrote a letter to the USSR Ministry of Health. In this letter he mentioned the risk of reversion and proposed to reduce the number of trial participants to 20,000, as well as offered to conduct trials only in cities with weakened contacts with the rest of the USSR – Prokopyevsk and Anzhero-Sudzhensk [25, l. 90]. Anxiety about the unpredictability of trial consequences and the desire to secure his position under conditions of uncertainty and risk were probably behind this letter by O.V. Baroyan. This was definitely the evidence of fear that things could seriously go wrong.

Much less risk-averse M. Chumakov, on the contrary, defended the trials with confidence. In his letter to A. Sabin, M. Chumakov called the opponents of OPV use 'cowards and pseudo-specialists', and expressed regret that OPV trials were postponed because of the interference of his opponents [15]. Only by the end of 1958 Chumakov succeeded – on December 19, 1958, he informed A. Sabin by telegram that he had received all permits and began mass OPV trials [14].

When the mass trials had shown the safety of the vaccine by the summer of 1959, the public health authorities faced one more risky decision – whether to terminate IPV production replacing it by OPV or to continue producing IPV until OPV

use would reveal its consequences. Less risk-averse M. Chumakov believed that the production of IPV could be stopped and vacated production facilities could be used to manufacture OPV. Unlike M. Chumakov, O.G. Andzhaparidze, a virologist from the Research Institute of Poliomyelitis Drugs (a competitor of Chumakov's institute) believed it was necessary to suspend mass vaccinations with OPV and to study the results of OPV use without terminating IPV manufacturing [25, l. 210]. Both options were risky. The decision taken on this issue minimized the risks: on the one hand, it was decided to focus on the production of OPV; on the other hand, they decided not to abandon the production of IPV completely. The Poliomyelitis Vaccination Committee decided that Chumakov's institute should produce 80 million doses of OPV, whereas its competitors, Research Institute of Poliomyelitis Drugs, must manufacture 10 million doses of OPV and 20 liters of IPV [25, l. 215].

OPV trials organizers took one more risk – they had started mass vaccination before the trials were over. Instead of vaccinating 100,000 people according to the plan [25, l. 82], during the first 4 months more than 500,000 people got the vaccine in Estonia, Lithuania and Kazakhstan [25, l. 129]. More than 2,000,000 got OPV in the Baltic republics, Ukraine, Belarus, Moldova, Kazakhstan and Uzbekistan by May 1959 [25, l. 165, 168].

Interestingly, during the discussions of the OPV trials virologists and pediatricians did not raise an issue of long-term health consequences of using an 'untested' vaccine; we failed to see in the archival documents any evidence of society's resistance to the idea of vaccination, despite the fact that it was about the health of children – one of the most precious categories of Soviet citizens. This lack of resistance was perhaps the result of the successful fight against infectious diseases through vaccination in the first half of the 20th century. Advances in medicine, trust in American science, successful initial small-scale trials were the reasons why the scientists and health care organizers were ready to take risks associated with OPV trials.

Mikhail Chumakov and the Ministry of Health of the RSFSR: from conflict to distrust.

There was though no unity in the system of health care about OPV trial risks. In particular, the idea

of OPV trials was not favorably received by Russian officials from the Ministry of Health. On December 22, 1958, minister of health of the RSFSR S. Kurashov wrote a letter to the Minister of Health of the USSR M. Kovrigina with a message that he did not consider it possible to conduct OPV trials before testing OPV for safety [25, l. 109]. It had past half a year since the successful small-scale trial in Leningrad with participation of 1,200 children. Why did the Russian minister raise a question of OPV safety? Was he concerned with quality of vaccine produced by Chumakov's institute? Was this violation of subordination principle the result of expectation that the days of M. Kovrigina in office were numbered (her replacement by S. Kurashov would follow in the first half of 1959)? Did any problems emerge during the trials?

On January 2, 1959, M. Chumakov wrote a letter to M. Kovrigina complaining that S. Kurashov instructed the head of the Moscow City Health Department, N.S. Lapchenko, to withdraw his consent to vaccinations in Moscow [25, l. 112].

Almost a year later, in October 1959, problems in relations between vaccine trial organizers and the RSFSR Ministry of Health remain unresolved: M. Chumakov and A. Smorodintsev wrote a letter to S. Kurashov, who by then had become the Minister of Health of the USSR. In this letter they complained, that the head of the Main Sanitary and Epidemiological Directorate Titkov had sent to Sanitary and epidemiological stations of the RSFSR a letter forbidding OPV use on the grounds that OPV trials had not yet been completed. Titkov's letter, according to Chumakov, led to rumors about alleged failure of OPV trials [25, l. 191].

What is the reason for RSFSR officials' distrust of M. Chumakov and his institute? There is a probability that this distrust is the result of the previous experience of interaction between M. Chumakov and the Ministry of Health of the RSFSR regarding the production of IPV by his institute.

At the beginning of 1958, M. Chumakov had a conflict with S.I. Didenko, the director of the State Control Institute of Vaccines and Serums (SCI), the body that controlled the quality of vaccines produced in the USSR. In his letter on January 13, 1958, Didenko wrote to M. Chumakov

that his institute used the wrong type of filters - different from the one mentioned in the instructions on producing IPV [26, p. 5].

In particular, the institute had a serious issue with batch 5 of IPV. Although an expert of SCI had doubts about the vaccine quality, in January 1958 IPV was sent to the Moscow Regional Sanitary and Epidemiological Station for vaccination. During the additional test at SCI, a live poliovirus was found in it (the virus in IPV must be inactivated, i.e. killed; otherwise, the vaccine can cause disease). According to SCI, when monkeys and mice got the 5th batch of IPV, they developed paralytic poliomyelitis. Employees of the control institute wrote a letter to the Ministry of Health with a request to stop the use of the corresponding batch of IPV [26, p. 23, 24].

Later, in February 1958, a special commission of the USSR Ministry of Health studied the work of Institute for the Study of Poliomyelitis and found out the problems and breaches in vaccine manufacturing at the institute. Infectious material was transported across all Moscow – between the two bases of the institute (Vnukovo and Sokolinaya Gora), there was no constant supply of electricity and water to the Vnukovo base of the institute. Medical utensils were washed with cold water, distilled water was stored in the room where 'the infectious material was killed' [26, pp. 69-74]. Taking into consideration the poor conditions for the vaccines production at Chumakov's institute, the commission members recommended shutting down the production facilities at the Institute for the Poliomyelitis Study of the USSR Academy of Medical Sciences and merging it with Poliomyelitis Drugs Research Institute of the Ministry of Health of the RSFSR [26, p. 76].

It is possible that this story of breaches of protocol in the course of IPV production was an example of the usual interdepartmental struggle for influence between the USSR Academy of Medical Sciences and Ministry of Health of the RSFSR, to which the corresponding institute belonged. Probably, someone wanted to gain control over Chumakov's institute, taking into account that the expensive imported equipment was installed in it [26, p. 72].

The evidence in favor of an interdepartmental competition scenario is the fact that Chumakov began his response to the commission's conclusion

precisely by comparing the work of his institute and its competitor. He tried to prove that the competitors, who worked inefficiently, were producing less vaccine than they could, given the available resources (a large number of employees, monkeys, imported reagents [26, p. 43]). In the second part of the letter, he claimed that his institute's vaccine was safe and that the controlling institute had made a gross mistake [26, p. 49].

In the end, M. Chumakov managed to win the fight for his institute and for IPV batch rejected by SCI. The following arguments were used in order to support the renewal of the vaccine use: repeated checks did not reveal any problems, Chumakov's own children were vaccinated with IPV from the batch in question, rumors reached the government that a good drug was not used for vaccination [26, pp. 111-116]. Ministry of health of RSFSR had to get the batches of IPV in April [26, p. 83], but the relationship between M. Chumakov and this ministry remained complicated, which affected the subsequent OPV trial and led to the ministry's distrust in Chumakov.

Trials and Politics. Just like now, there were attempts to use the vaccine trials for political purposes. In the 1950s, cold war narratives predetermined Soviet media's construction of 'rotting capitalism' style messages in presenting information on vaccination abroad; in their turn, some western scholars and state organizations did not trust the Soviet scientists and the results of their trials [35, pp. 63, 64].

In the USSR by the summer of 1959, there had been several million Soviet people who got OPV, its success became obvious at least in terms of safety and the ability to produce antibodies as a result of vaccination. Soviet propaganda could not miss the chance to take advantage of this success of Soviet science and public health organizers. On June 17, 1959, *Izvestia* published an article by E. Arenin "Blow on a Dangerous Virus", which stated that the vested interests of American companies and doctors, as well as "wolf laws of capitalism" prevented OPV trials in the United States [26, p. 189].

The American media reprinted this article, putting A. Sabin in extremely unpleasant position from the perspective of American public [30]. Americans might think that he was criticizing the USA in conversations with his Soviet colleagues.

Nobody, of course, can guarantee that he didn't. As for his public statements, A. Sabin mentioned the following reason as preventing vaccine trials in the United States: the virus in the vaccinated stool was more virulent than the virus in the vaccine; extensive tests were needed in order to understand how dangerous it was for the vaccinated and those around them. That was difficult to do under conditions of widespread and successful use of IPV in the United States [29, pp. 422, 423]. Outside the US, the considerably lower share of the population was covered by IPV vaccines and therefore trials would be more valid there.

The American public might think that it was A. Sabin who talked about "wolf capitalism" in conversations with Soviet virologists. Taking into account Sabin's origin (he was born in the Russian Empire) and the continuing cold war (the USSR had just tested intercontinental ballistic missiles), Sabin's position was difficult. One more unpleasant fact was that the reader of Arenin's article could think that the vaccine was created not by an American virologist A. Sabin, but rather by the Soviet scholar A. Smorodintsev.

A. Sabin immediately sent telegrams to M. Chumakov and A. Smorodintsev with a request to make a public statement correcting this article [25, p. 189]. On June 21, Chumakov responded with a telegram in which he supported A. Sabin, mentioned that he had made a statement to the media and expressed hope that it would be published along with Smorodintsev's statement [5]. The Soviet delegation at the WHO session made a public apology on this occasion [35, pp. 63, 64].

Perhaps it is this story to which Chumakov's letter to A. Sabin referred: 'Smorodintsev, they say, got his lumps from our presidium of the Academy of Medical Sciences for his dishonest behavior towards you. And probably you have already received some sort of apology' [32].

Unfortunately, this story was not the last case when A. Sabin's work on the vaccine was ignored. Academy member B. Petrovsky published a brochure 'Health care in the USSR' in 1967 [28]. He proudly stated in it that Soviet Biology was at a high level, scientists had the necessary equipment, that the USSR almost completely eradicated poliomyelitis using OPV made according to the method developed by

M. Chumakov and A. Smorodintsev. Sabin's name was not mentioned at all, which was, of course, serious violation of academic ethics. A. Sabin addressed the USSR Academy of Medical Sciences about this. The President of the USSR Academy of Medical Sciences V.D. Timakov gave some illogical reply to A. Sabin, stating that the problem was the result of an inaccurate translation (the brochure was published in English). He also argued that Sabin's name was not mentioned because the book was about the health care of the USSR [22].

States use scientific achievements of their citizens to enhance state prestige. Apparently, publishing the brochure, the Soviet scholars hoped that incorrect information would not be noticed by the American side. This violation of scientific ethics was unnecessary. The USSR's contribution to the fight against poliomyelitis was huge: one might name the audacity of trial organizers, participation of Soviet citizens in the trials (in the first year alone, 15 million people received the vaccine), the resources that the state invested in the trials. But open recognition of these contributions by Soviet propaganda would lead to unwanted image of Soviet citizens used as Guinea pigs in risky experiments and conspiracy theories. The image of Soviet scientists, well supported by the Soviet state, who managed to advance vaccinology was much less challenging in terms of unwanted associations.

Ethical issues of OPV trials and vaccine production. While ethical issues of using primates in vaccine production and OPV safety testing are currently on the agenda, in the late 1950s the need to exterminate vast numbers of monkeys was more of a commercial than bioethical issue. Justifying the necessity of switching from IPV to OPV, OPV proponents pointed out that the kidneys of one monkey were needed in order to produce 1,000 doses of IPV, while OPV production required significantly fewer monkeys [25, l. 11]. OPV proponents stated that three doses of OPV cost 10 kopecks, while the price of 3 doses of the IPV vaccine was 4 rubles [25, l. 137].

Monkeys died not only due to slaughtering for vaccine production. The authors of memoirs about M. Chumakov and his institute wrote with sympathy that only a third of the purchased

monkeys survived the journey from China by railway. The climate of Moscow region did not suit the monkeys; they died from pneumonia and diseases of the digestive system [35, pp. 154-156].

Over time, scientists found ways to reduce the number of monkeys slaughtered for the production and testing of the vaccine. Scientists began using Vero cells: cells that replicated many times.

One more ethical issue of OPV trials is the selection of vulnerable people. In the 1950s, there were apparently no bans on using orphans in trials. At least, A. Smorodintsev was able to obtain permission to OPV on babies in closed institutions [25, l. 1, 4].

Apparently, in the 1950s the ethical issues of drug trials on vulnerable people were not studied well enough by ethicists. The organizers of OPV studies, for instance, had the idea to conduct trials on people with intellectual disability. In March 1957, the President of the Academy of Medical Sciences A. Bakulev sent a letter to the Minister of Health of the USSR with a request to provide "500–1000 healthy" people with intellectual disabilities for tests conducted by the Institute of Experimental Medicine in Leningrad [25, l. 1]. However, subsequently, A. Smorodintsev, the organizer of the OPV trials in Leningrad, said that there was no point in conducting tests on adults: the intestines of an adult are less susceptible to polio than those of a child and the results would not be reliable because of "neurological status" of people with intellectual disability [25, l. 2]. We don't know for sure whether the tests were eventually conducted on people with mental disability.

It looks like in the West in the 1950s ethical problems of medicine did not have solutions supported by everyone. For example, OPV was originally tested on 30 volunteer prisoners in the United States at Chillicothe Prison [23], which is also contrary to modern regulations about trials on vulnerable people. It is interesting that they were paid a fee for volunteering and the term of their imprisonment was slightly reduced in return for their help to science [20].

During coronavirus vaccine trials, Association of Clinical Research Organizations expressed outrage [27] that the head of the Gamaleya Center (the organization that had developed Sputnik V vaccine) tested the vaccine

on himself, his granddaughter and employees of his research institute. The history of polio vaccine trials knows similar examples: A. Smorodintsev's granddaughter, M. Chumakov's children, employees of the corresponding research institutes were vaccinated with OPV before or during the early period of the trials. A. Sabin tested OPV on himself and his family members. Now testing medications on institute employees is called into question, since they are not totally independent people.

Results. Soviet OPV trial organizers worked under conditions of the Cold War, that gave a special character to their cooperation with foreign colleagues. The confrontation between states can both prevent scientific contacts and, paradoxically, become a showcase of cooperation, whereas everything else beyond which is a competition or rivalry.

Scientific cooperation project related to polio vaccine trials became a successful field of Soviet-American relations. Several stakeholders were interested in this project. For both states, this cooperation became an opportunity to improve their image for external and internal audiences, as well as an example demonstrating that collaboration with the "main adversary" was possible and fruitful in principle. This project was important for citizens of both countries because it saved their lives and health; finally, the scientists themselves received experience of interaction with foreign colleagues, established personal contacts, got new knowledge, technologies, and an incentive to continue research. Cooperation in times of political confrontation made scientists to obtain approval from state organizations on various aspects of international cooperation, as well as invest additional emotional resources and determination in cooperation, separate themselves from states participating in the conflict, work to the limit of their abilities, actualize the best in themselves both as scientists and people. The nature of the problems resolved (thousands of children who could be saved from death and disability) must also have made the Soviet and American researchers and their relationship emotional.

The success of OPV trials was preceded by troubles with obtaining permission for mass trials within the USSR. Chumakov's determination, his ability to establish connections and convince those in power, good knowledge of principles

according to which state machine operates – all these factors made the success possible.

Stories with attributing the authorship of OPV first to A. Smorodintsev (Soviet newspaper), and then to A. Smorodintsev and M. Chumakov (brochure by Academy member B. Petrovsky) cast a shadow on relations between Soviet and American virologists. It is quite possible that in the case of the newspaper article, it was not even A. Smorodintsev's desire to attribute the authorship of OPV to himself, but rather the bias of Soviet media. Soviet media tasks included promotion of Soviet scientists' scientific achievements, which is why the issue of OPV trials was so much politicized. Soviet media promoted the narrative of the state's concern for the material and technical provision of science that predetermined success of Soviet science, which meant the effectiveness of the socialist system. The journalist Arenin compared Soviet readiness for trials with an allegedly different attitude to the issue in the USA, attributing it to American "wolf laws of capitalism." The latter supposedly prevented trials. Unlike a journalist who could get confused about the authorship (which sometimes happens to media representatives), the author of the brochure on Soviet medicine, Academy member B. Petrovsky, knew exactly who had actually developed OPV tested in the USSR. In Petrovsky's work, the name of A. Sabin was not mentioned at all, which gave readers the impression that OPV had been developed by the Soviet virologists M. Chumakov and A. Smorodintsev. Unethical attitude to the issue of OPV authorship undermined trust in Soviet science and organizers of health care in the USSR, making conditions for future collaborations less favorable.

It seemed to us important to pay tribute to A. Smorodintsev. Despite the scandal with OPV authorship, A. Smorodintsev was indeed the first in the USSR to obtain permits for the trial of Sabin's OPV and conducted it in Leningrad. Later, his relationship with A. Sabin became complicated because of an article in the media that attributed the authorship of the vaccine to the Soviet virologist. His role in this story remains unclear: whether he really told the journalist that he had developed the vaccine or he was used in propaganda against his will. After the first trial in Leningrad, A. Smorodintsev and M. Chumakov,

organized mass OPV trials in the republics of the USSR, for which both subsequently received the Lenin Prize. Paying tribute to Mikhail Chumakov, we must point at his determination, charisma, outstanding communication and organizational skills, despite disability (his hearing was impaired). He was very good at concentrating material resources under his control, which allowed his institute to become a major manufacturer of vaccines. Looks like Chumakov's personal charisma and the scale of his personality created a larger place for Chumakov than for Smorodintsev in history of medicine. More research into Smorodintsev's work is needed to assess the relevance of the narratives constructed by now.

Paradoxically, even what looks like Chumakov's complicated relationship with A. Smorodintsev actually created an incentive for more intensive work. Their institutes competed in terms of receiving state orders to arrange OPV trials in certain USSR republics. Ultimately, this competition increased the speed of immunization of Soviet children, as well as the speed with which the world learned about the effectiveness and safety of OPV.

M. Chumakov faced a lot of issues while organizing the momentous trials, one of the issues was the burden of previous experience of relations between his institute and health ministry of the RSFSR. Because of the story with compromised IPV vaccine from the Institute for the Study of Poliomyelitis, the officials of RSFSR Ministry of Health for a certain period refused to give the green light to OPV trials in the territory of the RSFSR, apparently being unsure about the quality of OPV produced by Chumakov's research institute. This story demonstrates the extreme importance of prior experience for the implementation of projects in health care. The issue of children's health was so sensitive that RSFSR officials even challenged the hierarchy of the state, refusing to obey orders from the top.

The narrative of the OPV trials presented in the media and textbooks is a simplified and glamorized version of reality. Now, in the era of the coronavirus, some authors want to present Soviet vaccine trials as something 100% safe. Meanwhile, virologists of the past faced almost the same challenges as vaccine trial organizers face now. Virologists of the past also operated under conditions of uncertainty and enormous

risks. The risks included using a vaccine capable of immunizing the environment of the vaccinated. Reversion also was on the agenda, meaning that a weakened live poliovirus could, as a result of a transformation, become dangerous to the health of vaccinated people and those in contact with them. Mass vaccination with OPV before trials was completed was another risk. The long-term consequences of OPV for the health of Soviet population were unpredictable as well. The USSR took all these risks. This approach was a success.

We failed to find any discussions concerning ethical aspects of vaccine research in the archival documents we studied. The scientists considered their duty to save the lives and health of people around the globe from polio; for the researchers courage and determination rather than caution were the expressions of benevolence. This approach, though far from ideal ethically (at first, trials were carried out on vulnerable people – orphans in the USSR and prisoners in the USA, children and grandchildren of virologists), worked to achieve the goal of eradicating poliomyelitis. The USA (since 1979), Russia (since 2002), the African continent (since 2020) have the status of polio-free territories. However, the cases of vaccine-associated poliomyelitis became the price of this victory.

Of course, history of OPV trials was the success story for American and Soviet virologists and the corresponding states. Nevertheless, while constructing historical memory of these events, it is important to talk about real problems faced by the trial organizers. This search for the complex picture is important for both science and practice: if the picture of the past is too smooth, it will be more difficult for modern society to accept the fact that vaccine trials are impossible without risks and herd immunity comes with a price.

REFERENCES

1. Istoriya sozdaniya [Creation History]. *Sayt NII grippa imeni A.A. Smorodintseva* [Website of the Smorodintsev Research Institute of Influenza]. URL: <https://www.influenza.spb.ru/institute/history/>
2. Clements C.J., ed. *Supplementary Information on Vaccine Safety. Part 2: Background Rates of Adverse Events Following Immunization*. Geneva, WHO, 2000. 112 p. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/66675/WHO_V-B_00.36_eng.pdf?sequence=1&isAllowed=y

3. Boiko V.M. *Epidemiologija i puti likvidacii poliomielitov v Uzbekskoj SSR* [Epidemiology and Paths to Eradication of Poliomyelitis in the Uzbek SSR]. Tashkent, Medicine Publ., 1965. 118 p.
4. Chumakov M.P., Prisman I.M., Zacepin T.S. *Poliomijelit. Detskij spinno-mozgovoj paraliz* [Children's Spinal Paralysis]. Moscow, Medgiz Publ., 1953. 480 p.
5. Chumakov's Telegram to Sabin A. 1959.06.20. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: https://drc.libraries.uc.edu/bitstream/handle/2374.UC/669967/sovietunion_1959-68_021.pdf?sequence=1
6. Drozdov S.G., Ivanova O.E. Poliomielit [Poliomyelitis]. *Problemy Virusologii* [Problems of Virology], 2012, no. 1, p. 82. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poliomielit>
7. Drozdov S.G. *Poliomielit i ego profilaktika v razlichnyh stranah mira* [Poliomyelitis and Its Prevention in Various Countries of the World]. Moscow, Medicine Publ., 1967. 87 p.
8. Evdoshenko V.G. *Problema likvidacii zabolevaemosti poliomielitom v Kirgizskoj SSR: avtoref. dis. ... d-ra med. nauk* [The Problem of Eradication of Poliomyelitis in Kyrgyz SSR. Dr. med. sci. abs. diss.]. Moscow, 1968. 39 p.
9. Horstmann D.M. The Sabin Live Poliovirus Vaccination Trials in the USSR, 1959. *Yale Journal of Biology and Medicine*, 1991, Sept.-Oct., no. 64 (5), pp. 499-512. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC2589490/?page=1>
10. Lashkevich V.A. Istorija sozdaniya v 1959 g. zhivoj vakciny iz attenuirovannyh shtammov A. Seibina i ideya iskoreneniya poliomielita [The History of the Creation in 1959 of a Live Vaccine from Attenuated Strains of A. Sabin and the Idea of Eradicating Poliomyelitis]. *Voprosy virusologii* [Problems of Virology], 2013, no. 1, vol. 58, p. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-sozdaniya-v-1959-g-zhivoy-vaktsiny-iz-attenuirovannyh-shtammov-a-sebina-i-ideya-iskoreneniya-poliomielita/viewer>
11. Letter from Babione R. W. to Sabin Albert B. 1956.06.07. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/689825>
12. Letter from Bayne-Jones S. to Sabin Albert B. 1956.02.20. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/690912>
13. Letter from Chumakov M. to Sabin A. 1957.11.27. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <https://drc.libraries.uc.edu/handle/2374.UC/679111>
14. Letter from Chumakov M. to Sabin A. 1958.12.19. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/679118>
15. Letter from Chumakov M. to Sabin A. 1958.12.26. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/679103>
16. Letter from Dick G.W.A. to Sabin A. 1958.07.24. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/673520>
17. Letter from H. Van Zile Hyde to Sabin A. 1956.01.09. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/690625>
18. Letter from Rudolph Walter M. to Sabin A. 1956.06.04. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/689824>
19. Letter from Sabin A. to Chumakov M. 1957.03.15. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/679115>
20. Letter from Sabin A. to MacKay D.C. 1956.05.04. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/701501>
21. Letter from Sabin A. to Ramos-Alvarez M. 1957.04.08. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/673666>
22. *Letter from Timakov V.D. to Sabin A.* URL: https://drc.libraries.uc.edu/bitstream/handle/2374.UC/669997/sovietunion_1959-68_051.pdf?sequence=1
23. Live Polio Vaccine May Immunize 40 Years. *Evening Star*, 1955, May 4, p. A-15.
24. History. *Institut poliomielita im. M.P. Chumakova RAN* [M.P. Chumakov Polio Institute of the Russian Academy of Sciences]. URL: <http://www.chumakovs.ru/history/#>
25. Materialy po ispolzovaniju zhivoj vakciny protiv poliomielita [Materials on Using Live Polio Vaccine]. *GARF*, f. 9226, inv. 1, d. 1894. 262 l.
26. Materialy po razrabotke vakciny protiv poliomielita (stenogrammy, spravki, otchetny, perepiska) [Materials on the Development of a Polio Vaccine (Records, Memos, Reports, Correspondence)]. *GARF*, f. 9226, inv. 1, d. 1632. 206 p.
27. *Otkrytoe obrashhenie Associacii organizacij po klinicheskim issledovanijam po povodu «neoficialnyh ispytanij» vakciny protiv COVID-19 sotrudnikami NICJeM im. N.F. Gamalei Minzdrava Rossii* [An Open Letter by Members of Association of Clinical Research Organizations Regarding the "Informal Trials" of the COVID-19 Vaccine by the Staff of N. Gamaleya Rereach Center of the Russian Ministry of Health]. URL: http://acto-russia.org/index.php?option=com_content&task=view&id=400
28. Petrovkij B.V. *Public Health in the USSR*. Moscow, Novosti Press Agency Publ. House, 1967. 76 p.
29. Sabin A.B. Oral Poliovirus Vaccine: History of Its Development and Use and Current Challenge to Eliminate Poliomyelitis from the World. *The Journal of Infectious Diseases*, 1985, March, vol. 151, no. 3, pp. 422-423.
30. Sabin's Cable to Chumakov. 1959.06.18. *Sabin Collection Fair Use Policy*. URL: <https://>

drc.libraries.uc.edu/bitstream/handle/2374.UC/669970/sovietunion_1959-68_024.pdf?sequence=1

31. *The Albert B. Sabin's Archives*. URL: <https://digital.libraries.uc.edu/collections/sabin/>

32. Translated Postscripts to Chumakov's Letter. 1960.12.29. *Sabin Collection Fair Use Policy*, p. 8. URL: <http://hdl.handle.net/2374.UC/693561>.

33. Vargha D. Vaccination and the Communist State: Polio in Eastern Europe. Holmberg Ch., Blume S., Greenough P., eds. *The Politics of Vaccination. A Global History*. Manchester, Manchester University Press, 2017. 360 p.

34. Velikanov V.I. *Sudby ljudskie: (Semejnaja hronika)* [Fates of People: Family Chronicle]. Moscow, s.n., 1998. 398 p.

35. Drozdov S.G., ed. *Vospominanija o Mihaile Petroviche Chumakove* [Memoirs About Mikhail Petrovich Chumakov]. Moscow, Institute of Poliomyelitis and Virus Encephalitis, Russian Academy of Sciences, 1999. 221 p.

36. Smorodintsev A.A., ed. *Zhivaja vakcina protiv poliomielifita* [Live Vaccine Against Poliomyelitis]. *Collection of Works of Department of Virology*. Leningrad, s.n., 1960. 299 p.

Information About the Author

Vera A. Smirnova, Candidate of Sciences (History), Lecturer, School of Politics and Law, Almaty Management University, Rozybakieva St, 227, 050060 Almaty, Kazakhstan, v_a_smirnova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1035-3064>

Информация об авторе

Вера Александровна Смирнова, кандидат исторических наук, преподаватель школы политики и права, Алматы Менеджмент Университет, ул. Розыбакиева, 227, 050060 г. Алматы, Казахстан, v_a_smirnova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1035-3064>

ИНСТРУМЕНТЫ СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.17>

UDC 327.82
LBC 66.49

Submitted: 30.05.2022
Accepted: 09.02.2023

DIGITAL DIPLOMACY AND SOCIAL MEDIA NETWORKS: CONTEMPORARY PRACTICES OF INNOVATION IN FOREIGN POLICY

Liudmila M. Reshetnikova

Vologograd State University, Vologograd, Russian Federation

Irina M. Samokhina

Vologograd State University, Vologograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article is devoted to contemporary digital diplomacy, which is implemented within the framework of social networks. Unlike traditional diplomacy digital one operates in a different communicative space where blogs, electronic media and global social networks are the key communication channels. Using these tools allows digital diplomacy actors to influence events and communities in other countries. *Methods and materials.* Method of mixing qualitative and quantitative data, hashtag-analysis, comparative analysis of the social networks' messages and accounts were able to understand the dynamics and interactions in social networks, engagement and possibilities of institutional and private actors in digital diplomacy. *Analysis.* In the 2000s foreign policy and public diplomacy began forming based on data on the mood of users of social networks and their preferences in politics. Thanks to this, digital diplomacy may well become one of the innovative tools for resolving modern global problems. Digital diplomacy, as a new method and the tool for implementing foreign policy, contributes to the effective functioning of departments and ministries of foreign affairs, their response to the needs of citizens, to emerging challenges and threats to state security, like a global epidemic or natural disasters. Using digital tools, it is possible to shape the norms of communication, interaction and decision-making by which diplomats perform their work, modifying the diplomatic process. Besides this digital diplomacy increases the attractiveness of the state in the eyes of the world community. *Results.* Based on a comparative analysis study of the content of social networks, it could be concluded that over almost a decade, from the 2010s to the 2020s, digital diplomacy has developed from a "soft power" mechanism to a method of information warfare and propaganda which involves artificial intelligence tools and big data. But this is predominantly characteristic of technologically developed countries. It is possible to conclude about future co-existence of traditional and digital diplomacies in a new hybrid variety. *Authors' contribution.* In this article Liudmila M. Reshetnikova has contributed Introduction, Research Methods, Analysis and Results sections: identified risks and threats to digital diplomacy, analyzed the development of the soft power methods, identified features and tools of digital diplomacy. Irina M. Samokhina has contributed Analysis and Results sections: analyzed social networks and digital infrastructure for digital diplomacy and diplomatic activity, contemporary computer tools for learning about social networks.

Key words: digital diplomacy, public diplomacy, social networks, innovative technology, foreign policy.

Citation. Reshetnikova L.M., Samokhina I.M. Digital Diplomacy and Social Media Networks: Contemporary Practices of Innovation in Foreign Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Vologograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 205-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.17>

**ЦИФРОВАЯ ДИПЛОМАТИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ:
СОВРЕМЕННЫЕ ПРАКТИКИ ИННОВАЦИЙ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ****Людмила Михайловна Решетникова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Ирина Михайловна Самохина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассмотрена современная цифровая дипломатия и ее реализация через глобальные социальные сети. В отличие от традиционной цифровая дипломатия работает в ином коммуникативном пространстве, где ключевыми каналами являются блоги, электронные СМИ и глобальные социальные сети. Использование этих инновационных инструментов позволяет субъектам цифровой дипломатии влиять на события и сообщества в других странах. *Методы и материалы.* Мультиметодологический подход к изучению качественных и количественных данных, хэштег-анализ позволили понять динамику и взаимодействие в социальных сетях, вовлеченность и возможности институциональных и частных акторов в цифровой дипломатии. *Анализ.* В 2000-е гг. внешняя политика и публичная дипломатия стали формироваться на основе данных о настроениях пользователей социальных сетей и их предпочтениях в политике. Благодаря этому цифровая дипломатия вполне может стать одним из инновационных инструментов решения современных глобальных проблем. Цифровая дипломатия как новый метод и один из инструментов реализации внешнеполитического курса, способствует эффективному функционированию ведомств и министерств иностранных дел, их реагированию на запросы граждан, на возникающие вызовы и угрозы безопасности государства, такие как глобальные эпидемии или стихийные бедствия. Используя цифровые инструменты, можно формировать нормы общения, взаимодействия и принятия решений, с помощью которых дипломаты выполняют свою работу, видоизменяя дипломатический процесс. Кроме того, цифровая дипломатия способствует созданию позитивного имиджа страны и повышению привлекательности государства в восприятии мирового сообщества. *Результаты.* На основе сравнительного анализа контента социальных сетей можно сделать вывод, что в период с 2010-х по 2020-е гг. цифровая дипломатия развивалась как инструмент «мягкой силы», впоследствии преобразовавшись в один из методов информационного противостояния и пропаганды с использованием искусственного интеллекта и больших данных, что преимущественно характерно для технологически развитых государств. Это позволяет говорить о будущем сосуществовании традиционной и цифровой дипломатии в новом виде гибридной дипломатии. *Вклад авторов.* Л.М. Решетникова выявила риски и угрозы цифровой дипломатии, охарактеризовала развитие методов «мягкой силы», определила особенности и инструменты цифровой дипломатии. И.М. Самохина проанализировала социальные сети и цифровая инфраструктура для цифровой дипломатии и дипломатической деятельности, современные компьютерные инструменты для изучения социальных сетей.

Ключевые слова: цифровая дипломатия, публичная дипломатия, социальная сеть, инновационная технология, внешняя политика.

Цитирование. Решетникова Л. М., Самохина И. М. Цифровая дипломатия и социальные сети: современные практики инноваций во внешней политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 205–213. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.17>

Introduction. The development of international relations led to the emergence and implementation of the principles of public diplomacy with modern innovative technologies, new ways and mechanisms of information support in foreign policy are becoming more relevant. Web technologies like websites and mobile applications

have replaced printed and broadcasting traditional media. Taking into account the crucial role of communication in the organization of communities and government, it creates a fundamentally new dynamic of international relations. From the second half of the 20th century, military power and threat as traditional means of foreign policy

gradually began to be eroded by the methods of the soft power of culture, images and information. The first signs of the digital revolution and the growth of the Internet led to the transition to web communication in the early 1990s that has covered all spheres of life. The appearance of digital diplomacy has become possible because of the fast development of information and communication technologies that make it possible to erase national borders and exert influence globally on society in a given state. Digital diplomacy is a component of public policy and soft power. The first is often equated with the term “soft power” by Joseph Nye. Public diplomacy is a tool for promoting the soft power that in turn has three sources: political values, a country’s culture, and foreign policy. It is a voluntary and informed choice as opposed to propaganda. Further J. Nye developed a concept and added “smart power” that can act as the most winning strategy, and includes a balanced combination of hard and soft power [19, pp. 101-102]. The term “public diplomacy” was first proposed by Edmund A. Gullion, dean of the Fletcher School of Law and Diplomacy at Tufts University in 1965. This term denoted the process by which the subjects of international relations are able to achieve foreign policy goals, influencing the foreign society. It means open, respectable and not a secret diplomacy. It described as the role of the media in international affairs, cultivation by governments of public opinion, the non-governmental interaction of private groups and interests in one country with those of another [30, p. 8]. Public diplomacy due to J. Nye is a useful tool when attempting to influence public opinion abroad [14, p. 706]. Public diplomacy began to consider as actions aimed at maintaining long-term relations, protecting the goals of the country’s foreign policy and a better understanding of the values and institutions of their own state abroad. States seek to secure particular or wider interests, including the reduction of frictions between or among themselves. Public diplomacy is one of the core instruments through which the goals,

strategies and broad tactics of foreign policy are implemented [1].

Subsequently, with the development of the Internet, these definitions were concretely embodied in the phenomenon of digital diplomacy. Governments have begun to use Web 2.0 technologies that consist of a set of software applications (second generation) and they allow users to communicate and exchange information on the Internet. These applications include popular world-wide social networks such as Instagram * (banned in Russia in 2022), Facebook ** (banned in Russia in 2022), Twitter (banned in Russia in 2022), Snapchat, TikTok (banned in Russia in 2022). The Web 2.0 model supports two-way exchange of information, promotes the active participation of users and, accordingly, can influence certain aspects of the development of society. New technologies facilitate interaction as they become interactive. In the past diplomacy was primarily a government-to-government relationship. Today, a government indirectly targets the public, and even public-to-public communication can constitute diplomatic actions. Integrating the requirements of social media into the practice of public diplomacy raises a series of challenges and generates fundamental strategic and tactical shifts. It also means an additional step from diplomacy 1.0 to public diplomacy 2.0, therefore the “leap from the old world of web-pages and e-mail to that of social media and sites based on user-generated content” [25, p. 201]. The arrival of “Web 2.0” in the mid-aught made the means to publish information online more broadly accessible. People were increasingly able to post their opinions and experiences. However, doing so still required a substantial amount of technical know-how and access to expensive internet-connected computers. Accordingly, it was the creation and diffusion of social media networks across platforms and devices, especially smartphones that truly expanded interaction capacity by substantially increasing the number of people who could participate in digital communication on a daily basis [7, p. 238].

* The Instagram social network is owned by the terrorist and extremist organization Meta Platforms Inc, whose activities are prohibited in the Russian Federation.

** The Facebook social network is owned by the terrorist and extremist organization Meta Platforms Inc, whose activities are prohibited in the Russian Federation.

The British analyst Sh. Riordan proposed to distinguish between the terms “e-diplomacy”, “cyber diplomacy” and “digital diplomacy.” By the term “digital diplomacy” Riordan means the use of digital tools to solve diplomatic problems. The notion “cyber diplomacy” is associated with the use of diplomatic tools to resolve interstate issues arising in cyberspace. In the modern world, digital diplomacy and cyber diplomacy are carried out by both state and non-state actors, including NGOs and individuals. The term “e-diplomacy” (as well as “Internet diplomacy”) was used at the turn of the 20th – 21st centuries to refer to the process and means of electronic support for diplomacy. The term came from the realm of commerce and was quite popular, but now its frequency is extremely low. It is associated with the creation of an electronic infrastructure for conducting diplomatic activities [22]. The Russian scholar N. Tsvetkova underlines that “digital diplomacy” is designed to influence foreign public opinion. However, instead of the traditional exchange programs or events of cultural centers, digital diplomacy disseminates information of a political nature on the Internet or in social networking. States that use this tool in their diplomatic practice do not hide its nature: for example, the U.S. government has repeatedly stated that digital diplomacy is designed to establish a dialogue between Washington and opposition groups in foreign countries [29, p. 119]. I. Manor notices that the term “digital diplomacy” that is often used as a synonym for “digitalized public diplomacy”, also suggests that the use of digital tools is its own subset of diplomacy. Just as there is bilateral diplomacy and multilateral diplomacy, so diplomats practice digital diplomacy [16, p. 14].

Methods and Materials. The methodology of the article is based on the mixed-method approach that applies quantifiable data and qualitative content. Social network analysis tools like SocioViz, Netlytic, Tweepmap, social media indicators helped to understand the dynamics and interactions in social media, engagement and possibilities of institutional and private actors in digital diplomacy. Especially considering that officials, political leaders through their social media accounts have set foreign policy contours and form the foreign policy agenda, primarily among the young audience, for whom social networks are the common means of communication.

Analysis. The implementation of digital diplomacy through global social media networks defines several of its features. The communication with the huge audience is established quickly and easily, as a result of which there is a dependence on content that is created by the users themselves (through “likes”, comments, reposts and “retweets”). This, in turn, creates opportunities for tracking feedback, monitoring. Uncensored and unfiltered, the media enables leaders to communicate directly with the public and the public to be informed on issues of foreign policy and galvanize against foolish foreign policies in ways impeded in a non-democracy where the media is not free and the public is unable to adjudicate the advantages and disadvantages of a policy with relatively full information. The leaders in more democratic countries were more likely to rely on social media accounts for distributing content about their administration or government [13, pp. 33-34].

Digital diplomacy functions in horizontal relationships based on the exchange of information rather than broadcasting it from top to typical bottom for traditional diplomacy. As subjects of digital diplomacy both foreign policy structures as a whole and individual politicians and officials are distinguished. But at the same time, there is no single strategy or protocol for conducting foreign policy activities on social media networks. Digital platforms have revolutionized the practice of public diplomacy by making it possible for ministries of foreign affairs and embassies to reach and engage with foreign publics directly. Currently, all departments and politicians are presented in the popular and widely known all over the world Facebook, Twitter, Instagram, TikTok. In view of this, it became possible to single out “Facebook-diplomacy” or “Twiplomacy” in a separate category.

“Twitter-diplomacy” or “Twiplomacy”, as an innovative tool of public diplomacy that changed the form of perception of diplomacy, began to spread actively in the early 2010s. By 2020 98% of United Nations member states have official Twitter accounts [28]. Twitter gives to quantify the opinions of users, as well as the degree of public support for world leaders. Thanks to this it became possible to almost instantly learn about international events by commenting on them. It should be noted that the application is more beneficial to the states that are more

technologically advanced. Twitter promotes the exchange of useful information among politicians and the community, increases the functionality of diplomatic officials in collecting information, analyzing risks and challenges, managing and responding to them. Despite the positive effects on communication mentioned, Twitter is not considered to be a substitute for traditional diplomacy. Twiplomacy interacts jointly with diplomacy and expands the field of its activity [4].

The emergence of digital diplomacy as a global concept coincided with the beginning of the Arab Spring of 2010 and “the Occupy” movement that emerged in 2011. When fueled by ample discontent and social organizational power, digital technology has allowed the masses to mobilize against state power and threaten it. Sometimes they radically changed the balance of power in their country, as, for example, in the cases of the overthrow of the government in Egypt and Tunisia. These technologies also challenged state storytelling and social and political event shaping, bypassing traditional state propaganda and existing state control over the media. As a result, states began to develop a strategy for the implementation of digital representation and communication methods, gradually turning into the methods of digital diplomacy that we know about today [2]. The main methods of digital diplomacy are spreading of informational content in the Internet media: analysis and monitoring of social networks and the blogs; distribution of data via mobile gadgets; formation of personal pages of officials in social networks. Another important feature of digital diplomacy is its specific set of communication strategies of informing, evaluating and arguing. In addition, digital tools inform and shape the norms of communication, interaction and decision-making by which diplomats carry out their work. Transparency, decentralization, casualness, interactivity, and real-time governance are essential norms for digital performance, but they may not align with ministries of foreign affairs’ institutionally ingrained preferences for confidentiality, hierarchy, instrumentality, and top-down decision-making [5].

Digital diplomacy has become widespread in the United States. Digital technologies are actively used by the U.S. Department of State to increase the attractiveness of the United States in the eyes of the world community. “We are

adapting our governance by realigning our development and diplomatic programs to address old challenges in new ways, and by leveraging one of America’s greatest assets – innovation. This is the 21st century when traditional foreign policy instruments are complemented by new innovative and adapted public administration instruments that make full use of the technologies of our connected world” [31]. Important decisions for the development of the U.S. digital diplomacy were made by U.S. Secretary of State C. Powell in the early 2000s as part of larger programs for the technological modernization of the U.S. government. In 2003 within the Information Resource Management (IRM) of the U.S. Department of State, a “think tank” was created – the Office of e-Diplomacy that began to deal with issues of IT support. The first priority was to consolidate the infrastructure for digital diplomacy. As a result, by 2005 secure connection to the SIPRNET systems (for transmitting classified information) and OSIS (open networks) was ensured; the servers were consolidated into a single system; the finance was optimized using electronic means. Websites of the main diplomatic departments and public diplomacy programs were completed, e-mail addresses were combined into a global network, and programs were introduced to improve the efficiency of the department’s divisions [32]. By 2012, the US State Department was already managing a social media empire of 288 Facebook pages, nearly 200 Twitter accounts, and 125 YouTube channels. The State Department issued guidelines for embassy use of social media, established standard working routines for sharing information online and offered digital training to those diplomats looking to make use of social media in public engagement [8, p. 475].

In 2014–2016 priorities were related to “mobile diplomacy” (digital diplomacy with using devices with mobile applications and social networking), digital diplomacy with an emphasis on analytics, information and knowledge management, as well as the continuation of the development of the global digital infrastructure and digital systems management methods. For the first time, cybersecurity appeared in the documents as one of the key components of the infrastructure for diplomatic activity. The ICAM identification system was developed and implemented, the development of an internal open messenger for

SMART diplomats and a means for exchanging confidential messages TS was completed [33]. Due to the next IT Strategic Plan digital diplomacy must be taken to a new level. It is characterized by massive use of big data and data diplomacy. Rapid technological growth is driving the modernization of the U.S. digital diplomacy mechanisms. The Strategic Plan in the early 2020s contains tasks for the implementation of voice-to-computer communication interfaces (“voice assistants”). Particular attention is paid to emerging technologies based on artificial intelligence, global satellite navigation systems and digital cartography, as well as the use of translation services on neural networks. Cybersecurity remains one of the key issues on the digital diplomacy agenda [35]. The development of artificial intelligence, bots have given additional opportunities to digital diplomacy. AI could adapt a number of traditional diplomacy tools. AI is possible to improve policy development, public diplomacy, bilateral and multilateral engagement, actions carried out through international and conventional organizations, meetings and partnerships, awarding grants and collecting and analyzing information [23, p. 27]. It's quite applicable to social networks taking into account that the new generation of social bots can autonomously talk with a human via online chat and spoken language, manage social media accounts at the same time bots can actively spread misinformation online, slowing down the diffusion of truthful information [26, p. 256].

Despite the fact that digital diplomacy has gained great importance, the most developed countries along with the United States in this area are China, India, France, Brazil, and Japan. There are special indicators like Digital diplomacy ranking and Digital diplomacy index (DDI) that allow to define most influence states through their digital diplomacy practice. So, because of DDI, the US holds the lead having 20.9 million followers on its diplomatic accounts in social media in 2021 and 29 million in 2022. One of the key actors of digital diplomacy is India being the country with the most followers on its diplomatic accounts of 72 million in 2021 and 86 million followers in 2022 [10]. Over the past decade India has demonstrated vast growth in digital diplomacy using special tools. The campaign in social media with tag #IncredibleIndia became

very popular and gained 236 million in 2015 [3]. #IncredibleIndia promotes positive perceptions of India and aims to exclude Indophobia, Hinduphobia and any other negativity towards the country and its citizens. Additional tool of digital influence of India may be considered the social media account of Prime Minister Narendra Modi as one of the most followed world leaders. In 2009 @narendramodi accounted 1 million followers that 12 million in 2015, and now over 86 million of active followers [18]. Moreover, Indian Ministry of External Affairs (MEA) has deployed mobile apps like MEAIndia and G20India as special source to connect Indians travelling abroad, students and scholars of foreign policy, Indian Diasporas.

The development of digital diplomacy using social networks has led to the emergence of certain risks and threats to the world of real politics. Emerging digital technologies and its involvement in social processes raised the issue about the actors and its role in shaping policy. As the role of the state has stayed important the multinational technology companies that have driven the technological innovation have become extremely influential to the extent that their economic and political power matches – or even surpass the nation states [6, p. 85; 12, p. 187]. At the same time as J. Nye notices this role of non-state actors does not mean the end of the nation-state. Governments remain the most powerful actors on the global stage, but the stage has become more crowded [20, p. 10].

Social networks have become widely used in modern conditions as the most effective environment for the dissemination of false information, unfair competition and active political propaganda. Inaccurate data can be thrown into the Internet special sites, the main purpose of which is precisely the creation and distribution of “fake news” or “fakes.” Bloggers, influencers, “trolls” are used as the tools for promoting content on social networks to discredit political competitors and ideological opponents.

Another threat concerns cybercrimes against the protection of personal data. Social media users often fear unauthorized access, hacking, and identity theft. Such crimes are the most important risks of digital diplomacy that have existed since the emergence of the Internet. Social networks as a communication technology can be used as a means for the dissemination of

extremist and terrorist content, propaganda of ideologically hostile countries as a tool for waging an information war and foreign influence domestic political processes [34]. Generally, the threats and risks of digital diplomacy include: 1. The publication of politically incorrect messages that can lead to social tensions and conflicts. 2. Social networks can be used for illegal purposes for information warfare in the context of election campaigns and other political processes. 3. Social media platforms can be used to create radical content for cyber terrorists and extremists. 4. The Internet is becoming a space for cyber warfare and hacking, given the fast increasing number of hacker attacks on government servers [21, p. 85].

The listed risks remained relevant for digital diplomacy even during the pandemic COVID-19. However, despite this, digital diplomacy continued to operate while borders and airspace were closed. Diplomats were able to respond quickly to rapidly growing calls for help via social media. The pandemic has shown that in the future it would be a hybrid, coexistence of digital and traditional diplomacy, which was forced to adapt to virtuality [9]. Also major global events like summits have been moved to Zoom application. In 2020 virtual meetings have become so popular that many have coined the term “Zoom-diplomacy” referring to the widespread use of Zoom or other platforms in diplomacy. In 2020 the online meeting of the G-20 leaders was a prime example of this [24].

The next decade digital diplomacy will be transformed because of the technological context in which ministries of foreign affairs are to operate. The well-known scholar, head of the Oxford Digital Diplomacy Research Group, Corneliu Bjola mentioned that the development 3G and 5G technology was usher in a whole new level of technological innovative breakthroughs which will lead to the mass adoption of a number of technical tools increasingly relevant to public diplomacy, such as mixed reality, satellite remote sensing or artificial intelligence [15; 17; 27, p. 411]. Digital diplomacy depends on new communication and technical skills. While communication is a cornerstone of diplomacy, the codes, habits, and norms of communication online differ from both the formal and the informal diplomatic communications that take place behind closed doors. Mastering the formatting logic of software,

the navigation of big data and management of relationships with tech companies will become new tasks of diplomacy [11, p. 1607].

Results. Over the past decades, digital diplomacy has become an influential foreign policy instrument of the state that promotes policymakers and officials use new technologies to expand their interaction with their audiences. By 2020 digital diplomacy has become a more complex form of communication, requiring the involvement of artificial intelligence and other forms of intellectual support to manage and regulate various data sets and information risks. AI can improve foreign policy making, public diplomacy, bilateral and multilateral interactions, actions through international and conventional organizations, meetings and partnerships, grant awards, and information collection and analysis of foreign policy processes in different countries.

Digital diplomacy has received the greatest distribution through the tools of social media networks in which almost all states of the planet currently have their representations. In terms of digital leadership, the diplomatic departments of the United States, China, and India have become advanced setting the bar of digital development for officials of ministries of foreign affairs. Social networks will remain an important element of communication as a means of organizing a dialogue on international and national issues. Political leaders, government bodies, public organizations, corporations are interested in maintaining direct contact with their community through social networks, covering more and more, first of all, a young audience. In general, social media platforms, as innovative tools, have provided new opportunities for free political and humanitarian interaction with a growing number of users and thus contribute to the achievement of the goals of digital diplomacy able to coexist with traditional diplomacy in some hybrid form.

REFERENCES

1. Adesina S. Foreign Policy in an Era of Digital Diplomacy. *Cogent Social Sciences*, 2017, no. 3. DOI: <https://doi.org/10.1080/23311886.2017.1297175>
2. Akin Ünver H. *Computational Diplomacy*. Center for Economics and Foreign Policy Studies. DOI: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29664.33283>

3. Analyze Hashtags & Keywords #IncredibleIndia. *Tweepmap*, 2015. URL: <https://tweepmap.com/hashtag/B9C1BD4C35C73>
4. Babb C. Is “Twiplomacy” Replacing Traditional Diplomacy? URL: <https://www.voanews.com/a/twitter-diplomacy-social-media/1452891.html>
5. Bjola C. Adapting Diplomacy to the Digital Age: Managing the Organisational Culture of Ministries of Foreign Affairs. *Working Paper of the Project Diplomacy in the 21st Century*, 2017, no. 9. URL: https://www.swp-berlin.org/publications/products/arbeitspapiere/WP_Diplomacy21_No9_Corneliu_Bjola_01.pdf
6. Bjola C., Cassidy J., Manor I. Public Diplomacy in the Digital Age. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, vol. 14, iss. 1-2, 2019, pp. 83-101. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-14011032>
7. Bjola C., Zaiotti R., eds. *Digital Diplomacy and International Organizations: Autonomy, Legitimacy and Contestation*. Oxon, New York, Routledge, 2021. 321 p.
8. Bjola C., Manor I. The Rise of Hybrid Diplomacy: From Digital Adaptation to Digital Adoption. *International Affairs*, 2022, vol. 98, iss. 2, pp. 471-491. DOI: <https://doi.org/10.1093/ia/iia005>
9. Bartolome G.D. A Digital Strategy for Post Pandemic Diplomacy – Digital Diplomacy – Medium. *Digital Diplomacy*, 5 Sept., 2021. URL: <https://medium.com/digital-diplomacy/a-digital-strategy-for-post-pandemic-diplomacy-bbc505947aaf>
10. DDI. *DDI | Index*, 2023. URL: <https://digital-diplomacy-index.com/index/?index=diplo-matic-network-reach>
11. Hedling E., Bremberg N. Practice Approaches to the Digital Transformations of Diplomacy: Toward a New Research Agenda. *International Studies Review*, 2021, vol. 23, iss. 4, pp. 1595-1618. DOI: <https://doi.org/10.1093/isr/viab027>
12. Klynge C., Ekman M., Waedegaard N.J. Diplomacy in the Digital Age: Lessons from Denmark’s TechPlomacy Initiative. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2020, vol. 15, iss. 1-2, pp. 185-195. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-15101094>
13. Kreps S. *Social Media and International Relations*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 86 p. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108920377>
14. La Cour C. Theorising Digital Disinformation in International Relations. *International Politics*, 2020, vol. 57, pp. 704-723. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00215-x>
15. Madden M. Barbados Launches ‘World’s First’ Digital Diplomatic Presence. *Barbados Today*, 16 Nov. 2021. URL: <https://barbadostoday.bb/2021/11/16/barbados-launches-worlds-first-digital-diplomatic-presence/>
16. Manor I. *The Digitalization of Public Diplomacy*. Cham, Palgrave Macmillan, 2019. 364 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-04405-3>
17. MID primenit iskusstvennyy intellekt dlya analiza vneshney politiki [Foreign Ministry Will Use Artificial Intelligence to Analyze Foreign Policy]. *RBK [RBC]*, 14 Dec. 2021, https://www.rbc.ru/technology_and_media/14/12/2021/61b770359a79475adb8e588f
18. Narendra Modi’s Personal Account. *Twitter*, URL: <https://twitter.com/narendramodi>
19. Nye J.S. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, no. 1, pp. 94-109.
20. Nye J.S. Soft Power and Public Diplomacy Revisited. *The Hague Journal of Diplomacy*, 2019, vol. 14, iss. 1-2, pp. 7-20. DOI: <https://doi.org/10.1163/1871191X-14101013>
21. Rashica V. The Benefits and Risks of Digital Diplomacy. *South East European University Review*, 2018, vol. 13, no. 1, pp. 75-89. DOI: <https://doi.org/10.2478/seur-2018-0008>
22. Riordan S. Cyber Diplomacy vs. Digital Diplomacy: A Terminological Distinction. *USC Center on Public Diplomacy*, 12 May, 2016. URL: <https://uscpublicdiplomacy.org/blog/cyber-diplomacy-vs-digital-diplomacy-terminological-distinction>
23. Roumate F., ed. *Artificial Intelligence and Digital Diplomacy: Challenges and Opportunities*. Cham, Springer, 2021. 241 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-68647-5>
24. Sandre A. 2020 in Review: Top 10 Moments in Digital Diplomacy. *Digital Diplomacy*, 20 Dec. 2020. URL: <https://medium.com/digital-diplomacy/2020-in-review-top-10-moments-in-digital-diplomacy-57b802e0159c>
25. Sebastiao S.P., Spinola S.C., eds. *Diplomacy, Organisations and Citizens: a European Communication Perspective*. Cham, Springer, 2022. 354 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-030-81877-7>
26. Segumpan R.G., Soraya Abu Zahari J., eds. *Mixed Methods Perspectives on Communication and Social Media Research*. Oxon, New York, Routledge, 2023. 280 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003265887>
27. Snow N., Cull N.J., eds. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York, Routledge, 2020. 503 p.
28. Tankovska H. *Twitter Presence of UN Member Countries, Heads of State, Governments and Foreign Ministries*. URL: <https://www.statista.com/statistics/348495/number-of-world-leaders-signing-twitter/>
29. Tsvetkova N.A., Yarygin G.O. Politicization of Digital Diplomacy: German, Iranian, American, and Russian Public Diplomacy in Social Networks. *Vestnik of Saint-Petersburg State University. Ser. 6: Philosophy, Cultural Studies. Political Studies. Law. International Relations*, 2013, no. 1, pp. 119-124.

30. Tuch H. *Communicating with the World: U.S. Public Diplomacy Overseas*. New York, St. Martin's Press, 1990. 224 p.

31. *U.S. Department of State Archive. 21st Century Statecraft*. URL: <https://2009-2017.state.gov/statecraft/overview/index.htm>

32. *U.S. Department of State. Bureau of Information Resource Management. IT Strategic Plan: Fiscal Years 2006–2010 – Empowering Diplomacy*, 1 Apr. 2004. URL: <https://2009-2017.state.gov/m/irm/rls/92497.htm>

33. *U.S. Department of State IT Strategic Plan. Fiscal Years 2014–2016*. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/220034.pdf>

34. *U.S. Department of Defence Cyber Strategy. Summary*. 2018. URL: <https://objects.scraper.bibcitation.com/user-pdfs/2023-04-10/7fbf72fd-85be-4fd1-867a-8eccbb45368.pdf>

35. *U.S. Department of State. Fiscal Years 2019–2022. Information Technology Strategic Plan. Final*. URL: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/04/FY-2019-2022-ITSP_FINAL-508._with-Signature.pdf

Information About the Authors

Liudmila M. Reshetnikova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>

Irina M. Samokhina, Senior Lecturer, Department of Computer Science and Experimental Mathematics, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, samokhina-im@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8688-3750>

Информация об авторах

Людмила Михайловна Решетникова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, reshetnikova_lm@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0003-9509-3974>

Ирина Михайловна Самохина, старший преподаватель кафедры компьютерных наук и экспериментальной математики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, samokhina-im@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8688-3750>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.18>

UDC 327
LBC 66.4(0)

Submitted: 06.05.2022
Accepted: 21.12.2022

NUCLEAR ENERGY AS A RUSSIAN FOREIGN POLICY INSTRUMENT IN THE MIDDLE EAST

Denis A. Mirgorod

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russian Federation

Elena F. Parubochaya

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the development of the nuclear industry and the successes of the State Corporation “Rosatom” which allows Russia not only to ensure the growth of this important sector of industry and economy, but also to occupy a leading position in the world nuclear energy markets. In addition to the economic effect, this direction of state activity allows solving a wide range of foreign policy tasks. The article analyzes how the Russian state, using the potential of its nuclear industry and its competitive advantages, simultaneously realizes its interests in the Middle East. *Methods and materials.* During preparing the article, the authors used a synthesis of institutional and systemic approaches, a comparative historical approach, research in the development of diplomacy and the balance of “powers” in the foreign policy of the state, as well as predictive analysis within the problem field of the implementation of the foreign policy instrument under consideration. *Analysis.* At present, state corporation Rosatom is one of the leaders in the global nuclear industry and is implementing projects for the construction of 35 power units around the world, including the Middle East. Nuclear energy programs are currently planned or are under way in six countries in the region. Of the projects noted, Rosatom has firm agreements with Egypt, Iran and Turkey. Also, the Russian leadership is optimistic about the possibility of concluding contracts for the construction of nuclear power plants in Jordan and Saudi Arabia. The competitive advantages of a Russian company have a wide range from technological advantages to the most flexible terms of cooperation, regardless of the foreign policy and global conjuncture. At the same time, the activities of Rosatom are converted into political advantages that ensure the strengthening of Russia’s influence in the Middle East region. *Discussion.* The authors assess the further development of the Middle East programs for the development of the peaceful atom, Russia’s participation in these processes, as well as the identification of associated risks. *Results.* The authors conclude that by using and developing nuclear energy, Russia is promoting its national interests in the context of the continuing negative economic and political background in the world. The country’s leading positions in this industry make it possible to build favorable forecasts regarding the application of nuclear energy in the field of foreign policy, including the Middle East, where Russia has many competitive advantages. *Authors’ contribution.* D.A. Mirgorod developed the content of the article and carried out its scientific edition. E.F. Parubochaya analyzed cases related to the implementation by Russia of nuclear power plant projects in Iran and Turkey.

Key words: foreign policy, nuclear energy, economic diplomacy, national interests, Middle East.

Citation. Mirgorod D.A., Parubochaya E.F. Nuclear Energy as a Russian Foreign Policy Instrument in the Middle East. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 214-225. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.18>

АТОМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

Денис Александрович Миргород

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Российская Федерация

Елена Федоровна Парубочая

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются развитие атомной отрасли и успехи Государственной корпорации «Росатом», позволяющей РФ не только обеспечивать рост этого важного сектора промышленности и экономики, но и занимать лидирующие позиции на мировых рынках атомной энергии. В статье анализируется, как российское государство, применяя потенциал своей атомной отрасли и конкурентные преимущества, одновременно реализует свои интересы на Ближнем Востоке. *Методы и материалы.* При подготовке статьи авторами использовались синтез институционального и системного подходов, сравнительно-исторический подход, исследования в сфере развития дипломатии и баланса «сил» во внешней политике государства, а также прогностический анализ в рамках проблемного поля имплементации рассматриваемого инструмента внешней политики. *Анализ.* В настоящее время Госкорпорация «Росатом» является одним из лидеров мировой атомной промышленности и реализует проекты по строительству 35 энергоблоков по всему миру, включая Ближний Восток. В шести странах региона в настоящее время запланированы или уже реализуются программы атомной энергетики. Из отмеченных проектов «Росатом» имеет твердые соглашения с Египтом, Ираном и Турцией, предполагается заключение контрактов на строительство АЭС в Иордании и Саудовской Аравии. Конкурентные преимущества российской компании имеют широкий спектр от технологического преимущества до максимально гибких условий сотрудничества вне зависимости от внешнеполитической и глобальной конъюнктуры. Деятельность «Росатома» конвертируется в политические выгоды, обеспечивающие усиление влияния России в ближневосточном регионе. *Результаты.* Авторами делается вывод, что, используя и развивая атомную энергетику, Российская Федерация в условиях сохраняющегося негативного экономического и политического фона в мире продвигает свои национальные интересы. Лидирующие позиции страны в этой отрасли позволяют делать благоприятные прогнозы относительно приложения атомной энергетики в сфере внешнеполитической деятельности, включая ближневосточное направление, где Россия обладает множеством конкурентных преимуществ. *Вклад авторов.* Д.А. Миргород разработал содержание статьи и осуществил ее научную редакцию. Е.Ф. Парубочая проанализировала кейсы, связанные с реализацией Россией проектов АЭС в Иране, Турции и других странах.

Ключевые слова: внешняя политика, атомная энергетика, экономическая дипломатия, национальные интересы, Ближний Восток.

Цитирование. Миргород Д. А., Парубочая Е. Ф. Атомная энергетика как инструмент внешней политики России на Ближнем Востоке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 214–225. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.18>

Введение. Любое современное государство, особенно претендующее на статус одного из центров мировой политики, должно стремиться к использованию максимально широкого спектра инструментов реализации своего внешнеполитического курса, что позволяет компенсировать возможные риски, связанные с негативным фоном, как во внешней, так и во внутренней среде. Для России, которая за последние несколько лет столкнулась

со значительным санкционным давлением со стороны стран Запада, а также с эскалацией конфликтов сразу на нескольких направлениях (Сирия, Украина, Южный Кавказ), оптимизация внешнеполитического инструментария, поиск дополнительных рычагов воздействия на международную обстановку, на наш взгляд, входят в число приоритетных задач развития.

Одним из таких инструментов, полагаем, может стать атомная энергетика. В на-

стоящее время более тридцати стран производят и используют ядерную энергию. Сегодня глобализированный характер мира оставляет свой след в ядерной отрасли. Независимые государства работают вместе, применяя технологии в качестве дипломатии, чтобы помочь создать новые атомные отрасли в странах без ядерной энергетики. В других случаях государства работают друг против друга, препятствуя доступу к ядерным технологиям в целях безопасности.

В этом контексте в качестве одного из наиболее перспективных направлений использования Россией атомной энергетики как внешнеполитического инструмента выступает Ближний Восток. В настоящее время многие страны либо приступили к реализации своих программ по освоению мирного атома, либо готовятся это сделать в краткосрочной перспективе. Соответственно, обладая требуемым научно-техническим потенциалом и необходимым международным опытом строительства АЭС, российское государство стало важным игроком развития рынка атомной энергетики в ближневосточном регионе.

Важность развития указанного внешнеполитического направления также связана с негативным внешним экономическим и политическим фоном развития России на современном этапе – санкционное давление. Данный фактор заставил многих российских и иностранных экспертов предвещать скорый крах российского государства и проводить параллели с ситуацией, с которой она столкнулась в 1998 г., когда рухнула российская экономика и государство оказалось на грани существования [35]. Вместе с тем подобные оценки оказались далеки от действительности: экономика России продемонстрировала высокую резистентность к внешнему воздействию. Полагаем, что это связано в том числе и с передовыми позициями страны в отдельных секторах мирового хозяйства, включая высокотехнологичные производства. Исходя из этого, успехи российского государства в продвижении своих высоких технологий, включая атомную энергетику, требуют соответствующего осмысления и анализа.

Методы и материалы. С теоретической точки зрения использование атомной энергетики в качестве внешнеполитического инстру-

мента можно отнести сразу к нескольким магистральным направлениям международной политики государства. *Во-первых*, она является составной частью общей энергетической политики страны. При этом в целом международная энергетическая архитектура не всегда соответствует требованиям мировой повестки, что придает ей характеристики хаотичности и отсутствия четкой структурированности, на это указывает, например, К. Доуни [12].

Для целостного понимания действующей структуры международной кооперации в сфере энергетики, включая атомной, потребовался синтез институционального и системного подходов, которые позволили выявить комплексность и многоуровневость режима по регулированию государствами глобальной энергетической политики [16].

Во-вторых, с целью выявления практического применения атомной энергетики во внешней политике государства авторами применяются научные изыскания в указанной сфере дипломатии. Отметим, что с теоретической точки зрения проблемы использования атомной энергии в качестве инструмента влияния, большинство исследователей этого вопроса в первую очередь апеллируют к его военной проекции. Полагаем, что это в первую очередь следствие гонки вооружений периода Холодной войны между СССР и США [19]. Именно тогда сформировалось понимание, что ядерное оружие является решающим фактором реализации внешнеполитического курса, и оформилась концепция «невозможности нанесения безответного ядерного удара» – система ядерного сдерживания, сохраняющаяся вплоть до настоящего времени [23, с. 73].

Следуя этой логике, авторами был использован сравнительно-исторический подход, позволивший проследить эволюцию ядерного (атомного) компонента во внешней политике государства. Так, доминирование военного компонента атомной дипломатии в течение долгого времени определяло, помимо отношений Москвы и Вашингтона [20, с. 50], диалог между Пакистаном и Индией [26], Израилем и арабскими государствами [29, с. 219], Францией и НАТО [17, с. 252], ЮАР и мировым сообществом и т. д. [34]. Самым последним примером «классического» военного содержа-

ния атомной дипломатии можно считать политику Северной Кореи, использующей свое ядерное оружие для достижения собственных внешнеполитических целей [36]. Таким образом, мы видим, что термин «атомная дипломатия» в теории международных отношений долгое время главным образом соотносился с военной составляющей. Последнее предопределило необходимость применения в настоящей работе концепта «жесткой и мягкой сил» Дж. Найа [24].

Вместе с тем в последнее время многие ученые-международники относят атомную энергетика в сферу деятельной экономической дипломатии, о чем в своих работах пишут Н. Бейн и С. Вулкок [11, с. 38]. В свою очередь, Ж. Тандлер наделяет так называемую атомную, или ядерную, дипломатию потенциалом для решения государством не только своих экономических проблем, но продвижением собственных национальных интересов [32, с. 127]. Следовательно, как и другие технологии, атомная энергетика находится в социальной и политико-экономической матрице, которая влияет на ее эволюцию. В этой связи также добавим, что мировой рынок атомной энергетика показывает устойчивый рост [10].

Наконец, *в-третьих*, в качестве еще одного базового методологического подхода настоящего исследования выступил прогностический анализ в рамках проблемного поля имплементации рассматриваемого инструмента внешней политики России на Ближнем Востоке [13].

В качестве источниковой базы исследования были использованы материалы ведущих российских, мировых и ближневосточных профильных организаций.

Анализ. С целью выявления эффективности внешнеполитического курса России на Ближнем Востоке в контексте использования ей атомной энергетика в первую очередь требуется определить главный механизм продвижения РФ в этой сфере. Так, необходимо указать на то, что в 1990-е гг. на фоне системного кризиса российская атомная промышленность переживала тяжелые времена и была близка к разрушению. Ситуация изменилась и обрела позитивную динамику с начала 2000-х гг. [14]. На текущий момент Государственная корпорация по атомной энергетике «Росатом» объе-

диняет более 400 предприятий атомной отрасли. В состав Росатома входят все гражданские атомные компании России, предприятия ядерного оружейного комплекса, научно-исследовательские организации, а также атомный ледокольный флот [25].

В настоящее время Госкорпорация является одним из лидеров мировой атомной промышленности, занимает второе место в мире по запасам урана и пятое по объему добычи, четвертое место в мире по производству атомной энергии, контролирует около 40 % мирового рынка услуг по обогащению урана и 17 % рынка ядерного топлива [28]. Дополнительным аспектом, подтверждающим лидирующие позиции «Росатома», является то, что корпорация контролирует 20 % всех запасов урана в США. Об этом сообщается со ссылкой на бывшего руководителя корпорации С.В. Кириенко. По его словам, «Росатом» не только сумел восстановить работу на месторождениях советского времени, но и расширил круг обрабатываемых месторождений [4]. В настоящее время доля «Росатома» на мировом рынке урана составляет порядка 8 % [30].

Также отметим, что, согласно данным, приведенным в отчете ведущего проектного предприятия «Росатома» АО «Атомпроект», по состоянию на 2021 г. предприятия «Росатома» проектировали 35 атомных энергоблоков [5]. По словам главы «Росатома» А.Е. Лихачева «портфель зарубежных заказов уже более двух лет превышает цифру в 133 миллиардов долларов США, ну и держимся за шесть миллиардов зарубежной выручки. На сегодняшний день у нас 35 энергоблоков уже в качестве контрактов и межправительственных соглашений заключено. Это 67 % вообще мирового рынка строительства» [2]. В настоящее время «Росатом» возводит следующие объекты за рубежом: АЭС «Эд-Дабба» (Египет); АЭС «Аккую» (Турция); Белорусская АЭС (Белоруссия); АЭС «Бушер» (Иран); АЭС «Куданкулам» (Индия); АЭС «Руппур» (Бангладеш); Тяньваньская АЭС (Китай) [27].

Все указанные проекты являются важным элементом продвижения национальных интересов в различных странах и регионах мира. Вместе с тем полагаем, что возводимые и планируемые для реализации объекты

на Ближнем Востоке можно рассматривать как одни из наиболее приоритетных. Данный тезис в первую очередь, помимо очевидных экономических выгод, основан на необходимости полноценного возобновления российского присутствия в регионе, а также на жизненно важном аспекте стабилизации военнополитических процессов на указанной территории. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что Ближнему Востоку, где находится значительное количество пороговых и околопороговых государств, до сих пор не удалось стать зоной, свободной от ядерного оружия. Исходя из этого, активное участие внешних акторов, включая Россию, позволяют сделать процесс контроля над национальными ближневосточными ядерными программами более жизнеспособным и эффективным [21].

В шести странах Ближнего Востока (Египет, Иран, Иордания, Саудовская Аравия, Турция и Объединенные Арабские Эмираты) в настоящее время запланированы или уже реализуются программы атомной энергетики. Официальное обоснование строительства этих станций в регионе основано на ряде общих проблем, стоящих перед их странами. Среди них – растущий спрос на электроэнергию и опресненную воду из-за роста населения и экономического развития, а также необходимость создания системы энергетической безопасности за счет снижения зависимости от импорта энергии из внешних источников и одновременной диверсификации способов производства энергии [22]. В свою очередь, шесть государств Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты) в 2006 г. озвучили планы по разработке совместной программы по освоению мирного атома, но Бахрейн, Кувейт, Оман и Катар вышли из этого проекта из-за аварии на японской АЭС «Фукусима». Добавим, что ожидаемый рост рынка атомной энергетики на Ближнем Востоке составит более 6 % в период до 2025. А уже к 2028 г. экспертами ожидается, что мощности атомной электроэнергетики на Ближнем Востоке увеличатся в четыре раза до 14,1 ГВт [37]. Таким образом, регион потенциально способен стать самым динамично растущим рынком атомной энергетики с соответствующим спросом на возведение новых реакторов, по-

ставку оборудования и топлива, обучение персонала АЭС и т. д.

Из отмеченных проектов на Ближнем Востоке Росатом имеет твердые соглашения с Египтом, Ираном и Турцией. Также руководство Госкорпорации с оптимизмом смотрит на возможность заключения контрактов на строительство АЭС в Иордании и Саудовской Аравии. Полагаем, что конкурентные преимущества российской компании связаны с рядом причин. Так, Россия находится в авангарде гонки технологий реакторов на легкой воде (ВВЭР). Помимо этого, Москва предлагает максимально гибкие условия сотрудничества. Например, при строительстве турецкой и финской АЭС «Росатомом» была выработана уникальная для подобных объектов формула реализации. АЭС в Турции создается по модели «строй-владей-эксплуатируй» (Build-Own-Operate) [3, с. 36]. В соответствии с этой формулой турецкие власти взяли на себя обязательства выкупить согласованную часть электроэнергии в фиксированные сроки по установленным ценам. Со своей стороны российские участники проекта учредили проектную компанию «Аккую нуклеар» (в форме АО), которая взяла на себя обязательства по проектированию, строительству, эксплуатации и обслуживанию АЭС, включая все сопряженные с этим расходы и риски. Именно этот факт делает АЭС «Аккую» уникальным атомно-энергетическим объектом в регионе Ближнего Востока, при эксплуатации которого участники разделяют риски. Подобная модель продвижения на мировой рынок строительства АЭС может быть крайне привлекательна для государств, не имеющих соответствующего опыта в сфере атомной энергетики. Предполагается, что 1-й энергоблок будет введен в эксплуатацию к 2023 году. Необходимо помнить, что в этом году Турецкая Республика отметит 100-летний юбилей и для политического руководства важна реализация подобных проектов, позволяющих продемонстрировать успехи президента Турции Реджепа Таипа Эрдогана не только на внешнеполитической арене, но и внутри страны. Реализация российской стороной атомного проекта в Турции позволяет укрепить непростые и противоречивые отношения с Анкарой, создать дополнительную базу для взаимовыгодного экономического диалога.

Еще одним важным конкурентным преимуществом России на международном рынке атомной энергетике можно считать надежность соглашений вне зависимости от внешнеполитической и глобальной конъюнктуры. Доказательством этому служит проект иранской АЭС в Бушере. Завершив строительство первого блока АЭС и запустив строительство новых блоков, РФ продемонстрировала, во-первых, свою поддержку иранским властям, а во-вторых, доказала, что она выполняет свои обязательства и является надежным партнером, невзирая на постоянные изменения международной политической повестки [9]. Ожидается, что в эксплуатацию второй и третий блоки будут введены в 2024 г. и 2026 г. соответственно.

Наконец, Россия предлагает максимально широкие и выгодные опции по финансированию реализуемых проектов АЭС. Например, в отношении египетской АЭС «Эд-Дабаа» был применен принцип предоставления кредита. Из общей стоимости проекта в 30 млрд долл. большая часть (25 млрд) будет профинансирована счет кредитных средств РФ, сроком на 13 (с 2018 г.) лет под 3 % годовых [7]. Запуск первого энергоблока намечен на 2026 год. Строительство всех четырех блоков АЭС планируется завершить к 2029 г. [31].

Помимо этого, сохраняются перспективы участия России в строительстве АЭС в Иордании. Первоначальный проект по возведению станции большой мощности стоимостью 10 млрд долл. был свернут из-за проблем финансового и технического характеров. Однако по заявлениям официальных лиц двух стран в активной фазе находятся переговоры по реализации проекта атомного энергоблока малой мощности (порядка 200 мегаватт) по российскому проекту [15].

Однако рынок с наибольшим потенциалом в ближневосточном регионе – Саудовская Аравия. В 2009 г. руководство королевства объявило о начале разработки собственной программы атомной энергетике. В 2010 г. выпущен королевский декрет о создании Центра по развитию атомной и возобновляемой энергетике имени короля Абдаллы (KACARE), который координирует всю деятельность страны в этой сфере. В соответствии с официальными документами Королевства Сау-

довская Аравия (далее – КСА) в ближайшие 25 лет планируется создать до 16 ядерных реакторов для АЭС общей мощностью 17,6 ГВт и потратить на эту программу от 100 до 80 млрд долл. [8]. После этого между Россией и Саудовской Аравией было подписано несколько межправительственных соглашений о сотрудничестве в сфере мирного атома, которое описывает основные моменты возможного сотрудничества.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что Россия входит в пул из нескольких государств, которые потенциально могут участвовать в развитии саудовской программы по совершенствованию атомной энергетике. В частности, упоминается, что власти королевства заинтересованы в российских реакторах малой мощности [37]. Начиная с 2017 г. российская государственная корпорация по атомной энергии участвует в конкурентном диалоге по сооружению первой АЭС в Саудовской Аравии. Российские власти уверены, что Росатом примет самое активное участие в проектах КСА. Эти ожидания связаны в том числе с Петербургским международным экономическим форумом 2021 г., на котором министр энергетике Саудовской Аравии принц Абдул-Азиз ибн Салман подтвердил, что «Королевство Саудовская Аравия в сотрудничестве с Российской Федерацией стремится построить и спроектировать ядерные энергетические реакторы в Королевстве» [38].

Таким образом, даже без учета неподтвержденных проектов Россия занимает прочные и лидирующие позиции на рынке атомной энергетике Ближнего Востока. При этом деятельность «Росатома» не ограничивается строительством, а связана с длительным присутствием и обслуживанием, включая поставки топлива, подготовку специалистов, инспекцию и т. д. Все это преумножает экономический эффект, усиливает связи между государствами и укрепляет присутствие России в жизненно важном для нее регионе Ближнего Востока.

Дискуссия. Прочные текущие позиции России на рынке атомной энергетике Ближнего Востока, по мнению некоторых экспертов, не должны восприниматься как тотальное преимущество. А. Ахмад, научный сотрудник по энергетической политике Инсти-

туда государственной политики и международных отношений, указывает на то, что проект АЭС в ОАЭ был реализован на основе южнокорейской технологии APR-1400, а саудовцы рассматривают максимально возможный круг потенциальных участников их программы (Китай, США, Франция, Южная Корея) [37]. Соответственно, ближневосточные страны будут выбирать дифференцированный подход. Так, вторая АЭС в Турции будет возводиться консорциумом в составе французской компании Areva, японской Mitsubishi Heavy Industries и турецкой государственной компании «EUAS» [39]. Особо стоит отметить тот факт, что за последние несколько лет в конкуренцию на рынке атомной энергетики в регионе удалось включиться Китаю, который, например, в 2020 г. закончил строительство в Саудовской Аравии предприятия по извлечению «желтого кека» (концентрированного порошка, полученного при переработке урановой руды) [40]. В целом экспертами отмечается, что на сегодняшний день основная конкуренция за ближневосточный рынок атомной энергетики с большой долей вероятности развернется между южнокорейскими, американскими, японскими, китайскими, французскими и российскими компаниями, которые будут активно конкурировать в сфере развития мирного атома в регионе. Пока «Росатом» находится в авангарде гонки с технологией реакторов на легкой воде (ВВЭР) мощностью 1000/1200 МВт [37]. Однако другие страны предлагают иные по мощностям опции возведения АЭС, что наделяет ближневосточные государства возможностями широкого выбора подрядчиков.

Помимо этого, перспективы России в исследуемой области могут быть связаны с вопросами внешнеполитической конкуренции в регионе Ближнего Востока. Очевидно, что Москва столкнется с интенсивным сопротивлением США, которые будут всячески препятствовать укреплению позиций РФ в регионе. Среди западного научного сообщества все громче звучат предупреждения об опасности «российской атомной зависимости». Например, Г. Сокольски, исполнительный директор Образовательного центра политики нераспространения в Вашингтоне, настаивает на том, что «модель финансирования Аккую может усилить зависимость Анкары от России», по-

скольку проект полностью финансируется Москвой [33].

Таким образом, конкуренция на рынке атомной энергетики на Ближнем Востоке представляет собой комплекс технологических и экономико-политических факторов, которые предстоит учитывать Росатому в целях усиления своего присутствия в регионе. В частности, это может быть сделано через развитие уже упомянутой нами модели «строй-владей-эксплуатируй» (Build-Own-Operate). Также полагаем, что в условиях критического количества неразрешенных проблем в мировой экономике и беспрецедентных санкций в отношении России «Росатом» способен столкнуться с рядом проблем в реализации уже инициированных и будущих проектов. Однако в то же время география возводимых Госкорпорацией объектов, которые расположены в странах, открыто не выступающих против политики Москвы, а также перспективные соглашения сохраняют лидирующие позиции «Росатома» на мировом рынке. В этом контексте российская Госкорпорация после начала западной экономической агрессии лишилась контракта только на строительство АЭС «Ханхикиви-1» в Финляндии, которая максимально политизирует свои отношения с РФ.

Также одной из основных проблем, вызывающих обеспокоенность по причине создания ядерных программ на Ближнем Востоке, являются риски, связанные с проблемой распространения ядерного оружия. С развитием атомной энергетики в регионе увеличится поток материалов, пригодных для использования в военных целях, таких как обогащенный уран и плутониевое топливо. Безусловно, степень риска в вопросе распространения будет отличаться от страны к стране в зависимости от стороны, контролирующей деятельность ядерного топливного цикла, метода, с помощью которого будет осуществляться этот контроль, и качества технических и институциональных гарантий.

Наконец, много вопросов вызывает экономический аспект. Основным компонентом затрат на производство энергии с помощью атомной электростанции, независимо от ее размера, является стоимость строительства самого реактора. Высокая стоимость других компонентов, связанных с работой стан-

ции, включает в себя: загрузку реактора урановым топливом, рабочий процесс, обращение с остатками радиоактивных материалов и обеспечение бюджета для очистки площадки после окончания работ. Большая часть основных затрат расходуется до начала выработки электроэнергии. Таким образом, экономический фактор был основным препятствием для строительства новых реакторов по всему миру.

Выше атомная промышленность России была рассмотрена не только как инструмент для реализации внешнеполитических и внешнеэкономических целей, но и как эффективный механизм сотрудничества. Однако российские технологии в указанной сфере следует рассматривать также как средство достижения своих геоэкономических целей, особенно в условиях нарастающей конкуренции за сохранение и усиление ведущими мировыми акторами своих позиций в системе мирового хозяйства, что также ретранслируется и на политические реалии. Таким направлением способна стать область глобальной логистики, за которую также идет борьба, особенно после кризиса 2021 г. [18]. В связи с этим, а также, например, с анонсированным Турцией строительством канала Стамбул атомная промышленность России может сыграть важную роль в предложении альтернативных логистических маршрутов.

Открытие Северного морского пути в качестве альтернативного маршрута транспортировки грузов между Дальним Востоком и Европой представляется крайне выгодным судоходным компаниям из-за большой экономии топлива, эксплуатационных расходов, эмиссии вредных веществ и времени в пути. Всего несколько лет назад большое внимание уделялось увеличению судоходства в Арктике, особенно по так называемому Северному морскому пути вдоль северного побережья России. Этот ранее заблокированный льдом проход между Азией и Европой был готов стать привлекательным новым транспортным маршрутом, связывающим мировые рынки. В настоящее время для судоходства доступны лишь три летних месяца.

В связи с этим навигацию по указанному пути может обеспечить атомный ледокольный флот России, который оперируется «Ро-

сатомом». Его миссией под руководством «Росатомфлота» является поддержание интенсификации транзита в Арктике в качестве ключевого фактора роста и развития Русского Севера [6]. Из этого следует, что флот из 7 ледоколов используется для патрулирования Северного морского пути для разблокировки передвижения транзитных кораблей по контракту через необходимые сегменты маршрута и оказания помощи в научных экспедициях. Атомная природа флота позволяет кораблям «Росатомфлота» месяцами обеспечивать навигацию по Северному морскому пути и приносить доход государству. Добавим, что в ближайшие пятнадцать лет Россия планирует спустить на воду сразу восьми новых ледоколов [1].

Исходя из этого, развитие атомного ледокольного флота, которое планируется в среднесрочной перспективе, способно воплотить в реальность давние проекты о превращении русского севера в одну из главных транспортных артерий мира, что, безусловно, скажется на общем геополитическом положении России и станет одним из дополнительных рычагов влияния на многие государства, включая ближневосточные.

Результаты. Используя и развивая атомную энергетику, Россия в условиях сохраняющегося негативного экономического и политического фона в мире продвигает свои национальные интересы. Лидирующие позиции страны в этой отрасли позволяют строить благоприятные прогнозы относительно приложения атомной энергетики в сфере внешнеполитической деятельности.

Более того, экспортные возможности атомной энергетики могут конвертироваться в политическое влияние, поскольку государство способно оказывать поддержку дружественным странам в их стремлении развивать этот вид генерации энергии. Примером этому может служить российский опыт на Ближнем Востоке, где Россия участвует в половине реализуемых проектов по строительству АЭС (Египет, Иран, Турция) и имеет высокие шансы на получение контрактов с такими государствами, как Саудовская Аравия и Иордания.

Помимо этого, обладая самым большим и активно модернизирующимся ледокольным

флотом в мире, РФ способна реализовать давний проект по альтернативному и более короткому морскому пути в Азию через Северный Ледовитый океан. Очевидно, РФ в перспективе может составить конкуренцию традиционным морским путям, в том числе и на Ближнем Востоке.

Совокупность приведенных доводов позволяет рассматривать атомную энергетику как один из факторов конкурентного преимущества России на международной арене. Этот компонент во внешней политике России особенно важен в условиях непрекращающегося санкционного давления, которое может быть компенсировано атомной энергетикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Идите, суда: строительство ледоколов для Севморпути профинансирует бизнес. URL: <https://iz.ru/950316/dmitrii-grinkevich-aleksandr-volobuev/idite-suda-stroitelstvo-ledokolov-dlia-sevmorputi-profinansiruet-biznes>
- Лихачев рассказал о месте России на рынке зарубежного строительства АЭС // РИА Новости. 3 июля 2018 г. URL: https://ria.ru/atomtec/20180703/1523860634.html?referrer_block=index_archive_1
- Марченко А. С. Особенности международного рынка строительства АЭС // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 1. С. 29–39. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-00003
- Росатом контролирует 20 % месторождений урана в США. URL: <http://www.mineral.ru/News/53038.html>
- Росатом. Строящиеся АЭС. URL: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>
- Росатомфлот. URL: <http://www.rosatomflot.ru/index.php?menuid=25>
- Россия предоставит Египту кредит в \$25 млрд на строительство АЭС // Interfax.ru. Oct. 18, 2018. URL: <https://www.interfax.ru/business/634004>
- Сажин В. И. Ядерная программа Саудовской Аравии: прошлое, настоящее, будущее // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27228>
- Хлопков А. В., Луткова А. М. Почему так долго строилась бушерская АЭС? // Центр энергетики и безопасности. URL: <http://www.ceness-russia.org/data/doc/10-08-21-Bushehr-rus.pdf>
- Яковлев Р. М., Обухова И. А. На пути к безопасной атомной энергетике // Биосфера. 2017. Т. 9, № 2. С. 123–135. DOI: <https://doi.org/10.24855/biosfera.v9i2.354>
- Bayne N., Woolcock S. The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations. L.: Taylor and Francis, 2016. 360 p.
- Downie C. Putting Energy into Foreign Policy // The Interpreter. 2017. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/putting-energy-foreign-policy>
- Estimated Size of the Global Nuclear Energy Market in 2011 and 2030, by Segment (In Billion U.S. Dollars), 2012. URL: <https://www.statista.com/statistics/238835/estimated-size-of-the-global-nuclear-energy-market-by-segment/>
- Gregory P. Rosatom: Russia's One Bright Spot (Thanks to Hillary?) // Ricochet. 2015. 27 Apr. URL: <https://ricochet.com/248729/rosatom-russias-one-bright-spot-thanks-to-hillary/>
- Hickey S. M., Malkawi S., Khalil A. Nuclear Power in the Middle East: Financing and Geopolitics in the State Nuclear Power Programs of Turkey, Egypt, Jordan and the United Arab Emirates // Energy Research and Social Science. 2021. Vol. 74. Art. 101961. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101961>
- International Energy Agency (IEA). URL: <https://www.iea.org/>
- Kohl W. L. French Nuclear Diplomacy. Princeton: Princeton University Press, 2015. 428 p.
- Lee J. M., Wong E. Y. Suez Canal Blockage: an Analysis of Legal Impact, Risks and Liabilities to the Global Supply Chain // MATEC Web of Conferences – EDP Sciences. 2021. Vol. 339. Art. 01019. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/202133901019>
- Lynn-Jones S. M., Miller S. E., Van Evera S. Nuclear Diplomacy and Crisis Management: An International Security Reader. Cambridge: MIT Press, 1990. 347 p.
- Mallard G. Fallout: Nuclear Diplomacy in an Age of Global Fracture. Chicago: University of Chicago Press, 2014. 370 p.
- Mendenhall E. Nuclear-Weapon-Free Zones and Contemporary Arms Control // Strategic Studies Quarterly. 2020. Vol. 14, № 2. P. 122–151.
- Miralles-Wilhelm F., Hejazi M., Kim S. Y., Yonkofski C., Watson D., Kyle P., Liu Ya., Vernon Ch., Delgado A., Edmonds J., Clarke L. Water for Food and Energy Security: An Assessment of the Impacts of Water Scarcity on Agricultural Production and Electricity Generation in the Middle East and North Africa. Washington: World Bank, 2018. 63 p.
- Mueller J. Atomic Obsession: Nuclear Alarmism from Hiroshima to Al-Qaeda. Oxford: Oxford University Press, 2009. 336 p.
- Nye Jr. J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N. Y.: Public Affairs, 2004. 208 p.
- Rosatom Global Presence. URL: <http://www.rosatom.ru/en/global-presence>

26. Rublee M.R. India-Pakistan Nuclear Diplomacy: Constructivism and the Prospects for Nuclear Arms Control and Disarmament in South Asia // *Contemporary Security Policy*. 2017. № 3. P. 483–498. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2017.1312075>

27. Russia Set to Dominate New Nuclear Export by 2030, New Study Finds // *Environmental Progress*, 2017, 28 Sept. URL: <http://environmentalprogress.org/big-news/2017/9/28/russia-set-to-dominate-new-nuclear-export-by-2030-new-study-finds>

28. Russia's Nuclear Fuel Cycle // *Russian Nuclear Fuel Cycle – World Nuclear Association*, 2021. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/russia-nuclear-fuel-cycle.aspx>

29. Sechser T. S., Fuhrmann M. *Nuclear Weapons and Coercive Diplomacy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 333 p.

30. Statista. Market Share of the World's Largest Uranium Producing Companies in 2021. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/259894/market-share-of-the-worlds-largest-uranium-producers/>

31. Taha H. Egypt's Quest for a Nuclear Future // *South Africa Portal*, 2021. URL: <https://www.africaportal.org/publications/egypts-quest-nuclear-future/>

32. Tandler J. French Nuclear Diplomacy: Grand Failure? // *The Nonproliferation Review*. 2014. Vol. 24, № 2. P. 125–148.

33. Turkey's Nuclear Power Dilemma // *Al Jazeera*. 2021. 10 Mar. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/3/10/turkeys-nuclear-dilemma>

34. Van Wyk J.-A. South Africa's Nuclear Diplomacy Since the Termination of Its Nuclear Weapons Programme // *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*. 2014. Vol. 42, № 1. P. 80–101. DOI: <https://doi.org/10.5787/42-1-1082>

35. Veebel V., Markus R. Will Sanctions Against Russia be Successful: Will Russia Fall Before Ukraine? // *Journal of Security and Sustainability Issues*. 2016. Vol. 5, № 4. P. 465–480. DOI: [https://doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4\(2\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4(2))

36. Wertz D. *The US, North Korea, and Nuclear Diplomacy*. Washington: NCNK, 2018. 24 p.

37. النوية الطاقة: وتقييم تحليل [Peaceful Nuclear Energy Programs in the Middle East: Analysis and Evaluation]. URL: https://www.aub.edu.lb/ifi/Documents/programs/energy_policy_and_security/articles/gulf_year_3291_ahmad.pdf

38. مفاعلات لبناء روسى سعودى [Saudi-Russian Cooperation to Build Nuclear Power Reactors]. URL: <https://www.albayan.ae/economy/arab/2021-06-05-1.4179513>

39. صوب المأمونة والأمنة تركيافى [The Trend Towards Safe and Secure Nuclear Energy in Turkey]. URL: <https://www.iaea.org/ar/newscenter/news/ltiwjh-swb-ltq-lnwvy-lmmwn-wlamn-fy-trky>

40. الشرق الأوسط: محركات اقتصادية وأمنية [The Nuclear Energy Race in the Middle East: Economic and Security Drivers]. URL: <https://www.alminasapress.com/news1308834>

REFERENCES

1. *Idite, suda: stroitelstvo ledokolov dlya Sevmorputi profinansiruet biznes* [Go, Ships: The Construction of Icebreakers for the Northern Sea Route Will Finance Business]. URL: <https://iz.ru/950316/dmitrii-grinkevich-aleksandr-volobuev/idite-suda-stroitelstvo-ledokolov-dlia-sevmorputi-profinansiruet-biznes>

2. Likhachev rasskazal o meste Rossii na rynke zarubezhnogo stroitelstva AES [Likhachev Told About the Place of Russia in the Market of Foreign NPP Construction]. *RIA Novosti* [RIA News], Jul. 3, 2018. URL: https://ria.ru/20180703/1523860634.html?referrer_block=index_archive_1

3. Marchenko A.S. Osobnosti mezhdunarodnogo rynka stroitelstva AES [Features of International Nuclear Power Plant Construction Market]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2020, no. 1, pp. 29–39. DOI: 10.24411/2072-8042-2020-00003

4. *Rosatom kontroliruyet 20 % mestorozhdeniy urana v SShA* [Rosatom Controls 20% of Uranium Deposits in the United States]. URL: <http://www.mineral.ru/News/53038.html>

5. *Rosatom*. Stroiashchiesia AES [Nuclear Power Plants Under Construction]. URL: <https://rosatom.ru/production/design/stroyashchiesya-aes/>

6. *Rosatomflot* [Rosatomflot]. URL: <http://www.rosatomflot.ru/index.php?menuid=25>

7. Rossiia predostavit Egiptu kredit v \$25 mlrd na stroitelstvo AES [Russia to Provide Egypt with a \$ 25 Billion Loan for the Construction of a Nuclear Power Plant]. *Interfax.ru*. Oct. 18, 2018. URL: <https://www.interfax.ru/business/634004>

8. Sazhin V.I. Iadernaia programma Saudovskoi Aravii: proshloe, nastoiashchee, budushchee [Saudi Arabia's Nuclear Program: Past, Present, Future]. *Mezhdunarodnaya zhizn* [International Affairs]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/27228>

9. Khlopkov A.V., Lutkova A.M. Pochemu tak dolgo stroilas busherskaya AES? [Why Was the Bucher Nuclear Power Plant Construction so Long?]. *Tsentr energetiki i bezopasnosti* [Center for Energy and Security]. URL: <http://www.ceness-russia.org/data/doc/10-08-21-Bushehr-rus.pdf>

10. Jakovlev R.M., Obuhova I.A. Na puti k bezopasnoj atomnoj energetike [Towards Safe Nuclear Energy]. *Biosfera*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 123-135. DOI: <https://doi.org/10.24855/biosfera.v9i2.354>
11. Bayne N., Woolcock S. *The New Economic Diplomacy: Decision-Making and Negotiation in International Economic Relations*. London, Taylor and Francis, 2016. 360 p.
12. Downie C. Putting Energy into Foreign Policy. *The Interpreter*, 2017. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/putting-energy-foreign-policy>
13. *Estimated Size of the Global Nuclear Energy Market in 2011 and 2030, by Segment (In Billion U.S. Dollars)*, 2012. URL: <https://www.statista.com/statistics/238835/estimated-size-of-the-global-nuclear-energy-market-by-segment/>
14. Gregory P. Rosatom: Russia's One Bright Spot (Thanks to Hillary?). *Ricochet*, Apr. 27, 2015. URL: <https://ricochet.com/248729/rosatom-russias-one-bright-spot-thanks-to-hillary/>
15. Hickey S.M., Malkawi S., Khalil A. Nuclear Power in the Middle East: Financing and Geopolitics in the State Nuclear Power Programs of Turkey, Egypt, Jordan and the United Arab Emirates. *Energy Research and Social Science*, 2021, vol. 74, art. 101961. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.101961>
16. *International Energy Agency (IEA)*. URL: <https://www.iea.org/>
17. Kohl W.L. *French Nuclear Diplomacy*. Princeton, Princeton University Press, 2015. 428 p.
18. Lee J.M., Wong E.Y. Suez Canal Blockage: An Analysis of Legal Impact, Risks and Liabilities to the Global Supply Chain. *MATEC Web of Conferences*, 2021, vol. 339, art. 01019. DOI: <https://doi.org/10.1051/mateconf/202133901019>
19. Lynn-Jones S.M., Miller S.E., Van Evera S. *Nuclear Diplomacy and Crisis Management: An International Security Reader*. Cambridge, MIT Press, 1990. 347 p.
20. Mallard G. *Fallout: Nuclear Diplomacy in an Age of Global Fracture*. Chicago, University of Chicago Press, 2014. 370 p.
21. Mendenhall E. Nuclear-Weapon-Free Zones and Contemporary Arms Control. *Strategic Studies Quarterly*, 2020, vol. 14, no. 2, pp. 122-151.
22. Miralles-Wilhelm F., Hejazi M., Kim S.Y., Yonkofski C., Watson D., Kyle P., Liu Ya., Vernon Ch., Delgado A., Edmonds J., Clarke L. *Water for Food and Energy Security: An Assessment of the Impacts of Water Scarcity on Agricultural Production and Electricity Generation in the Middle East and North Africa*. Washington, World Bank, 2018. 63 p.
23. Mueller J. *Atomic Obsession: Nuclear Alarmism from Hiroshima to Al-Qaeda*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 336 p.
24. Nye Jr. J.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York, Public Affairs, 2004. 208 p.
25. *Rosatom Global Presence*. URL: <http://www.rosatom.ru/en/global-presence/>
26. Rublee M. India-Pakistan Nuclear Diplomacy: Constructivism and the Prospects for Nuclear Arms Control and Disarmament in South Asia. *Contemporary Security Policy*, 2017, no. 3, pp. 483-498. DOI: <https://doi.org/10.1080/13523260.2017.1312075>
27. Russia Set to Dominate New Nuclear Export by 2030, New Study Finds – Environmental Progress. *Environmental Progress*, 2017, Sept. 28. URL: <http://environmentalprogress.org/big-news/2017/9/28/russia-set-to-dominate-new-nuclear-export-by-2030-new-study-finds>
28. Russia's Nuclear Fuel Cycle. *Russian Nuclear Fuel Cycle – World Nuclear Association*, 2021. URL: <https://world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-o-s/russia-nuclear-fuel-cycle.aspx>
29. Sechser T.S., Fuhrmann M. *Nuclear Weapons and Coercive Diplomacy*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017. 333 p.
30. *Statista. Market Share of the World's Largest Uranium Producing Companies in 2021*. 2022. URL: <https://www.statista.com/statistics/259894/market-share-of-the-worlds-largest-uranium-producers/>
31. Taha H. Egypt's Quest for a Nuclear Future. *South Africa Portal*, 2021. URL: <https://www.africaportal.org/publications/egypts-quest-nuclear-future/>
32. Tandler J. French Nuclear Diplomacy: Grand Failure? *The Nonproliferation Review*, 2014, vol. 21, iss. 2, pp. 125-148.
33. Turkey's Nuclear Power Dilemma. *Al Jazeera*, Mar. 10, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/3/10/turkeys-nuclear-dilemma>
34. Van Wyk J.-A. South Africa's Nuclear Diplomacy Since the Termination of Its Nuclear Weapons Programme. *Scientia Militaria: South African Journal of Military Studies*, 2014, vol. 42, no. 1, pp. 80-101. DOI: <https://doi.org/10.5787/42-1-1082>
35. Veebel V., Markus R. Will Sanctions Against Russia Be Successful: Will Russia Fall Before Ukraine? *Journal of Security and Sustainability Issues*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 465-480. DOI: [https://doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4\(2\)](https://doi.org/10.9770/jssi.2016.5.4(2))
36. Wertz D. *The US, North Korea, and Nuclear Diplomacy*. Washington, NCNK, 2018. 24 p.
37. *Barāmij al-īqah al-nawawīyah al-silmīyah fi al-Sharq al-Awsat: taḥlīl wa-taqyīm* [Peaceful Nuclear Energy Programs in the Middle East: Analysis and Evaluation]. URL: <https://www.aub.edu.lb/ifi/>

Documents/programs/energy_policy_and_security/articles/gulf_year_3291_ahmad.pdf

38. *Ta 'āwun Sa 'ūdī Rūsī li-binā' mfā 'lāt lil-Ṭāqah al-nawawīyah* [Saudi-Russian Cooperation to Build Nuclear Power Reactors]. URL: <https://www.albayan.ae/economy/arab/2021-06-05-1.4179513>

39. *Alātīijāh Ṣawb al-ṭāqah al-nawawīyah alm 'mwnh wāl 'āmnh fī Turkiyā* [The Trend Towards

Safe and Secure Nuclear Energy in Turkey]. URL: <https://www.iaea.org/ar/newscenter/news/ltiwjh-swb-ltq-lnwvy-lmmwn-wlamn-fy-trky>

40. *Sibāq al-ṭāqah al-nawawīyah fī al-Sharq al-Awsaṭ : mħrkāt iqtisādīyah wa-amnīyah* [The Nuclear Energy Race in the Middle East: Economic and Security Drivers]. URL: <https://www.alminasapress.com/news1308834>

Information About the Authors

Denis A. Mirgorod, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor, Department of International Relations, Politology and World Economy, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russian Federation, dennismirgorod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0814-918X>

Elena F. Parubochaya, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Director of the Center of Public Diplomacy, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

Информация об авторах

Денис Александрович Миргород, кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Российская Федерация, dennismirgorod@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0814-918X>

Елена Федоровна Парубочая, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, директор Центра общественной дипломатии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, parubochaya@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2115-6595>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.19>

UDC 327.821
LBC 66.49

Submitted: 25.03.2022
Accepted: 15.10.2022

CONFUCIUS INSTITUTES AS A TOOL OF “SOFT POWER” IN CHINA’S CULTURAL DIPLOMACY IN KYRGYZSTAN¹

Jamyikat O. Omurova

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Yulia A. Lysenko

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

Akylbek M. Kylychev

Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Abstract. *Introduction.* This article discusses the cultural diplomacy of China on the example of the activities of the Confucius Institutes as tools of “soft power” in the field of spreading the Chinese language and culture in Kyrgyzstan. The prerequisites for the formation of linguistic and cultural diplomacy as a foreign policy instrument of the PRC in the Kyrgyz Republic, as well as the main forms and activities of the Confucius institutes for the dissemination and support of the Chinese language and culture in Kyrgyzstan are analyzed. *Methods and Materials.* In the course of the study, aspects of the formation and development of the language policy program of the PRC in Kyrgyzstan and other Central Asian countries were substantiated by the method of analysis. The work used a systematic approach to form a holistic view of the activities of the Confucius institutes and the policy of promoting the Chinese language and culture in Kyrgyzstan as a tool of “soft power.” For the analysis of Chinese “soft power”, the key materials were the works of Russian, Chinese and foreign scientists. *Analysis.* As a result of the problem analysis, the legal and institutional frameworks for the activities of the Confucius Institutes, as well as the cultural diplomacy of the PRC to popularize the Chinese language and culture in Kyrgyzstan, were studied. The main directions and results of the “soft power” policy in the field of popularization of the Chinese language and culture in the Kyrgyz Republic and their role in shaping a positive image of China in Kyrgyzstan were also identified. *Results.* The study showed that in recent years, in the countries of Central Asia, including Kyrgyzstan, thanks to the active work of the Confucius Institutes and the cultural and diplomatic policy of the PRC, it was possible to spread learning of the Chinese language and culture. Today, for most of the youth of the countries of Central Asia and Kyrgyzstan, learning the Chinese language seems promising. This is explained by the fact that factors such as close geographical location, open borders and a developed transport system, etc. help to quickly master the Chinese language. It should also be taken into account that, through the system of Confucian institutes, the Chinese side seeks to train personnel who share precisely the Chinese assessment of the situation in the region and in Kyrgyzstan, which does not always coincide with our political and economic interests. Overall, we can conclude that the active promotion of Confucian institutes in Kyrgyzstan is explained, first of all, by the priorities of the Chinese side to expand its presence in the region in the scientific, educational, information and cultural spheres. *Authors' contribution.* J.O. Omurova developed the general concept of the article, prepared the sections “Introduction”, “Method” and “Analysis” and a draft article for publication; Yu.A. Lysenko and A.M. Kylychev wrote the “Result” section, did scientific editing of the text, translated the article into English, and contributed significantly to the overall conclusion of the article.

Key words: Kyrgyzstan, China, Chinese language, cultural diplomacy, Confucius Institute, soft power, Confucius classes, Confucius Centers.

Citation. Omurova J.O., Lysenko Yu.A., Kylychev A.M. Confucius Institutes as a Tool of “Soft Power” in China’s Cultural Diplomacy in Kyrgyzstan. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 226-239. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.19>

ИНСТИТУТЫ КОНФУЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ¹

Жамыйкат Орозбековна Омурова

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Юлия Александровна Лысенко

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Акылбек Мукаевич Кылычев

Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается культурная дипломатия Китая на примере деятельности институтов Конфуция как инструментов «мягкой силы» в области распространения китайского языка и культуры в Кыргызстане. Анализируются предпосылки становления языковой и культурной дипломатии в качестве внешнеполитического инструмента КНР в Кыргызской Республике, а также основные формы и направления деятельности институтов Конфуция по распространению и поддержке китайского языка и культуры в Кыргызстане. *Методы и материалы.* В качестве методов исследования был использован метод анализа при обосновании аспектов формирования и развития программы лингвистической политики КНР в Кыргызстане и других странах Центральной Азии. В работе были использованы системный подход для формирования целостного представления о деятельности институтов Конфуция и политике продвижения китайского языка и культуры в Кыргызстане как инструменте «мягкой силы». Для анализа китайской «мягкой силы» ключевыми материалами стали работы российских, китайских и зарубежных ученых. *Анализ.* В результате анализа проблемы была изучена нормативно-правовая база и институциональные основы деятельности институтов Конфуция, а также культурная дипломатия КНР по популяризации китайского языка и культуры в Кыргызстане. Также были определены основные направления и результаты политики «мягкой силы» в области популяризации китайского языка и культуры в Кыргызской Республике и их роль в формировании положительного имиджа Китая в Кыргызстане. *Результаты.* Исследование показало, что в последние годы в странах Центральной Азии, в том числе в Кыргызстане, благодаря активной деятельности институтов Конфуция и культурно-дипломатической политике КНР удалось распространить изучение китайского языка и культуры. Сегодня для большей части молодежи стран Центральной Азии и Кыргызстана перспективным представляется изучение китайского языка. Это объясняется такими факторами, как близкое географическое расположение, открытые границы, развитая транспортная система и др., которые помогают быстрее овладевать китайским языком. Следует также учитывать, что через систему конфуцианских институтов китайская сторона стремится готовить кадры, разделяющие именно китайскую оценку ситуации в Центрально-Азиатском регионе и в Кыргызстане, что не всегда совпадает с кыргызскими политическими и экономическими интересами. В целом можно заключить, что активное продвижение конфуцианских институтов в Кыргызстане объясняется прежде всего приоритетами китайской стороны по расширению своего присутствия в регионе в научно-образовательной, информационной и культурной сферах. *Вклад авторов.* Ж.О. Омурова разработала общую концепцию статьи, подготовила разделы «Введение», «Методы и материалы» и «Анализ», подготовила статью к публикации, Ю.А. Лысенко и А.М. Кылычев подготовили раздел «Результаты», произвели научное редактирование текста и внесли значительный вклад в написание общего вывода статьи.

Ключевые слова: Кыргызстан, Китай, китайский язык, культурная дипломатия, Институт Конфуция, «мягкая сила», классы Конфуция, центры Конфуция.

Цитирование. Омурова Ж. О., Лысенко Ю. А., Кылычев А. М. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» в культурной дипломатии Китая в Кыргызстане // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 226–239. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.19>

Введение. Кыргызская Республика (КР), исторически расположенная на территории Великого Шелкового пути, была открыта для коммуникации большому количеству стран. Кыргызстан сохранил себя как многоязычный и поликонфессиональный край, в котором проживают люди более чем из 100 дружественных наций, ценящие культуру других стран. Основой для общения является кыргызский язык, являющийся символом суверенности и устойчивости страны.

В нынешних реалиях язык становится многофункциональным средством общения, который помимо коммуникации позволяет осуществлять взаимодействие в социокультурном, экономическом и научном аспектах.

Ошибочно считать, что популяризация китайского языка связана с торгово-экономической силой КНР. Государственная канцелярия значится основным органом продвижения китайского языка за границей. КНР активно развивает программы студенческой мобильности, выделяя соответствующие финансовые средства через институты Конфуция и другие образовательные проекты. При этом учащимся оплачивают обучение и выделяют стипендию на сумму 200–300 долларов США с учетом сферы обучения. Как отмечают специалисты, в настоящее время затраты Китая на мероприятия, связанные с развитием студенческой мобильности, составляет около 100 млн долларов в год. Помимо этого, Китай выделяет около 25 млн долларов в год для продвижения программы «Изучая китайский в качестве иностранного» [1, с. 16, 91].

Деятельность институтов Конфуция, активность государства по распространению китайского языка и соответствующий уровень культуры способствовали тому, что к настоящему моменту китайский язык включен в систему национального образования более чем в 40 странах мира [23]. Институты Конфуция создаются на базе крупнейших и наиболее авторитетных вузов стран, что позволяет привлечь в них наиболее одаренных студентов, которые в будущем должны составить элиту обществ этих государств, относящуюся к Китаю с уважением и любовью. Кроме того, благодаря деятельности институтов Конфуция наблюдается положительный эффект от интернационализации китайских вузов, сотрудничающих с за-

рубежными университетами. Сегодня на территории Центральной Азии (ЦА) действуют более 12 институтов Конфуция. Например, только Кыргызстану Китай каждый год по различным каналам предоставляет в среднем 300 квот стипендиатам [8]. В нынешнее время около 5 000 кыргызских стипендиатов учатся в институтах Китая. В четырех институтах Конфуция в Кыргызстане изучают китайский язык более 4 000 кыргызских студентов [22].

В структуре институтов Конфуция сочетается четкая иерархия в управлении и сетевой подход, позволяющий, с одной стороны, обеспечить подконтрольность процессов деятельности, а с другой – охватить максимальное количество лиц. Кроме этого, гибкость в использовании правовой формы также позволяет обеспечить открытие институтов Конфуция практически в любых государствах мира [20].

Сегодня влияние КНР распространяется через языковые курсы и экономику, а также в информационном пространстве. Например, по государственным телеканалам Кыргызстана (КТРК и ЭлТР) регулярно транслируют передачи о Китае. В 2017 г. национальное информационное агентство Кыргызстана «Кабар» при финансовой поддержке посольства Китая запустило специальную новостную сеть для государственного информационного агентства Китая «Синьхуа». В программе «Путешествие в Китай» («Жунго сапар») на канале «ЭлТР» рассказывается о развитии экономики и особенностях культуры Китая [2; 27]. На кыргызском языке по радио выходили передачи о произведениях китайской письменности, а рассказы китайских писателей, предназначенные для детей, постепенно появлялись в книжном магазине «Нуска».

Методы и материалы. В качестве методов исследования был использован метод анализа, позволяющий осуществить обзор лингвистического влияния КНР, которое распространяется через языковые курсы и экономику, а также в информационном пространстве. Использование метода анализа позволило также сопоставить основные особенности деятельности культурной дипломатии и реализации «мягкой силы» через институты Конфуция и установить, что средства реализации культурной дипломатии и «мягкой

силы» проявляются в основном среди молодежи в ЦА и Кыргызстане.

В работе используется системный подход в целях формирования целостного представления о политике распространения китайского языка и культуры в Кыргызстане как инструмента «мягкой силы». Для выявления формальных и неформальных действий институтов Конфуция в области популяризации китайского языка и культуры в КР применялись институциональный и неинституциональный подходы. Материалы основаны на анализе периодических изданий, а также статей и аналитических материалов исследователей, как отечественных, так и зарубежных, занимающихся данной проблемой.

Анализ. Из числа многих концептуальных инициатив и инновационного внешнеполитического нарратива, вошедших в активное использование во время правления Си Цзиньпина, «международная дискурсивная сила» была выделена особо, так же как и инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП). Данная терминология имеет характеристику зонты, которая подразумевает разнообразные практики, механизмы и инструменты. Китайская внешняя политика обрамляется новыми качествами, меняя картину мира такими понятиями, как «Сообщество единой судьбы человечества» или «Международные взаимоотношения нового типа», а также «Международная дискурсивная сила». Все это показывает широкую и глубокую вовлеченность КНР в процессы, которые происходят в мире. И это становится существенным отличием идеологии современного Китая от периода правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао [9, с. 42] и их приверженности реформам открытости.

Аналитики, политологи, международные эксперты и исследователи активно обсуждали значение методов «мягкой силы» КНР в мире [19; 28]. Данная тематика была обозначена западными исследователями как часто встречающаяся в политических дискурсах современного Китая. Новое видение картины мира Китая фокусируется на расширении границы влияния – из региональности происходит переход на укрепление позиций в международной системе отношений, которая предполагает активное формирование, а не простое реагирование на происходящее [33].

Русский исследователь Д.М. Ковба считает, что главное отличие китайской интерпретации «мягкой силы» заключается в ее культуроцентрическом понимании, «в отличие от продвижения привлекательной политической идеологии и политических ценностей» [16]. Основное содержание китайской «мягкой силы» – это культурное и гуманитарное партнерство без ярко выраженной идеологической окраски, когда идет попытка создать свой положительный имидж, посредством декларации принципов невмешательства во внутренние дела других стран. Исследователь из Китая Ян Вэньцзин указал, что «мягкая сила» подобна второму лицу государства, она имеет влияние на решения других стран. Когда культура страны охватывает общечеловеческие ценности, а политическая воля направлена на продвижение ценностей интересов других государств, тогда шансы на достижение желаемых результатов возрастают [36]. Р. Янг отмечает тот факт, что «Китай сознательно способствует международному обмену и сотрудничеству в сфере образования. Используя “мягкую силу”, Китай действительно расширил свое глобальное влияние. Преимущество Китая в том, что они применяют эффективную стратегию сочетания высшего профессионального образования в связи с конфуцианством» [35, с. 24].

Отмечая важность конфуцианства в китайской модели «мягкой силы», надо сказать, что Лю Юньшань, глава отдела по связям с общественностью ЦК КПК, заявил в своей статье, что идеология «мягкой силы» КНР должна опираться на два элемента: основные ценности социализма и ценности конфуцианства [34], чем богата традиционная китайская культура.

Таким образом, если обратить внимание на трактовку зарубежных исследователей начала XXI в., концепция «мягкой силы» активно включается в инструментарий внешней политики Китая. Ключевыми инструментами осуществления политики «мягкой силы» в современном Китае считаются многочисленные методы воздействия, такие как популяризация языка, национальное, образовательное, научное и культурное воздействие.

Основные стратегические направления лингвистической дипломатии Китая по отношению к Кыргызстану и ЦА:

– развитие системы образования в соответствии со стандартами международных требований;

– осуществление образовательных программ в консорциуме;

– оказание помощи при реализации кадровой подготовки на всех уровнях профессиональной подготовки;

– открытие образовательных и других международных организаций;

– создание и поддержка учебных заведений, осуществляющих лингвистическую подготовку;

– оснащение образовательных учреждений в странах ЦА мультимедийным оборудованием;

– развитие академической мобильности профессорско-преподавательского состава и студентов в странах ЦА и в Кыргызстане, предоставление образовательных грантов и проведение стажировок иностранных студентов в центральных университетах КНР.

Языковая и культурная деятельность Китая в ЦА, по мнению Дж. Ная, стала «мягкой силой», играющей основное значение в геополитических взаимоотношениях, косвенно влияющей на мировую политику [28].

Цели китайской культурной дипломатии:

– создание положительного представления о китайском народе, его культуре и политике;

– активизация развития сотрудничества в области науки и образования, культуры, медицины и пр. между странами-партнерами;

– предотвращение и смягчение последствий негативного опыта с соседствующими странами.

Всемирная сеть институтов Конфуция берет свое начало с 1987 г., с момента создания Совета по международному распространению китайского языка. Данный Совет состоял из двенадцати министерских и ведомственных руководителей, и постоянно действующей рабочей ячейкой стала канцелярия [29; 31].

В 2004 г. в КНР в целях усиления воздействия китайского языка и его пропаганды принимается решение создать некоммерческий образовательный Институт Конфуция [6]. Целью данного Института стало стремление удовлетворить потребности иностранных студентов в изучении китайского языка, а также

имплементация влияния китайской культуры, усиление партнерских связей в области культурного обмена и развития дружеских коммуникаций между Китаем и странами-партнерами, помощь в содействии многокультурному развитию Китая и построению концепции «гармоничного мира» [20, с. 39].

Активные культурные взаимоотношения между Китаем и Кыргызстаном в последние годы отражаются в усилении доверительных и политических взаимоотношений в русле китайской инициативы «гармоничного мира». Между странами создана прочная существенная правовая база, являющаяся межгосударственным механизмом культурного сотрудничества для дальнейшего прогресса культуры, имеющей многовековую историю.

За последние десятилетия Институтом было сделано многое в продвижении традиционной китайской концепции «гармоничного мира» за рубежом. Продукт китайской культуры, а также образовательное заведение – так можно охарактеризовать Институт Конфуция как типичный символ традиционной культуры КНР. Согласно опубликованной статистике 2016 г., в 134 странах-партнерах насчитывается 500 институтов и 1 000 классов Конфуция. Географически 110 институтов функционируют в 3 государствах Океании, 32 – в государствах Азии, еще 32 – в государствах Африки, в европейских странах 40 и 18 в Америке [20, с. 39]. В 2019 г. насчитывалось 550 институтов и 1 172 школы, а также классы Конфуция в 162 странах и регионах мира [7]. Как вы уже видите, если в 2016 г. институты Конфуция были открыты в 134 странах, а в 2019 г. в 162 государствах, сама фактическая статистика говорит о их ежегодном увеличении в ЦА и мире.

Геополитическая близость КНР и ЦА во многом способствовала китайскому культурному распространению в Центрально-Азиатском регионе. На данный момент существует пять институтов Конфуция в Республике Казахстан, четыре в Кыргызстане, два в Республике Узбекистан, и два в Таджикистане [20, с. 39]. Кроме того, в странах ЦА эту деятельность проводят классы и центры Конфуция [25]. При этом количество студентов, изучающих китайский язык в государственных вузах, с каждым годом увеличивается.

Например, в Бишкекском государственном университете (БГУ) в 2006 г. китайский язык изучали 400 обучающихся, а в 2017 г. их стало больше – 700 студентов [10]. 1 сентября 2017 г. в Бишкеке состоялось открытие первой построенной КНР кыргызско-китайской школы, рассчитанной на 1 000 учащихся [6]. На 2021 г. в Кыргызстане действуют 4 института и 21 класс Конфуция, наполняемость которых – 10 000 обучающихся.

Решением о создании Института Конфуция можно считать договоренность лидеров КР и КНР в 2007 г. на саммите Шанхайской организации сотрудничества [24]. Официальная церемония подписания Соглашения по созданию Института Конфуция состоялась 27 октября 2007 г., где две страны-партнера выразили готовность дальше развиваться и углублять сотрудничество двух стран в научно-технической, гуманитарной и других областях, а также укреплять дружбу и добрососедские отношения [30].

В 2007 г. министерствами образования и науки двух стран подписано соглашение с целью создания Института Конфуция в КР, а в 2008 г. при БГУ им. К. Карасаева (табл. 1) прошло торжественное открытие Института Конфуция. Результатом данной кооперации стало создание и дальнейшее расширение данного института. К примеру, при Институте Конфуция созданы классы и центры по изучению китайского языка, 2 из которых были созданы в рамках организационных структур БГУ, таких как кыргызско-китайский факуль-

тет и институт непрерывного и дистанционного обучения. Помимо этого по Республике на данный момент в рамках кооперации были учреждены девять классов и 11 центров по изучению китайского языка. Они расположены в школах и вузах Кыргызстана.

Общее количество обучающихся в Институте Конфуция при БГУ свыше 30 000 человек, среди которых есть магистранты и студенты, прошедшие языковое обучение в КНР [10].

Таким образом, можем сказать, что соглашения на уровне двух стран-партнеров способствуют процессам сохранения и укрепления лингвистических знаний обучающимися. Данные процессы позволяют расширяться и включать в себя новые школы и кабинеты по изучению китайского языка, заниматься переподготовкой и повышением квалификации профессорско-преподавательского состава и учителей школ, а также проводить ознакомительные туры в КНР.

В Кыргызском национальном университете (КНУ) имени Ж. Баласагына, как уже было сказано, в 2009 г. открылся Институт Конфуция. В данное время в КНУ им. Ж. Баласагына (см. табл. 2) имеется 6 кабинетов Конфуция, 11 центров изучения китайского языка, располагающихся в КР на территории трех областей. В 2019/2020 учебном году насчитывалось 244 группы по изучению китайского языка, в которых обучается 5 687 человек. В штате 31 человек, из которых 15 высококвалифицированных преподавателей, 12 пре-

Таблица 1. Центры и классы изучения китайского языка при БГУ им. Карасаева
Table 1. Centers and classes for the study of Chinese at the Bishkek State University named after K. Karasaev

Центры и классы изучения китайского языка при БГУ им. Карасаева	
В вузах Кыргызстана	В среднеобразовательных учреждениях Кыргызстана
– Дипломатическая академия им. Дикамбаева в Бишкеке;	– средняя школа № 28, г. Бишкек;
– Кыргызская государственная юридическая академия в Бишкеке;	– учебно-воспитательный комплекс школы-гимназии № 62, г. Бишкек;
– Кыргызский технический университет им. И. Раззакова в Бишкеке;	– учебно-воспитательный комплекс школы-гимназии № 66, г. Бишкек;
– Международный университет Кыргызстана в Бишкеке;	– средняя школа им. С. Кирова в Ыссык-Кульской области [10];
– Кыргызско-Турецкий университет «Манас» в Бишкеке;	– средняя школа № 60, г. Бишкек;
– Кыргызский экономический университет в Бишкеке;	– средняя школа № 72, г. Бишкек;
– Главное управление по борьбе с независимым оборотом наркотиков;	– средняя школа № 84, г. Бишкек;
– Джалал-Абадский государственный университет;	– средняя школа им. А. Осмонова Базар-Коргонского района в Джалал-Абадской области;
– Джалал-Абадский университет экономики и управления;	– средняя школа № 71 Сузакского района в Джалал-Абадской области
– Ошский государственный технологический университет	

подавателей-добровольцев, 4 преподавателя из числа граждан КР. Институт располагает современным учебным оборудованием, лингафонным кабинетом, мультимедийным залом, конференц-залом, библиотекой. Аппаратное и программное обеспечение позволяет преподавать китайский язык на всех этапах. В кабинетах и центрах института на данный момент насчитывается около 70 кыргызских преподавателей китайского языка, хотя вначале их было 3–4. В головном офисе института и учебных центрах открыты кружки по 12 направлениям, таким как гучжэн, боевое искусство, коллиграфия и др., в которых задействовано более 400 обучающихся. В различных культурно-массовых мероприятиях приняли участие 8 000 слушателей [11].

Как видим, с 2009 г. при инициативном участии Синьцзянского педагогического университета и штаб-квартиры Института Конфуция открыты центры и кабинеты практически во всех учебных заведениях КР. Ежегодно более 20 вузов и 20 средних учебных заведений из 5 областей городов Кыргызстана активно участвуют в различных мероприятиях, чтобы продемонстрировать знания китайского языка.

Результатом соглашения между Государственным управлением по развитию китайского языка и культуры и Ошским государственным университетом (ОшГУ) в 2013 г. стало создание Института Конфуция при ОшГУ [18].

Вышеуказанные договоренности явились основой принятия решения 20 февраля 2013 г. ученым советом ОшГУ учредить Институт

Конфуция в этом вузе, а также провести процедуры по утверждению его устава. Это стало правовой базой для реорганизации Института Конфуция в кыргызско-китайский факультет в 2016 году. Помимо озвученных мероприятий в 2017 г. состоялось подписание договоров открытия 3 классов Конфуция на базе таких образовательных учреждений, как: Ошский технологический университет, Ошский гуманитарный педагогический институт (ОшГПИ) и лицей «Билим» [26].

В декабре 2016 г. на основании Декларации об укреплении стратегического сотрудничества между двумя странами, Ханьбанского соглашения между Синьцзян и Джалал-Абадским государственным университетом (ЖАГУ) был открыт Институт Конфуция [4]. Китайские педагоги и волонтеры обучают слушателей и проводят мониторинг и оценку уровня знаний. Студенты курсов, изучая китайский язык, приобщаются к культурному наследию, обычаям, музыке, искусству и всему, что является китайской картиной мира.

Начиная с 2017 г. идет активное вложение материальных средств в улучшение инфраструктуры вуза. Все учебные помещения оснащены современным оборудованием и технической базой. Кроме материального оснащения КНР присылают преподавателей и волонтеров для интерактивного и качественного преподавания китайского языка [5]. В Институте Конфуция при ЖАГУ организуются занятия для изучения китайского языка. В районах Кок-Жангак, Джалал-Абад, Базар-Коргон, Сузак в 11 населенных пунктах функциониру-

Таблица 2. Центры и классы изучения китайского языка при КНУ им. Ж. Баласагына
Table 2. Centers and classes for the study of Chinese at the Kyrgyz National University named after J. Balasagyn

Центры и классы изучения китайского языка при КНУ им. Ж. Баласагына	
В вузах Кыргызстана	В среднеобразовательных школах Кыргызстана
– Нарынский государственный университет им. С. Нааматова;	– средняя общеобразовательная школа № 2 Ленинского района, г. Бишкек;
– Ыссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова [17];	– школа-гимназия № 31, г. Бишкек [3];
– кыргызско-китайский факультет КНУ;	– школа-гимназия № 69, г. Бишкек;
– экономический факультет КНУ им. Ж. Баласагына;	– школа-гимназия № 5, г. Токмок;
– факультет международных отношений и востоковедения КНУ им. Ж. Баласагына;	– школа-гимназия № 68 им. А. Осмонова, г. Бишкек;
– факультет переподготовки и КПК КНУ им. Ж. Баласагына;	– школа-гимназия № 2, г. Нарын;
– Международный университет Ала-Тоо;	– школа-гимназия № 1 им. В.И. Ленина, г. Каракол;
– Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина [21]	– школа-гимназия № 11 им. Горького, г. Каракол;
	– средняя общеобразовательная школа № 3, г. Каракол [17]

ют учебные центры по изучению китайского языка [11].

Вышеперечисленная информация констатирует факт, что в 2007–2017 гг. благодаря активным усилиям лидеров двух стран деятельность институтов Конфуция в КР существенно расширилась.

Ежегодно ведется работа по отбору студентов, которые могут претендовать на стипендию в соответствии с требованиями Ханьбань [32]. На 2019 г. число обучившихся по стипендиальной программе достигло порядка 453 человек [8]. Существуют следующие виды стипендий: стипендии Института Конфуция, государственные стипендии, государственные стипендии СУАР, стипендии Синьцзянского педагогического университета и пр. Студенты, рекомендованные Институтом Конфуция при КНУ им. Ж. Баласагына, учатся в таких университетах, как Центральный университет национальностей, Пекинский университет языка и культуры, Восточно-Китайский педагогический университет, Университет Тунцзи, и еще 21 лучшим университете КНР [14].

В условиях тенденции «мягкой силы», инициированной штаб-квартирой Ханьбанских институтов Конфуция, активизируется деятельность институтов в КР. Активизация деятельности определяется стипендиальными программами, различными кружками, грантовым образованием, а также обучением в ведущих университетах КНР. Эти и другие программы открывают большие возможности в дальнейшем развитии академической мобильности профессорско-преподавательского состава и обучающихся и привлечении высокопрофессиональных педагогов.

Институт Конфуция при КНУ им Ж. Баласагына использует два метода преподавания, когда готовятся кадры у нас и направляются на обучение в КНР. Институт, собрав качественные учебные материалы, организовал курсы повышения квалификации (КПК) для учителей китайского языка. Институтом в 2019 г. были организованы КПК для 446 кыргызских учителей, свыше 279 учителей выехали на обучение в Китай по разным программам. В дополнение к классам и центрам в Институте Конфуция при КНУ с 2011 г. были созданы краткосрочные курсы китайского

языка. Институт организует также курсы подготовки к экзамену HSK [12].

В русле кооперации организуется проект «Циклы лекций выдающихся ученых Института Конфуция», международный конкурс «Chinese Language Bridge», определяющий уровень познания китайского языка, День китайской культуры в музее, «Ночь в библиотеке», День Института Конфуция и подобные большие мероприятия, на которые приглашаются общественно-политические деятели КР, обучающиеся и жители [15].

«Chinese Language Bridge», или «Мост китайского языка» – международный конкурс, который проводится ежегодно с 2008 года. В нем участвуют студенты и школьники, цель – определить уровень познания китайского языка. Данный конкурс включает в себя: международный конкурс по китайскому языку среди студентов университетов, международный конкурс по китайскому языку среди школьников и конкурс в КНР среди иностранцев, изучающих китайский язык. Лучшие участники получают рекомендации посольства КНР к участию в конкурсе в Китае [12].

День Института Конфуция. 27 сентября 2014 г. в Пекине прошел первый День Института Конфуция, посвященный дню его основания. В этот же день 1 200 институтов, классов и центров Конфуция по всему миру одновременно организуют различные мероприятия по китайскому языку и культуре. С 2015 г. День Института Конфуция проводится каждый год в КР.

«Ночь в библиотеке». Каждый май в Национальной библиотеке КР проходят дни открытых дверей и «Ночь в библиотеке». На это мероприятие приглашаются посольства разных стран, ведомства культуры и образования, которые организуют там различные культурные мероприятия. Это событие представляет собой встречу, отображающую разнообразие культур в их красках и очаровании [13].

Институт Конфуция каждый год проводит программу «Визит сотрудников учебных заведений Китая». В этом мероприятии принимают участие представители от Министерства образования, образовательных структур, директора школ Кыргызстана. Начиная с 2012 г. кыргызские слушатели и преподаватели, а их более 100 человек, имели возможность

посетить СУАР, Пекин, Шанхай, Гуанчжоу, Сиань и т. д. [12]. С 2013 г. реализуется проект «Циклы лекций выдающихся ученых Института Конфуция», для участия в котором приглашаются кыргызские педагоги, деятели культуры, известные ученые и эксперты международного класса, ученые, специалисты ведущих университетов стран-партнеров. На данный момент около 20 спикеров прочитали свои лекции [12].

В период летнего лагеря, в течение от 2 до 4 недель, та сторона, которая принимает слушателей, организует интенсивные курсы по овладению китайским языком, а также культурные мероприятия. На летних каникулах уже участвовали свыше 620 студентов и школьников [13].

Каждый год в марте Институт Конфуция проводит конкурс ораторского искусства. Данное мероприятие позволяет учителям определить самых сильных из числа студентов, которые впоследствии получают шанс принять участие в международном конкурсе «Chinese Language Bridge». В каждом конкурсе принимают участие 40 финалистов [15]. Также Институт Конфуция при КНУ им. Ж. Баласагына каждый год организует конкурс диктантов по китайскому языку среди школьников и студентов и конкурс китайской речи среди студентов вузов КР [12].

Институт Конфуция параллельно с обучением китайскому языку в КР осуществляет деятельность по кросс-культурному воздействию в различных центрах. Каждый год организуются около 100 различных культурных мероприятий с охватом аудитории до 10 000 участвующих [15]. Культурные мероприятия проходят в различных формах с различным тематическим наполнением.

Институт Конфуция в постоянном сотрудничестве с государственными учреждениями, такими как:

- Комитет Жогорку Кенеша КР по образованию, науке, культуре и спорту;
- Управление образования мэрии г. Бишкека;
- Национальная библиотека КР;
- Государственный исторический музей КР.

Кроме того, Институт Конфуция взаимодействует с отдельными государственными

вузами и крупными культурно-просветительскими организациями.

Растущая динамика количества обучающихся китайскому языку, изучающих историю, философию и культуру КНР, показывает, что Институт Конфуция в КР действует эффективно в плане расширения своей деятельности.

Система институтов Конфуция – это эффективный механизм усиления культурной и языковой популяризации китайских ценностей. На данный момент расширение границ знающих китайский язык при помощи обучения в институтах и классах Конфуция стало эффективным методом «мягкой силы» Китая в странах-партнерах. Это меняет представление о Китае в положительном ракурсе. КНР для нас стал понятным, дружелюбным.

Драгоценные элементы китайского мировоззрения, духовности, в том числе идеи конфуцианства, привносятся в культурно-цивилизационную среду ЦА. Посредством распространения культуры и языка через институты Конфуция КНР стремится увеличить магнетическую силу Пекина, устранить прошлые предрассудки, враждебность и предполагаемые угрозы, якобы исходящие из КНР. В государствах ЦА, как и в странах КР, тоже наблюдается тенденция увеличения количества желающих учить китайский язык, и в сравнительном ракурсе по КР он занимает прочное второе место, уступая лишь английскому языку.

Результаты. Итак, можно заключить, что миссия Института Конфуция – это расширение культурных и образовательных сетей сотрудничества за границей, формирование прочной базы обучающихся из других стран для университетов Китая, а также поддержание и укрепление устойчивости КНР на мировой арене.

Также важно подчеркнуть, что система Института Конфуция имеет перспективные задачи, так как его целевой аудиторией является молодое поколение, точнее говоря – школьники и студенты вузов. Сегодня можно говорить о следующих успехах культурной дипломатии и языковой политики Китая: количество кыргызских школьников, желающих изучать китайский язык, с каждым годом неуклонно растет; в вузах Кыргызстана наблюдаются активность

и интерес к китайскому языку и культуре. Таким образом, можно сказать, что лидеры Китая используют «мягкую силу» с расчетом на долгосрочную перспективу.

На нынешней волне партнерства Кыргызстан занял свою позицию в региональной стратегии КНР по всем аспектам сотрудничества. Однако отношение большинства кыргызстанцев к партнерству нашей страны с КНР неоднозначно, что в определенной мере отражается на деятельности китайских компаний в КР. В Кыргызстане у части населения имеется недоверие к китайским компаниям, даже несмотря на официальное заверение властей. Антикитайские настроения появились у ввиду отсутствия достоверной информации об «ущемлении прав мусульман и тюркских народов» и спекуляции информацией вокруг положения «лагерей перевоспитания».

С другой стороны, образ России, несмотря на различные взаимоотношения в определенные исторические отрезки, кажется более предпочтительным и родным. И наоборот, в КР идет формирование западной модели управления, с Западом ассоциируются идеи либерализма и демократии.

Несмотря на настроения отдельной части населения, все же для отдельной части молодых людей из ЦА и КР овладение китайским языком кажется многообещающим. Это объяснимо тем, что многие факторы, такие как близость географического положения, открытая граница, система развитой инфраструктуры, позволяют сделать вывод о наличии причин для усиления влияния КНР на страны ЦА. Более того, КНР становится одной из экономически развитых стран мира. Влияние КНР растет на мировой арене и для государств, расположенных на территории Средней Азии. Поэтому имеется необходимость готовить высококвалифицированные кадры в различных областях, знающих китайский язык, которые могут обеспечивать кыргызско-китайские проекты экспертной и аналитической поддержкой.

Нужно учитывать, что КНР пытается подготовить кадры, которые разделяют китайское оценивание ситуации в регионе и в КР, не всегда совпадающее с кыргызскими политическими и экономическими воззрениями. Можно сказать, что активность продвижения

институтов Конфуция в КР во многом определяются приоритетами Китая.

В заключение следует обозначить, что успех кросс-культурных обменов и продвижений китайского языка как мирового во многом определяется долей китайских экономических процессов, осуществляющихся в ЦА и в мировой торговле. Достижения государства по всем направлениям (экономика, наука, технологии и в др.) создают глобальную привлекательность всех элементов китайской «мягкой силы» / «культурной дипломатии», и появление Института Конфуция способствует развитию образовательных отношений стран-партнеров. В то же время уже наметились некоторые аспекты, требующие серьезного анализа и определения приоритетных интересов Кыргызстана в проектах китайской инициативы «ОПОП».

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. ББ97АА00002 «Тюрко-монгольский мир “Большого Алтая”: единство и многообразие в истории и современности».

The study was carried out within the framework of the state task of the Altai State University, project No. 748715F.99.1. BB97AA00002 “The Turkic-Mongolian world of the “Greater Altai”: unity and diversity in history and modernity”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антюхова Е. А. Фактор образования в «мягкой силе» США, Китая и ЕС: сравнительный анализ // Сравнительная политика. 2019. № 2. С. 86–98. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10018
2. Бердаков Д. Механизмы «мягкой силы» Китая в Кыргызстане. URL: <https://eurasia.expert/mekhanizmy-myagkoy-sily-kitaya-v-kyrgyzstane/>
3. В Бишкекской школе-гимназии № 31 открыли класс Конфуция. URL: <https://kg.addnt.ru/v-bishkekskoj-shkole-gimnazii-otkryli-k/>
4. В Джалал-Абадском госуниверситете предложили открыть институт Конфуция. URL: https://www.vb.kg/doc/239431_v_djalal_abadskom_gosyniversitete_predlojili_otkryt_instityt_konfyciia.html
5. В Кыргызстане откроется четвертый по счету институт Конфуция при высших учебных заведениях. URL: <https://exk.kz/news/87230/v->

kyrgyzstanie-otkroetsia-chietviertyi-po-schietu-institut-konfutsiia

6. Влияние «Институтов Конфуция» на идеологию молодежи стран Центральной Азии. URL: <https://yvision.kz/post/832851>

7. В мире работает 550 институтов Конфуция. URL: <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>

8. Выступление посла Ду Дэвэнь в конференции на тему «Китай-Кыргызстан: история и современность». URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cekq/rus/ggwj/t1790710.htm>

9. Денисов И. Е. Концепция «дискурсивной силы» и трансформация китайской внешней политики при Си Цзиньпине // Сравнительная политика. 2020. №4. С. 42–52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047

10. Институт Конфуция БГУ. URL: <https://www.bhu.kg/structure/institutes/confucius-institute>

11. Институт Конфуция при ЖАГУ. URL: http://jagu.kg/view/category/category_id/44

12. Институт Конфуция при КНУ им. Ж. Баласагына: краткий очерк. Бишкек, 2019. 57 с.

13. Китайский язык как мост общения – новое наблюдение шелкового пути. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201804/53950203261532827.shtml>

14. КНУ им. Ж. Баласагына единственный ВУЗ в Центральной Азии с самым большим количеством студентов, изучающих китайский язык. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201707/29729794480834.shtml>

15. КНУ с институтом Конфуция – одна семья. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201906/52217862494022186.shtml>

16. Ковба Д. М. «Мягкая сила» в китайской политической науке и практике. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf

17. Кыргызско-Китайский образовательный центр ИГУ им. К. Тыныстанова. URL: http://main.iksu.kg/?page_id=350

18. Кыргызско-Китайский факультет. URL: <https://www.oshsu.kg/ru/page/108>

19. Леонтьева Э. О., Белокопытова М. С. Институты Конфуция как инструмент внешней политики КНР // Регионалистика. 2016. Т. 3, №5. С. 51–58.

20. Лян Чжэньпэн. Культурная дипломатия Китая в Центральной Азии в XXI веке на примере институтов Конфуция // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 1. С. 33–46.

21. Меморандум о совместном создании «Центра китайского языка и культуры» между Институтом Конфуция при Бишкекском государственном университете им. К. Карасаева и Кыргызско-Российским Славянским университетом. URL: https://krsu.edu.kg/images/documents/-international/Memorandum_IKPB.pdf

22. МИД сообщил, сколько сейчас в Китае кыргызстанцев. URL: https://kaktus.media/doc/406524_mid_soobshil_skolko_seychas_v_kitae_kyrgyzstancev.html

406524_mid_soobshil_skolko_seychas_v_kitae_kyrgyzstancev.html

23. Михневич С. В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10, № 1. С. 80–117.

24. Подписан договор о добрососедстве, дружбе. Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС. URL: <https://crpins.ru/podpisan-dogovor-o-dobrososedstve-druzhbe-dogovor-o-dolgosrochnom.html>

25. Реальная цель Институтов Конфуция в Центральной Азии. URL: <https://cont.ws/@surat333/1678910>

26. «Революция Конфуция» несет угрозу государственным интересам Казахстана, Кыргызстана и других стран региона. URL: <https://ehonews.kz/revolyutsiya-konfutsiya-neset-ugrozu-gosudarstvennym-interesam-kazahstana-kyrgyzstana-i-drugih-stran-regiona/>

27. Рука об руку создаем прекрасное будущее китайско-кыргызских отношений. URL: <http://kg.china-embassy.org/rus/dssghd/202110/t2021101110013361.htm>

28. Седов Д. Жесткая «мягкая сила» Китая. Что такое «Революция Конфуция»? URL: https://ruskline.ru/opp/2019/sentyabr/9/zhystkaya_myagkaya_sila_kitaya_chno_takoe_revolyuciya_konfuciya

29. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов. URL: <https://akvobr.ru/>

30. ШОС: пространство экономического и гуманитарного взаимодействия // Шелковый путь. РЕВИЮ. 2016. № 10. С. 19–24.

31. About Confucius institutes/Confucius classrooms. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciusinstitutes/node_10961.htm

32. Confucius Institute Headquarters (Hanban). URL: www.hanban.edu.cn

33. Goldstein A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice // The China Quarterly. 2001. No. 168. P. 836–864.

34. Sayama O. China's Approach to Soft Power Seeking a Balance Between Nationalism, Legitimacy and International Influence // Royal United Services Institute Occasional Paper. 2016. 18 p. URL: https://static.rusi.org/201603_op_chinas_soft_power.pdf

35. Yang R. China's Soft Power Projection in Higher Education // International Higher Education. 2007. Vol. 46. P. 24–25.

36. 杨文静:《重塑信息时代美国的软权力 – 《软权力: 在世界政治中的成功之道》介评》, 现代国际关系, 2004年第8期, 第61-67页。 Ян Вэньцзин [Изменение мягкой силы Америки в

информационную эпоху – введение в мягкую силу: путь к успеху в мировой политике] // Современные международные отношения. 2004. № 8. С. 61–67.

REFERENCES

1. Antyukhova Ye.A. Faktor obrazovaniya v «myagkoy sile» SShA, Kitaya i ES: sravnitelnyy analiz [The Factor of Education in the “Soft Power” of the US, China and the EU: Comparative Analysis]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2019, no. 2, pp. 86-98. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-100181
2. Berdakov D. *Mekhanizmy «myagkoy sily» Kitaya v Kyrgyzstane* [Mechanisms of “Soft Power” of China in Kyrgyzstan]. URL: <https://eurasia.expert/mekhanizmy-myagkoy-sily-kitaya-v-kyrgyzstane/>
3. *V Bishkekской shkole-gimnazii № 31 otkryli klass Konfutsiya* [A Class of Confucius Was Opened in the Bishkek School-Gymnasium No. 31]. URL: <https://kg.addnt.ru/v-bishkekskoj-shkole-gimnazii-otkryli-k/>
4. *V Dzhahal-Abadskom gosuniversitete predlozhili otkryt institut Konfutsiya* [Jalal-Abad State University Offered to Open a Confucius Institute]. URL: https://www.vb.kg/doc/239431v_djalal_abadskom_gosuniversitete_predlozili_otkryt_institut_konfutsiya.html
5. *V Kyrgyzstane otkroyetsya chetvertyy po schetu institut Konfutsiya pri vysshikh uchebnykh zavedeniyakh* [The Fourth Confucius Institute at Higher Educational Institutions Will Open in Kyrgyzstan]. URL: <https://exk.kz/news/87230/v-kyrgyzstanie-otkroietsia-chietviertyi-po-schietu-institut-konfutsiya>
6. *Vliyaniye «Institutov Konfutsiya» na ideologiyu molodezhi stran Tsentralnoy Azii* [Influence of “Confucius Institutes” on the Ideology of Youth in Central Asia]. URL: <https://yvision.kz/post/832851>
7. *V mire rabotayet 550 institutov Konfutsiya* [There are 550 Confucius Institutes in the World]. URL: <https://ria.ru/20191210/1562217842.html>
8. *Vystupeniye posla Du Deven v konferentsii na temu «Kitay-Kyrgyzstan: istoriya i sovremennost»* [Speech by Ambassador Du Dewen at the Conference “China-Kyrgyzstan: History and Modernity”]. URL: <https://www.mfa.gov.cn/ce/cekg//rus/ggwj/t1790710.htm>
9. Denisov I.E. Kontseptsiya «diskursivnoy sily» i transformatsiya kitayskoy vneshney politiki pri Si Tszinpine [The Concept of “Discursive Power” and the Transformation of Chinese Foreign Policy Under Xi Jinping]. *Sravnitel'naya politika* [Comparative Politics Russia], 2020, no. 4, pp. 42-52. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10047
10. *Institut Konfutsiya BGU* [Confucius Institute BSU]. URL: <https://www.bhu.kg/structure/institutes/confucius-institute>
11. *Institut Konfutsiya pri ZhAGU* [Confucius Institute at ZhAGU]. URL: http://jagu.kg/view/category/category_id/44
12. *Institut Konfutsiya pri KNU im. Zh. Balasagyna: kratkiy ocherk* [Confucius Institute at KNU J. Balasagyn. Brief Essay]. Bishkek, 2019. 57 p.
13. *Kitayskiy yazyk kak most obshcheniya – novoye nablyudeniye shelkovogo puti* [Chinese Language as a Bridge of Communication – New Observation of the Silk Road]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201804/53950203261532827.shtml>
14. *KNU im. Zh. Balasagyna yedinstvennyy VUZ v Tsentralnoy Azii s samym bolshim kolichestvom studentov, izuchayushchikh kitayskiy yazyk* [KNU at J. Balasagyn Is the Only University in Central Asia with the Largest Number of Students Studying Chinese]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201707/29729794480834.shtml>
15. *KNU s institutom Konfutsiya – odna semya* [KNU With the Confucius Institute Is One Family]. URL: <http://ru.siluxgc.com/html/R1413/201906/52217862494022186.shtml>
16. Kovba D.M. «Myagkaya sila» v kitayskoy politicheskoy nauke i praktike [“Soft Power” in Chinese Political Science and Practice]. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46754/1/klo_2017_223.pdf
17. *Kyrgyzsko-Kitayskiy obrazovatelnyy tsentr IGU im. K. Tynystanova* [Kyrgyz Chinese Educational Center of ISU Named After K. Tynystanova]. URL: http://main.iksu.kg/?page_id=350
18. *Kyrgyzsko-Kitayskiy fakultet* [Kyrgyz Chinese Faculty]. URL: <https://www.oshsu.kg/ru/page/108>
19. Leontyeva E.O., Belokopytova M.S. Instituty Konfutsiya kak instrument vneshney politiki KNR [Confucius Institutes as an Instrument of China’s Foreign Policy]. *Regionalistika* [Regionalistics], 2016, vol. 3, no. 5, pp. 51-58.
20. Lyan Chzhenpen. Kulturnaya diplomatiya Kitaya v Tsentralnoy Azii v XXI veke na primere institutov Konfutsiya [Cultural Diplomacy of China in Central Asia in the 21st Century on the Example of Confucius Institutes]. *Aziatsko-Tikhookeanskiy region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific Rim: Economics, Politics, Law], 2017, no. 1, pp. 33-46.
21. *Memorandum o sovместnom sozdanii «Tsentra kitayskogo yazyka i kutury» mezhdru Institutom Konfutsiya pri Bishkekском gosudarstvennom universitete im. K. Karasayeva i Kyrgyzsko-Rossiyskim Slavyanskim universitetom* [Memorandum on the Joint Establishment of the “Center of the Chinese Language and Culture” Between the Confucius Institute at the Bishkek State University.

K. Karasaev and the Kyrgyz-Russian Slavic University in Bishkek]. URL: https://krsu.edu.kg/images/documents/-international/Memorandum_IKPB.pdf

22. MID soobshchil, skolko seychas v Kitaye kyrgyzstantsev [The Ministry of Foreign Affairs Reported How Many Kyrgyzstanis Are Now in China]. URL: https://kaktus.media/doc/406524_mid_sobshil_skolko_seychas_v_kitae_kyrgyzstancev.html

23. Mikhnevich S.V. Mudrets pomogayet Podnebesnoy: razvitiye seti Institutov Konfutsiya kak instrument realizatsii politiki «myagkoy sily» KNR v Bolshoy Vostochnoy Azii [The Wise Man Helps the Celestial Empire: Development of the Confucius Institute Network as a Tool for Implementing China's "Soft Power" Policy in Greater East Asia]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy* [International Organisations Research Journal], 2015, vol. 10, no. 1, pp. 80-117.

24. Podpisan dogovor o dobrososedstve, druzhbe. Dogovor o dolgosrochnom dobrososedstve, druzhbe i sotrudnichestve gosudarstv-chlenov ShOS [An Agreement on Good-Neighbourly Friendship Was Signed. Agreement on Long-Term Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation of the SCO Member States]. URL: <https://crpins.ru/podpisan-dogovor-o-dobrososedstve-druzhbe-dogovor-o-dolgosrochnom.html>

25. Realnaya tsel Institutov Konfutsiya v Tsentralnoy Azii [The Real Purpose of the Confucius Institutes in Central Asia]. URL: <https://cont.ws/@surat333/1678910>

26. «Revolyutsiya Konfutsiya» neset ugrozu gosudarstvennym interesam Kazakhstana, Kyrgyzstana i drugikh stran regiona [The "Confucius Revolution" Poses a Threat to the State Interests of Kazakhstan, Kyrgyzstan And Other Countries of the Region]. URL: <https://ehonews.kz/revolyutsiya-konfutsiya-neset-ugrozu-gosudarstvennym-interesam-kazahstana-kyrgyzstana-i-drugih-stran-regiona/>

27. Ruka ob ruku sozdayem prekrasnoye budushcheye kitaysko-kyrgyzskikh otnosheniy [Hand

in Hand Creating a Wonderful Future for China-Kyrgyzstan Relations]. URL: <http://kg.china-embassy.org/rus/dssghd/202110/t2021101110013361.htm>

28. Sedov D. Zhostkaya «myagkaya sila» Kitaya. Chto takoye «Revolyutsiya Konfutsiya»? [Hard "Soft Power" of China. What is the "Confucius Revolution"?]. URL: https://ruskline.ru/opp/2019/sentyabr/9/zhystkaya_myagkaya_sila_kitaya_chno_takoe_revolyuciya_konfuciya

29. Strategiya Kitaya po privlecheniyu inostrannykh studentov [China's Strategy to Attract International Students]. URL: <https://akvobr.ru/>

30. ShOS: prostranstvo ekonomicheskogo i gumanitarnogo vzaimodeystviya [SCO: Space for Economic and Humanitarian Interaction]. *Shelkovyy put. REVYu* [Silk Road. REVIEW], 2016, no. 10, pp. 19-24.

31. About Confucius institutes/Confucius classrooms. URL: http://www.hanban.edu.cn/confuciusinstitutes/node_10961.htm

32. Confucius Institute Headquarters (Hanban). URL: <http://www.hanban.edu.cn>

33. Goldstein A. The Diplomatic Face of China's Grand Strategy: A Rising Power's Emerging Choice. *The China Quarterly*, 2001, no. 168, pp. 836-864.

34. Sayama O. China's Approach to Soft Power Seeking a Balance Between Nationalism, Legitimacy and International Influence. *Royal United Services Institute Occasional Paper*, 2016. 18 p. URL: https://static.rusi.org/201603_op_chinas_soft_power.pdf

35. Yang R. China's Soft Power Projection in Higher Education. *International Higher Education*, 2007, vol. 46, pp. 24-25.

36. Yang Wenjing. Izmeneniye myagkoy sily Ameriki v informatsionnyy epokhu – vvedeniye v myagkuyu silu: put k uspekhu v mirovoy politike [Reshaping America's Soft Power in the Information Age – An Introduction to Soft Power: The Way to Success in World Politics]. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Modern International Relations], 2004, no. 8, pp. 61-67. (in Chinese).

Information About the Authors

Jamyikat O. Omurova, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Regional and Kyrgyz Studies Department, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Frunze St, 547, 720033 Bishkek, Kyrgyzstan, Jamyikat2012@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Yulia A. Lysenko, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Altai State University, Prosp. Lenina, Bld. 61, 656023 Barnaul, Russian Federation, iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Akylbek M. Kylychev, Doctor of Sciences (History), Professor, Regional and Kyrgyz Studies Department, Kyrgyz National University named after Jusup Balasagyn, Frunze St, 547, 720033 Bishkek, Kyrgyzstan, akyl_mukay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6219-9209>

Информация об авторах

Жамыйкат Орозбековна Омурова, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033 г. Бишкек, Кыргызстан, jamyikat2012@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7104-3708>

Юлия Александровна Лысенко, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения, Алтайский государственный университет, просп. Ленина, 61, 656023 г. Барнаул, Российская Федерация, iulia_199674@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1088-3578>

Акылбек Мукаевич Кылычев, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения и кыргызоведения, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына, ул. Фрунзе, 547, 720033 г. Бишкек, Кыргызстан, akyl_mukay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6219-9209>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.20>

UDC 327, 323.3
LBC 66.4, 66.49

Submitted: 24.08.2021
Accepted: 13.12.2021

PARADIPLMACY OF THE SVERDLOVSK REGION: DEVELOPMENT AND MODALITIES OF IMPLEMENTING AT THE PRESENT STAGE ¹

Anna G. Naronskaya

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the key paradiplomacy areas of the Sverdlovsk region. The analysis focuses on the aspects distinguishing the region from other subjects of the present-day Russian Federation, which allowed it to become one of the leaders in developing international activities during the post-Soviet period. *Methods and materials.* The methodological basis of this work is constituted by the approaches devised by I. Duchacek. Paradiplomacy is defined as international contacts of regions with different actors in international relations regarding economic, political, cultural and environmental issues. These contacts move in the same direction as activities undertaken by central authorities. Approaches by I. Duchacek, R. Kaiser, A. Kuznetsov, Yu. Akimov were applied to study the motives and factors for active paradiplomacy development of the Sverdlovsk region. To examine the modalities of implementing paradiplomacy in the Sverdlovsk region, scientific and analytical materials were used along with statistic data and indicators provided by the Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region and by the Russian Export Center JSC. *Analysis.* It was found that the Sverdlovsk region became the first to base its paradiplomacy on the regional identity. On the one hand, the regional identity development was marked by a conflict between the region and the central authorities; on the other hand, the local ruling groups deliberately fostered the policy of regional uniqueness. Mainstreaming the regional identity served the practical interests of elites both in internal political legitimation and in establishing their international economic, political and cultural personality. In the 2000s, the paradiplomacy model of the Sverdlovsk region transformed from conflict to cooperation based on partnering and seeking a compromise with the federal government. *Results.* The strategy of paradiplomacy development chosen by the region is evaluated as a success. The emphasis put by the regional authorities on implementing large-scale international projects and developing foreign trade relations allows the Sverdlovsk region not only to keep the indicators of foreign economic activities stable, but also to retain elements of its regional identity.

Key words: paradiplomacy, region, Sverdlovsk region, foreign economic activities, regional identity.

Citation. Naronskaya A.G. Paradiplomacy of the Sverdlovsk Region: Development and Modalities of Implementing at the Present Stage. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 2, pp. 240-250. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.20>

УДК 327, 323.3
ББК 66.4, 66.49

Дата поступления статьи: 24.08.2021
Дата принятия статьи: 13.12.2021

ПАРАДИПЛОМАТИЯ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ОСОБЕННОСТИ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ¹

Анна Гегамовна Наронская

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются основные направления парадипломатии Свердловской области. Выявляются особенности региона по сравнению с другими субъектами современной России, которые позволили Свердловской области в постсоветский период войти в число лидеров по развитию международной

деятельности. *Методы и материалы.* Методологической основой работы стали подходы И. Духачека. Парадипломатия определяется как международные контакты регионов с разными акторами международных отношений по экономическим, политическим, культурным, экологическим вопросам, которые развиваются параллельно деятельности центральных властей. В ходе исследования мотивов и факторов активного развития парадипломатии Свердловской области применялись подходы И. Духачека, Р. Кайзера, А. Кузнецова, Ю. Акимова. Для изучения форм реализации парадипломатии в Свердловской области использовались научно-аналитические материалы, а также статистические данные и показатели Министерства внешнеэкономических связей Свердловской области, АО «Российский Экспортный центр». *Анализ.* Установлено, что Свердловская область стала первым регионом, где парадипломатия основывалась на региональной идентификации. Особенности развития региональной идентичности стали, с одной стороны, конфликт региона и центра, с другой стороны, сознательное развитие правящими группами политики региональной уникальности. Актуализация региональной идентичности отвечала практическим интересам элитных групп как во внутривластной легитимации, так и в обретении международной экономической, политической и культурной субъектности. В 2000-е гг. произошла трансформация модели парадипломатии Свердловской области от конфликтной к кооперационной, основанной на сотрудничестве и компромиссе с Федеральным центром. *Результаты.* Сделан вывод об успешности выбранной регионом стратегии развития парадипломатии. Акцент региональных властей на проведении масштабных международных проектов и развитии внешнеторговых связей позволяет Свердловской области не только сохранять стабильные показатели внешнеэкономической деятельности, но элементы региональной идентичности.

Ключевые слова: парадипломатия, регион, Свердловская область, внешнеэкономическая деятельность, региональная идентичность.

Цитирование. Наронская А. Г. Парадипломатия Свердловской области на современном этапе: особенности и формы реализации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 240–250. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.20>

Introduction. A topical trend in contemporary international relations is an increasing number of actors and a strengthened role of regions. First of all, this trend affects federal states whose subjects are actively developing paradiplomacy and their international self-reliance. Vivid examples are the Canadian provinces of Quebec and Ontario, the Belgian Flanders and Wallonia, the Spanish Catalonia and the Basque Country. In Russia, paradiplomacy first emerged in the 1990s. The key factor in enhancing international ties of Russian regions was globalization. However, that process was influenced to no lesser degree by the collapse of the USSR, a difficult period of building a new federal state, decentralization and centrifugal tendencies in the 1990s Russia. The Sverdlovsk region represents a special example of establishing and developing paradiplomacy. Having been a restricted area within the USSR, in a short time the Sverdlovsk region took its place among the leading constituent entities in terms of paradiplomatic activity. In connection with the forgoing, the purpose of this article is to identify the reasons for paradiplomacy development and its features in the Sverdlovsk region as well as to assess areas and the results of the region's international activities at present.

Methodology. The theoretical and methodological foundations of paradiplomacy were elaborated by the modern political science relatively recently – first in the 1980s, primarily in the works by American and Canadian researchers (I. Duchacek, F. Aldecoa, M. Keating, A. Lecours, L. Moreno, H.J. Michelmann, P. Soldatos, S. Wolff et al.) [3; 6; 13; 16; 25]. In domestic political science, the study of diplomacy conducted by constituent entities and territories does not attract much academic interest despite this topic being relevant, which is reflected in the studies by A. Kuznetsov, I. Busygina, Yu. Akimov, T. Zonova et al. [2; 5; 12; 27]. To define paradiplomacy, we use the approach of I. Duchacek for whom paradiplomacy means contacts of subnational governments with various international relations actors in trade, industry, culture and other areas. These contacts of regions are parallel with the activities undertaken by central authorities [6, p. 15].

As for main forms of paradiplomacy, here we also proceed mostly from Duchacek's theory. Among the key forms of international activities performed by the regions, we highlight the establishment of permanent missions in the capitals and economic centers of foreign states, as well

as the establishment of diplomatic missions of foreign countries in the regions themselves; international visits of heads of regions, as well as their presence in foreign delegations of the central authorities or the head of state; holding international trade, industrial and investment exhibitions that demonstrate to potential investors the economic opportunities of the host regions, along with holding large-scale international sports, cultural and educational events that allow regions to showcase themselves on the international arena; finally, it is participation of regional authorities in international conferences and other economic, political and cultural events.

What motivates a regional actor to get involved in international activities? In addition to obvious worldwide trends such as globalization and regionalization, there are specific political, economic and cultural motives determine the international activities undertaken by this or that actor.

Among the key factors driving international activities of the regions is the presence of an ethnolinguistic community or nation being a minority if compared with the largest nation in the state but prevailing in the territory of a given region [1, p. 26]. The Canadian researcher S. Paquin distinguishes *identity paradiplomacy* defining it as “the sub-state foreign policy, one of the acknowledged aims of which is to strengthen a minority nation within a federal state or a decentralized structure” [17, p. 73]. In any case, paradiplomacy development stresses the aspiration of ethnic groups to express their identity. The next factor pushing a constituent entity towards paradiplomatic activities is the relations between the center and the regions. Firstly, a region needs a legal basis for its international activity so here the policy of the center is of paramount importance. Secondly, intensified decentralization, a lack of channels and mechanisms for representing the interests of the entity before the center and, finally, the asymmetry of the regions in a federal state can have a significant impact on paradiplomacy development. At the same time, today asymmetry is characteristic of most federal states and is not viewed as a problem of modern federalism since it acts as a mechanism for leveling the economic and social standing of regions. That being said, regional inequality often sparks nationalism and separatism, draws

increased attention to regional identity and inevitably leads to a clash of regional interests. In this case, paradiplomacy primarily brings about economic competition between regions, their rivalry for potential investors and foreign partners. As a result, a key competitive advantage is having potential partners abroad who are interested in building diplomatic relations with that specific region.

Regarding paradiplomacy types, according to the level of international relations a region can develop transborder paradiplomacy (international contacts with neighboring regions), regional paradiplomacy (international ties with regions of other countries) and, finally, global paradiplomacy (contacts with international, non-governmental organizations, non-state actors, interest groups, etc.) [11, p. 18].

Analysis. The establishment and development of paradiplomacy in modern Russia came about in the early 1990s. It was in that period that many regions commenced chaotic development of their international activities riding on the wave of decentralization and sovereignization caused by the collapse of the USSR and creation of the Russian Federation, as well as in a total absence of centralized control. The subjects that succeeded most were: 1) federal cities (Moscow and St. Petersburg) as the administrative and cultural centers of the country; 2) national republics (most notably Tatarstan but also Bashkortostan) where identity paradiplomacy was developing under the leadership of national elites; 3) border regions whose international activity was determined by a favorable geographic location and broad opportunities for development of transborder paradiplomacy (the Arkhangelsk, Leningrad and Primorsky regions, the Republic of Karelia, etc.); 4) those entities of Russia that were most abundant in natural resources and thus were of significant economic interest primarily for transnational oil and gas companies (the Khanty-Mansi Autonomous Area, the Yamalo-Nenets Autonomous Area, the Tyumen region).

With regard to the Sverdlovsk region, it does not belong to any of the above-mentioned groups and constitutes a special case of developing paradiplomacy in Russia. The Sverdlovsk region began active development of its international ties in the early 1990s. During the Soviet era, this region used to be closed for the aliens, but after

the visit paid by the President of the Soviet Union M.S. Gorbachev on 25–27 April 1990, the USSR Council of Ministers adopted the Resolution No. 1233-164 of December 8, 1990, on lifting the restrictions. That was the moment when the region first appeared on the international arena and started gradually building relationships with foreign partners. In just 10 years of paradiplomacy development, by the beginning of the 2000s, the Sverdlovsk region had got third in Russia by the number of consular missions, being surpassed only by Moscow and St. Petersburg. The first diplomatic consulate that opened in the region was the U.S. Consulate General in 1994; the next, in 1995, was the British diplomatic mission.

Looking at the reasons for such rapid development of paradiplomacy, it is possible to indicate both the advantageous geographic position of the region and the fact that it is a key metallurgical region of Russia. It is worthy to note the role of the first President of Russia B.N. Yeltsin in reinforcing the political and economic positions of the region in the 1990s, despite the tension with its first governor, E. Rossel. For instance, the Sverdlovsk region was among the first in Russia to enter into the *Agreement on the Delimitation of Jurisdiction and Powers between the Public Authorities of the Russian Federation* in January 1996. That document granted the region ample opportunities for pursuing international and foreign economic relations, as well as investment activities [23, p. 4]. In our opinion, the crucial role in development of the region's paradiplomacy was played by the aspiration of regional ruling groups to establish their self-reliance and legitimize their status through a conflict with the federal center, as well as their desire to overcome the legal and economic asymmetry of Russian regions. Those two interrelated motives were reflected in the intensification of the region's separatism in the early 1990s and in the project for establishing the 'Ural Republic'. The Sverdlovsk region became the first federal subject where identity paradiplomacy was based not on the national or ethnic but on the regional identity. Regional identity is the subject's perception of its belonging to a specific regional and geographic community, based on the opposition of its group to others [7, p. 83].

Confrontation between the ruling groups in the region headed by their political leader

E.E. Rossel and the central authorities contributed to the development of the Ural identity. Another regional identity driver was the fact that the cultural, economic and geographical features of the Sverdlovsk region were harnessed by the regional elite for its practical purposes. We are talking about the conscious designing of regional uniqueness (which is expressed, first of all, in establishing the region's image and in a symbolic policy of the regional elite), as well as about promoting and positioning that uniqueness not only throughout the domestic political space, but also in international activities [15, p. 64]. The case for the special place of the region both in Russia and in the world was supported by the unique geographical position of the Ural territory on the border between Europe and Asia, as well as by a strong network of transport communications that could make the region a link between the West and the East. It was stressed that Ural was not only a leading industrial region of Russia but also a historic, cultural and educational center of the country. As a result, Ural became the regional identifier and the marker of the Sverdlovsk region. The symbolic policy of the regional authorities aimed at promoting the uniqueness, independence and self-reliance of the Sverdlovsk region was actively supported by the new economic elite of the region. That is not surprising considering the managers of the region's leading enterprises, such as Uralektromed, Uralmash, Ural Optical and Mechanical Plant, Nizhny Tagil Iron and Steel Works, etc. were interested in creating and developing favorable conditions for foreign economic and international activities. Thus, the evolution of regional identity directed the region's paradiplomacy to gain the Sverdlovsk region's international, economic, political, cultural personality.

The conflict nature of the relations between the center and the Sverdlovsk region found reflection in the forms of paradiplomacy. As early as in 1991, the Executive Committee of the Sverdlovsk Regional Council of People's Deputies approved the decision to establish the Office for International and Foreign Economic Relations (in 1994, the Office was reorganized into the Department of International and Foreign Economic Relations; in 1998, the Department was transformed into the Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk

Region). On June 4, 1992, the regional administration signed its first international agreement: the counterparty was the Trade Ministry of the Republic of Bulgaria, the scope covered trade and economic relations as well as cooperation in research and technology [21]. All this had happened before the Constitution of the Russian Federation was adopted, which formalized the status of the Sverdlovsk region and the legal options for international activities of the regions. The conclusion of agreements and the negotiation process took place both in the region and during frequent visits abroad made by the head of the region E.E. Rossel and administration officials. The events were held at the highest level including heads of state (for example, of the CIS countries). Those official trips were widely covered by local media, which rather demonstratively emphasized how independent the regional authorities were from the federal center in their actions. Such progress of regional paradiplomacy was facilitated by the lack of clear regulations for international activities of regional entities, centrifugal tendencies and the ‘parade of sovereignties’ in the 1990s.

In the course of federal reforms in the 2000s paradiplomacy underwent significant transformations. First of all, the 1993 Constitution was supplemented with new legal foundations for paradiplomatic activities. It is worth noting that according to Article 71 of the Constitution of the Russian Federation, foreign policy and international relations, international treaties and foreign economic relations belong to the jurisdiction of the Russian Federation. As for the subjects of the Russian Federation, Article 72 refers the following matters to the joint jurisdiction of the center and regions: coordination of international and foreign economic relations of the subjects and fulfillment of international treaties of the Russian Federation [24]. Regarding new legal provisions, it is necessary to accentuate Federal Law No. 4-FZ of January 4, 1999, “On Coordination of International and Foreign Economic Relations of the Constituent Entities of the Russian Federation” [10]; Decree of the Government of the Russian Federation No. 91 of February 1, 2000 “On the Adoption by the Government of the Russian Federation of Decisions Concerning Consent for the Effectuation by Subjects of the Russian Federation of International and Foreign Economic Relations with Agencies

of State Power of Foreign States” [19]; Decree of the President of the Russian Federation No. 1478 of November 8, 2011, “On the Coordinating Role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the Implementation of a Uniform Foreign Policy of the Russian Federation” [26]. Those regulatory documents were aimed at harmonizing the regional and federal legislation, as well as shaping a unified foreign policy concept of the Russian Federation. In particular, they eliminated the possibility of regions entering into agreements with the central authorities of foreign states. The conclusion of treaties became possible only at the level of subjects of foreign federal states and subnational entities of unitary states. Thus, in the 2000s, the capacity of the regions to develop international relations independently and uncontrollably was reduced to zero. As a result, paradiplomacy of the Sverdlovsk region gradually moved from a confrontational model of interaction with federal authorities to active cooperation and ‘quiet diplomacy’ based on a compromise and a uniform foreign policy.

Today, the region has a wide network of foreign missions: these are 16 missions of foreign states enjoying diplomatic status (on April 1, 2021 the U.S. Consulate General ceased to provide visas and American Citizen services but it continues to implement cultural, educational and exchange programs), 12 honorary consuls of foreign states without diplomatic status and 6 missions promoting national business and culture. The presence and a constantly increasing number of diplomatic missions in the region are not only a formal sign of paradiplomacy development, but also an indicator that the region is becoming a center of international activity. Establishment of diplomatic and trade missions of foreign states intensifies cultural and educational contacts but, above all, it stimulates international trade, economic and investment cooperation. For those reasons, diplomatic contacts are being developed with the main trading partners of the region, which are the USA, the UK, Germany, China, Turkey, Belarus and Italy. The region has 32 current agreements on international cooperation with 24 states. Table 1 shows how successful Governors of the Sverdlovsk region were in concluding international treaties. This range of agreements from all-round cooperation to a specific interaction in trade,

economics, science, technology and the humanitarian area. Treaties were concluded both with the central authorities and individual entities and regions of foreign states. Talking about the geographic distribution of the parties to the agreements, these are the countries of the “near abroad” (the post-Soviet states) as well as the countries of the “far abroad”, that is outside the former Soviet Union.

It is obvious that the process of concluding international treaties was most active during the term of E. Rossel. At the same time, the current governor of the region, E. Kuyvashev, manages not only to preserve and maintain this form of paradiplomacy, but also to explore new areas of cooperation (in particular, with India, Iran, South Africa). Over the past ten years, the region has developed such modes of paradiplomacy as the implementation of large-scale international projects in the field of politics, sports and culture. In 2009, Ekaterinburg hosted the first summit of the BRIC countries. For that top level meeting, the capital of the Urals was visited by the Presidents of Russia and Brazil, the Prime Minister of India and the Chairman of the People’s Republic of China [18]. In 2018, group matches of the FIFA World Cup were played in Ekaterinburg. In July 2021, the 6th International Music Festival *Crazy Days in Yekaterinburg* took place here. The festival is held annually and supported by the French Institute at the French Embassy in Russia and the Alliance Française Ekaterinburg. In 2023, Ekaterinburg will host the Universiade.

However, the region counts most on holding international trade, industrial and investment exhibitions, the key one being the main industrial exhibition of Russia, Innoprom. The first edition of this annual exhibition was held in 2010 and since that time it has evolved into an international symbol of the Sverdlovsk region. The event was initiated by the Governor of the region A.S. Misharin who was guided by the example of Hannover Messe, the German international platform for industry and innovations. The first Innoprom exhibition in 2010 was attended by representatives of 30 countries. During the event, 20 foreign economic agreements were signed totaling to over 43 billion rubles. In subsequent years, the event expanded in scale and the number of participants increased significantly because of

large corporations and concerns from the USA, Germany, Japan, France, Italy, among which are Siemens, Mazak, Fanuc, Siempelkamp, Dassault Systèmes, Phoenix Contact, Autodesk, etc. [8]. In addition to the input of international participants of the event, there are presentations held by the most economically developed Russian regions, such as Moscow, Tatarstan, Perm Territory, Tyumen region, Khanty-Mansi Autonomous Area, etc. Among permanent participants are domestic companies such as Rostec State Corporation, Rosatom State Corporation and UMMC Holding LLC. Sanctions imposed in 2014, did not have a significant impact on the exhibition or the participation of the largest corporations from the USA, Europe and Japan. At the same time, representation of China increased. In 2015, the exhibition welcomed a massive delegation of representatives from 130 Chinese companies such as First Automotive Works (FAW) and Lifan Industry (automotive construction), ZTE Corporation and Huawei (telecommunications), Harbin Xi Robot Co (industrial robotics), Bei Dou (satellite navigation) [8]. Starting from 2015, a partner country is selected for each Innoprom trade fair. After China, Russia and the Sverdlovsk region partnered with India, Japan, South Korea, Turkey and Italy. In 2019, the President of the Russian Federation V.V. Putin paid a visit to the exhibition for the first time. The results of the Innoprom trade fair are of great importance for the economic development of the region. They directly affect its trade and foreign economic activities, while also allowing the region to compete with other entities for markets, new technologies and foreign investments.

Analyzing the dynamics of the region’s foreign trade activity, in the 1990s the average foreign trade turnover of the Sverdlovsk region was \$4 billion, where the export figure averaged at \$2.5 billion and imports at \$1.5 billion. The key trading partners of the region in the 1990s were the Netherlands, USA, Kazakhstan, Germany, the UK, Italy, Iran, China, Ukraine, Uzbekistan. According to the former Minister of Foreign Economic Relations of the region A. Sobolev, over the period from 2000 to 2015, the foreign trade turnover of the Sverdlovsk region grew significantly from \$3 billion to \$9 billion. Both exports and imports peaked in 2008, when the region’s trade turnover amounted to more than

\$14 billion. After 2008, the region's foreign trade volumes declined reaching a minimum in 2016, when the turnover amounted to \$6 billion [4]. Looking at the main trading partners of the region at that time, the USA, Germany and Italy continued to hold the leading positions in the 2000s. Meanwhile, the role of the EAEU, BRIC(S) and SCO countries in the region's foreign trade relations was growing. Since 2017, the situation on the foreign economic scene has been changing positively. Compared to 2016, foreign trade indicators have risen significantly. Analysis of foreign trade relations of the region in the period from 2017 to 2020 confirms the stable progress of imports and exports of the Sverdlovsk region (see Table 2). The key indicator of the region's foreign economic activities is the volume of exports. According to the Russian Export Center JSC, in 2020, the Sverdlovsk region ranked 8th in terms of export volume among the regions of Russia (in 2020, the region's share in Russian exports was 2.3%) [20]. It is worth noting that export volumes decreased in all regions of the Russian Federation being in the top ten by their foreign economic activity, with the exception of the Rostov and Sverdlovsk regions. Dynamics of foreign trade with major partner countries are shown in Table 3.

As can be seen, at the present stage the main partners of the Sverdlovsk region are the USA, China, Kazakhstan and Germany. They accounted for approximately 44.7% of the trade turnover of the Sverdlovsk region in 2017, 44% in 2018, 47% in 2019 and 50.7% in 2020. Moreover, in recent years, there has been an unprecedented increase in mutual turnover with China, which accounted for 16.1% of trade volume in 2017, while by 2020 this figure had grown to 23.28%. At the same time, the share of the United States in the region's foreign trade has been gradually decreasing: from 12% in 2017 to 7.9% in 2020. Traditionally, the primary exports of the Sverdlovsk region are metals and metalware products (their share in the total volume is more than 50%), as well as engineering products and products of the chemical industry [9]. That being said, according to the Russian Export Center JSC, in 2020 the Sverdlovsk region ranked fourth in terms of non-resource exports among all subjects of the Russian Federation (after Moscow, St. Petersburg and the Rostov region). Last year the region performed

large-scale supplies of the military-industrial complex products (to Algeria and Egypt), aircraft components (to China, the USA, Uzbekistan and France), telecommunications equipment (to Kazakhstan, Belarus, Kyrgyzstan), railway equipment (to Kazakhstan, the USA and Ukraine). Because of the pandemic supplies of medical (respiratory) equipment increased 2.9 times (to Serbia, Uzbekistan, Kazakhstan, Bosnia and Herzegovina, Indonesia) [9].

Finally, although paradiplomacy of the Sverdlovsk region is fully in line with the unified foreign economic, cultural and educational policy of modern Russia, identification markers of the region remain and are traced quite clearly in the field of international relations. In particular, the *Strategy for Development of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region for the Period to 2035*, approved by the Government of the region in 2019, mentions the need to cooperate with the subjects of the Ural Federal District to develop and promote the regional brand *Made in Ural*, which will contribute to an increase in export volumes [22]. It is for this purpose that the Government of the Sverdlovsk region launched the *Made in Ural* portal for foreign economic activities of export-oriented enterprises, as well as for information support of foreign economic activities and for strengthening international ties of the region [14]. Thus, the regional authorities try to preserve the elements of regional identity in the course of paradiplomacy development in the Sverdlovsk region.

Results. In the early 1990s, the Sverdlovsk region got actively involved in paradiplomacy development. On the one hand, international relations of the region were established quite traditionally via creating the Ministry dealing with foreign economic activities, as well as via signing international agreements with foreign states. On the other hand, active development of paradiplomacy in the 1990s was based on the conflict between the federal center and the power groups of the region, whose main motivation was the desire to overcome the economic asymmetry of the Russian regions. That resulted in separatism and the rise of identity paradiplomacy building on the Ural identity. Mainstreaming the regional identity served the practical interests of elites both in internal political legitimation and in establishing

their international economic, political and cultural personality. Starting from the early 2000s, the region's paradiplomacy evolved from a conflict model towards a compromise and close cooperation with the federal center. The changes affected the legal framework, as well as the modalities of the region's international relations. The regional authorities put emphasis on holding large-scale international political, sports and cultural events along with development of foreign trade ties of the region. Despite sanctions imposed on the Russian Federation and the COVID-19 pandemic, the Sverdlovsk region managed to maintain stable indicators of foreign economic activities, which at the present stage are the crucial component of the region's paradiplomacy. Over the last years the Sverdlovsk region became

one of the leading in Russia in terms of the volume of non-resource exports, which indicates the success of the region's foreign economic policy aimed at finding new markets and developing new technologies.

NOTE

¹ The reported study was funded by RFBR and Sverdlovsk region, project number 20-414-660001 "The history of development and the evolution of the formation of international actorness of the Sverdlovsk Oblast."

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области в рамках научного проекта № 20-414-660001 «История развития и эволюция формирования международной субъектности Свердловской области»

APPLICATIONS

Table 1. The results of Governors of the Sverdlovsk region in concluding international treaties

Governor	Term	Number of concluded agreements	List of states
E.E. Rossel	August 25, 1995 – November 23, 2009	22	Armenia, Belarus, Bulgaria, China, Finland, Georgia, Hungary, Italy, Kazakhstan, Moldova, Slovakia, Tajikistan, Ukraine, Uzbekistan, Vietnam
A.S. Misharin	November 23, 2009 – May 14, 2012	1	Abkhazia
E.V. Kuyvashev	May 29, 2012 – present	9	Azerbaijan, China, Czech Republic, Kyrgyzstan, India, Iran, Moldova, Poland, South Africa

Table 2. Key Foreign Trade Indicators, million of USD in 2017–2020

	2017	2018	2019	2020
Turnover	10,640	13,144	12,002	12,282
Exports	6,925	8,570	7,352	7,636
Imports	3,715	4,574	4,650	4,645
Balance	3,210	3,996	2,701	2,991

Table 3. Key Trading Partners of the Sverdlovsk Region in 2017–2020 with Trade Turnover Exceeding 1 Million USD

Rank place	2017	2018	2019	2020
1	United States	China	China	China
2	China	United States	United States	Germany
3	Kazakhstan	Kazakhstan	Kazakhstan	Kazakhstan
4	Germany	Germany	Germany	United States
5	Greece	France	Algeria	Turkey
6	Czech Republic	Vietnam	France	Algeria
7	France	Iraq	Belarus	Egypt
8	Iraq	India	The Netherlands	Uzbekistan
9	Italy	Belarus	Czech Republic	Belarus
10	Belarus	Austria	Serbia	The Netherlands

REFERENCES

1. Akimov Y.G. Paradiplomatiia kak sredstvo vyrazheniia regionalnoi identichnosti subiektov federatsii [Paradiplomacy as a Way of Promotion of Regional Identity of the Subjects of Federations]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Administrative Consulting], 2016, no. 2, pp. 25-33.
2. Akimov Y.G. Politicheskie i pravovye aspekty paradiplomatii kanadskikh provintsiy i subiektov Rossiiskoi Federatsii: obshchee i osobennoe [Political and Legal Aspects of Paradiplomacy: Comparing Canadian Provinces and Subjects of Russian Federation]. *Via in tempore. Istoriia. Politologiya* [Via in tempore. History and Political Science], 2020, vol. 47, no. 2, pp. 397-404. DOI: <https://doi.org/10.18413/2687-0967-2020-47-2-397-404>
3. Aldecoa F., Keating M., eds. *Paradiplomacy in Action. The Foreign Relations of Subnational Governments*. London, Routledge, 2000. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315039497>
4. Andreeva E.L., Sobolev A.O., Ratner A.V. Vneshnetorgovye svyazi Sverdlovskoi Oblasti i ikh perspektivy s uchetom novykh orientirov razvitiia nesyrevegogo eksporta [International Trade Ties of the Sverdlovsk Region and Their Prospects in Terms of New Vectors of Non-Raw Export Development]. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik* [Russian Foreign Economic Journal], 2017, no. 2, pp. 55-70.
5. Busygina I.M., Lebedeva E.B. Subieekty federatsii v mezhdunarodnom sotrudnichestve [The Subjects of the Federation in International Cooperation]. *Analiticheskie zapiski Nauchno-koordinatsionnogo soveta po mezhdunarodnym issledovaniyam MGIMO* [Analytical Notes of the Scientific Coordinating Council for International Studies of MGIMO], 2008, vol. 3 (32). 31 p. URL: <https://mgimo.ru/files/12597/az-32.pdf>
6. Duchacek I. *The Territorial Dimension of Politics: Within, Among and Across Nations*. Boulder, CO, Westview, 1986. 328 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/97804293152441986>
7. Golovneva E.V. Regionalnaia identichnost: teoreticheskie aspekty izucheniia [Regional Identity: Theoretical Research Aspects]. *Uralskii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal], 2013, no. 2 (39), pp. 81-88.
8. Burov A. Istoriya «Innoproma» [History of Innoprom]. *Kommersant*, July 1, 2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4880407>
9. Itogi VED [Results of Foreign Economic Activity]. *Ministerstvo mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey sverdlovskoy oblasti* [Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region]. URL: <https://mvs.midural.ru/itogi-ved>
10. *Federalnyi zakon «O koordinatsii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey subiektov Rossiiskoi Federatsii» ot 4 ianvaria 1999 goda, № 4-FZ* [Federal Law “On Coordination of International and Foreign Economic Relations of Constituent Entities of Russian Federation” of January 4, 1999, no. 4-FZ]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&end=102057472>
11. Kaiser R. Paradiplomacy and Multilevel Governance in Europe and North America: Subnational Governments in International Arenas. *Participation*, 2003, vol. 27, no. 1, pp. 17-19.
12. Kuznetsov A.S. Integrativnaia teoreticheskaia model paradiplomatii [Integrative Theoretical Model of Paradiplomacy]. *Diskurs-Pi* [Discourse-P], 2008, no. 1 (8), pp. 154-158.
13. Lecours A., Moreno L. Paradiplomacy and Stateless Nations: A Reference to the Basque Country. *Documentos De Trabajo (CSIC. Unidad De Políticas Comparadas)*, no. 6, January 1, 2001, p. 1. URL: <http://ipp.csic.es/sites/default/files/content/workpaper/2001/dt-0106.pdf>
14. Made in Ural. *Predlozheniya Inostrannykh Partnerov* [Offers of Foreign Partners]. URL: <https://made-in-ural.ru/partner/>
15. Martyanov V.S. Ritorika identichnosti v usloviakh moderna: komu vygodno? [Modernity and the Identity Rithorics: Who Gains?]. *Sotsium i vlast* [Society and Power], 2011, no. 4 (32), pp. 61-65.
16. Michelmann H.J., Soldatos P., eds. *Federalism and International Relations. The Role of Subnational Units*. Oxford, Oxford University Press, 1990. 322 p.
17. Paquin S. *Paradiplomatie et relations internationales. Théories des stratégies internationales des régions face à la mondialisation*. Bruxelles, P.I.E.-Peter Lang S.A., Presses Interuniversitaires Européennes, 2004. 194 p. URL: <https://crepic.enap.ca/CREPIC/Publications/Lists/Publications/Attachments/49/Paradiplomatie%20et%20relations%20internationales.pdf>
18. Prezident Rossii [President of Russia]. *Pervyy sammit BRIK* [First BRIC Summit]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/4478>
19. *Postanovlenie Pravitelstva RF «O priniiatii Pravitelstvom Rossiiskoi Federatsii reshenii o soglasii na osushchestvlenie subieektami Rossiiskoi Federatsii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazey s organami gosudarstvennoi vlasti inostrannykh gosudarstv» ot 1 fevralia 2000 goda, № 91* [Decree of the Government of the Russian Federation “On the Adoption by the Government of the Russian Federation of Decisions Concerning Consent for the Effectuation by Subjects of the Russian Federation of International and Foreign Economic Relations with Agencies of State Power of Foreign States” of February 1, 2000, No. 91]. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=3&nd=102064390

20. *Razvitie eksporta v Sverdlovskoi oblasti* [Export Development in the Sverdlovsk Region]. URL: <https://www.exportcenter.ru/en>

21. *Spisok dejstvujushhijh soglashenij ob osushhestvlenii mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazej Sverdlovskoj oblasti* [The List of Existing Agreements on the Implementation of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region]. URL: <https://mvs.midural.ru/soglasheniya>

22. *Strategiia razvitiia mezhdunarodnykh i vneshneekonomicheskikh svyazei Sverdlovskoj oblasti na period do 2035 goda* [Strategy of the Development of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region for the Period up to 2035]. URL: <https://mvs.midural.ru/itogi-ved>

23. Tarasov A.G., Koksharov V.A., eds. *Region kak subiekt mezhdunarodnoi i vneshneekonomicheskoi deiatelnosti: na primere Sverdlovskoj oblasti* [The Region as a Subject of International and Foreign Economic Activity: On the Example of the Sverdlovsk Region]. Yekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 1999. 76 p. URL: <http://hdl.handle.net/10995/47136>

24. *The Constitution of the Russian Federation. Chapter 3. The Federal Structure*. URL: <http://www.constitution.ru/en/10003000-04.htm>

25. Wolff S. Paradiplomacy: Scope, Opportunities and Challenges. *The Bologna Center Journal of International Affairs*, 2007, vol. 10, pp. 141-150.

26. *Ukaz Prezidenta RF «O koordiniruiushchei roli Ministerstva inostrannykh del Rossiiskoi Federatsii v provedenii edinoi vneshnepoliticheskoi linii Rossiiskoi Federatsii» ot 8 noiabria 2011 goda, № 1478* [Decree of the President of the Russian Federation “On the Coordinating Role of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation in the Implementation of a Uniform Foreign Policy of the Russian Federation” of November 8, 2011, No. 1478]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102151702>

27. Zonova T. et al. Russian Diplomacy: Facing Regional Challenges. *Foreign Ministries: Managing Diplomatic Networks and Optimizing Value. Collection of Papers Presented at the 2006 Conference on Foreign Ministries Hosted by DiploFoundation in Geneva*. Geneva; Malta, 2007, pp. 109-119.

Information About the Author

Anna G. Naronskaya, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Chair of Theory and History of International Relations, Department of International Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, a.g.naronskaia@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>

Информация об авторе

Анна Гегамовна Наронская, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, департамент международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, a.g.naronskaia@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2489-5884>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The Editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Цели журнала:

Purposes of the journal:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

Уважаемые читатели!

Dear readers!

Подписка на II полугодие 2023 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20988.

Subscription for the 2nd half of 2023 is carried out through “The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1. The subscription index is 20988.

Стоимость подписки на II полугодие 2023 года 3132 руб. 60 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

The cost of subscription for the 2nd half of 2023 is 3132.60 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of the Journal publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

